Алтайское краевое отделение ВОО «Русское географическое общество»
Алтайский государственный педагогический университет

Алексей Сергеев

Славное Географическое

Материалы к 100-летию
Алтайского филиала
Географического общества СССР

Барнаул • 2021

УДК 908 (571.150)
ББК 26.891 (253.37)
С322

Публикация осуществлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»

Сергеев А. Д.

С322 Славное Географическое (материалы к 100-летию Алтайского филиала Географического общества СССР) / А. Д. Сергеев; редкол.: Архипова И. В., Иванченко В. Г., Щеглова Т. К. — Барнаул : Азбука, 2021. — 408 с.; илл.

В основе книги — рукопись монографии, работу над которой известный историк и краевед, действительный член РГО А. Д. Сергеев завершил в 1989–1991 гг. и которую планировал издать к столетию Алтайского филиала Географического общества СССР. Рукопись хранилась в Государственном архиве Алтайского края. В ней через становление и деятельность Алтайского отделения РГО изложена история общественного краеведения, начиная от возникновения первого Общества любителей исследования Алтая в конце XIX в., перехода алтайских краеведов в Географическое общество, специфики деятельности в годы политических перемен до воссоздания отделов Географического общества в г. Бийске, Барнауле и Горно-Алтайске в середине XX в. Показаны особенности развития региональных географических и краеведческих исследований на Алтае. Достоинство издания — развернутая панорама портретов исследователей XIX–XX вв., как широко известных в России, так и малоизвестных, чей вклад в исследование региона еще предстоит оценить. Особенность издания — акцент на роли и значении Алтайского отделения Русского географического общества в развитии естественнонаучных исследований и краеведения на Алтае.

Книга написана ярким языком, отражает эпоху и представляет интерес для широкой читательской общественности, начиная от профессиональной аудитории до любителей истории, географии и краеведения. Может использоваться в качестве учебного пособия по краеведению в образовательных учреждениях Алтайского края и Республики Алтай.

Текст публикуется в авторской редакции. В подготовке рукописи к печати, подборе иллюстраций и научно-справочного материала участвовали В. Г. Иванченко, И. В. Архипова, Т. К. Щеглова.

ISBN 978-5-93957-987-2

© Алтайское краевое отделение ВОО «Русское географическое общество», 2021
© Алтайский государственный педагогический университет, 2021
© Архипова И. В., заключительная статья, 2021
© Щеглова Т. К., вступительная статья, 2021

А. Д. Сергеев и Русское географическое общество в истории науки и общественного движения Алтайского края на протяжении XIX–XX столетий: время и люди

Предлагаемая читателю книга Алексея Дмитриевича Сергеева выходит в юбилейный год, в год 90-летия со дня его рождения, пролежав сначала в столе автора почти двадцать лет, затем еще двадцать лет — в фонде Государственного архива Алтайского края. Посвящена она исследованиям на территории Верхнего Приобья и Алтая, неразрывно связанной с историей Русского географического общества. Вместе с тем и история ее написания, и история ее издания, и личность самого автора, и время, в котором он жил и писал, так или иначе отражаются в тексте монографии, авторской исследовательской логике, интерпретациях и оценках событий и людей. И каждая из этих тем заслуживает самостоятельного внимания.

Об авторе и его времени. Родился Алексей Дмитриевич 1 апреля 1930 г. в деревне Усадьба Калужской области. Его отец, Дмитрий Егорович (1890 г. р., д. Усадьба), вместе с братом в революционном 1917-м проходил службу на Балтийском флоте. Их сопричастность событиям Первой мировой войны и революций 1917 года так или иначе повлияла на формирование семейной атмосферы и гражданской позиции. В социальной памяти семьи остались яркие эпизоды того времени. Например, о том, что отец Алексея Дмитриевича — Дмитрий Егорович — был в строю матросов на корабле и стал свидетелем встречи президента Франции Пуанкаре, когда тот приезжал в Санкт-Петербург накануне начала Первой мировой войны и посещал корабли Балтийского флота. За это он был награжден президентом Франции медалью. А в 1917 г. эту медаль Дмитрий Егорович бросил в бескозырку матроса, собирающего деньги на революцию. Это было время формирования поколений, верящих в идеалы социализма, всеобщее равенство, всеобщий труд и справедливость. Этим духом служения на благо общества были «пропитаны» все Сергеевы. Дядя Алексея Дмитриевича остался служить на Балтийском флоте, в тридцатые годы участвовал в деятельности продотрядов, за что и поплатился в 1937 г., в период большого террора.

В начале 1930-х годов семья Дмитрия Егоровича, спасаясь от голода, уехала из европейской части страны. В составе семьи вместе

с отцом, кроме родившегося в 1930-м году Алексея, выехало еще четыре человека — мать Феодосья Федотовна (1895 г. р., д. Усадьба) и братья — Иван (1923 г. р.), Георгий (1925 г. р.), Сергей (1927 г. р.). Сначала семья проживала в Казахстане (ст. Аксай), а затем перебралась на Алтай (ст. Алейская). Когда началась война, Алексею Дмитриевичу исполнилось 12 лет. А вот его старший брат, Иван Дмитриевич, имел призывной возраст, работал в Аксае на железной дороге, имел бронь. Но он поступил так, как поступали его отец и дядя. Чтобы попасть на фронт, он попросил родителей прислать ему телеграмму из Алейска, что мать больна, и тогда его отпустили в Алейск. Он же, не заходя домой, пошел в военкомат, записался добровольцем и только после этого пришел домой. А через короткое время уехал на фронт. Попал под Сталинград и прошел весь путь до победы во 2-й Гвардейской армии, закончив войну в Кенигсберге.

Эти факты биографии не являются лишними при чтении книги Алексея Дмитриевича. Его страстность, подвижничество, стремление к работе на благо общества, на благо большой и малой родины, вера в созидательность социализма так или иначе сформировались в семье и отражаются в тексте. В этом отношении можно говорить об особом менталитете советского человека, идеалы и жизненные принципы которого сегодня кому-то кажутся наивными, а кому-то — и смешными. Но это было время людей, устремленных в будущее с опорой на бескорыстное служение делу. В случае с А. Д. Сергеевым это служение краеведению, истории, исторической памяти. Без учета антропологии советскости трудно понять многие места предлагаемого читателю издания. В этом смысле сама книга является историческим источником по истории, культуре, менталитету и мировоззрению людей советской эпохи, что еще предстоит изучать непредвзято, без агрессивной критики и с признанием заслуг советских людей.

И здесь неуместны фразы, которые часто применяют к советским историкам, безапелляционно критикуя их за идеологизацию, мифологизацию или агитпроповские стереотипы. Вообще говорить о полной независимости исторической науки и историков, наверное, сложно, в том числе и в наши дни. История как наука всегда входила и входит в арсенал «скреп» того или иного государства, тесно связана с общенациональной идеей и так или иначе — с идеологией государства. Для одной части историков эта идеология становилась соб-

ственными принципами жизни и деятельности, для других — наоборот, способом утверждения иных подходов через критику господствующих. На характер научных интерпретаций исторических событий также, несомненно, оказывает влияние личный и семейный опыт. Сказать, что это плохо, будет неправильно. Более того, эти факторы развития исторической науки являются пищей для дискуссий и поисков истин в исторических реконструкциях, чем и занимаются сейчас такое новое направление исторических исследований, как антропология научной жизни, и традиционная историография. По сути, такая постановка проблемы возвращает к вечному вопросу о степени влияния личности историка на исторические реконструкции. В этом смысле любые реконструкции субъективны, и здесь как раз велика роль государства, которое позволяет или запрещает (не допускает) дискуссии. И критиковать советское государство можно именно в сфере дозволенности/недозволенности инакомыслия. В целом, завершая вопрос о взаимоотношении личности историка и текста, можно утверждать, что это не дает нам оснований говорить, что исторические исследования недостоверны и необъективны — «субъективная объективность» всегда присуща историческим исследованиям, и любой автор привносит свое мироощущение — скептическое или оптимистическое, негативное или позитивное, разрушительное или созидательное. От его мировоззрения то или иное событие может получить оценку со знаком «плюс» или, наоборот, со знаком «минус». Что касается характера историописания А. Д. Сергеева, то оно пропитано уважением к предшественникам и преклонением перед ними, их личным вкладом и вкладом Русского географического общества в изучение и сохранение наследия Алтая.

В историческую науку А. Д. Сергеев пришел через Барнаульский государственный педагогический университет, в который поступил в 1949 году и который окончил в 1953 году. Обучение в вузе дало ему многое. Во-первых, он приобрел опыт археологических исследований, так как в студенческие годы он ездил в экспедиции в составе археологических отрядов под руководством А. П. Уманского. Во-вторых, педагогический профиль вуза так или иначе повлиял на его краеведческий взгляд, сформировав творческий подход к работе со школьниками. Отдав свой долг школе (А. Д. Сергеев работал учителем средней школы в селах Повалиха и Бобровка), он в 1958 году пришел на должность директора в Алтайскую краевую детскую экс-

курсионно-туристическую станцию, в том числе одно время работал «кружковедом». В его архиве сохранились удостоверения, полученные в Центральном совете по туризму о присвоении квалификации младшего инструктора пешеходного туризма на основании постановления президиума Алтайского Совета по туризму от 20.06.1963 и удостоверение на звание младшего инструктора пешеходного туризма на основании постановления Президиума совета Алтайского края по туризму от 29 марта 1963 г., а удостоверении № 4 от 1 января 1967 г. выдано ему как члену краевого совета по туризму.

Работая и в школах, и на станции туристов, он вел разноплановую деятельность: организовывал турпоходы, создавал школьные музеи, собирал этнографические экспонаты, проводил археологические раскопки, собирал конференции школьников, писал в газеты. Именно эта широта интересов, умений и навыков способствовала формированию у него краеведческого мировоззрения — как в методическом отношении (проектные технологии краеведения в организации исследовательской работы со школьниками), так и в широте познания истории Алтая — от первой плавки Демидова на Алтае в XVIII в. до создания оросительной системы на Алтае в XX веке. Именно его опыт организации и проведения туристических походов позже вылились в подготовку таких изданий, как «Факел поколений» (1970, 1977) и «Память эпохи» (1982) с разработкой туристических маршрутов, большинство которых пролегало по местам боевой славы, по следам Колывано-Кузнецкой оборонительной линии, по маршрутам исследователей Алтая в XVIII — начале XX столетий.

Интерес к истории Русского географического общества, куда А. Д. Сергеев вступил в 1964 г. (удостоверение от 18 апреля), возможно, возник не случайно, а связан с его работой в сфере школьного туризма, в том числе с разработкой информационного сопровождения маршрутов по следам известных путешественников и исследователей Алтая. Уже в 1968 г. появилась его совместная с Н. А. Камбаловым книга «Первооткрыватели и исследователи Алтая» (Барнаул: [Алт. кн. изд-во], 1968. 72 с.: ил.). Этот интерес стал темой его диссертационного исследования «История Алтайского края в трудах исследователей и путешественников (конец XVIII — первая половина XIX в.)», которую он защитил экстерном 5 октября 1973 г. по специальности «07.00.09 — историография и источниковедение» в диссертационном совете Томского государственного университета

им. В. В. Куйбышева, проведя масштабные изыскания в фондохранилищах архивов и библиотек – Государственного архива Алтайского края (ГААК), Центрального государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург), Министерства иностранных дел, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Московского общества испытателей природы, архивов Красноярского края (ГАКК), Томской, Омской областей (ГАТО, ГАОО).

Защита диссертации позволила А. Д. Сергееву перейти в 1974 г. на работу в Барнаульский государственный педагогический университет, совмещая это с чтением курсов в Алтайском государственном университете (АлтГУ). В те годы, да и сейчас именно вузы Алтайского края, в отсутствие на его территории академических научно-исследовательских институтов гуманитарного профиля, являются научными центрами региона. Это дало А. Д. Сергееву больше свободы и возможности заниматься наукой. В последующем Алексей Дмитриевич продолжал исследования по истории Алтая, в том числе деятельность путешественников и изобретателей. Благодаря его архивным изысканиям были опубликованы новые материалы о таких ученых и путешественниках, как И. Г. Леубе, П. С. Паллас, Г. И. Спасский, А. Гумбольдт, А. М. Горохов, А. А. Шангин, А. И. Кулибин, П. А. Чихачев, Н. Н. Баранский и др.

О деятельности А. Д. Сергеева в Алтайском отделении Русского географического общества и написании книги «Славное географическое». Деятельность А. Д. Сергеева в Алтайском отделении РГО и изучение им истории РГО и деятельности исследователей, внесших вклад в изучение Алтая, взаимосвязаны. Информация достаточно полно отражается в личном фонде Р-1781 «Сергеев Алексей Дмитриевич» (ед. хр. № 335–340) В письме к президиуму Алтайского филиала Географического общества АН СССР он пишет, что 18 апреля 1964 г. вступил в Общество в г. Бийске, стал одним из основателей Барнаульской секции Алтайского отдела Географического общества СССР. Уже в 1978 г. в г. Барнауле он был избран ученым секретарем Алтайского филиала. Он пишет, что все члены филиала в это время «искали пути изучения родного края», а географическое общество «имеет возможность развивать научный потенциал на рациональном использовании природных богатств края в интересах человека». Почти клятвой звучат его слова: «В дальнейшем я не буду прятать своего пера, и буду способствовать развитию Алтайского крае-

ведения» [Устав Географического общества России (1991)][1]. Именно в эти годы он погрузился в деятельность Алтайского филиала Русского географического общества. Сохранились отчеты о деятельности, протоколы заседаний, решения и резолюции филиала. А. Д. Сергеев подробно описывает сессии Алтайского филиала РГО, посвященные научной деятельности Ф. В. Геблера (1985), В. В. Сапожникова (1986) и др. А в отчете о работе Барнаульского отдела Географического общества СССР за 1977 г. (ед. хр. № 336) на 113 листах фактически им написана история создания Алтайского филиала РГО и его деятельности. В этом же русле анализа истории деятельности РГО на территории края написаны тексты докладов А. Д. Сергеева на общих собраниях Алтайского отделения Русского географического общества.

Возможно, идея написания истории деятельности РГО на Алтае была интегрирована им из длительной работы по истории исследований на Алтае и из опыта практической работы в Алтайском отделе РГО. А отчет о работе Барнаульского отдела Географического общества СССР за 1977 г. можно считать стартом написания данной монографии, завершение которой растянулось на несколько десятилетий. В ее содержании отразились эпоха, в том числе массовое общественное движение, благодаря которому активизировались краеведение и общественные организации.

В 1970–1980-е годы, годы написания А. Д. Сергеевым истории деятельности Русского географического общества на Алтае, советское общество имело важный положительный опыт общественно-государственного партнерства в реализации масштабных проектов по изучению, сохранению и популяризации природно-географического и историко-культурного наследия всей страны и отдельных регионов. Большой вклад вносили две общественные организации — Русское географическое общество (РГО) и Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК)[2]. В 1960–1980-е гг. это были самые массовые общественные организации с большим количеством коллективных членов и значительными финансовыми поступлениями от взносов, направлявшимися на восстановление, реставрацию и благоустройство архитектурных и исторических па-

[1] ГААК. Ф. Р-1781. Оп. 1. Д. 340. Л. 6–7.

[2] Создано в соответствии с постановлением Совета министров РСФСР «Об организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» (№ 82 от 23.07.65 г.). Учредительный съезд ВООПИиК состоялся в июне 1966 г.

мятников, на исследования природы и экологии. Благодаря структуре этих общественных организаций — от съездов, президиумов и центральных советов до создания разветвленной сети их структурных подразделений в субъектах Российской Федерации, в том числе в городах субъектов Российской Федерации — они объединяли креативных людей, по зову души и сердца участвующих в их деятельности. Членом этих обществ был и А. Д. Сергеев — не только участник, но инициатор многих мероприятий; он был представителем алтайских отделений РГО и ВООПИиК на всесоюзных съездах.

Завершение же рукописи и попытки ее издания выпали на годы перемен — вторую половину 1980-х — 1990-е годы. То, насколько сложно это далось автору, отразилось в пророческом эпиграфе книги: «Посвящается памяти краеведов, не по своей вине не увидевших результатов своей деятельности». Рукопись хранилась в первом разделе рукописей личного фонда А. Д. Сергеева (ед. хр. № 1–223), где первые 16 единиц хранения включают печатные и рукописные варианты монографии «Славное географическое (материалы к 100-летию Алтайского филиала Географического общества)». Сохранилось несколько вариантов рукописи, датированных 1978–1993 гг., в которых название и структура работы претерпевали изменения (ед. хр. № 15, 16).

И здесь уместно обратить внимание на происходящее на наших глазах изменение форм наследия, которое оставляют после себя деятели науки. Можно сказать, что завершается эпоха письменного документа, когда исследователь фиксировал все ручкой на листе бумаге, в блокноте, тетради, альбоме. Сейчас мало кто использует запись вручную — все перешли на компьютерную технику, которая, с одной стороны, ускоряет работу, с другой стороны, приводит к неряшливости и торопливости в процессе умственного труда и снижению культуры письма. Уходит ответственность за тексты, публикации, статьи. Теряется вкус к буквам, словам, предложениям, тексту в сравнении с эпохой, когда исследователи садились за письменный стол перед чистым листом и переносили на бумагу уже продуманный вызревший текст, получая удовольствие от самого процесса письма и умственной деятельности. Алексей Дмитриевич был именно таким исследователем-писателем, который писал со вкусом. На его письменном столе всегда лежали стопка машинописных листов и чернильная ручка. Начинал он работу с чистого листа, структури-

руя и формируя текст, как полководец организует войско во время сражения. И делал он это с таким вкусом, что легко было заразиться его «аппетитом» к творческой письменной работе. Предпочитал перьевые авторучки шариковым, что давало ему особое удовольствие при работе. Уже будучи на пенсии, он любил после ежедневной энергичной утренней прогулки по улицам барнаульского поселка Южного вернуться к письменному столу и, потерев от удовольствия руки, сесть «марать» чистый лист своими планами и текстами.

Особенностью стиля его письма был особый запал, эмоциональность, будто он беседовал или спорил с невидимым, но предполагаемым и даже знакомым ему читателем. Поэтому в рукописях и текстах А. Д. Сергеева встречается смешение устной и письменной речи, проявляется горячность автора, его страстность в обсуждении исследуемого вопроса. Порой оригинальная авторская позиция затрудняет восприятие текста, особенно в той части, где он философствует. А философствовать он любил. Вместе с тем благодаря его привычке всё записывать и комментировать (на полях программок научных конференций, на полях брошюр и книг, в полевых тетрадях, во время заседаний общественных организаций на текстах своих выступлений) остался большой рукописный авторский архив, который является уникальной ценностью для тех, кто готов заниматься историей научной и общественной жизни регионального общества.

К этому наследию относятся и неопубликованные рукописные материалы, в том числе по подготовке монографии об истории Алтайского отделения РГО. В архивном фонде сохранилось несколько вариантов монографии. Они отражают работу автора над текстом и позволяют заглянуть в исследовательскую лабораторию историка, увидеть поиск им структуры работы, формирования источниковой базы, выбора методов исследования, научную логику, выделение им тех или иных событий и личностей в истории. При подготовке книги А. Д. Сергеев изначально рассчитывал на помощь РГО в ее издании и финансировании его поездок для работы в архивах, так же как на протяжении всей своей деятельности он получал финансовую поддержку РГО в проведении полевых исследований с вывозом студентов в экспедиции. В документе от 20 августа 1980 г. А. Д. Сергеев формулирует предложения президиуму Алтайского отделения Географического общества по созданию истории или написанию очерка под заголовком «Алтайский филиал Геогра-

фического общества СССР (Очерк истории 1891–1981)» объемом в 10–12 п. л., приурочивая ее издание к 90-летию Алтайского филиала осенью 1981 года. Для подготовки «Очерка» им планировалось проведение командировок в Ленинград (в архив Географического общества), Омск[1]. В качестве приложения к предложению им был подготовлен проект «Очерка» из Введения и 2 частей (Часть 1. Научное общество на Алтае; Часть 2. На службе социализма) из 7 глав (Глава 1. История исследования Алтайского края. Исторические предпосылки создания научного общества. Сиб. Отдел. Зап-Сиб отдел; Глава 2. Общество любителей исследования Алтая; Глава 3. Алтайский подотдел Русского географического общества. 1902–1917; Глава 4. Государственное географическое общество 1917–1941; Глава 5. Алтайский отдел. На службе социализма 1956–1978; Глава 6. Алтайский филиал 1978–1981; Глава 7. Перспективы развития), примечаний и библиографии[2]. В течение сентября 1980 г. автор продолжал работу над структурой будущей монографии. 28 сентября появляется вариант структуры уже с 9 главами (структурирован современный этап, появляются главы по работе отделов в Бийске и Рубцовске) и вычеркивается примечание[3]. На этом попытки встретить девяностолетие Алтайского отдела Русского географического отдела изданием очерка по истории его деятельности заканчиваются.

Вновь к работе над структурой монографии по истории РГО на Алтае А. Д. Сергеев возвращается в сентябре 1984 г. В варианте структуры от 16 сентября 1984 г. внесены отдельные правки в последний вариант от сентября 1980 г. и выделена часть 3 «Содружество науки и практики», в которую автор выносит всю современную ему деятельность филиала. Этот вариант монографии предполагалось подготовить и издать уже к столетию Алтайского филиала Русского географического общества, а хронологические рамки работы продлены до 1991 года[4]. Продолжая работу в течение 1985 г., А. Д. Сергеев в начале ноября приходит к структуре монографии с предисловием, тремя главами (вместо разбивки на части) с названиями в варианте от 1984 г. и примечанием, в котором должен быть опубликован список действительных членов на 1.09.1996.

[1] ГААК. Ф. Р-1781. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.
[2] Там же. Л. 3.
[3] Там же. Л. 7.
[4] Там же. Л. 9.

Новое название «Славное Географическое (Очерк истории Алтайского филиала Географического общества АН СССР: 1891–1991)» появилось на очередном этапе переработки монографии весной 1987 года. В мае 1987 г. у А. Д. Сергеева появляется очень интересная, но, к сожалению, не реализованная идея «сделать бы авторское отступление в отдельных периодах», которые включали бы воспоминания или мнения членов Алтайского филиала РГО, а также иных структур. В частности он планировал опросить И. В. Верещагину[1], «что она вообще помнит; о своем отце, его работе, творчество, вклад в ГО... Как она восприняла, что создается ГО в Барнауле, и что было перед этим. Изложения. Люди с ее взгляда... Как теперь изменилось... Как она понимает деятельность ГО, ее членов»[2]. Были идеи опросить ученого секретаря Географического общества в Ленинграде Л. И. Сенура: «Какое его впечатление об Алт. (Барн.), заметно ли тогда было...»[3]. Также планировалось опросить ряд членов Алтайского филиала Географического общества (Топорова, Костникова, Севастьянова)[4]. К началу 1989 г. структура монографии дополняется четвертой главой под названием «Второе столетие», которая должна была включать сведения о деятельных членах общества, а также итоги работы и перспективы развития, раскрытые в интервью с председателем президиума Алтайского филиала. Появляется еще один вариант названия работы: «Славное Географическое. Алтайский филиал географического общества за 100 лет». Предполагалось составление «Приложения» включающего «Список действительных членов Алтайского филиала», «Хронику Горно-Алтайского отдела», а также «Хронику Бийского отдела»[5].

В окончательном авторском варианте (1989–1991 гг.) монография имеет две части. Предлагаемое читателю издание подготовлено на основе машинописной рукописи 1991 года (Сергеев А. Д. Славное географическое (материалы к 100-летию Алтайского филиала Географического общества СССР). Барнаул, Алт. кн. изд-во. 1991 г.)[6]. В нем автором освещаются предпосылки создания Географическо-

[1] Ирина Верещагина – дочь В. И. Верещагина.
[2] ГААК. Ф. Р-1781. Оп. 1. Д. 15. Л. 13.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] ГААК. Ф. Р-1781. Оп. 1. Д. 15. Л. 32, 34–35.
[6] ГААК. Д. 1–16.

го общества (1845), определена роль научно-исследовательских экспедиций М. В. Певцова, Н. М. Ядринцева, И. Я. Словцова, Д. А. Клеменца, Г. Е. Катанаев, А. В. Адрианова в развитии краеведческого движения. Особое значение придается статистическим исследованиям и работе данных отделов в изучении региона (ед. хр. № 6). Здесь же дано описание приезда в г. Барнаул в 1921 г. П. К. Козлова (1863–1935), путешественника, военного географа, этнографа, археолога, исследователя Монголии, Тибета и Синьцзяна, привнесшего оживление в научную жизнь на Алтае. Особое внимание А. Д. Сергеев уделяет проведению Первой губернской краеведческой конференции (24–27 февраля 1925 г.), в результате которой «алтайские краеведы были организационно объединены, так как было создано местное Бюро краеведения, и они все вместе вошли в большую семью советских краеведных организаций». Подробно Сергеев останавливается на активной работе членов Общества, трудившихся во второй половине 1960-х гг.: Ф. Б. Бакшта, Э. А. Ирисова, Б. Х. Кадикова, А. П. Кучина, А. М. Малолетко, Г. И. Панаева и др. Наряду с достижениями Алтайского филиала РГО Алексей Дмитриевич отмечает деструктивные явления, а именно однонаправленность краеведческих исследований (обеспечение нужд советского строительства), огосударствление общественной жизни, разобщение краеведов, гонения, фальсификации дел, репрессии краеведов 1930–1940-х гг. (ед. хр. № 7).

Стиль изложения и язык монографии отражают личность автора: ему был близок дух людей, которых он ввел в исследование. И сам он по своему духу соответствовал их высокому бескорыстию в деле изучения и популяризации природно-географического и историко-культурного наследия Алтая и сопредельных территорий. Неуемное желание путешествовать и открывать, описывать и созидать — это те качества, которые объединяли и объединяют всех участников деятельности Русского географического общества. Выбранный же им эпиграф еще раз напоминает о большом потенциале краеведения — слишком много ему не удалось по разным причинам сделать. Но благодаря сплаву его масштабных архивных и полевых исследований он сформулировал много «завещательных предложений», которые сейчас воплощаются молодыми исследователями. Например, он писал о Е. П. Клевакине, что «этот краевед нуждается в том, чтобы созданные им источники нашли своего исследователя-интерпретатора». Такие исследователи появились — сложил-

ся исследовательский коллектив молодых историков, которые подготовили и издали наследие Клевакина; ими был составлен и издан справочник чиновников Алтайского горного округа, многие из которых и по делу службы, и в соответствии со своей гражданской позицией внесли лепту в его изучение[1].

Любой вдумчивый читатель найдет в этой книге много перспективных идей для своих исследований, предложенных путей-дорог в еще неизведанное прошлое Алтайского края, призыв присоединиться к делу предшественников, которым посвящена книга.

В завершение необходимо заметить: «Славное географическое» является второй изданной рукописью из наследия А. Д. Сергеева. Первой была монография «Мир краеведения»[2]. Эти два издательских проекта позволяют говорить о культуре памяти регионального сообщества, его бережном отношении к историко-культурному наследию Алтая, частью которого являются и неизданные работы региональных исследователей и краеведов. Вышла она благодаря тесному сотрудничеству историков и географов, государственных учреждений и общественных организаций. Особенно большой вклад внесли Алтайский государственный педагогический университет, с которым была связана профессиональная деятельность А. Д. Сергеева, и Алтайское отделение Русского географического общества, с которым была связана его общественная и научная деятельность. Важное значение имела грантовая поддержка администрации Алтайского края[3]. Этот проект свидетельствует о консолидации административных, общественных и научных сил, используя определение А. Д. Сергеева — «краеведных сил», заинтересованных в изучении и популяризации природного и историко-культурного наследия региона. Этот проект подтверждает его же слова: «Краеведение есть вечное явление»[4].

Татьяна Кирилловна Щеглова

---

[1] Бабарыкин Б. В. Справочник личного состава чиновничества Алтая (1747–1917) [Текст] / Б. В. Бабарыкин, А. А. Пережогин; науч. ред. П. А. Афанасьев. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 270 с.; Дневники (1864–1886): сборник документов / отв. ред. П. А. Афанасьев, сост. П. А. Афанасьев, А. А. Калашников. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 512 с.

[2] Сергеев А. Д. О краеведении Алтайского края: Теория, история, практика / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: БГПУ, 2008. 196.: ил.

[3] Грант губернатора Алтайского края в сфере туризма в рамках проекта «Серебряное ожерелье Алтая» Алтайского краевого отделения Русского географического общества.

[4] Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины — 25 лет / сост. В. П. Кладова. Барнаул: РИО АКУНБ, 2015. 166 с.

Посвящается
памяти краеведов,
не по своей вине
не увидевших результатов
своей деятельности.

Введение

Постановка задачи: преемственность проблем и непрерывность истории филиала • Источники исследования и историография темы • Периодизация истории филиала

Отмечая юбилей Алтайского филиала Географического общества, необходимо обернуться назад от его начала и обозреть, хотя бы вкратце, предыдущую историю. Это закономерно: никак нельзя считать, что 100 лет назад на пустом месте был заложен фундамент нашего филиала. До того уже имелась организация, частью которой стал Алтайский отдел, и предшественники, на плечах которых мы выросли.

Не далеко ли отодвигается начало? Далеко, если не ограничивать временны́е рамки: географические открытия, изучение земли и познание отдельного края начались в необозримо далекие времена. Мы же представляем на рассмотрение определенную историю начиная с 1845 года.

Не громко ли говорить о корифеях географической науки? Нет, ибо мы вправе вписать в начало организованного географического изучения Алтайского края такие замечательные имена, как Г. И. Спасский, Г. П. Гельмерсен, Е. П. Ковалевский, П. А. Чихачев, П. И. Небольсин, Ф. В. Геблер, В. В. Радлов, П. П. Семенов-Тян-Шанский, С. И. Гуляев! Одни из них прошли научно-географическую практику на алтайской земле, заложили основы и стояли у истоков Русского географического общества. Другие здесь, на Алтае, стали первыми членами Общества, отдали ему свои знания и жизнь, ста-

ли признанными классиками русской науки и краеведения. Благодаря их деятельности мы имеем возможность проследить преемственность зарождения, становления и развития алтайского краеведения и работы местной организации Географического общества.

За сто лет, прошедших после официального образования отдела, происходил ряд организационных и структурных изменений, даже перерывов в формальной работе Общества, но и в те годы отдельные члены, краеведы-энтузиасты не прекращали своей деятельности, поддерживали традиции славного Географического общества. Вынося эту книгу на суд членов Географического общества, автор счел необходимым обговорить проблему преемственности и, таким образом, непрерывной истории Алтайского филиала. Философская подоплека такого подхода здесь видна: как досоветские русские исследователи, так и советские краеведы, общественники, ученые выработали, сохранили и унаследовали благородные традиции отдачи всех сил изучению своей Родины, просвещению масс, переносу знаний в сферу непосредственной практики, служению народу. Созидательный пафос личной деятельности для общественного блага — вот нравственная основа членов Географического общества во все годы его существования.

Наш филиал органически входит в общесоюзное краеведческое движение, и мы полностью разделяем озабоченность состоянием краеведения, высказанную активистами Советского фонда культуры на всесоюзном семинаре-совещании: «Отечественное краеведение прошло славный и одновременно драматический путь. Многие страницы его истории забыты и многие традиции утрачены. Утоление жажды современников узнать Правду истории и проникнуть в мир Природы, собирание и сохранение крупиц бесценного народного опыта для будущего — высокая и благородная задача краеведения, главный стимул деятельности каждого краеведа. Именно краеведение способствует восстановлению нарушенных связей между обществом и природой, прошлым и настоящим» (см.: Обращение к краеведам Советского Союза. Москва, 14 декабря 1988. СФК).

Строгий критик найдет в книге недостатки. Это неизбежно. Пока не было книг о нашем сюжете, поэтому автор вынужден обговорить отдельные положения. Речь идет об истории Алтайского филиала Географического общества. Но не снимается тема общегеографического изучения Алтайского края и, даже несколько шире, — юга

Западной Сибири. Это задача членов Общества, их, как говорится, уставная обязанность. Но изучение шло не только в общегеографическом отношении, члены Общества любителей исследования Алтая занимались этнографией, археологией, статистикой, обществоведением. Так было заложено и так перешло в наше время. И это замечательно: наши корифеи передали нам разносторонность интересов, не узкоспециализированный, не сугубо профессиональный подход к проблемам Алтайского края. Следовательно, нельзя ограничиваться только описанием внешней стороны деятельности Общества — его заседаний, повестки дня, формального членства, отчетности.

Далее. Алтайский край служил объектом изучения для Русского географического общества в целом, сюда приезжали экспедиции из центра, от имени Западно-Сибирского отдела, от университетов. Во многие из них сотрудники Алтайского отдела включались участниками, в других случаях были консультантами, но всегда способствовали работе подобных экспедиций. Здесь проблема: могут ли названные события быть частью истории Алтайского филиала? Да, несомненно.

Еще один аспект. Члены Географического общества, его президиум, ученый совет проводили и проводят большую научно-общественную работу, они являются инициаторами многих научных, хозяйственных, общественных тем, вносят различные предложения, дают заключения, осуществляют экспертизу многих дел, которые решаются не непосредственно Обществом, а другими организациями. Кстати заметить, члены Общества, как правило, раньше служили и теперь служат в этих учреждениях, работают в них. Спрашивается, исключать ли такую деятельность из официальной истории филиала? Географическое общество руководило и руководит подобным движением.

Поэтому автор решил включить в содержание книги не только сюжет о предшественниках, но многие другие темы и рассматривает их не в узко локальном их понимании. Одновременно с тем дается возможность благожелательному критику подсказать варианты для создания в будущем полноценной истории филиала.

Нельзя не сделать кратких и беглых заметок о созревании необходимости написания книги и условий для этой работы. Вскоре после образования Алтайского филиала в «Алтайской правде» (№ 277 от 2 декабря 1976 года) появилась статья (авторы Ю. Винокуров,

И. Верещагина, А. Сергеев) с изложением основных моментов истории Общества. Затем летом 1980 года автор обратился к новому составу президиума филиала с предложением отметить 90-летие Общества и разработать его историю. Предложение не вызвало энтузиазма, хотя в декабре следующего года прошло немногочисленное собрание с постановкой доклада о 90-летии. Несколько позже, 27 мая 1983 года, по инициативе обновленного президиума состоялось собрание географов и краеведов в краевом музее. Автору было поручено выступить с новым докладом (одновременно с докладом Т. И. Вараксиной) — «О роли Географического общества в создании краеведческого музея». Это — важнейшая страница истории Алтайского филиала, подчеркивалось на собрании. Основное содержание доклада опубликовано в виде статьи «Географическое общество на Алтае» (в кн.: Родная природа. Сб. статей, рассказов и стихов о природе Алтая. Барнаул, 1983. С. 90–97). Позже в интервью «Славное географическое» (Алтайская правда, № 275 от 28 ноября 1986 года, с. 4) вновь возникла необходимость напомнить о 95-летии нашего филиала, но только на заседании президиума в марте 1986 года было принято решение о праздновании столетия Общества в 1991 году и о написании его истории.

Несколько слов об источниковой базе.

В Государственном архиве Алтайского края сохранились два фонда, один, фонд Д-81, содержит «дела» досоветского периода филиала, второй — фонд Р-140, где собраны документы за первое тридцатилетие советской власти. В них более сотни единиц хранения. Здесь подшиты книги протоколов общих собраний, индивидуальные списки об уплате членских взносов, есть сведения о работе по формированию «Алтайских сборников» и их изданий, сохранилась переписка отдельных членов Общества, обращение совета подотдела в государственные учреждения по текущим делам. Можно найти фрагменты научных докладов, записок, отчетов. Документы дают основной и довольно разнообразный материал для составления исторического очерка. Но их недостаточно. Известно, что с 1920 года Губнаробраз национализировал музей и библиотеку вместе со зданием, а это все было создано членами подотдела и подотделу принадлежало. Библиотека была расформирована в Губархив, в другие библиотеки, туда же ушли и годовые отчеты, переписка отдела, все документы, т. е. архив самого Общества. Значительную

часть материалов переместили в краевой центр, в Новосибирск. После разбора остатков оказалось, что 12 тыс. экземпляров превосходной библиотеки исчезли, архивные папки поредели, не оказалось подготовленных к печати книг, научных докладов, подлинников, ответов на различные анкеты Общества. Например, был подготовлен к печати 13-й том «Алтайского сборника», там была статья А. М. Топорова «Социализм на Журавлиной согре (коммуна «Майское утро»)», статья П. М. Юхнева «Памяти С. П. Швецова» и другие рукописи. Пока они не обнаружены. Два названных фонда содержат свидетельства о жизни Общества за сорок первых лет, но они формировались, кажется, случайно, в них нет системного подбора материалов, как, собственно, нет и погодовой подшивки документов. В одной папке можно встретить рядом не только источники разных сфер деятельности (скажем, квитанцию о приеме членских взносов и письмо в общество естествоиспытателей), но и разных лет и даже эпох. В «деле» 36 фонда № 81 собраны описания сел за 1900 год миссионера Степана Ивановского и за 1911 год учителя Алексея Шубина, но здесь же подшита программа «К вопросу о монографическом обследовании хозяйства», относящаяся ко времени колхозного строительства. Программа не имеет даты, и нахождение ее в папке 1906–1911 гг. случайное, но подобный случай не единичен. Только протоколы заседаний совета Общества записаны в отдельные тетради и имеют строго временно́е построение.

Большим дополнением служат дела других фондов ГААК, особенно фонда 29 — управления землеустройства, фонда 4 — Главного управления Алтайского округа, фонды межевых партий, в которых подшиты формуляры на служащих учреждений — членов Географического общества. Другим источником является фонд Р-288, здесь сосредоточены дела Алтайского краевого краеведческого музея с 1920 по 1957 годы. До 1920 года музей был составной частью отдела Географического общества, а затем сотрудники музея (обязательно члены Общества) оказались в системе народного образования. Отдельные документы дают возможность проследить деятельность совета Алтайского географического общества. Личные дела некоторых руководителей Общества в начальные годы советской власти можно извлечь из фондов Р-290, 292, 293, 294, в которых отложены дела Архивного отдела с 1919 по 1937 годы (на Н. С. Гуляева, Г. Д. Няшина и др.).

Обязательно следует напомнить, что в ГААК есть несколько личных фондов членов Географического общества. В отделе дореволюционных фондов сохранились «дела» на С. И. и Н. С. Гуляевых, П. Е. Семьянова (№ 132), Е. П. Клевакина (№ 77), Г. Д. Няшина (№ 136), В. М. Вершинина (№ 129); из фондов советского времени укажем на «дела» А. С. Пораделова (№ 1517), В. И. Верещагина (№ 1538), А. Н. Пораделова (№ 1542), Н. Я. Савельева (№ 232), П. Казанского, Ф. Бояринцева, М. Розена и ряда других членов Алтайского отдела. Есть личные фонды алтайских краеведов (не членов Общества). Личные фонды содержат сведения не только о биографиях их держателей, они также обогащают наши знания об истории Географического общества.

Письменные источники, документы о работе Алтайского филиала имеются в Научном архиве при ученом совете Географического общества СССР в Ленинграде (НАГС СССР). Там в разных фондах (в этом архиве дела фондодержателей расположены совокупно и погодно) есть дела Алтайского отдела, но лишь за два десятилетия после присоединения его к Географическому, т. е. на начало XX столетия, а затем — с 1956 года. Следует заметить, что в НАГО СССР отложились в основном годовые отчеты, случайные справки, случайная переписка. Протоколов собраний, отдельных докладов, отчетов о научных командировках, каждодневной переписки фактически нет. Их надо искать в личных фондах: № 18 — П. К. Козлова; № 60 — П. Г. Игнатова; № 61 — В. В. Сапожникова; № 15 — С. С. Неустроева; № 58 — П. П. Семенова-Тян-Шанского и других, или в папках «Переписка УС» по разным годам. Это слишком затрудняет разработку истории филиала, особенно за советский период. Дело в том, что государственные архивы исключили из своей номенклатуры местные отделы Географического общества, то есть «дела» Географического общества с 1930-х годов в госархивы не передаются. Все деловые бумаги, переписка, протоколы собраний, документы секций и т. п. — всё это должно храниться в местном отделе, должен быть собственный архив филиала. Но условий для его создания нет, поскольку сами отделы ютятся в случайных кабинетах разных учреждений. В Научный же архив в Ленинграде попадают лишь годовые отчеты, сухой перечень дел, отрывочные данные, отдельные бумаги.

Сохранились письменные источники о нашем филиале еще в двух государственных архивах — в Омском областном и в Новосибирском областном. В Государственном архиве Омской области в

фонде 86 — Западно-Сибирский отдел Русского географического общества — есть восемь единиц хранения с материалами об образовании Алтайского подотдела и о первых годах его существования; подшиты письма отдельных исследователей — С. П. Швецова, А. В. Адрианова, П. Г. Игнатова, С. Л. Чудновского, Е. Ф. Шмурло, Д. М. Клеменца, С. И. Гуляева, большая переписка Ядринцева, Потанина. Сведения более или менее известные, но первоисточники ценны деталями. Очень много документов и материалов хранит фонд Р-217 в Новосибирске, это «дела» Общества изучения Сибири и ее производительных сил, оно действовало в 1925–1931 годах. Это была своеобразная научно-краеведческая ассоциация, куда филиально входили (и подчинялись) сибирские отделы Географического общества, музеи Сибири, метеорологические станции, научно-исследовательские объединения. Фонд имеет свыше 250 единиц хранения, сохранились «дела» по организации экспедиций на Алтае (№ 45), списки делегатов I Сибирского научно-исследовательского съезда, на котором было несколько делегатов от Алтайского географического общества (№ 31–33), их доклады (№ 24–27); полностью имеется отчет Алтайского отдела Государственного географического общества за 1927–1928 годы (№ 76). В фонде есть «дело» о предварительном отчете экспедиции профессора Тронова по исследованию ледников и рек Алтая (№ 109), отчеты Алтайской этнологической и лингвистической экспедиции 1928 года (№ 113), сведения о Барнаульском музее. Фонд содержит неопубликованные статьи членов нашего отдела (№ 232, 236, 240, 248 и др.). Настоящий фонд требует специального изучения, но извлечения из него позволяют значительно расширить картину деятельности Алтайского географического общества, его вклада в изучение производительных сил не только Алтайского края, но и Западной Сибири.

В том же архиве есть отдельные сведения о работе Алтайского отдела, о состоянии краеведения, особенно школьного, о работе Барнаульского и Бийского музеев в фондах № 47 — исполком Западно-Сибирского краевого совета, № 61 — отдел народного образования, в фонде СибОНО при Сибревкоме (№ 1053). Заслуживает отдельного упоминания фонд Р-998 ГАНО — редакция Сибирской советской энциклопедии. Сравнительно доступны изданные в начале 30-х годов три тома Краеведческой энциклопедии, в них есть краткие справки об Алтайском отделе нашего Общества (т. 1), о его вид-

ных членах — Д. И. Звереве, В. И. Верещагине, С. И. Гуляеве, Клеменце и некоторых других; есть толковая статья «Краеведение» (т. 3), статья о научно-исследовательской работе, о музеях, по истории и этнографии. В фонде сохранились оригинал и корректура 4-го тома, а также подготовленная к изданию рукопись 5-го тома, т. е. статьи от буквы О до Я. Здесь много данных об авторах отдельных статей, а они все члены Общества. Источники из ГАНО существенно дополняют сведения по истории Алтайского географического общества конца 20-х — начала 30-х годов.

Существует самостоятельный вид источников по истории нашего филиала — печатные отчеты совета Общества любителей исследования Алтая и совета подотдела с начала возникновения Общества по 1904 год включительно. Они выходили отдельными брошюрами. Отчет за первый год помещен в «Алтайском сборнике» № 1. Печатные отчеты совпадают с рукописными в фонде 81 ГААК; в рукописи есть разночтения, дополнения, коррективы текста, но некоторых докладов на общих собраниях в ГААК не сохранилось. Так, очень важным является изложение сообщения М. К. Барсова «О толкновении между калмыками и русским населением в Горном Алтае летом 1904 года» на общем собрании подотдела от 1 ноября 1904 года, а также ежегодные списки членов Общества, по которым видно движение членства. В последнем, XII томе «Алтайского сборника» (Барнаул, 1930; 600 экз.) опубликован «Краткий отчет тридцатипятилетней деятельности Краеведческого общества в Барнауле. 1891–1926 гг.» (с. 87–91), «Отчет о деятельности АОРГО за 1926–27 гг.» (с. 93–95), «Отчет о деятельности АОРГО за 1927–28 гг.» (с. 96–97). Изданные отчеты общедоступны, хотя опубликованы в количестве 200 экз. каждый.

Нельзя обходить печатную продукцию. В «Известиях» и «Записках» центрального Географического общества и его Западно-Сибирского отдела, затем в «Алтайских сборниках» Алтайского подотдела, наконец в «Известиях» Алтайского отдела (60-е гг.), в многочисленных тезисах к научным конференциям в 70–80 годах помещено много статей, научных сообщений членов Общества, резолюций конференций, сведения о полевых экспедициях. Эти сборники и статьи, собственно, есть публичный отчет о научной работе Общества, о научных интересах отдельных членов.

Наряду с кратким обзором источников (они должны стать темой самостоятельной разработки), исключая библиографию (пред-

полагается создать отдельную книгу), нельзя избежать проблемы периодизации истории филиала. Автор при этом исходил из основной и главной посылки — преемственности работы организованных алтайских краеведов и географов с 1891 года. Трудно согласиться с трактовкой некоторых руководителей Бийского отдела (настоящая книга работалась во второй половине 80-х годов), которые начинают историю Алтайского географического общества с воссоздания его в 1955 году. Подобные недоразумения приходилось разъяснять, как оказалось, уже не впервые. 27 марта 1924 года совет отдела «доводил до сведения» административного отдела губисполкома, «что Алтайский отдел Русского географического общества не является вновь открытым обществом, а существует с 27 октября 1891 года, когда открыло свои действия местное краеведческое общество под названием «Общество любителей исследования Алтая», с 24 марта 1902 года переименованное в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела, а с 1920 года присвоившее себе название Алтайского отдела Географического общества. Таким образом, при существовании Общества 33-х лет...». Затем, несколько позже, в апреле 1927 года, когда официально и торжественно отмечалось 25-летие существования Алтайского отдела в рамках Русского географического общества, вновь случилось недоразумение. Президент Ю. Шокальский и ученый секретарь В. Комаров в приветствии писали: «Совет Общества не сомневается, что и следующее 25-летие пройдет столь же плодотворно», но председатель отдела В. Пушкарев и секретарь Б. Быков представили доклад о 35-летней (!) деятельности местного краеведческого общества.

Перерывы в официальной работе во второй половине 1930-х — 1940-х годов объясняются неоднократными административно-территориальными преобразованиями, огосударствлением общественного движения, следствием Великой Отечественной войны, но также и «сторонней» позицией ученого совета в Ленинграде. То есть такими объективными положениями, в которых низовые ячейки не виноваты. Энтузиасты на местах страдали от этого, но всегда считали себя принадлежащими к Географическому обществу и *не прекращали* научной и общественной работы именно как члены Общества.

Отсюда автор разработал следующую периодизацию истории Алтайского филиала Географического общества.

Первый период

1 этап, 1891–1902

Объединение краеведов: Общество любителей исследования Алтая; выработка направлений деятельности, формирование традиций.

2 этап, 1902–1917

Алтайский подотдел Русского географического общества в условиях капиталистического развития.

Второй период

3 этап, 1918–1925

Демократизация научной и краеведческой деятельности, обновление членства.

4 этап, 1926 — первая половина 1930-х

Алтайское государственное географическое общество на службе социалистического строительства.

5 этап, середина 1930-х — начало 1950-х

Реорганизация краеведческих объединений, поиски новых форм работы в условиях огосударствления общественной жизни.

6 этап, 1955–1978

Восстановление Алтайского отдела, его общественная деятельность.

7 этап, современный

Алтайский филиал Географического общества АН СССР в годы перестройки и интенсификации общественного производства.

Для самого Общества и каждодневной его работы это всего лишь схема: жизнь идет, хотя и зигзагами, но не сверяясь со схемой. Однако ретроспективно, оглядываясь уже на столетний возраст, жизнь Общества можно подразделить на определенные теоретические этапы, периоды деятельности. Можно расчленить данную историю по другим этапам, но периодизация не может быть произвольной, составленной по прихоти автора. В нашем случае определяющими должны быть форма, структура Общества, организация «внутренней» работы, собственной деятельности. Это — во-первых, ибо здесь изложена схема истории Географического общества, а не истории географической науки или хотя бы истории исследова-

ния Алтайского края. Общество, как организация общественная, добровольная, полностью зависит от объединительного движения его членов (отсюда — членство, инициатива), от структуры данной организации (отсюда — объем работы, размах), от территориально-административного фактора (отсюда — объединение интересов местных патриотов, энтузиастов), а также от соответствующей субординации, иерархии изучаемой общественной организации («подчиненность» по вертикали и по горизонтали). Как убедится далее читатель, структурные положения играли важную роль в повседневной жизни Общества: они создавали «каркас» жизни, давали уверенность в общественно-правовой защищенности членов организации, в необходимости, нужности и важности их объединения.

Во-вторых, на развитие Общества, на его «историю» влияли цели, задачи Общества, его общественная значимость, то, ради чего оно существует, работает. Цели и задачи Географического общества сохранили преемственность: передовая интеллигенция 80-х годов XIX столетия объединилась для исследования родного края, содействия прогрессивному развитию, просвещения народа. Эти благородные традиции унаследовали члены Общества и в советское время, а свои теоретические знания они отдают более практическому обслуживанию нужд народного хозяйства социализма. Поэтому история разбита преемственно на два периода — досоветский и советский. Этапы же отражают как отдельные основные изменения структурной организации Общества, так и возникающие к тому времени уточненные научные и общественные задачи.

Между этапами второго периода возможны дробные подразделения: новые формы краеведческой работы официально внедрились в РСФСР (Центральное бюро краеведения), но сохранились самостоятельные региональные географические общества, не в рамках общесоюзного, т. е. произошла децентрализация. Одновременно с 1926 по 1931 год все местные сибирские географические общества подчинялись «Обществу изучения Сибири и ее производительных сил» в Новосибирске. А позже, в конце 30-х годов, наоборот, началось тяготение к центру. Однако источники пока не позволяют с достаточной полнотой проследить изменения названных форм на местах; они не успели организованно закрепиться. Своеобразные этапы возможны и в последующем времени: вслед за воссозданием Алтайского отдела в 1955 году, вновь (!) формируется Горно-Алтайский

отдел (впервые создан весной 1941 года), а затем Барнаульский. Эти образования лежат в русле существующей организационно-территориальной структуры, что составляет содержание истории собственно филиала в целом, поэтому в данной схеме такого горизонтального этапного подразделения нет. В более дробной периодизации включение названных пунктов уместно. Можно посоветовать после прочтения книги вернуться к периодизации: что можно изменить? какие детали внести? создать совсем другую периодизацию?[1]

Еще одно объяснение. Как заметит читатель, материал книги распределен по структуре периодизации последовательно, но не равномерно. В первом периоде вместились два этапа и им соответствуют две главы, а во втором — пять этапов, но главы не соответствуют им. Глава 3 включила три этапа истории, а один — последний, современный этап — занял не только две главы (5 и 6), но и вводную часть. Не совпадая формально, схема периодизации и содержание книги (заголовки частей и подзаголовки глав) дополняют и расширяют друг друга, взаимодействуют и обусловливают исторический ход и фактический материал с уклоном на последние десятилетия. Настоящую («правдивую», нелицеприятную, объективную) историю создать почти невозможно, тем более приступая впервые к объявленному сюжету. Она выносится на суд в то время, когда писалась (не отлежалась!), когда современная жизнь Общества есть непосредственное продолжение прошлой истории, только что здесь зафиксированной. «История не должна быть панегириком, — говорил Е. Е. Голубинский в «Истории русской церкви», — иначе она потеряет смысл: историк должен изображать все что было, и хорошее, и дурное. Между тем, говоря о недостатках в жизни прошедших времен, нельзя не захватить и настоящего времени, потому что следы этих недостатков остаются и теперь. Но есть люди, которые требуют, чтобы не касались недостатков настоящего времени, хотя бы это было соединено с ущербом для правдивости истории, описывающей прошедшее, Но историк лучше должен вынести упреки, чем действовать не по искренней совести».

[1] В книге «Географическое общество Союза ССР 1917–1967» М.: Мысль, 1968. Авторы-составители И. Б. Кострец, Д. М. Пинхенсон) отрезок за 50 лет разделили на четыре основных этапа, как нам кажется, правильно. Первый, 1917–1923, тогда был принят новый устав, и выделены годы Великой Отечественной войны.

Наше Общество составляет часть движения культурных сил времени. Существовали другие общественные формирования, но работа по созданию Общества любителей исследования Алтая помогает понять своеобразные условия Алтайского горного округа, которые редко возникают в текущей истории, На далекой окраине Российской империи, в тисках ведомственной кабинетской регламентации хозяйственной, административной и духовной жизни, без указаний сверху, без вмешательства научных сил или отдельных адептов извне создается самостоятельное, даже полностью автономное, краеведо-научное объединение. Не стоит отрицать, что основное дело первого десятилетия его существования — изучение переселенчества и в целом аграрной проблемы — поставило Общество в первый ряд прогрессивных сил, хотя оно и не оказало решающего влияния на общее историческое развитие.

Все человечество состоит из отдельных людей, индивидов, отдельных личностей. Содержание истории общества, его лицо и фон есть сумма историй личностей. И Географическое общество состоит из индивидуальных и персональных членов. Не так много личностей составили учредительство — 30 человек, но число членов достигало 110–130. Можно описать всех. В нашем Обществе состояло (и состоит) довольно много знаменитостей, великих путешественников, крупных ученых, общественных деятелей, работоспособных краеведов, меценатов, писателей... революционеров (и контрреволюционеров)... политиков... Их жизнь, особенно общественная (государственная) деятельность в момент их членства в Обществе или в период их пребывания в пределах Алтайского края является объектом интереса автора и составляет собственно содержание истории филиала. Мы не будем отступать от принятого правила, и в книге отводится известное место биографиям многих членов. Значительная часть из них приводится впервые. Для полноты восприятия исторического значения деятельности Общества необходимо иметь автобиографии, в них субъективно воспринимаются явления современности, что дает возможность облечь «плотью и кровью» те объективные выводы, которые теперь мы делаем по статистическим данным, рассматривая историю как бы со стороны. Автобиографий в нашем распоряжении почти нет, есть отрывки воспоминаний, личные фонды в архивах, сохранившиеся отдельные записи, субъективные заметки, отрывки личных впечатлений. Они зачастую

дают достаточно яркие штрихи к пониманию общей истории. Биографии деятелей Алтайского филиала, которые, несомненно, шли в авангарде исторического прогресса, вызывают повышенный интерес, но не удовлетворяют полнотой изложенного здесь, не стирают многих «белых пятен» в культурной истории Алтайского края. Персоналии нашего Общества заслуживают самостоятельной разработки и отдельного издания, это дело будущего историка.

Не абсолютизируя данный подход к персоналиям Алтайского филиала, здесь, мне кажется, дается возможность в будущем, быть может, взглянуть на дело по-другому из-за пережитого Обществом нового состояния. В будущем люди будут руководствоваться иными ценностями, иными побудительными мотивами, иными действиями. Это не догма истории, наоборот, она создается людьми в «свой» исторический период. Сошлемся на наших учителей. «Люди сами делают свою историю, — писал К. Маркс, — но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»[1]. Таким образом, оценочная духовная преемственность предопределяется прошлым развитием. Однако без обобщения, без объединения при описании по определенным историческим периодам, без ориентации на исторический фон трудно разобраться в действиях и лиц, и групп (совета Общества). «Групповой эгоизм» (прогрессивный или отрицательный) в эпохи подвижной общественной жизни, переломных лет нельзя не принимать во внимание.

Научный интерес к истории той или иной организации, собственно, определяется ее своеобразием, а не дублированием сходных стереотипов. С благословения великого философа Гегеля: «...Конкретное настоящее есть результат прошедшего, и оно чревато будущим. Истинным настоящим, таким образом, является вечность»[2] — и начнем рассказ о предыстории нашей Истории.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.

[2] Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. М.: Мысль, 1975. С. 59.

Часть первая

Алтайские краеведы

Глава 1

Предшественники. 1891–1902

Научные связи и интересы алтайских краеведов • Возникновение Общества любителей исследования Алтая: 27 октября 1891 • Изучение переселенцев в местах их подворения • Однодневная перепись Барнаула • Организация географических экспедиций • Издательская деятельность • Первые итоги

15 августа 1845 года грамотные люди в России узнали из сообщения в «Сенатских ведомостях», что император «по ходатайству генерал-адъютанта Литке и нескольких других лиц учредителей соизволил, с наименованием общества, коего цель состоит в разрабатывании отечественной географии, статистики и этнографии, географическим, благоволив утвердить...». Так возникло Географическое общество. В числе 17 учредителей были люди, знавшие Алтай не понаслышке, такие как Г. П. Гельмерсен, а первым его членами стали П. А. Чихачев, Ф. В. Геблер. Первоосновательи сразу же включили Сибирь в постоянную сферу исследовательской деятельности, создав Северно-Уральскую экспедицию (1847–1850). Было изучено геологическое строение от Печоры до Оби. Вскоре возник периферийный Сибирский отдел (1851) с центром в г. Иркутске. Это возбудило живейший интерес к исследованию Сибири, поскольку крупнейшее научное общество гарантировало комплексное изучение огромного региона. Была создана новая, исключительно сибирская, экспедиция, известная в истории под названием «Сибиряковской» (1854–1863). Территория восточной половины Томской губернии и верховий Енисея оказались в полосе зрения экспедиции. Глубокие экономические преобразования в России выдвигали новые проблемы перед географической наукой: перехода от «чисто географического» описательского характера изучения к глубокому комплексному исследованию не столько территорий вообще, сколько их ло-

кальных уголков, отдельных районов. Новая система производственных отношений, развал колонизационных феодально-крепостнических устоев и связей, прорыв частного капитала в Сибирь, начавшаяся золотая лихорадка, поток переселений — все это требовало детального познания края, усиления внимания местным нуждам, улучшения дела краеведения, учета местных возможностей, развития местных производительных сил.

Общая прогрессивная тенденция развития России не обошла и далекую ее окраину — Алтайский горный округ. Горное производство с трудом поддерживало высокий уровень выплавки серебра (не менее 1000 пудов в год), но с 1869 года выпуск его упал. Кабинетское феодализированное хозяйство начало хиреть от раздиравших его внутренних противоречий, наступала пора перехода к наемному труду.

К последней трети XIX столетия начался постепенный процесс исследования и изучения территории Алтайского края вглубь, детально. Все предыдущие столетия шло накопление сведений, исследования носили в основном ознакомительный характер. Изучение окраин шло «вширь», количественно. Центральный Алтай стал русским и доступным для изучения со второй половины XVIII столетия. Научные положения сформулированы еще не вполне законченно, но они обретают довольно четкие формы, намечаются определенные концепции. Становилось известным, что древнейших геологических эпох на Алтае не было; прояснились геолого-орографические границы: Алтай — сравнительно небольшая горная страна, в его состав нельзя включать Кузнецкий Алтау и Салаирский кряж (Чихачев, Гельмерсен, Щуровский). Выяснилось, что здесь имеется собственный очаг оледенения (Геблер); сложилось представление о флоре, была создана дендрологическая характеристика лесных богатств округа (А. Б. Коптев, 1856), разрабатывались основы нового направления в науке — индикационной ботаники (А. М. Карпинский, 1840). Была поставлена проблема происхождения ленточных боров (Гельмерсен); решалась загадка асимметричности берегов рек (Гельмерсен, П. А. Словцов). Продвинулось дело расшифровки орхоно-енисейской письменности (Спасский, В. В. Радлов), был поставлен ряд других научных проблем. Наступало время превращения количества в качество. Наметились конкретные направления отдельных наук, природопользования, обществоведения. Изменились цели

Н. Г. Казнаков. Портрет работы И. К. Макарова

и задачи в познании края и у главного «генератора», хозяина земель — Кабинета е. и. в.

Заметную роль в изучении Сибири, Алтайского края в эти переломные годы сыграло объединение сибирских краеведов и географов в Омске. В 1868 году было создано Общество исследования Западной Сибири. Из Омска снаряжаются экспедиции для изучения не только собственно Западной Сибири, но и далекого севера, до Обской губы и Ледовитого океана включительно, а на юге до Центральной Азии, Алтая, Монголии, Китая. Первоначально ставились задачи общего географо-краеведческого описания края, но вскоре выработался уклон в сторону специальных научно-исследовательских экспедиций. Хотя они носили комплексный характер, задачи перед отдельными исследователями ставились более узкие, специальные: естественно-исторического, физико-географического, экологического, зачастую археологического и этнографического изучения обследуемого района. Известны экспедиции, снаряженные под руководством М. В. Певцова в пограничную полосу Западной Сибири и Монголии, Н. М. Ядринцева по экономико-этнографическому обследованию народов Сибири и особенно Алтая, натуралиста-археолога И. Я. Словцова, натуралиста-этнографа Д. А. Клеменца в Западный Саян, Восточный Алтай, историка Г. В. Катанаева для описания хлебопашества в безводной Бельагачской степи Алтайского горного округа, этнографа А. В. Адрианова.

I июля 1877 года был создан Западно-Сибирский отдел Географического общества. Как результат его деятельности в Омске воз-

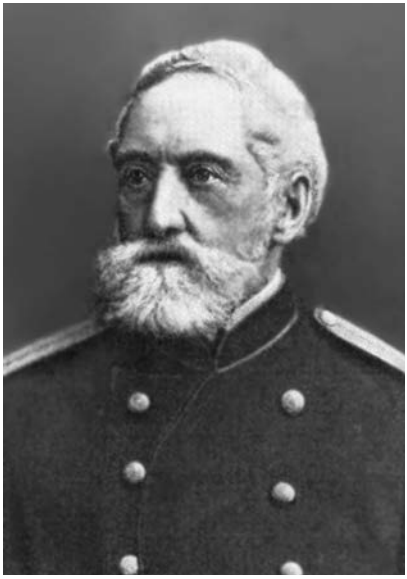
А. В. Адрианов

М. В. Певцов

ник краеведческий музей. Первым председателем Западно-Сибирского отдела стал генерал-лейтенант Иван Федорович Бобков, а покровителем — генерал-губернатор степной области генерал-адъютант Н. Г. Казнаков. Несомненно, это создавало возможность широкой легальной научной деятельности для многих политических ссыльных, способствовало привлечению к организации экспедиций, музейной работе и краеведению не только просветительских заведений, но и государственных учреждений. Так, правительственная субсидия отделу составляла 2000 рублей[1]. Велики ли эти деньги? Например для экспедиции Д. А. Клеменца в верховья Абакана (два человека и две лошади) выделили 150 рублей, а затем ему же 100 рублей на обработку собранных материалов. Или: члену общества М. А. Шестакову выдали 100 рублей на поездку в Семипалатинскую область с этнографической целью, а упомянутому уже И. Я. Словцову на расходы в качестве делегата отдела на Сибирско-Уральскую научно-практическую выставку выписали 135 рублей. Кроме того, Западно-Сибирский отдел имел помещение для своих занятий (326 рублей), там содержалась библиотека отдела с освобожденным библиотекарем (370 рублей в год). Для сравнения: земский учитель получал 25 рублей в месяц от сельского общества. Как говорится, материальная точка опоры существовала, краеведы, энтузиасты, ис-

[1] НАГО СССР. Ф. 1. 1887. Оп. 1. Д. 19.

П. А. Чихачев



Г. П. Гельмерсен

И. Ф. Бобков

А. П. Карпинский

следователи могли найти известную финансовую поддержку некоторым начинаниям. Деятельность Западно-Сибирского отдела была разносторонней, а заседания и общие собрания членов были довольно разнообразными по тематике.

Одним из инициаторов создания Западно-Сибирского отдела Русского географического общества был Н. М. Ядринцев. С июля 1876 по январь 1881 года он служил при генерал-губернаторе в комиссии по земельному устройству крестьян Западной Сибири, столоначальником первого отделения, младшим чиновником особых поручений. Особое место в его жизни и творчество занимал Алтай. Еще будучи гимназистом Томской гимназии, лето 1858 года он провел в Барнауле. На него большое впечатление произвела статья С. И. Гуляева об алтайских каменщиках. «Каменщики» — это крестьяне-старообрядцы, которые уходили в далекие потайные места в Алтайские горы, основывали там свои общины и жили независимой, вольной, как казалось юноше, жизнью. Тогда он решил попасть в один из уголков сказочного Беловодья, но умер его отец, и поездка не состоялась. Теперь на средства Западно-Сибирского отдела Н. М. Ядринцев дважды совершает путешествия в Алтайский горный округ, особое внимание уделяя изучению восточной его части — Кузнецкому Алатау, северо-западным предгорьям, Рудному Алтаю, Катунским белкам.

Алтай и его люди покорили Н. М. Ядринцева, поэтому, когда в феврале 1894 года он получил приглашение от начальника Алтайского горного округа возглавить Статистический отдел для исследования экономического положения крестьян, согласился и приехал в Барнаул. Он был полон больших творческих планов, разрабатывал обширную программу изучения социально-экономического положения округа. Еще в Омске он составил несколько документов — «Программу для исследования быта инородцев» и «Программу для исследования переселений». В Петербурге позже неоднократно выступал на заседаниях Географического общества с обоснованием своих предложений. В Барнауле наконец он получил «свободу рук» для исследований, однако 7 июня в возбужденном состоянии принял смертельную дозу снотворного (опия) и скончался.

Западно-Сибирский отдел несколько раз снаряжал экспедиции под руководством Дмитрия Александровича Клеменца. Этот замечательный человек оказался в политической ссылке в Сибири как один

из основателей организации «Земля и Воля». Начиная с 1683 года он совершает поездки по Сибири, Монголии, Якутии, Китаю. В экспедиции А. В. Адрианова ему определили самостоятельный маршрут и значительный район междуречья Абакана и Мрассу. Склоны южной части Кузнецкого Алатау и прилегавших отрогов Алтая были обследованы успешно. На следующий год отдел поручил ему самостоятельную экспедицию по исследованию в геологическом, географическом и ботаническом отношениях верховий Абакана, а в 1885 и 1666 годы он вновь продолжил работы по обследованию территории между верховьями р. Томь и левыми притоками Абакана. Тогда это был почти неисследованный район южной Сибири и Алтая.

Научные результаты путешествий Клеменца были основательными, но это доставалось неимоверным трудом, преодолением опасностей в пути. Незначительные суммы на организацию поездок, на которые не было возможности нанять хорошо экипированные караваны, иногда вынуждали свертывать запланированный маршрут преждевременно. Так, он был вынужден вернуться с верховий Абакана летом 1887 года, не смог выйти к Телецкому озеру. «В пути лошади сбили ноги; тащили вещи на себе, — сообщал в отчете Д. А. Клеменц, — не было сил, ибо в 10 днях, если идти пешком, нет живой души. Решили на плотах спускаться. Хотя ни я, ни тем более мой спутник-сойот не имели понятия об Абакане в этих местах, хотя я знал из рассказов рыболовов и лиц, участвовавших в поисковых партиях, что здесь именно находятся самые опасные камни и пороги на Абакане; но мы остановились на плане, т[ак] к[ак] это был самый скорый путь, и, кроме того, большая вода Абакана давала нам надежду, что через некоторые камни наш легкий плотик пройдет свободно. 2-го августа мы принялись за рубку леса, а к полудню 3-го наш плотик из 7-ми бревен двухсаженной длины и 21/2 аршина шириною был уже совершенно готов. В полдень 3-го августа мы отплыли с места стоянки, сделав затес на кедре и оставив сведения, где искать наших останков в случае неудачного плавания...» К вечеру 5 августа путники причалили к стоянке золотопромышленников в 20 верстах от устья реки Матур[1].

Д. А. Клеменц хорошо изучил жизнь аборигенов, известен ряд его статей в защиту кочевников, особенно велика его роль в спа-

[1] НАГО СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.

сении от наказания последователей бурханизма среди алтайцев. С весны 1904 года развернулось большое движение за «белую веру» среди части алтайцев в районе Усть-Кана. Местные власти организовали погром новых иноверцев, которые якобы приносили человеческие жертвы. Были арестованы вдохновитель новой веры Чет Челпанов, его дочь и 24 алтайца. Их судили в Бийске. Д. А. Клеменц приехал на Алтай, исследовал новое учение и оценил его как «неизбежный путь искать более чистого и широкого источника для удовлетворения своих высших потребностей». К сходным представлениям об этом движении пришли и члены Алтайского подотдела. Они также не остались безучастными зрителями расправы царской администрации над алтайцами. В те дни в Усть-Канской долине среди расследователей погрома находился член Алтайского подотдела М. К. Барсов. 1 ноября 1904 года на общем собрании он сделал сообщение «О столкновении между калмыками и русским населением в Горном Алтае летом 1904 года». В обсуждении доклада приняли участие видные краеведы Н. Овчинников, Д. Зверев, Завьялов, Латышев, Абрамов. Они пришли к заключению, что движение не имеет никакой религиозной основы, ни тем более политической подкладки. Проповедь Челпанова имела успех независимо от целей проповедника, и это есть показатель совершающегося в их среде какого-то внутреннего процесса. В таком случае было чрезвычайно важно исследовать, в чем замечается этот процесс и каково это движение. Быть может, рассуждали выступающие, этим наметится путь, по которому может прийти культура и в районы горных калмыков. Собрание пришло к выводу, что необходимо защищать калмыков от насильников, необходимо предоставить им самостоятельно развиваться, дабы они получили возможность поднять уровень своей культуры, что возможно и при кочевом быте. Но для этого нужны, конечно, другие меры. (Такое обсуждение, заметим в скобках, делает честь деятелям Алтайского подотдела, они правильно, исторически и политико-общественно понимали проблемы развития малочисленных народностей. Движение бурханизма на Алтае до сих пор мало изучено, оно было облечено в религиозную реформацию и вызвано определенными экономическими и политическим причинами.) Клеменц делает доклад в Географическом обществе в Петербурге, привлекает общественное мнение к делу Чет Челпанова, сам

едет на процесс в Бийск (май 1906), горячо и страстно выступает в защиту алтайцев — и суд оправдывает арестованных.

Покровительством Западно-Сибирского отдела пользовался и другой политический ссыльный — Соломон Лазаревич Чудновский. В 1883 и в 1885 гг. на пособие отдела он дважды путешествовал по Бийскому округу, по Горному Алтаю с целью сбора статистико-экономических материалов о крестьянах, об алтайцах. Им подробно описано 40 сельских обществ Змеиногорской и Смоленской волостей, он сделал их подворную перепись и детальное статистическое исследование. Отдел выделил ему на обработку собранного материала около 100 рублей, а Чудновский сдал четыре статьи[1]. Но получить представление о «нетронутой» сельской общине Чудновский не смог: в исследованных им волостях к тому времени осело среди старожилов настолько много переселенцев, что это была уже — как замечал позже С. П. Швецов — «почти Россия» в смысле земельного утеснения. В переселенческих волостях ему трудно было уловить наиболее характерные особенности сибирской земельной и податной общины. Поэтому описание алтайской общины Чудновского в сущности мало чем отличается по своим основным формам от типично великорусской общины, характеризуемой периодическими переделами угодий. Индивидуальные особенности сибирской общины, придающие ей особое значение, в достаточной степени уже оказались стертыми ко времени исследования, и они сразу представляли чисто историографический интерес[2]. Он резко критиковал неверные статистические данные кабинетской администрации об отводах земель для переселенцев в Алтайском округе, об учете земель и об учете переселенцев, чем вызвал недовольство Кабинета е. и. в. (Однако это заставило впоследствии Кабинет создать специальный статистический отдел при главном управлении Алтайского округа!) Его статьи печатались не только в сибирских газетах, но и в центре. Это был высокообразованный и эрудированный исследователь.

Американский общественный деятель Дж. Кеннан в августе 1885 года находился в Барнауле, он путешествовал по Алтайскому округу. Вскоре после возвращения из поездки по Бийскому уез-

[1] См. его книгу «Переселенческое дело на Алтае. Статистико-экономический очерк» (Иркутск, 1889), а также «Очерки народно-юридического быта Алтайского горного округа» // Русское богатство. 1894. № 7–10.

[2] Каторга и ссылка. Кн. 40. М., 1928.

ду С. Л. Чудновский встретился с Д. Кеннаном в Томске. Американец восторгался научной работоспособностью и обширными знаниями ссыльного революционера и с горьким упреком записал: «Господин Чудновский оказал бы честь каждому свободному государству, но он имел несчастье родиться в России, и ему на долю достались лишь заключения и ссылки»[1].

Дж. Кеннан

В 1883 году по заданию Западно-Сибирского отдела совершил поездку в Каинский округ член отдела А. Е. Дудоладов — будущий член Общества любителей исследования Алтая. Он занимался изучением быта переселенцев в полосе намечаемой железной дороги.

Старейшим и авторитетнейшим членом Западно-Сибирского отдела был Степан Иванович Гуляев. Он вступил в Географическое общество в 1851 году, работал в Кабинете в Петербурге. В феврале 1859 года он возвращается в Барнаул и остается на родине до конца жизни. С. И. Гуляев как сибиряк-старожил был большим любителем сибирской старины, естественных и исторических редкостей и достопримечательностей. Он — исследователь и этнограф, один из крупнейших деятелей раннего алтайского краеведения. В «Географическом вестнике» за 1851 год он опубликовал свою работу «Иртыш и страны, им орошаемые» и с тех пор не прерывал связей с этим обществом, с его изданиями. С. И. Гуляев много внимания уделил развитию производительных сил Алтайского горного округа, поддерживал энтузиастов, собирателей. Им обследуются новые месторождения каменного угля, медных руд, сведения о которых приносили ему местные доброхоты-крестьяне, учителя, старожилы. Он обращает внимание местных властей на возможности развития судоходства, промышленных посевов сахарной свеклы, на использование рыбных богатств края. Ему принадлежат основные усилия

[1] Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб., 1906, с. 174

по организации курорта в деревне Белокурихе (Известия РГО, 1867). Много времени и сил отдавал С. И. Гуляев изучению и пропаганде прошлой истории Сибири, собирая сведения о торговых связях Сибири с соседними государствами, особенно с Монголией и с Китаем. Об этом он выпустил в 1871 году отдельную книгу.

Степан Иванович со страстной увлеченностью интересовался фольклором, много преуспел на поприще собирателя и публикатора. Собственно, первая его статья появилась в 1839 году в «Отечественных записках» и носила название «О сибирских круговых песнях». Когда под Барнаулом Гуляев открыл сказителя Л. Г. Тупицина, этнографический отдел Русского географического общества попросил выслать подробную биографию сказителя, его портрет (фотокарточку), записи былин и песен в его изложении. Все это Гуляев отослал в Петербург, после чего 16 мая 1872 года Общество выразило ему признательность за фольклорные сборы.

Здесь уделено внимание таким людям, как Д. А. Клеменц, С. И. Гуляев, не только потому, что они крупные исследователи Сибири, хотя уже это привлекает внимание краеведов, но и особенно потому, что они действительно много работали во славу Западно-Сибирского отдела Географического общества. Когда осенью 1888 года его действительные члены собрались на свое очередное общее собрание (тогда их насчитывалось 121 человек, из них 71 иногородних), то они почтили память недавно умершего в Барнауле С. И. Гуляева специальным заседанием. Секретарь отдела И. А. Козлов говорил: «С колыбели до могилы он принадлежал Алтаю и прослужил здесь безоговорочно 69 лет… До конца своей жизни он оставался честным человеком, горячо любящим родину, науку и ее адептов. Для путешественников, ученых, художников, посещавших Алтай, двери скромного и гостеприимного дома С. И. Гуляева были всегда открыты. По целым часам беседовал с ними Степан Иванович и делился всеми сведениями, какие имел о своем родном Алтае… Как человек, интересующийся различными мнениями и предметами сибирской жизни и природы, Степан Иванович Гуляев был полезным членом местного статистического комитета, Географического, Вольно-экономического, Археологического и других научных обществ»[1].

[1] НАГО СССР. Ф. 1, 1887. Оп. 1. Д. 19. В ГААК есть специальный личный фонд С. И. и Н. С. Гуляевых, № 163, здесь много биографических документов, переписка, научные рукописи и статьи.

Руководители Западно-Сибирского отдела и его члены понимали, что при обширности сибирского региона и сложности задач исследования, какие они взвалили на себя, они не обладали достаточными наличными силами и средствами. Тем не менее, как заметили в одном из отчетов И. К. Войков и И. А. Козлов, деятельность отдела была небесполезной: «Остается пожелать, чтобы умственная энергия в личном составе Отдела не оскудевала, чтобы постоянно обновлялась она новым запасом опытных знаний и чтобы Отдел с честью продолжал исполнять свое прямое назначение и был достойным сотрудником Императорского Русского географического общества, в обаянии того славного величия, какое стяжало это Общество в ученом мире России и Европы».

С. И. Гуляев

Долгие десятилетия Западно-Сибирский отдел был фактически единственным научно-исследовательским объединением (общественным!) с целью географического и краеведного изучения Западной Сибири. И в силу этого он способствовал развитию и становлению местных исследователей, формированию любительских и научных обществ в Алтайском горном округе.

27 октября 1891 года состоялось собрание учредителей Общества любителей исследования Алтая (по примеру Омского). Как можно заметить, оно возникло не на пустом месте, почва была известным образом подготовлена, но необходимо ли оно было? Нужно ли в алтайском округе? Существовала ли объективная возможность для организации общества? Существовал ли, иными словами, социальный заказ на формирование научного исследования, его работы, его длительного бытия? Именно в данном году, в последней четверти XIX столетия? Иначе говоря, надо смотреть, на каком «историческом фоне» шел процесс объединения алтайских краеведов.

Нельзя не признать, что развитие алтайского горного округа шло тем же путем, что и история России в целом. Развитие производительных сил здесь поддерживало тот строй, что присущ был российскому феодализму. Особенность округа состояла в своеобразии горного производства, в «оригинальном строе» (слова В. И. Ленина об Урале) алтайской промышленности: развивать только то, что способствовало увеличению выплавки серебра.

Монополия феодала, крепостное право лежало в основе однобокого развития горнозаводского округа. Владелец заводов (царь, Кабинет) одновременно был землевладельцем, и, более того, у него была монополия на воды, леса, недра (полезные ископаемые), и, хуже того: он (царь, кабинет, горная администрация в Барнауле) обладал суверенитетом административного права над частью Томской губернии — на территории Алтайского горного округа. В результате реформы 1861 года феодально-зависимый обязательный труд был отменен. Становилось очевидным, что горное мануфактурное производство изжило себя, стало свертываться: резко упала выплавка серебра, меди, свинца; интерес к рудным богатствам края угасал; широких поисковых экспедиций местное начальство не организовывало, горные специалисты не задерживались. Вот показатели сокращения производства на главном Барнаульском заводе: еще в 1850 году он выдал 260 пудов серебра (собственной плавки из руды), в 1872 — 156, в 1885 — 135, в 1889 — 123 и в 1893 — 28 пудов и 30 фунтов серебра. В том же 1893 году основные сереброплавильные заводы были закрыты (Локтевский, Змеиногорский, Павловский, Барнаульский). «Самое мрачное время миновало для Алтая с освобождением подзаводского населения, — с радостью писал член Западно-Сибирского отдела Н. М. Ядринцев в своем отчете об экспедиции 1878 года. — Алтай переживает еще переходную эпоху, но заря новой жизни уже золотит вершины его прекрасных гор более светлыми лучами будущего. Отовсюду в плодоносные долины Алтая спускаются трудолюбивые переселенцы-колонисты, стекают со всех сторон земли русской, и сейчас здесь приволье после тяжкого малоземелья. Приветливы эти луга бесконечные, пространства душистые и романтичные травы, весело и ярко светит на них божье солнце; красуются эти поля, наливается пышно колос на девственной почве, дающий огромный урожай. Да будет благословен новый труд твой, русский пахарь».

Хотя царь вынужден был уступить землю в пользу государства и разрешить переселение, право кабинета позволило затянуть обязательное отмежевание почти на 40 лет, а монополию на воды, леса, недра сохранить до февраля 1917 года. Источником доходов царского кабинета становилось земля, поэтому вставали новые вопросы: сколько же в алтайском округе пригодных для сельскохозяйственной деятельности земель, какова их «производительная сила», каковы климатические условия, какие культуры выгодно производить, сколько можно освоить пахотных земель, сколько поселить новых крестьян, сколько выделить «на душу» десятин. Настоящие вопросы интересовали в первую очередь сельских обывателей, но и общественность, но и Кабинет начальства. Теперь потребовались срочно новые кадры: межевики, геодезисты, землемеры, статистики, лесоустроители, типографы, чертежники, агрономы, почвоведы, лесоведы, мелиораторы, метеорологи, экономисты, учителя, ветеринары. При управлении Алтайского округа учреждались новые отделы: статистический, землеустройства и живых работ. Укреплялось управление по лесному хозяйству; возник губернский переселенческий комитет.

Выход из-под феодальной идеологии (монополии) Кабинета нарастал, конечно, постепенно. Данное право утрачивало свои позиции, хотя оставалось в силе монополия Кабинета на большинство позиций социально-экономической жизни горного округа. Экономическое высвобождение шло медленно, но общественное сознание отходило от старых догм из-под примата кабинетского засилья значительно быстрее. Поэтому нет ничего удивительного, что начальник Алтайского горного округа выхлопотал разрешение на создание в Барнауле творческого объединение краеведов.

К тому времени добровольные общества существовали, опыт их организации был. Среди них мещанское, пожарное, купеческой гильдии, взаимного кредита, корпорация горных офицеров («Алтайское общество», или Алтайский горный клуб), сестер милосердия, благотворительные и приходские. Однако это были либо сословно-профессиональные, либо благотворительные, либо кредитно-бытовые объединения, преследующие узкогрупповые и меркантильные цели. Наиболее работоспособным и популярным было благотворительное городское Общество попечения о начальном образовании, созданное в 1884 году, по примеру Томского.

Совершенно иные задачи поставило перед своими членами Общество любителей исследования Алтая. В параграфе 1 устава было записано, что «Общество любителей исследования Алтая ставит целью: а) собирать материалы для всестороннего изучения Алтая и с определенных мест и б) по мере возможности обрабатывать их и распространять».

Членство в Западно-Сибирском отделе Географического общества отдельных представителей алтайской интеллигенции, поездки в Алтайский округ исследователей из университетских городов, расширение связей с образованной политической общиной, относительное раскрепощение общественной жизни, появление журналов в Сибири, газет, земские преобразования (хотя Земская реформа напрямую не распространялась на Сибирь) — все это приводило в движение местные общественные силы. Такие деятели пока ещё существующей сильной заводской администрации, как горные специалисты В. А. Карпинский, Н. И. Журин А. Н. Недзвецкий, интеллигенты «свободных» профессий В. К. Штильке, Ф. Е. Засс, Н. С. Гуляев, государственный служащий Д. А. Поникаровский и некоторые другие, понимали, что изучение Алтайского округа, познание его возможностей не может быть осуществлено только силами внешних экспедиций. Все крупные исследователи собирали весьма значительный материал, обрабатывали его, публиковали результаты, но они оставались за пределами края. Многих проблем развития местного края они не касались как в силу своей специализации, так и в силу непродолжительного пребывания в округе. А самое главное — современные вопросы социально-экономического развития горного округа они, как правило, вообще не изучали. К числу таких вопросов относилось изучение переселенческого движения. Переселение стало государственной проблемой, а потом и задачей. Переселение шло стихийно, и было ясно, что изучать этот феномен могут достаточно подробно лишь местные наблюдатели, собиратели материалов в волостях, то есть краеведы.

Об этом много рассуждали в Барнауле, но такое благотворительное общество, как «школьное», не могло заняться вплотную широкими научными обобщениями. Переселение стало играть важную роль в экономической жизни государства, отсюда вытекала задача исследования сельскохозяйственного быта местного населения как русского, так и «инородческого». В обществе попечения о начальном

образовании и в управлении Алтайского горного округа, у начальника округа Н. И. Журина, стали собираться активные ревнители Алтая. Они ставили задачу исследования края в отношении промышленном, торговом, медицинском, метеорологическом, т. е. задачу всестороннего изучения. Была высказана идея создания нового общества, в 1890 году обсуждались наброски его устава. Н. И. Журин не только формально поддержал движение, но и был одним из его активистов. Ему, как начальнику Алтайского горного округа, особенно импонировала мысль исследования переселенцев в местах их водворения. Переселение стало не только больным административным вопросом для округа, но и социальной проблемой государства. Десятки тысяч переселенцев были на переломных пунктах на Урале, в Челябинске, в Тобольске. Но их поток устремлялся все дальше на Восток. В Алтайском округе земельное дело крайне обострилось в виду задержки отмежевания земель Кабинетом, и Журин поощрял изучение данной проблемы. Бесспорно, эти исследования, как он полагал, помимо чисто научного интереса, могут иметь большое значение для самого края. Объединение краеведов выражало интересы творческих сил поднимающегося буржуазного общества, стремившихся поставить местные производительные силы на службу свободного капиталистического предпринимательства.

Н. И. Журин

Наконец сложилась группа учредителей, было составлено прошение, подготовлено объяснение к уставу и разработан сам устав. Все документы, вместе со списком учредителей (кроме перечисленных выше 10 известных в местных кругах деятелей, еще 20 инициаторов) и с характеристиками их в благонадежности, в начале 1891 года отвезли в Петербург. Учредители общества были убежде-

ны, что на Алтае найдется достаточное количество людей, способных поддержать общество, разделить его задачи и работать в нем, особенно, как они указывали в пояснительной записке к уставу, среди лиц местного управления, священников, учителей, торговцев. Надо признать справедливость трезвого взгляда учредителей на реальные возможности общества. Они писали в записке так: «Не задаваясь обширными задачами широко поставленных научных исследований, а имея в виду привлечь к себе тех скромных наблюдателей природы и жизни края, которые рассеяны по Алтаю, Общество может собрать цельный материал для всестороннего и живого изучения края». И дальше: «Если даже Общество любителей исследования Алтая само не обработает поступившего материала, но только передаст его для обработки другим обществам и лицам, то и в этом случае оно является полезным и желательным». Такое понимание делает честь учредителям, ведь тем самым был преодолен не только личный, но и групповой эгоизм первосоздателей.

Все 36 параграфов устава Общества не вызвали никаких подозрений в министерстве внутренних дел, где он должен был быть утвержден, тем более что почетными председателями этого общества по уставу объявлялись сразу два лица — губернатор Томской губернии и начальник Алтайского горного округа[1]. 23 июля (4 августа н. ст.) 1891 года заместитель («товарищ») министра внутренних дел, сенатор, генерал-лейтенант Шебко утвердил устав Общества любителей исследования Алтая. В сентябре устав отпечатали в Барнауле в типографии Н. А. Румянцева. За цензора отвечал исправник Андрей Андреевич Новогонский, он же один из 30 членов-учредителей. В уставе было оговорено, что первое общее собрание учредителей созывает начальник Алтайского горного округа — он же почетный председатель Общества.

Николай Иванович Журин родился в Москве, 20 января 1841 года, в мещанской семье, обучался в 3-й реальной гимназии. Окончил ее с золотой медалью и на частную стипендию был направлен в Париж в политехническую школу. Но через два года в стипендии отказали, и молодой Журин перебрался в Бельгию, на машиностроительный завод. Здесь собирали паровозы для России. Один из русских заказчиков предложил практиканту должность управляюще-

[1] Устав Общества любителей исследования Алтая: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 2.

го заводом в России, если он будет иметь диплом инженера русского учебного заведения. Николай Иванович вернулся в Россию, поступил вольнослушателем горного института в Петербурге. Он имел отличную подготовку, трудолюбие и природную смекалку с детства, так что за два года одолел полный курс, удостоившись диплома с золотой медалью. В 1866 году он стал управляющим Кизиловским заводом, затем Пермским пушечным, а с 1874 года был назначен директором крупной писчебумажный фабрики. Но его тянуло в горно-заводское производство, и в 1877 году он был назначен главным начальником Гороблагодатского горного округа на Урале. Усердие и честность его были известны, в 1882 году он получил высокий пост начальника Алтайского горного округа (должность в чине генерал-майора статской службы). Первый биограф его, П. Н. Соболев, говорил: «В 1890 году возникла мысль об основании общества, имеющего целью изучение Алтая, и как только Николай Иванович услышал об этом, он быстро отозвался на нее, принял самое горячее участие в осуществлении этой мысли. Он председательствовал на всех предварительных собраниях учредителей, участвовал в составлении устава Общества, а затем принял на себя хлопоты об утверждении его. Недоверчиво было встречено возникновение Общества, но, несмотря на это, Николай Иванович верил, что на Алтае найдется достаточно сил, чтобы поддержать и принять участие в таком полезном деле, как изучение своего собственного края».

Н. И. Журин назначил первое собрание учредителей на 27 октября (8 ноября н. ст.), оно состоялось в помещении Алтайского горного собрания. Был прочитан устав, а также краткая пояснительная записка к нему. Николай Иванович Журин объявил Общество открытым, затем тайным голосованием был избран руководящий орган — совет. Председателем единогласно избрали Ф. Е. Засса, товарищем его (заместителем председателя) — Л. Л. Мартини, членами совета — П. П. Чайгина, П. Н. Соболева, А. Н. Недзвецкого, кандидатами к ним — Н. С. Гуляева, Д. А. Поникаровского, Н. С. Волконского. Секретарем совета, по договоренности и по желанию, был один из членов совета, каждый раз мог быть другой человек. Он вел лишь протоколы заседаний. Первое время им был П. Н. Соболев, затем попеременно С. П. Швецов, Н. С. Гуляев и некоторые другие, и только в ноябре 1896 года И. П. Выдрин «принял на себя звание естественного секретаря Общества», а протоколы взялся вести П. М. Юхнев.

Действительными членами Общества, без избрания становились 31 человек его учредителей (31-м был томский губернатор, по должности). Кстати, протокол собрания носит название не «учредительного собрания», а «общего собрания учредителей Общества»[1]. Однако на этом первом общем собрании были избраны и новые действительные члены. Их было 23 человека. Среди них необходимо назвать имена Николая Борисовича Шерра, политического ссыльного, статистика, исследователя, писателя Сергея Порфирьевича Швецова, политического ссыльного.

(В краеведческой литературе бытует мнение, что создание Общества любителей исследования Алтая связаны с инициативой последнего. Более того, он сам писал об этом (см. «Каторга и ссылка», № 48, М., 1928, с. 93: «В 1891 г. в Барнауле, по инициативе М. В. и С. П. Швецовых и при их ближайшем участии, было организовано общество любителей исследования Алтая»). Однако в списке учредителей нет Швецова, хотя там есть другие «поднадзорные» лица, а М. В. Швецовой нет вообще в списках Общества. Мы, конечно, не ставим приоритет С. П. Швецова в упрек, но такой парадокс, как отражение общественно-политической жизни тех лет, существует.)

Стала членом общества и супруга Журина Наталья Ильинична. Кроме того, на том же собрании были названы и «члены-ревнители» общества, ими стали Е. М. Платонова и Юлия Августовна Пранг. Дело в том, что по уставу членство подразделялось на четыре разряда. Существовало звание почетного члена, таковым мог стать человек, который оказал обществу особые услуги своими трудами, или тот, кто произвел одновременный взнос не менее 100 руб. Действительный член это тот, кто сделал денежный взнос (ежегодный членский взнос не менее 5 рублей) и сам непосредственно работает в Обществе, т. е. ходит на заседания, готовит доклад, выполняет поручение. Были и члены-сотрудники, которые «сотрудничали» с Обществом, произвели денежный взнос, но необязательно должны сами работать. И, наконец, члены-ревнители, они содействуют цели общества денежными средствами.

Источниками средств, кроме членских взносов, были пожертвования отдельных лиц для общества вообще или со специальными назначением по воле жертвователя. Еще одним источником был

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

выкуп диплома об избрании в действительные члены (за «диплом» по желанию лица, если он хочет иметь диплом) взимались 10 руб. Первое десятилетие Общество не имело своего помещения, заседало в здании Алтайского горного собрания (сословный клуб горнозаводских служащих).

Позволю себе сделать большое открытое примечание.

1. В фондах МВД (архив ЦГИА СССР, Цензурный комитет) должны храниться рукописный подлинник устава и другие документы: список учредителей, просьба регистрации устава, записка с объяснением задач Общества. Видимо, все эти документы должны быть и в Государственном архиве Томской области, в фондах канцелярии губернатора.

2. Не обнаружен документ о времени того сбора, собрания активистов, учредителей общества любителей исследования Алтая (их тайной вечери — должно быть, у Журина?), когда они решили создать Общество. Автор статьи об Алтайском отделе в Сибирской советской энциклопедии (т. 1, стб. 88) В. И. Верещагин говорит, что Общество основано группой членов б. Алтайского горного собрания. Это ему кто-то должен был сказать, так как сам Верещагин появился в Барнауле, считай, десять лет спустя, когда они обсудили проект и наконец составили те документы, которые направили в МВФ.

3. Таким образом, когда же считать дату создания Общества любителей исследования Алтая:

а) день утверждения устава — 23 июля 1891;

б) первое официальное собрание учредителей — 27 октября;

в) то первое собрание организаторов, когда они разработали устав, положили себя «учредителями» (список в МВД), разработали объяснительную записку к уставу?

Это — не риторический вопрос: реальные люди действовали легально, общество *уже* сформировалось в то время, цели и задачи его осуществлялись. Не исключено, что в отношении (т. е. в письме) начальника округа в МВД или в объяснительной записке указана искомая дата. Несомненно, это был 1890 год. Возможно, там есть и фамилия С. П. Швецова («неугодных» выключали позже).

Проблема первенства в создании Алтайского географического общества, как и тема его общей истории, поднимается впервые. Даже относительно создания общерусского общества до сих пор идут

разыскания, бытуют различные мнения, хотя источников и литературы по этому сюжету более чем достаточно. Почему волнует подобная тема наших активистов? В статье Н. Г. Суховой «Еще раз о предыстории Русского географического общества»[1] говорится об этом так: «Существующие расхождения в представлениях о времени появления идеи создания Общества и его инициаторе на первый взгляд незначительны, тем более, что достаточно единодушно решающая роль в истории создания РГО отводилась и отводится Литке. Однако для понимания истории географической науки в России и выяснения причин возникновения Общества полезно более точно знать, когда появилась идея — в 20-х, 30-х или 40-х годах, родилась ли она в царском дворе или в уме ученого, принадлежала одному человеку или группе, принадлежала одному человеку или группе, практику или представителю научного общества». Важны подобные вопросы и в отношении нашего филиала. В дальнейшем, надо надеяться, подключатся новые исследователи, тема будет освещена более полно и содержательно.

Неделю спустя, 2 ноября 1891 года, состоялось первое заседание совета общества, вел его Н. И. Журин. Совет занимался рассмотрением хозяйственных дел. Было объявлено, что совет старшин Алтайского собрания любезно уступает одну комнату для общества. Здесь же будут собираться коллекции, книги, материалы. На заседании было решено послать извещение об открытии общества, письма и устав всем ученым обществам, местным отделам географического общества, редакциям сибирских газет и многим лицам Алтайского округа, «как то: управляющим заводами, чиновникам по крестьянским делам, священникам, учителям, служащим и другим лицам, прося их содействию Общества». Для этого решили отпечатать еще 300 экз. Устава и 480 экз. пояснительной записки.

23 ноября, 3 декабря и 18 декабря состоялись очередные заседания совета, все их вел Н. И. Журин. За эти дни совет рассмотрел краткую программу для собирания сведений о природе и населения Алтайского округа. Шло активное обсуждение его содержания, ведущим автором программы был С. П. Швецов. Особенно большие дополнения сделал Ф. Е. Засс. Программу утвердили и решили отпечатать в количестве 700 экз. Через несколько дней, 31 декабря 1891 го-

[1] Известия ВГО. 1990. Т. 122. Вып. 5. С. 403–408.

да, умер первый почетный председатель Общества любителей исследования Алтая.

Активисты Общества достойно отметили память Николая Ивановича: в четверг 19 января 1892 года в 7:00 вечера состоялась общее собрание, была прочитана биография организатора общества, выслушаны воспоминания, память Н. И. Журина почтили вставанием.

Порфирий Николаевич Соболев заключил свою речь такими словами: «Энергия одного человека в нашем не привыкшем к общественной деятельности обществе имеет громадное значение, потому потерю такого человека как Николай Иванович мы считаем слишком тяжелой для только что возникшего Общества. Несомненно, с утратой Николая Ивановича наше Общество очень много потеряло, но совет надеется, что члены Общества глубоко чтят память покойного Николая Ивановича, сохранят сочувствие к делам общества и найдут силы и средства для выполнения намеченных целей. Позже П. Н. Соболев ездил в Петербург (январь 1893 г.) и заказал в типографии А. И. Вильбурга отпечатать способом художественный фототипии портрет Н. И. Журина в количестве 500 экз. Работа была сделана, и Трофим Пушкарев привез карточки в Барнаул[1]. Портрет Н. И. Журина поместили в первый выпуск «Алтайского сборника».

Нет никакого сомнения, что Николай Иванович Журин сыграл ведущую роль в рождении Общества, и наш филиал должен увековечить его память мемориальным знаком.

Общество любителей исследования Алтая было очень активным, систематически проходили общие собрания, заседание совета, обсуждались интересные краеведческие доклады, были организованы крупные общественные акции, развернулась издательская деятельность, благотворительные мероприятия, просветительская (лекционная) работа. Она имела широкий авторитет в местном обществе, в кругах сибирской и российской интеллигенции.

Так, например, правитель дел Восточно-Сибирского отдела Географического общества Д. А. Клеменц в своем обширном письме [2](.) не только от своего имени приветствовал создание Общества, заверял, что он примет участие в его деятельности, и выдвигал предложение, что подобные сибирские общества могли бы создать ассоци-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 5. Л. 43.

[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 3. Л. 12–15 об.

ацию для защиты своих прав. Вместе с тем Клеменц высказал мнение, что местные общества внесут большой вклад в развитие Сибири, что «один Томский университет не может развивать науку, как он сам мыслит...». Он пророческии предсказывал: «Без провинциальных научных точек не прожить. Мало мест в Сибири, которые привлекали внимание стольких исследователей, как ваш чудный Алтай, этот микрокосм Азии с своей удивительно разнообразной и богатой природой, и трудно найти другое место в Сибири, где так нужна была бы и так привлекательна была бы работа местной группы исследователей. Вам нечего бояться, что ваши коллекции, собранные вами материалы будут лежать втуне, ожидая исследователей. Слишком много практических и научных задач связано с деятельным изучением Алтая, и всякому новому вкладу будут очень рады русские ученые». Письмо это было зачитано перед всеми членами. Как известно, Д. Клеменц впоследствии оказал действительные услуги Обществу.

Крупнейший русский ученый и общественный деятель А. А. Кауфман из Петербурга сразу откликнулся на известие о создании Общества, он писал: «Конечно, только местные деятели и местные общества могут довести изучение края до той глубины, которая недоступна для исследователя наездом, дать то достойное знание Сибири, которого так недостает. Кауфман просил принять его в члены Общества любителей исследования Алтая. Другой крупнейший русский ученый, В. И. Семовский, в своем письме от 17 мая 1892 года приветствовал создание Общества, изучил его устав и сообщил, что согласен сотрудничать в его печатном органе.

Общесибирские газеты откликнулись на создание Общества. «Сибирский Вестник» (1891, № 147) поместил заметку о задачах Общества, выдержки из его устава, полностью напечатал объяснительную записку к уставу с разъяснением общей программы деятельности алтайских исследователей. В Иркутске «Восточное обозрение» (1891, № 52) опубликовало подробное изложение как устава, так и объяснительного текста к нему.

Конечно, с большим нетерпением ожидали официального утверждения общества активисты и патриоты Алтайского горного округа. Вот, например, член-учредитель Александр Михайлович Головачев, который участвовал в подготовке общества, но в момент его организации оказался далеко от родных мест, на кавказских ру-

бежах России. Известие туда пришло поздно, но он, однако, с радостью откликнулся. 6 июня 1892 года из Тавриза он писал: «Вполне сочувствуя задачам общества изучение Алтая, но, в настоящее время не будучи в состоянии активно выразить своего сочувствия, покорнейше прошу приложенные 10 руб. внести в кассу на текущие потребности как мой взнос...» В данном случае это означает, что Александр Михайлович хорошо знал заранее Устав и 10 рублей выслал для получения диплома действительного члена Общества.

И работа началась.

В 1892 году состоялось 4 общих (очередных) собраний членов общества и 7 заседаний совета. В 1893 году было 6 общих (очередных) собраний и 13 заседаний совета, но в 1894 году прошло одно годовое общее собрание (переизбрание совета) и 24(!) заседаний совета; в 1895 году совет Общества собирался 27 раз и было три собрания. В 1896 году прошли 5 общих собраний. Такая активность была и в последующие годы. Собрания не отличались «заседательской суетой». Обсуждались внутренние дела жизни общества по уплате членских взносов, кассовые отчеты, формирование бюджета (расходов), переизбрание членов совета, отчеты ревизионной комиссии, создание библиотеки, коллекционные сборы. Обсуждались доклады и научные сообщения членов Общества (как выражение личных научных интересов, не связанных с заданиями Общества), рассматривались программы, читались письма и обращения из других общественных организаций. Много времени уделялось обсуждению статей для «Алтайских сборников». Как свидетельствуют записи, с особой щепетильностью обговариваются денежные расходы.

Возьмем, например, начало 1895 года — только в феврале состоялось 6 заседаний совета, а в марте 2 — и несколько заседаний общественного комитета по переписи. И это не случайно: по инициативе Общества 25 марта проводилась однодневная перепись населения Барнаула, на заседаниях рассматривались возможные варианты, уточнялась программа, подбирались добровольцы-переписчики, проходил их инструктаж. Только благодаря энтузиастам из Общества была проведена первая полная перепись Барнаула.

По официальному предназначению (по уставу) созывались общие и годичные собрания членов Общества для утверждения годовых отчетов, по выборным и финансовым делам. Но чаще созывались очередные собрания, на которых выслушивались доклады и

научные сообщения членов Общества, шли теоретические дискуссии.

На очередном собрании 23 февраля 1892 года было сделано сообщение С. П. Швецова о формах землевладения. К тому времени Швецов уже достаточно знал Алтай, особенно общественные отношения в алтайской пореформенной деревне. Он отметил факт многоземелья, но заострил внимание на чрезвычайной неравномерности крестьянского землевладения. Обследовав ряд деревень и изучив материалы по обычному праву, он указал на колебания в пользовании землей от 3 десятин на работника до 2000. Отчего такой разрыв? Швецов полагал, что система первоначального пользования землей в крае, ввиду массы пустующих пространств, строилась на моменте «первого завладения» (захвата), что именно это является источником обычного права местного крестьянства на занимаемые ими земли. Так было действительно до реформы 1861 года, однако положение меняется с появлением здесь переселенцев.

В ноябре был заслушан доклад «Мукомольное дело на Алтае в связи с развитием земледелия и пароходства». Это было глубокое экономическое исследование, на основе которого собрание вынесло практические рекомендации для Главного управления Алтайского округа.

На двух очередных заседаниях 31 января и 7 мая 1893 года были заслушаны доклады А. Н. Недзвецкого «Краткий очерк холерной эпидемии 1892 г. в Барнауле» и И. И. Казаринова «Холера в Сузуне в 1892 г.». Отмечалось крайне неблагоприятное санитарное состояние некоторых участков в Барнауле, что способствовало распространению эпидемии. Почетный председатель В. К. Болдырев, начальник Алтайского округа, призвал соединить усилия по изучению причин возникновения холеры. На одном из собраний заслушали сообщение А. А. Бобятинского «Исследование условий водоснабжения переселенческих заселков Кулундинской степи». Летом 1893 г. он изучил с геологической точки зрения речку Солоновку и Кучукское озеро, а также поселки Закладное, Кочки, Чудские Пруды, Абрамовский, Дубровка и Костин Лог. Произвел там бурение. Как он заметил, хорошая вода залегает очень глубоко, синяя глина служит водонепроницаемым слоем, а население пользуется солончаковой водой. В прениях выступили Клевакин, Засс, Великолюд. А. А. Бобятинский выполнял исследования не по заданию Общества, но Болдырев

поддержал мнение присутствующих, чтобы не разрешали новоселам селиться там, где нет колодезной воды, и о необходимости провести новые исследования.

Интересные прения вызвал новый доклад С. П. Швецова на очередном собрании 9 февраля 1896 года: «Змеиногорский край и его общая характеристика». Он представил обширные сведения и личные наблюдения об этой части Алтайского округа. Остановился на истории горного дела со времен Демидова, на истории заселения края русским крестьянством. Был дан общий географо-климатический обзор, представлено современное социально-экономическое положение. Доклад обсуждался очень заинтересованно, творчески, с целью поправить автора и подготовить текст для издания. Так, например, утверждение Швецова (по сведениям П. С. Палласа), что пчеловодство занесено на Алтай, именно в Змеиногорский край (деревни Екатерининская, Староалейская), русскими засельщиками-«поляками» в 60–70-е годы XVIII столетия, было оспорено[1]. Краевед И. Е. Овсянкин напомнил, что алтайский исследователь В. И. Вербицкий доказал, что дикие пчелы в крае водились еще до прихода русских и что инородцы пользовались медом этих пчел, занимались бортничеством.

В том же году на очередных заседаниях С. И. Ростовский прочел доклад о климате северной части Алтайского округа, а П. М. Юхнев о землеустройстве на тех же землях. Доклады дополняли друг друга и давали хорошее географо-экономическое описание волостей северо-восточной части Алтайского края.

Общие собрания созывались с извещением о них для каждого члена Общества, а также путем публичного приглашения всех желающих через небольшие афиши (позже — через объявление в местной газете). В извещениях не только излагалась программа собрания, но зачастую обговаривались проблемы того или иного доклада[2].

О серьезности и доброжелательности дискуссии на заседаниях говорит, например, обсуждение доклада Е. П. Клевакина «Образование льда на реках, озерах и прудах». Со своим пониманием проблемы автор выступал несколько раз. Первоначально в марте 1893 года он излагал статью В. Обручева в № 22 «Сибирского вестника» об

[1] Это мнение удерживается до сих пор — см. заметку «Алтайский мед» в «Алтайской правде» за 7 февраля 1989 г.

[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

образовании ангарского и байкальского льда. В этих водоемах обнаружен грунтовый лед, там лед образуется и на дне. Клевакин задался вопросом — может ли лед образоваться на дне? Тогда должна промерзать вся вода. Он наблюдал образование льда и в озере, и в кадке: лед образуется с поверхности! Клевакину возразили, что наблюдение другого исследователя, профессора Залесского, на озере Широ совершенно расходится с мнением Клевакина. В конце дискуссии докладчик выразился так: «Короче сказать, одни знаменитые ученые доказали, что на дне рек не бывает холоднее 4 градусов по Цельсию. Значит, она все-таки теплая, вода. Другие ученые, разделяя означенный взгляд и признавая его правильным, силятся доказать, что в этой-то теплой воде, на дне рек, образуется лед. Но ведь это абсурд!!!». После бурного обсуждения В. К. Болдырев сделал заключение, что печатать статью Клевакина не будут, так как он не доказывает свои взгляды наблюдениями над алтайскими реками, «а это выходит из круга задач Общества, поставившего себе целью изучения специально Алтая»[1]. Замечательная формулировка, оберегающая научную чистоту Общества любителей исследования Алтая. Правда, когда в другой раз, по другому поводу, было употреблено это же обоснование, собрание не согласилось: речь шла о переселенцах.

На заседании совета 11 апреля 1894 года В. К. Болдырев доложил, что он был в Петербурге, в комитете Общества вспомоществования нуждающимся переселенцем. Там просили, чтобы Общество любителей исследования Алтая взяло на себя оказание помощи нуждающимся переселенцам. На это последовало возражение, что лучше создать здесь особый комитет от имени петербургского общества; что наше общество может быть лишь посредником, то есть давать сведения в этот комитет, но не заниматься благотворительством, так как это «выходит из круга задач общества любителей исследования» (предложение П. Н. Соболева). Но собрание решило принять на свой счет в банке деньги от петербургского общества вспомоществования переселенцам и распределять ссуды среди новоселов. «Кто же этим будет заниматься, как не мы?!» — раздавались голоса. (Справедливо следует заметить, что общество не стало от этого благотворительным и не потеряло своего лица научно-краеведческого.)

[1] Позже Клевакин представил заметку «Пруд в Гурьевском заводе». Полный текст доклада «Заметка об образовании льда на реках и озерах» есть в деле 12, ф. 81, он занимает л. 1–13 с об.

Совет стал постоянно действующим органом Общества. Выносимые на повестку дня вопросы решались коллегиально. Несколько раз отдельные вопросы переносились на следующее заседание, чтобы в обсуждении приняли участие более широкие круги активистов. Редко заседание совета ограничивалось только его членами, всегда присутствовали действительные члены, а также «посторонние лица» — полтора-два десятка человек. Правда, одно заседание совета было «закрытым» — 31 октября 1892 года.

Просмотрим бегло протоколы других заседаний совета, остановимся на отдельных докладах, проблемах. На заседании 26 мая 1892 года была зачитана рукопись Н. М. Зобнина «Приписные крестьяне на Алтае». Материал к ней был собран автором в архивах горной конторы Салаирского рудника. Статья вызвала оживленный обмен мнениями, советами, дополнениями. В частности, автора просили уточнить, во сколько дней мог исполнить крестьянин в 1761–1770 годах урок по добыче железной руды, а также пространнее описать раскладку об обязательных или хлебных подрядах для заводских контор. Постановили печатать статью в будущей первой книге «Алтайского сборника». Обсудили письмо Д. А. Клеменца к брошюре профессора Богданова «Нужна ли русская ассоциация естествоиспытателей и научных врачей». В письме Клеменц приветствовал создание Общества любителей исследования Алтая, предлагал обратить внимание на первый международный конгресс в России, а также высказать мнение об основании Русской ассоциации натуралистов и врачей, обсудить проблему социальной защищенности обществ, юридических прав объединений, законности. Он писал, что отношение провинциальных научных обществ к данной проблеме играет большую роль в создании ассоциации и просил местные общества связаться между собой, высказать мнение. По правде сказать, алтайские краеведы еще не были готовы к подобным обсуждениям, не имели еще практики взаимного общения, поэтому на письмо Клеменца ничего положительного не было высказано, однако поручили заместителю председателя Л. Л. Мартини изучить письмо и брошюру и подготовить отзыв.

Рассмотрели письмо А. А. Кауфмана о том, что он рад поддерживать связи с обществом и обещает прислать свои статьи для сборника. Александр Аркадьевич Кауфман (1864–1919) был избран 1 ноября 1892 года членом общества, это крупный экономист и ста-

тистик. Он изучил район томско-мариинского полесья, исследовал проблемы землепользования и состояния крестьянского хозяйства, свои наблюдения изложил в 7 томах книги «Материалы для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири». А в том году написал сводную работу «Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях». Участие А. А. Кауфмана в членстве общества было довольно деятельным, его переписка с советом, а особенно его книги по земельному устройству и переселению служили примером научной разработки названной проблемы. Общество любителей исследования Алтая, заканчивая изучение переселенческого дела в округе и готовясь к публикации итогов постановило «за образец решения» взять книгу А. А. Кауфмана «Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии», произведенной путем подворного исследования в 1894 году, книга вышла в 3 томах[1].

На другом заседании совета обсуждали письмо метеокомиссии Западно-Сибирского отдела географического Общества. Узнав о создании в Барнауле краеведческого общества, она обратилась с просьбой указать, где лучше вести наблюдения, кто может взять на себя такой труд. Активисты были известны Обществу, метеонаблюдения велись в округе давно, в Барнауле была своя метеостанция. Выразили готовность производить наблюдения по программе метеокомиссии змеиногорский горный врач В. Тронов, учитель Константиновской начальной школы на Иткульском заводе Бедняков, горный кандидат на Гурьевском железоделательный заводе Эльснер. Причем Эльснер обещал прислать научную статью для сборника. Позже (заседания совета 11 февраля 1893 года) хозяин Иткульского завода И. К. Платонов дал согласие устроить метеостанцию на собственные средства. Подъесаул Чарышской станции Вас. Шестаков изъявил готовность у себя устроить метеостанцию и наблюдения, если ему помогут приборами и советами. Работа была проведена, и на заседании совета 21 февраля 1895 года Ф. Е. Засс докладывал обобщенные данные о метеорологических станциях в Алтайском округе, он нашел документы, что метеонаблюдения производились в Усть-Каменогорске, в Колыванском заводе и в Кузнецкой крепости еще в 1734–1741 годах.

[1] ГААК. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1. Л. 106. Заседание совета от 5 февраля 1896 г.

Общество установило связи с Археологической комиссией Министерства Императорского двора, просили разрешения на производство раскопок. Из комиссии ответили, что обществу не дают разрешение, но компетентному лицу от общества они разрешают раскопки. Как известно, Н. С. Гуляев воспользовался этим правом. Совет создал комиссию по изучению сведений о холере (С. П. Швецов, А. Н. Недзвецкий, Н. С. Гуляев, В. К. Штильке, С. М. Великолюд, Н. Ф. Миролюбов). Комиссия выработала программу, поставила проблему несколько шире — о санитарном состоянии мест проживания о возможности заражения другими болезнями, в частности сифилисом, о предупреждении эпидемии. А. Н. Недзвецкий предложил включить программу исследования вод в Барнауле, а директор окружного училища А. А. Бобятинский взялся производить систематические пробы с привлечением учеников старших классов. Дело приняло общественное звучание. Хозяйка содового завода Ю. А. Пранг (член-ревнительница Общества) сама просила провести исследование загрязнения почвы и воды от действия ее завода, причем выделяла средства на организацию работ.

Глубокие наблюдения под руководством Общества были проведены по предотвращению распространения сифилиса в округе. Названная комиссия разработала специальную карточку для исследования о сифилисе, отпечатали 2500 экземпляров и разослали по участкам. Цель этой работы заключалась в выяснении состояния народного здоровья относительно данной болезни, которая, как известно, целиком захватывала многие населенные пункты округа и которая с каждым годом, с наплывом переселяющихся элементов, распространялась на новые области. Уже упомянутый врач горного ведомства Змеиногорска В. Тронов прислал ответы на программу. Он заметил, что сифилис среди переселенцев распространяется больше, чем у старожилов, что связано с условиями их жизни (неблагоустройство, жизнь в бараках, на перевалочных пунктах). В округе Змеиногорска особенно распространена это болезнь в селах Шипуновское и Каменка. Он дал согласие поголовно обследовать одну-две деревни после окончания полевых работ, в октябре-ноябре 1895 года[1]. От сузунского врача, члена Общества И. И. Казаринова была получена большая статья с описанием его наблюдений,

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 107.

причем он указывает на распространение сифилиса и среди горнозаводских служащих.

Кроме того, совет Общества при помощи своих членов изучил постановку дела начального образования в Алтайском округе и санитарно-медицинское состояние в частных школах. Многие темы рассматривались на заседаниях публично, другие получили гласность через издание сборников, рассылку разного рода запросов, программ. Большинство дел и проблем, поставленных Обществом, не застряло в их узком кругу и не стало достоянием только архивных полок.

Очень примечательно, что исторически научно-исследовательская, творческая работа нашего филиала началась с разработки и утверждения комплексной краеведческой «Краткой программы для собирания сведений о природе и населения Алтая». Она вышла из печати 17 января 1892 года в количестве 800 экземпляров и была разослана большому числу лиц, не только членам общества. Вопросов много, они еле уместились на пяти больших страницах мелкого шрифта. Перечислим заголовки разделов в их последовательности: описание местности — население — общественное управление — землевладение — раскладка повинности — земледелие — скотоводство — пчеловодство — промыслы — мелкие промыслы и занятия — отхожие промыслы — крупная промышленность и торговля — переселения — церковь и раскол — верования и суеверия — обряды, обычаи — песни, сказки, сказания и прочее — народное образование — народное здоровье — памятники. Всего, как видно, 21 раздел. Каждый из них разбит на ряд вопросов, пояснений, подразделений.

Так, например, четвертый раздел, «Землевладение», содержит пункты о том, сколько селений в волости, поделили ли угодья между селениями или пользуются ими совместно; есть ли поскотина; может ли каждый домохозяин определить дачи где хочет, или пашни уже поделены по душам. Раздел 14, «Переселение», имеет 18 вопросов с подробной детализацией. Пояснительный текст к каждому разделу есть самостоятельная программа для работы, исследования, изучения. Скажем, расшифровка последнего раздела «Памятники» действительно дает ориентиры в поисках. Там говорится: «Нет ли старинных образов, книг, летописей в церковных архивах или у частных лиц? Нет ли у кого записей, дневников, воспоминаний? Нет ли каких замечательных мест (холмов, развалин), о которых в на-

роде ходят сказания? Нет ли курганов, чудских копей, насыпей, городищ и других памятников? Нет ли каменных баб, рисунков, надписей на скалах? Не находят ли древних орудий (каменных, костяных, металлических) и скелетов человека? Где именно? Не находят ли монет и украшений? Не находят ли скелетов допотопных животных или частей их?»

Нетрудно заметить, что преобладают темы экономико-географического и социально-бытового характера, исследование крестьянской проблемы, в том числе и положения переселенцев. И только один раздел, первый, сугубо географический, по описанию местности.

«Краткая программа» отражала состояние краеведных и географических знаний конца XIX столетия, способствовала возбуждению краеведческой деятельности среди достаточно широких кругов грамотных людей. Программа определила с первого года рождения общества комплектность научного содержания его работ и до сих пор может служить ориентиром по исследованию Алтайского края[1].

В дореволюционном фонде ГААК сохранились ответы на программу из разных мест округа с более или менее подробным описанием местности и отдельных населенных пунктов. Уже в мае 1892 года было получено объемистое описание села Ояшина от учителя С. П. Бедрина. Он же прислал коллекцию окаменелых растений. Особый интерес представляли остатки плавки руд древними рудокопами, найденные учителем в старинных печах-закопушках. Его просили уточнить топографическое положение печей и окаменелостей.

Поступили описания села Междугорного Мунгатской волости, сел Владимирской волости Бийского округа (Верх-Убинка, Секисовка, Большая Речка, Малая Убинка, Зимовская, Волчиха, Быструха, Александровское), села Яровка Карасукской волости, станицы Чарышской. Краевед Аксенов прислал описание села Верх-Шубенки Бийской волости на 26 листах; создано описание с. В. Тогульского, Хайрюзовки и других. Ответы на программу самые разнообразные, хотя все придерживаются предложенной последовательности. Одни дают грамотные, толковые описания, другие носят отрывочный

[1] Однако уже тогда были другие мнения. Крупнейший ученый А. А. Кауфман 14 марта 1892 года в письме к основному автору С. П. Швецову писал: «Два слова по поводу программы: я ее не могу особенно одобрить: для специалистов-исследователей она не нужна, а для неспециалистов — больно уж коротка».

характер. Все корреспонденты, учителя и чиновники, проникнуты желанием оказать помощь руководителям Общества в составлении обширного описания своего края. Нельзя сомневаться в бескорыстности, в искренности и доброжелательности местных патриотов.

Отрывочно приведем один из ответов. «На отношение от 26 июня 1892 года я, станичный атаман Стрельцов, честь имею уведомить о расположении станции Чарышской. 1-е. В станице Чарышской всего имеется 5-ть хуторов, а именно Чарышский, Сосновский, Тулатинский, Яровский, Тигирекский». Корреспондент описывает местность, природные богатства, жизнь станичников, хозяйство, подворье, промыслы, дает климатические сведения. «Переселенцев в наших станицах нет...» «Есть 2-х классное училище в Чарышской, в прочих поселках начальные училища мальчиков, занимаются не очень много. Частных учителей нет. Памятников старинных нет. Дневников неуково неимееца. Настоячее описание в бороноульское любительское опчество претставить честь имею 18 июня 1892 г. Чарышский станичный атаман Стрельцов»[1].

Накопилось много неразобранных ответов на запросы Программы. На собрании Общества 20 мая 1895 года А. Дудоладов проанализировал поступившие материалы. Они остаются неизвестны широкой публике. Если издавать сборники от случая к случаю, то они никогда не увидят свет. Необходимо периодическое издание, журнал ежемесячный. Дудоладов полагал, «что если статьи будут близки к жизни и доступны по изложению для среднего читателя», то сборники найдут сбыт, будут окупаемы. Его тогда не поддержали. Но уже осенью вынуждены были вернуться к необходимости какой-то унификации неразобранных папок. Члены совета взяли на себя труд просмотреть и определить их судьбу, разложить по темам, по проблемам. В большинстве своем сведения о многих селах остались архивными: они особенно ценны теперь, ибо точно фиксируют природно-экологическую обстановку и социально-экономическую ситуацию столетней давности без прикрас и без искажений.

Большим делом в работе Общества всего дореволюционного периода стало изучение крестьянского хозяйства, экономического положения сельского населения, как русского, так и аборигенного, исследование землепользования и особенно поземельного устрой-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 4. Л. 22–25.

ства переселенцев, водворенных на алтайских землях Кабинета. Затруднения изучения вызваны разбросанностью переселенцев по всему округу, их смешением, а иногда полным слиянием со старожилами, подвижностью переселенческой массы. «Понятно, — говорилось на заседании 15 декабря 1893 года, — что Общество любителей исследования Алтая не может задаваться целью сплошного обследования всех пунктов водворения переселенцев, но нельзя ограничиваться изучением одного-двух сел».

Д. М. Головачев

Реальным толчком к началу работ послужило предложение Д. М. Головачева. Он был хорошо известен алтайским краеведам работами по изучению хозяйства и быта переселенцев в Восточной Сибири. В Алтайском округе своя специфика, это он понимал, поэтому предлагал ввести изучение здесь именно местными деятелями, знал их возможности. 17 июля 1893 года секретарь совета Н. С. Гуляев получил телеграмму из Тюмени следующего содержания: «Телеграфируйте мне, может ли Общество любителей взять в нынешнем году исследование мест водворения переселенцев на Алтае. Найдутся ли лица? Где Швецов, Овсянкин, Зобнин? Средства есть, могу приехать лично. Головачев»[1]. Телеграмма подтолкнула совет на активные действия. Вместе с тем Головачев прислал программы, прислал бланк Тобольской губернии «Сведения об экономическом положении переселенцев». (Это огромная бумага из 12 листов сплошных граф, вопросов, пунктов, подпунктов.) 21 июля и 17 августа состоялись заседания совета, их вел В. К. Болдырев. Он полностью поддержал и предложение Головачева, и составленную И. Е. Овсянкиным программу. Была утверждена комиссия для отработки программы исследования положения переселенцев, ее возглавил председатель общества Ф. Е. Засс и Н. С. Гуляев, в комиссию вошли Овсянкин, Н. Ф. Латышев, А. Т. Дорошенко.

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 5. Л. 52.

27 августа состоялось новое заседание совета общества, на нем присутствовал Дмитрий Михайлович Головачев (1866–1914). Головачев, выходец из Алтайского округа, окончил Петербургский университет, участвовал в исследовании хозяйственного быта и землепользования сельского населения Сибири, известна его большая работа «Бюджет крестьянских хозяйств Забайкалья». В конце XIX — начале XX столетия он работал секретарем красноярского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства, был связан с Переселенческих комитетом, с различными благотворительными обществами, активно участвовал во всех сибирских изданиях. На заседании совета Головачев объявил, что дело изучения водворения переселенцев в Сибири теперь поставлено на солидную основу. Однако о переселении в земли Кабинета почти ничего не известно. Он летом работал в медицинской комиссии в Тюмени, которая ведет регистрацию переселенцев. Председатель общества вспомоществования нуждающимся переселенцам И. И. Игнатов пожертвовал 1000 руб. на изучение мест переселения на Алтае специально, если общество возьмется за это дело. Местные активисты Швецов, Овсянкин, Дорошенко, оценивая опыт землеустроительных работ, разъяснили, что исследовать весь округ невозможно. Они пришли к заключению, что переселенцы на Алтае разделяются на четыре группы: на переселенцев из старых крестьянских селений, переселенцев казачьих поселков, переселенцев новых земель и переселенцев-арендаторов. Каждую группу надо изучать самостоятельно, но не во всех местах края. Особое значение для жизни сельского населения имеет его местонахождение, то есть географические особенности. Исходя из этого, округ решили разбить на зоны: лесную, степную (Барнаульские и Бийские волости), предгорную и горную. В каждой из названных зон выбрать типичные волости и детально изучить по одной, подворно. Остальные — поверхностно. Д. М. Головачев внес некоторые дополнения в программу исследования и настоятельно просил начать работу именно в нынешнем году. Вызвались И. Е. Овсянкин и А. Т. Дорошенко. Им тут же определили на месячное содержание по 30 руб. и на расходы по 30 руб. Решено было отпечатать 1500 подворных и 200 посельных бланков.

Д. М. Головачев, исходя из данных ему полномочий, сказал, что в следующем году необходимо организовать экспедицию из 5 человек на 3 месяца, это будет 900 руб. для их оплаты, а другие расхо-

ды потянут на 180 руб. На Совете согласились с такой раскладкой, но было оговорено, что нынешняя пробная поездка уточнит расходы на будущий год, имея в виду, что субсидия будет увеличена до 2000. Председатель общества Ф. Е. Засс выговорил право сохранить исходный «сырой» материал экспедиции в архиве общества, чтобы каждый мог пользоваться источниками, а также что право издания обобщенных итогов исследования переселенцев остается за алтайским Обществом. (На общем собрании 21 декабря 1893 года Д. М. Головачев был избран действительным членом Общества любителей исследования Алтая.)

Не теряя времени, И. Е. Овсянкин и А. Т. Дорошенко выехали в Покровскую волость (по нынешнему административному делению это Родинский и Волчихинский районы) Барнаульского уезда. Они полагали, что там есть пункты, где оседание переселенцев не прекращается и где рядом с давно образовавшимися поселениями находятся поселки, только что заселяющиеся. Работали они энергично в течение 15 дней, посетили 5 поселений. Обследовали 2 старых деревни, заселенные преимущественно переселенцами, Солоновку в 87 дворов и Усть-Волчиху в 251 двор, а также три новых заселка: Малышев Лог — 278 дворов, Вознесенку — 181 двор, Бахареву — 27 дворов. Всего описано 1018 дворов, из них 57 старожильческих и 669 переселенцев, а также 298 дворов переселенцев не причисленных. Водворение их относится к годам 1874–1893.

Выборочная работа показала, что обследование переселенцев наличными силами Общества не провести, надо сократить число поселков и увеличить число статистиков. И еще: в старых селениях сложились разные группы крестьян и туда надо посылать опытных исследователей. Кроме того, средств явно недостаточно. Начальник округа В. К. Болдырев перечислил дополнительно 200 руб. на изучение переселенцев и дал двух статистиков (в дополнение к четырем определенным по смете Головачева). Обратились к томскому губернатору за помощью; он выделил для общества 500 руб. (из 2000 руб., предназначенных для А. А. Кауфман на изучение им крестьянского хозяйства в Томско-Мариинском полесье). Предприниматель, член Общества И. К. Платонов сделал пожертвование и попросил произвести обследование переселенцев в Белоярской волости Барнаульского уезда. Помощь была оказана и другими способами. Так, например, Д. М. Головачев получил от Сибирякова 300 руб. и просил

принять студентов Нагаева и Минаева в экспедицию, а член-учредитель общества Д. Е. Функ дал согласие бесплатно перевести студентов к местам исследования заселков. Затем начальник Алтайского округа и томский губернатор отдали распоряжение для чиновников оказывать помощь и содействие в работе экспедиции. Местные типографии по умеренной цене напечатали 20 000 различных бланков.

С 1 по 10 июня 1894 года произвели пробную перепись в Белоярской волости, а потом разъехались в намеченные пункты. Четверо студентов работали до 1 сентября, двое статистиков вели перепись до 20 сентября и еще один закончил обследование к декабрю. Работали: И. Е. Овсянкин, столоначальник Томского губернского суда Г. И. Плотников, народный учитель И. И. Бушуев, акцизный чиновник А. Т. Дорошенко, студенты Томского университета Н. Д. Введенский, Я. Д. Вифлеемский и два из Петербургского университета. Помимо их, В. Н. Богословский (служащий Управления Алтайского округа, с согласия начальника округа) с согласия начальника округа изучил три заселка, а член Общества К. В. Речкунов произвел перепись в четырех заселках Шадринской волости (ныне Калманский район). А. П. Мещеряков исследовал один заселок под Бийском, помощник акцизного надзирателя К. А. Столяровский описал два заселка в Кузнецком округе. Только члены назначенной Обществом экспедиции (6 человек) описали 116 селений с 16 720 дворами, из них в Бийском уезде 6 старых селений (3157 дворов) и 48 заселков (5960 дворов), в Барнаульском 59 заселков, или 5967 дворов. Точных сведений к декабрю было по 122 селениям с 17 061 двором.

На общем собрании 2 января 1895 года Овсянкин и Дорошенко говорили о личных впечатлениях от работы, о том, что они не в состоянии заменить цифровые данные[1]. Всего исследовано 135 переселенческих поселка с 20 тысячами дворов. Переписными листами было охвачено свыше 100 тысяч душ обоего пола. Работа проведена мало сказать большая — просто огромная, но нет больше денег для новых исследований, нет средств на обобщение колоссального цифрового материала, нет денег на подведение итогов, создание правильного описания, нет денег и на издание исследования о переселенцах.

И вновь оказали услуги меценаты, энтузиасты, патриоты. Овсянкин и Дорошенко обязались произвести общий подсчет мате-

[1] См. об этом: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 9.

риалов, его унификацию к осени 1895 года. Помощник начальника округа А. В. Розанов обещался хлопотать перед Петербургским переселенческим обществом о выделении некоторой суммы на продолжение исследований. Определили заплатить 250 руб. за обработку 20 000 поселенных карточек. Сначала за дело взялся А. А. Силин, из расчета 3 коп. за карточку, а за проверку таблиц — 60 руб. Но уже в апреле 1895 года он отказался, хотя и подготовил около 3000 карточек. Обобщение карточек взяла на себя М. Швецова, ей добавили 100 руб. к прежней сумме. Осенью оказалось недоработанных 10 000 карточек, совет решил платить за карточку по 5 коп., это опытный счетчик в месяц может заработать не более 20 руб.. И только в январе 1896 года М. В. Швецова заявила об окончании подсчетов, а свести их в таблице взялся Н. Н. Шильдаль. (Впоследствии оплатили ему 24 рубля.) Не обошлось без казусов. Кажется, ясно, что утомительный труд по подсчету карточек, сведение их в таблице, перерасчеты в проценты и тому подобное надо поддержать доплатой. Но вот член ревизионной комиссии Е. П. Клевакин обвинил в недобросовестности Швецовых, что Сергей Порфирьевич посредничает в передаче денег по подсчету переселенческих карточек между им и супругой. Ему напомнили, что все взаимоотношения и расчеты происходят по указанию совета и никакого нарушения воли совета нет; пришлось указать, что ревизионная комиссия рассматривает фактическое исполнение дела (квитанции, договоры, кассовые счета), а не взаимоотношения людей.

Теперь предстояло подготовить материалы исследований к печати. Труд по их литературной обработке взял на себя С. П. Швецов. Он предлагал книгу создать в двух частях, в первой будет статистический материал, а вторая часть должна заключать общее описание переселенческого дела в округе, усилий по внедрению переселенцев, их размещению. Здесь должны быть все те выводы, которые можно будет сделать на основе произведенных исследований. Но средств для издания не было, дело затягивалась. В ноябре 1896 года С. П. Швецов решительно заявил свои условия по окончанию обработки: если к весне 1898 года Совет общества не выпустит книгу в свет, то рукопись он оставляет в своей собственности. Однако хлопотать по розыску средств на издание пришлось все равно ему. Самую существенную помощь оказал В. Т. Зимин. Этот меценат

был хорошо известен патриотам Сибири, он оказал к тому времени услуги и Обществу любителей исследования Алтая.

Как секретарь общества, 25 августа 1895 года С. П. Швецов обратился к Валериану Тимофеевичу Зимину за поддержкой. В письме он напомнил, что на средства И. И. Игнатова, И. М. Сибирякова и других лиц уже исследовано положение переселенцев. Издание книги хотелось закончить к открытию Нижегородской ярмарки, чтобы результаты получили широкое распространение и повлияли на практическую сторону переселения, чтобы оказать помощь переселенцам. «Уезжая с Алтая, Вы, многоуважаемый Валериан Тимофеевич, будете на выставке в Кургане, затем в Москве и Петербурге, где встретитесь с крупнейшими из деятелей Сибири, всегда хорошо относившихся к вопросам просвещения их далекой родины и оказавших ему посильную помощь», — просил Швецов взяться за сбор пожертвований на издание. Зимин дал согласие, 6 мая 1896 года ему выдали «Подписной лист» на бланке Общества. И вот в Москве ему пожертвовала Юлия Ивановна Базанова 500 руб. на издание материалов по исследованию переселенцев на Алтае, Алексей Григорьевич Каменский — 100 руб., всего в Москве он собрал 810 руб. В Петербурге от Константина Михайловича Сибирякова — 50 руб., от «Nemo» — 50 руб. (это был Влад. Плат. Сукачев), от «Неизвестного» — 25 рублей (это Влад. Александр. Ратьков-Рожнов), от «Сибиряка» — 100 рублей (им оказался сам В. Т. Зимин). Анна Михайловна Сибирякова выдала 415 рублей, и Зимин на банковской квитанции карандашом подписал ее имя[1]. За 1896 и 1897 годы В. Т. Зимин собрал 2400 рублей на издание томов по исследованию переселенцев.

И книга вышла в свет! Ее автор С. П. Швецов, общее название: Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайский округ. Она опубликована в трех выпусках «Алтайского сборника», в т. IV. В предисловии Швецов напоминает, что изданию результатов работы по исследованию переселенцев «мы обязаны сибирской интеллигенции, а само исследование проводилось и на государственные средства» (600 руб. от Кабинета добился В. К. Болдырев и 500 руб. пришли от томского губернатора). Громадный статистический материал разбросан по 527 графам (некоторые пункты против программы сняты), созданы сводные таблицы по округу и

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 19. Л. 12–14.

по губернии. Только за 3 года с 1896-го поступило заявок на переселение 160 075 человек, к 1899 году 58 137 д. м. п. получили по 15 десятин. Швецов отмечает, что переселением в Алтайский округ считается в настоящее время только то движение, которое направляется в еще не заполненные новые поселки на свободных землях. Водворение в признанных уже заполненными новых поселках не допускается совсем. Это, как мы понимаем, новые барьеры, которые создавал Кабинет в землеустройстве. Аграрная политика нуждалась в новых реформах.

Нельзя не сказать о супруге Швецова Марии Васильевне (урожденной Лавровой), чье имя хорошо известно членам Общества. Она была сослана в Сибирь из Орла по делу «якобинцев» П. Г. Заичневского. Особенно известно ее участие в унификации статистических сведений о переселенцах, в окончательном подсчете опросных листов при подведении итогов однодневной переписи Барнаула. Как будто бы это была работа в помощь мужу (что вызвало претензии Е. П. Клевакина), но у нее много самостоятельных трудов. Мария Васильевна Швецова принадлежит к плеяде жен-спутниц русских путешественников. Она провела в полевых условиях все поездки С. П. Швецова конца XIX — начала XX столетий по Алтайскому округу, вела большие самостоятельные изыскания. Возьмем ее рабоу «Алтайские калмыки» (см. «Записки» Западно-Сибирского отдела, кн. XXIII, Омск, 1898). Она знакомится с алтайцами в долинах Урсула в конце лета 1897 года, образно описывает традиционный быт алтай-кижи. Кажется, исследовательница замечает всё, что попадает в ее поле зрения: орудия труда, предметы быта, приемы охоты, отношения внутри семьи, внешний вид алтайских аилов. В экспедиции, кроме С. П. Швецова, были П. М. Юхнев и Н. Я. Никифоров. По просьбе Марии Васильевны последние создали отличные рисунки, они приложены к статье.

М. В. Швецова непредвзято описывает алтайскую народность, их душевную простоту. Небольшой отрывок дает представление о ее восприятии этого народа и одновременно о прекрасном изложении общей картины. «Может быть, — пишет она, — еще более общая черта калмыков — это страстная любовь к своему «прекрасному царю Алтаю», как они его называют, сказывающаяся на каждом шагу. По дороге в Уймон нас сопровождал один демичи. Мы с ним опередили остальных и первыми выехали из леса на поляну, мягким

скатом переходившую в усеянную разнообразными цветами долину, посреди которой серебрилась бурная речка. С другой стороны долину также окаймляли зеленые горы, а за ними, точно стены чудовищной крепости, высились мрачные белки с ярко сверкавшими на солнце снеговыми пятнами на каменистых вершинах. Мой демичи остановился, широким жестом указал на открывшуюся перед нами картину и с восторгом спросил: „Якши Алтай?“. При этом его суровое лицо вдруг осветилось такою нежностью, что если бы я даже не знала, что его вопрос означает «хорош ли Алтай», я поняла бы его, и с увлечением ответила утвердительно — картина, правда, была поразительно хороша».

В другой поездке М. В. Швецова провела два летних месяца в изучении русских деревень в Змеиногорском уезде, она посетила Староалейское, Екатериновку по верхнему Алею, несколько деревень по верхней Убе, побывала в Шемонаихе. В кратком предисловии к большой статье (всего 92 страницы) «Поляки Змеиногорского округа» (см. кн. XXVI, Омск, 1899) она заинтересовывает читателя следующим вступлением: «Кому случалось бывать в западных предгорьях Алтая, тот не мог не обратить внимания на селения так называемых «поляков», т. е. русских староверцев, живших ранее в Польше и в прошлом столетии поселившихся на Алтае». Верно, некоторые исследователи и путешественники отводили место в своих книгах этим селам, но Швецова едва ли не самая первая дала точный исторический экскурс, привела правительственные акты, уточнила места поселений по документам архива горного округа. Кажется, она не первая в историографии обратила внимание, что алтайские «поляки» — это особый этнографический тип русских. Как в этой статье, так особенно в другой — «Из поездки в Риддерский край» (там же, кн. XXV) — Швецова приводит очень много фольклорных записей народных песен, обрядовых особенностей, причитаний. Живые зарисовки М. В. Швецовой являются подлинными этнографическими источниками.

На общем собрании 21 апреля 1896 года В. Т. Зимин и Ю. И. Базанова единодушно избраны почетными членами Общества любителей исследования Алтая. В. Т. Зимин — неутомимый человек, он принял непосредственное участие в судьбе алтайских переселенцев.

Валериан Тимофеевич Зимин, уроженец Алтайского округа и личный почетный гражданин (приравнивается к гражданству), ку-

пец из Иркутска, когда узнал, что усилиями Д. М. Головачева началось изучение переселенцев на Алтае, от имени Петербургского переселенческого общества прибыл в Барнаул и 30 мая 1894 года выступил на заседании совета с ошеломляющим и рискованным предложением. Как настоящий оратор, он сначала обрисовал положение переселенцев в Сибири, на Алтае. Они в первые годы своего пребывания на новых землях имеют лишь скудные заработки, бедствуют, поступают в батраки. Помощь носит случайный характер, за 10 лет вся сумма сборов и пожертвований как от казны, так и от частных лиц составила всего 32 016 рублей. Переселенцев — сотни тысяч. Для переселенцев на Алтай только в том году впервые выделено 2000 руб. (до этого земли кабинета, как земли негосударственные, не входили в сферу внимания переселенческого общества). Далее Зимин говорил, что при таких скудных средствах помощи необходимо воспользоваться услугами казначейства, когда при небольшом начальном капитале все-таки была бы гарантия возврата ссуды. «Такой формой, — заявил Зимин, — можно признать земледельческую артель... Первоначально артель должна состоять из 6–10 дворов. Такой артели без особого риска можно выдать в долгосрочную ссуду необходимую сумму денег на арендование участка земли, на семена, инвентарь, с тем чтобы арендованная земля не делилась между дворами, обрабатывалась бы общими силами артели»[1]. Доброжелатель ссылался на теоретическую разработку артельной формы ведения хозяйства в различных ученых трудах Никольского, А. Карелина, Фролова, хотя на практике эта идея до сих пор не имела применения. Но Зимин убеждал собрание: «Здесь же, на Алтае, земледельческая артель на почве кредита может иметь жизненное значение ввиду наплыва неимущих переселенцев», и особенно потому, что будут заводиться новые хозяйства, поэтому он «думает найти здесь согласие». Одновременно Зимин предложил конкретные вопросы, пользуясь председательством начальника округа: какая местность на Алтае будет удобна для образования первой земледельческой артели? Какая сумма необходима для заведения отельного хозяйства из 6 дворов? Какие льготы могут быть дарованы земледельческой артели, поскольку она будет арендовать земли у Кабинета?

[1] ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 73–74. Протокольная запись.

Предложение встретило поддержку, Общество взяло на себя инициативу обратиться к местным знатокам края и высказать мнение о проекте. Больше всего сначала сомневался В. К. Болдырев, хотя очень одобрил идею льготного долгосрочного кредита. Он заметил, что успех предприятия будет зависеть не столько от предлагаемой формы, сколько от тех лиц, которые берут на себя труд выполнить конечный план. Начальник округа трезво заметил, что ответить на теоретически поставленный вопрос может только опыт.

Артели были созданы, хотя далеко не так удачно и радужно, как рисовал себе Зимин. Смотритель боровых озер (должностное лицо административного округа), член Общества В. Н. Богословский способствовал их созданию, однако весной 1896 года вынужден был сообщить (для отчета В. Т. Зимину), что Полтавской артели (т. е. группы переселенцев из Полтавской губернии) уже нет, она распалась. Те 600 семей, что переселились артельно, теперь разбросаны по селениям Боровому Форпосту, Полуямкам, в заселке Родине их осталось не более 50 семей. Поэтому, извещает он, ссуды раздавать не будет.

Удачнее была артель в селе Змеиногорском. Оттуда откликнулся учитель Е. П. Бедрин и поддержал идею Зимина, подобрал людей. 19 октября 1894 года В. Т. Зимин учредил Змеиногорскую земледельческую артель из переселенцев Тамбовской губернии с «круговой друг за друга порукой» из крестьян: Михаила Михайлова Полетаева, Степана Матвеевича Полетаева, Вл. и Филиппа Федоровых, Ефимова, Старкова… и выдал им 800 руб. ссуды на аренду земли, постройку домов, покупку лошади, земледельческих орудий и прочее. Через год был положен возврат первых 100 руб. Их нет. Прошел еще год. И еще. Тогда В. Т. Зимин 12 марта 1897 года обратился с иском в Змеиногорское окружное полицейское управление[1]. Прошение Зимина оплачено пошлиной (марка), но никаких резолюций нет, а самое главное — этот подлинник находится в «делах» Общества, а не в полиции или в суде. Видимо, при посредничестве Общества бумаге не был дан ход. Не исключено, что личный почетный гражданин В. Т. Зимин мог и отказаться от иска. А как же артель? В другом деле удалось обнаружить записку Зимина к обществу от 22 мая 1898 года. Он предлагает те 100 рублей по иску переслать не ему, «а на имя совета бесплатной народной библиотеки в селе Змеиногорском»[2]. Зна-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 263.
[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 19. Л. 19.

чит, по крайней мере, артель живет уже 4 года! (Сведения о первых алтайских-зиминских артелях отрывочные, желательно проследить их историю по другим источникам.) Возврат очередных 100 рублей Зимин велел перевести на издание книги о переселенцах.

Большую работу взвалило на себя общество, когда взялось посредничать в распределении помощи и ссуд нуждающимся переселенцам от имени Петербургского благотворительного общества. По завещанию мецената Третьякова В. Т. Зимин привез 2000 руб. на хозяйственные нужды переселенцам. От медико-санитарной комиссии в Тобольске и из других источников поступило 1000 руб. Как известно, было предложение создать отдельный общественный Комитет, чтобы Общество не втягивать в несвойственную ему деятельность. Однако члены Общества оказались милосердными и добропорядочными людьми, настоящими патриотами, они видели свой долг в оказании такой помощи обездоленному крестьянству из России. В отчете совета общества за 1894 год сказано, что «наше Общество всегда стремилось служить, по мере сил, живым, практическим интересам страны, и сообщение имеющихся у него сведений (о нуждающихся переселенцах) другим обществам и частным лицам нисколько не противоречит его задачам». Члены Общества очень внимательно рассматривали просьбы, отдавали предпочтение многодетным, вдовам, больным, безлошадным переселенцам, сами составляли необходимые документы, оформляли расписки, вели расходные книги. Каждую бумагу рассматривали потом на заседании. Вот, например, расписка от 8 мая 1894 года о том, что крестьянин Черниговской губернии Михаил Корнеев Шлопак получил от статистика Главного управления Алтайского округа С. П. Швецова 20 руб. «на покупку лошади у крестьянина Казанской губернии Чистопольского уезда Ново-Еланской волости д. Желтанской Прокопья Александровича Егорова», на покупку сбруи и телеги 10 рублей — и эту сумму в 30 рублей он обязуется возвратить г. Швецову не позже года. Крестьяне эти — из Гилевского Лога Нижне-Кулундинской волости. Расписка засвидетельствована с приложением гербовой печати в 10 копеек[1], а на заседании совета 14 июля 1894 года эту расписку утверждали[2]. Несколько позже отпечатали форменный бланк

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 7. Л. 38. Подлинник рукою С. П. Швецова.
[2] Там же. Д. 1. Л. 75.

расписки от имени Общества, а не отдельного лица. Их сохранилось в «делах» сотни и сотни. Щепетильность доходила порой до абсурда.

Однажды на заседании разгорелись жаркие дебаты. В. Т. Зимин предложил использовать накопившиеся с капитала в 2 тыс. проценты (это 100 рублей) в ссуду кустарю-переселенцу в селе Змеиногорском для открытия им мастерской по изготовлению плугов. (Хорошее дело. Надо полагать, мастерская должна была сотрудничать с созданной им там же артелью. Здесь прослеживается эта связь.) Ему возразили, что лучше дать вдовам, беднякам, что на создание мастерских вроде не предусматривались пожертвования. Д. А. Поникаровский поддержал, Б. К. Штильке оговорил, что нельзя игнорировать и нужды переселенца-кустаря. Еще. Через год-два начался возврат ссуд, была восстановлена вся сумма пожертвований. Что делать? Возвращать в Петербург? В. Н. Богословский первым поднял эту проблему, он предложил не «перегонять» деньги на счет Общества в банк, а вновь давать в ссуду новым нуждающимся. Совет сам не решился на это, запросили Петербургское общество вспомоществования. Пришло разрешение возврат вновь давать в ссуды.

Десятилетие 1890-х годов оказалось очень неблагоприятным, подряд были засушливые годы, кобылка доконала и тот скудный урожай, что созрел, страдали особенно новоселы в кулундинских степях. На уничтожение кобылки выходили целыми селами, ловили ее приспособлениями в виде неводов. Член Западно-Сибирского отдела Г. Катанаев побывал на юго-западе округа и сделал доклад «Хлебопашество в Бель-Агачской безводной степи Алтайского горного округа». Он говорил, что кобылка съедает до половины хлебов и ее уничтожают артельно. «Наиболее удобным временем для ловли является раннее утро, пока еще не сошла роса с травы и хлебов, и вечером после заката солнца. В это время кобылка взлетает на верхушки растений и сидит смирно и неподвижно. Тут ей и самый лов. Мне показывали мешок с кобылкою весом в 0,5 пуда, наловленного двумя семьями на своих пашнях в течение только одного вечера и двух утр». Особо неурожайным был 1901 год. Общество на своих заседаниях не раз обсуждало проблему помощи, изучали причины бедствия. В декабре 1901 года Н. Б. Шерр сделал на общем собрании доклад о причинах голода 1901 года на Алтае. За свои скудные деньги (только за счет членских взносов; все остальные поступающие средства имели прямое назначение) совет постановил купить 0,5 фунта хины

и 1 фунт иодистого калия и переслать в Покровскую волость — там оказалось много сифилитиков и масса больных лихорадкой и горячкой. А. А. Недзвецкому выдали 25 рублей для лечения глазных болезней у переселенцев. Осенью 1896 года два переселенца оказались на грани смерти, их удалось поместить в госпиталь горного округа. После излечения в совет Общества поступил счет на 9 р. 95 коп. за их лечение. Оплатили. Такие поступки делают честь Обществу.

Но Общество не стало от этого благотворительным, не изменило главному своему назначению. Вследствие быстрого и прогрессирующего прироста земледельческого населения исследование всех отраслей сельского хозяйства, условий правильной агрикультуры, применения новейших орудий труда оставались в центре внимания членов Общества. Все это было непосредственно связано с живыми потребностями населения. Врач М. К. Барсов, член общества с 1901 года, предложил разработать программу и начать экономические исследования, чтобы подсказать крестьянину пути рационального ведения хозяйства. Главный фактор крестьянского благосостояния — земля, но ведется хозяйство примитивно, экстенсивным путем. В Обществе был заслушан доклад Кунгурцева «Способы принятые земствами для распространения земледельческих машин и орудий среди крестьянского населения и общий план постановки этого дела на Алтае». В 1900 году проблема изучения экономического положения переселенца в новых местах была вынесена на обсуждение совета общества. Д. И. Зверев выразил желание руководить работами по исследованию крестьянского быта. В апреле 1900 года на заседании совета и затем на общем собрании он расшифровал задачу.

Дмитрий Иванович Зверев (1862–1924) родился в деревне Спирино на Оби (ниже г. Камня) в семье крестьянина, окончил Петербургский университет, заведующий статистическим отделом Главного управления Алтайского округа, член Общества с 28 мая 1895 года. Он говорил о важности изучения в целом крестьянского хозяйства за послереформенное время, но особенно положения переселенцев. Результаты работы членов Общества в 1893–1896 годах подведены в книге IV «Алтайского сборника». Но та перепись и книга не дают подробного описания быта переселенцев, не видно, улучшилось ли их положение, не сложилось представление об экономическом положении переселенцев в новых местах. Что предлагалось?

Д. И. Зверев

После коллективного обсуждения совет пришел к мысли воспользоваться так называемым монографическим способом исследования. В этих целях Алтайский округ разбивался на районы, отличные по естественно-географическим и экономическим условиям. В районе надо выбрать типичное селение и в нем подробно изучить переселенцев: условия их водворения, постепенный рост их благосостояния в зависимости от естественных и социальных условий, выявить разницу в экономическом и бытовом положении переселенца здесь и на родине, до переселения. Если относительно каждого района будет удачно выбрано типичное село, то представление можно получить по округу верное.

По этому поводу Н. С. Гуляев заметил, что прошлые итоги (т. IV) дают возможность такие села найти. Д. И. Зверев заявил, что в текущем году можно исследовать пробно лишь четыре деревни, за это добровольно берутся И. П. Выдрин, А. О. Ростовский и производители работ землеустроительных партий Б. М. Быков и Н. Я. Овчинников — все члены Общества. В следующем году по этим опытным исследованием можно составить программу монографического изучения села. В то же время Зверев сомневался, что можно найти таких компетентных лиц, которые смогли бы написать книгу. Тем не менее выделили 300 руб. на монографическое описание, из них 250 — будущему лицу, а 50 руб. — на счетные работы для четырех добровольцев.

По дебатам, которые велись на заседаниях в 1899, 1900, 1901 гг. и в последующее время, по тому, что они были поставлены по-другому, чем в 1893 году, видно, как исследование проблемы крестьянского хозяйства, в научном, теоретическом отношении, поднялось на ступеньку выше. Действительно, некоторые краеведы продвинулись вперед в понимании крестьянской проблемы, стали более

решительно осуждать проводимую Кабинетом аграрную политику (Н. Я. Овчинников, например), но никто из них не поднялся до осмысления эволюции крестьянского хозяйства. Однако такой человек нашелся «со стороны», его приютило Общество и поручило создание книги по монографическому описанию села. Им оказался Н. Н. Баранский. В архиве сохранился черновик прошения, написанный рукою Д. И. Зверева, он является изначальным и многое поясняет. Приводим его полностью.

«Его Сиятельству

Господину Томскому Губернатору

Общество любителей исследования Алтая продолжает изучать переселенческие дела на Алтае путем подробного исследования вопросов в немногих типичных селеньях округа, территория которого разделена с этой целью на 33 района. В нынешнем году совет предполагает взять только 2–3 района и поручить исследование их бывшему студенту 2 курса юридического факультета Томского университета Николаю Николаевичу Баранскому, который должен будет на основании имеющегося цифрового материала избрать два-три типичных селения и заняться в течение летних месяцев детальным описанием их, руководствуясь при этом опубликованными в специальных изданиях программами.

Совет покорнейше просит Ваше Сиятельство о разрешении ему командировать для упомянутых целей г. Баранского и о выдаче на имя последнего открытого листа для взимания за прогоны пары лошадей.

За председателя совета…

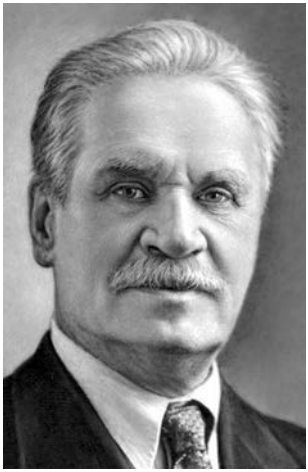
Секретарь…

18 мая (19) 1901 г., № 39[1]

Разрешение было получено, Баранский приехал в Барнаул. Из описанных в 1897 году сел он выбрал в Барнаульской волости Чистюньку. Экономическое состояние села, судя по статистическим сведениям, мало чем уклоняется от среднего по волости, а прилив переселенцев за последние годы был весьма значительным[2].

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 24. Л. 41–41 об.

[2] В другом фонде сохранилось исходное описание Чистюньки — ф. 4, оп. 6, д. 650 и д. 662: 1. Рабочая запись непосредственно в селе, при опросах; 2. 1-й черновик описания; 3. 2-й черновик описания. По некоторым признакам это работа Б. М. Быкова.



Н. Н. Баранский

Н. Н. Баранский составил программу изучения, которую утвердил совет Общества и собрал по ней сведения. Привожу выписку из отчета за 1901 год, составленного Н. С. Гуляевым: «Собранные г. Баранским сведения распадаются на 3 группы: а) о подворении, которые относятся к каждой семье, проживающей в Чистюньке как переселенческой, так и старожильской; б) общие по селению и по группам переселенцев одновременно водворяющихся в Чистюньке; в) бюджетные — о годовых приходах и расходах, а также о ценности всего наличного имущества 6-ти семей разной состоятельности, собранные по бланкам, выработанным Восточно-Сибирским статистическим Бюро». На самом деле исследования Барановского были значительно глубже, а опросы он вел, особенно бюджетные, но бланкам разработанным самостоятельно.

Николай Николаевич Баранский (1861–1963) научными исследованиями впервые стал заниматься в Чистюньке. Сын учителя Томской гимназии, с 1898 года стал членом партии. В марте 1901 года был одним из организаторов забастовки студентов и руководителем городской демонстрации. За это Баранского исключили из университете; скрываясь, он попал в Чистюньку. Впоследствии он вспоминал: «Обследование я вел самое разностороннее; кроме последнего бланка (подзорки), я составил 12 подробнейших бюджетов: кулак, середняк, бедняк; старожилов — каждой категории по 2 и переселенцев тоже по два. Бюджеты дали мне чрезвычайно много для понимания типов хозяйств, видов заработка, взаимных отношений и массы тонкостей крестьянской жизни». Вот примерная структура кулацких хозяйств[1]:

[1] См.: Н. Н. Баранский и некоторые вопросы экономический и учебной географии: Тезисы к конференции. Барнаул, 1981. С. 5. Полный текст машинописной копии рукописи Н. Н. Баранского «Эпопея Чистюньки» есть у автора.

	У старожилов	У новоселов
Дом	4000 р.	–
Изба	500 р.	300 р.
Надворные постройки	1000 р.	–
Лошадей, шт.	100	6
Волов, шт.	–	6
Коров, шт.	20	3
Посев, дес.	10	100
Инвентарь земледельческий, в том числе:		
сохи, бороны, деревянные	200 р.	–
жатки	–	2 шт.
Многолемешные плуги, кованые телеги	–	1000 р.
Главный денежный доход	от извоза и молока	от хлеба*

Тщательно изучив книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», Баранский и вел исследования в Чистюньке крестьянской проблемы, Монографическое описание села Чистюньки было опубликовано в VII томе «Алтайского сборника». Сборник издан в Барнауле в 1907 году в количестве 300 экз. (мне удалось обнаружить типографический счет с указанием количества этого сборника). Баранский в первой части книги описывает село, его местоположение, историю заселения, взаимоотношения между односельчанами старожилами и переселенцами, говорит об условиях приписки к «обществу». Есть картины взаимоотношений чистюньцев с соседними селами. Среди крестьян он работал в селах Безголосово, Ново-Колпаково, Хабазино, Фунтики, Романовка. Зимой выезжал на заготовку леса в Заобье. Вторая часть книги представляет свод разнообразных таблиц и подсчетов. Как по тексту, так и по таблицам можно убедиться, что основную массу переселенцев к концу старого века составляли середняки, как по рабочему скоту, так и по земельным владениям. Это полностью соответствовало ленинской методике «комбинационных группировок» статистических данных, а не «средних» цифр. Кстати, Н. Н. Баранский не только придерживался основных ленинских приемов обработки, но и прямо взял ряд показателей из его книги, о чем говорит в сноске, и пришел он в итоге к ленинским выводам об усилении классового расслоения крестьянства в процессе переселения, о прогрессивном значении этого движения.

В связи с этим нельзя пройти мимо игнорирования приоритета Н. Н. Баранского, который первый смог по-ленински подвергнуть анализу экономическую жизнь алтайской деревни на примере села Чистюньки, а также искажения выводов из его анализа, как это изложено в книге «Очерки истории Алтайской организации КПСС» (Барнаул, 1985). Там на с. 9 сказано, что томский ученый Н. Н. Трегубов написал книгу о Чистюньке и что он великолепно применил «для характеристики экономического положения переселенцев» выводы из книги В. И. Ленина. Надо заметить, что Баранский передал рукопись в Барнаул, а для оформления в печать книгу передали Трегубову, который обговаривает в предисловии и четко подразделяет, где позиция Баранского, а где его добавления.

Какова же позиция Трегубова? На с. 46 VII тома «Алтайского сборника» он заключает: «Так как переселение является условием тормозящим, задерживающим развитие народной жизни, то оно может быть выгодно лишь реакционным элементам, желающим задержать и вернуть жизнь назад, заставить ее течь в гору. Я нахожу переселение невыгодным и нежелательным во всех отношениях». Чистейший народнический вывод. И автор из „Очерков“ сие выдает за пример верного использования Ленина?! Тогда как В. И. Ленин, помимо огромного фактического анализа, прямо говорит, что «стеснение переселений оказывает, таким образом, громадное задерживающее влияние на разложение крестьянства». И здесь же: «Эта связь переселения с разложением крестьянства вполне доказана И. Гурьевичем в его превосходном исследовании «Переселение крестьян в Сибирь» (М., 1888). Мы усиленно рекомендуем читать эту книгу, которую усердно старалась замолчать наша народническая пресса». Видите, с какого времени идут искажения. Мы, в свою очередь, приглашаем членов нашего филиала прочитать VII том «Алтайского сборника», а также главу 2 из «Развития капитализма в России», особенно параграф XI II, в нем специально пункты 8 и 10, откуда взяты ленинские выдержки.

Одновременно с книгой Баранского из печати вышел VIII том «Алтайского сборника» с исследованием Н. Я. Овчинникова к вопросу о земельном устройстве в Алтайском округе. Во введении он подводит итог в земельном устройстве алтайского крестьянства не за пореформенный период, а за очередной этап развития, начавшийся после новых законов 1897 и 1899 годов (после столыпинских ре-

форм последовал другой этап). За это время, как полагает Овчинников, обеспечена возможность равномерного и целесообразного распределения по территории округа переселенческих масс. Происходит устройство и тех переселенцев, которые уже осели в алтайской деревне, хотя не получили никаких наделов, лишь права пользования землей. Однако отрезки земель, бывших в пользовании, не очень велики, он приводит пример по северной части округа: территория землевладения поселян Томского уезда уменьшилась на 27,73% удобной земли. Н. Я. Овчинников был тем членом Общества, который взялся добровольно провести так называемое «монографическое» обследование одной из волостей по пробной программе. Эта книга есть результат его исследований. Однако он, в отличие от Баранского, остается в плену народнических представлений о сельской общине. Ему, например, кажется, что «поземельное устройство, закрепляя за каждым селением определенную площадь землевладения, устанавливает одно из постоянных и основных условий, при котором будет совершаться дальнейшее экономическое, культурное развитие Алтайской деревни, если, конечно, в ее аграрном строе не произойдет по условиям времени какой-либо реформы, в основу которой могут быть положены совсем не те начала, по которым совершается поземельное устройство ныне». Он обоснованно боялся за общину с ее круговой порукой как за удобную для кабинета форму эксплуатации, ведь книга писалась в годы первой российской революции, когда невозможно было понять, куда будет крен. В год, когда печаталась книга, вышел столыпинский закон, разрушающий общину. Однако не случайно тревожило Овчинникова неустойчивое и несправедливое поземельное устройство. Он прав, когда говорит, что такое поземельное устройство выражает «общегосударственные интересы», а практическая программная сторона ждет своего решения, крестьянства не будет удовлетворено, если с ним не считаются. «Мы хотим сказать только, что по отношению к вопросам землеустройства Сибири вообще и в Алтайском округе, в частности мы до последнего времени почти не слышали голоса авторитетных представителей интересов самого объекта землеустройства, самих людей земли, что с принципиальной точки зрения является дефектом при решении вопросов общественного характера. Поэтому-то мы и устанавливаем положение, что в интересах самого поземельного устройства сибирской и в частности Алтайской дерев-

ни, к чему, по идее, стремится и вся землеустроительная организация, желательно, скажем больше — необходимо выслушать этот голос». Как раз этого и не было сделано.

Более того, в 1906 году закрыли Статистический отдел Алтайского округа, который под управлением члена Общества Д. И. Зверева давал объективную и не только статистическую картину крестьянской проблемы, а через пять лет совершенно свернули землеустроительные (межевые) работы. Сотни тысяч крестьян, главным образом переселенцев, оказались неустроенными, оказались без земли. Заканчивая этот «аграрный сюжет» следует заметить, что роль членов Общества любителей исследования Алтая в его изучении была ведущей, ими была поставлена проблема, ими предлагались варианты решения. Участие членов Общества в данной жизненно важной работе поднимало их авторитет, находило отклик, свидетельствовало о верном общественном понимании роли краеведческого объединения.

Еще одной исторической заслугой Общества является проведение однодневной переписи Барнаула. 7 мая 1893 года на очередном собрании членов Общества его почетный председатель В. К. Болдырев внес предложение провести однодневную перепись Барнаула. У членов совета было представление, по литературе, о подобных переписях в столичных городах, но было поручено комиссии — в нее вошли С. М. Великолюд, С. П. Швецов, А. Н. Недзвецкий, В. К. Штильке, Н. С. Гуляев, Н. Ф. Миролюбов — выработать программу относительно условий Барнаула, может быть и по сокращенным опросным листам. Программа вырабатывалась трудно, в том году общество занялось изучением переселенцев, и лишь в феврале 1894 года определились и обратились к городской Думе по поводу возможности ее участия в переписи. Там на удивление быстро откликнулись (на очередной трехлетний срок городским головой был избран прогрессивный интеллигент А. П. Казанцев, будущий председатель Алтайского отдела Географического общества) и обещали выделить 300 рублей на перепись. Это ускорило работы, перепись прошла успешно.

Каковы итоги? Что представлял собой Барнаул на март 1895 года? Монография под авторством С. П. Швецова вышла в двух книгах «Алтайского сборника» т. 2: одна книга — вып. 1 «Население», вып. 2 «Жилища», и вторая книга — вып. 3 «Итоги». К первому выпуску при-

ложена хорошая карта-схема Барнаула, нанесены основные переписные участки. В городе оказалось 2894 домостроений, в них 4306 квартир. Населения насчитывалось 23 064 человека, в том числе 11 396 мужчин и 11 668 женщин. С. П. Швецов, главный «застрельщик» переписи, признавался, что «дело переписи 26 марта 1895 года — всецело дело Общества, понимая последнее в самом широком смысле слова».

В первом уставе Общества было предусмотрено «содействие организации экскурсий и предприятие их на свои средства». Если исключить рабочие экспедиции по изучению переселенческих заселков, различные поездки к переселенцам с благотворительной целью, что осуществлялась часто не на средства Общества, но через его посредничество; если исключить командировки членов Общества как служащих управления округа или других учреждений в те же переселенческие поселки, или поездки с заданиями по описанию дорог, или по исследованию подземных вод Кулунды, или каменного угля и другие служебные командировки (даже по заданию Общества), то собственно географических экспедиций за первое десятилетие было очень мало[1]. К слову сказать, в краткой пояснительной записке к уставу говорилось, что Общество и «не задается обширными задачами широко поставленных научных исследований» через географические экспедиции. Учредители Общества полагали, что путем небольших оборотов без обширных исследований можно заниматься изучением края: «Простое наблюдение, описание факта, числовые данные за несколько лет, записанный обычай, предание, песня, план, рисунок, записи старожила, небольшая коллекция или несколько образцов местных продуктов и изделий и т. п. могут принести пользу науке и вызвать значительный интерес».

Но личный интерес отдельных членов Общества, а особенно необходимость формирования натуральных коллекций, организация музея толкали Общество на поиски средств для дальних экспедиций. Собственных средств (а это лишь членские взносы) не хватало на канцелярские расходы.

---

[1] См., например, «Описание пути от Ангудая до Кош-Агача» П. Ивачева — д. 6; «Об устройстве прямого колесного пути от Бийска до Кош-Агача» П. Голышева — д. 21; «О постройке дороги через Шульбинский бор от г. Семипалатинска до Бельгача» И. Биля и другими рукописи. В них изложены не только топографические и природно-климатические данные, но много сведений социально-экономического и этнографического плана.

Первая специальная поездка (путешествие, экспедиция) в Горный Алтай была предпринята лишь в 1895 году. В марте стало известно, что В. Т. Зимин выделил 200 рублей с целью командирования И. Е. Овсянкина в Горный Алтай для продолжения прошлогодних исследований переселенцев и сбора сведений об иногородцах. Он посетил Теньгу, Онгудай, прошел по р. Чуе к Башкаусу, изучил Мунгатскую волость, Кебезень, Чемал. В сентябре сделал подробный отчет на заседании совета, рассказал о маршруте, о характере произведенных им работ и собранных материалов. Во всех пунктах Овсянкин встречался с миссионерами, они были инородцами и показывали исследователю наиболее интересные для него стороны быта алтайцев. Особые впечатления остались от встречи с М. Чевалковым, принадлежавшим к лучшим знатокам местной жизни. Исследователь изучил 48 дел из архива Теньгинского родового управления за предшествующие 10 лет и архивные дела 1-й Алтайской дючины, производил опросы по программе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Дело в том, что Зимин поставил перед ним задачу продолжить изучение «общественно-экономических условий жизни инородцев», что полностью соответствовало интересам исследователя.

Заключая первичный отчет, Иван Евграфович Овсянкин откровенно говорил: «Основываясь на отрывочных литературных данных, мы надеялись встретить на Алтае живыми некоторые такие стороны родового строя, которые считаются современной этнографией за исходную точку развития всех человеческих обществ. Наблюдения такого рода дало бы очень ценный научный материал; собранные же нами данные представляют значительно меньший интерес, так как первичные формы семейных и имущественных отношений отразились здесь не целиком, а лишь обломками вымирающего быта, в виде отдельных обычно-правовых черт. Семейный строй, наследственное право калмыков, особенно из чуйского клана, полны таких «пережитков», и с этой стороны наш материал не лишен некоторого значения». Однако оформленный отчет и материалы он представил в Общество только в марте 1897 года. Эта первая экспедиция не обошлась без казуса: член ревизионной комиссии Клевакин сделал запрос, почему-де Овсянкин не отчитывается (финансово) за 200 рублей. Оказалось, что Зимин дал деньги безотчетно именно для этого человека и специ-

ально для исследования инородцев; более того, он сам экскурсировал с Овсянкиным.

Наконец Общество накопило 300 рублей за проценты с капитала на экспедиции. Была разработана специальная программа для общих описаний условий инородческого (и русского в Горном Алтае) населения в Кумандинской волости. Программа содержала подробнейший перечень вопросов: по описанию русских и миссионерских (крещеные алтайцы) селений было 7 пунктов, но 25 пунктов содержалось для описания чисто алтайских аилов. Отдельно и подробно подлежало выяснить хозяйственную сторону жизни, ремесла, промыслы, приобщение к занятиям земледелием, а также описать исконно алтайские промыслы: охоту, рыболовство, сбор кедровых орехов, мараловодство; какие подати и повинности распространяются на инородцев и т. п. Всего программа имела 83 подробных вопроса (с разъяснениями) для составления общих описаний[1].

Руководителем этой специальной, теперь уже за средства Общества экспедиции был назначен Н. Б. Шерр. В документах это звучит так: «В 1898 г. была организована экскурсия в Горный Алтай для исследования быта кумандинцев, одного из алтайских народов. В качестве экскурсанта был приглашен член Общества Н. Б. Шерр за вознаграждение 60 рублей в месяц при готовых разъездных». Николай Борисович Шерр проехал через Бийск до села Макарьевского и далее на Улалу. Здесь совместно с Петром Кучуковым, аборигеном, он разъезжал по горным таежным алтайским аилам вплоть до Турочака. Только по землям кумандинцев он преодолел 700 верст. Вел записи, приобретал предметы кумандинцев, наряды. Он купил шаманский бубен с принадлежностями за 8 рублей, нарядную праздничную одежду, национальный костюм — за 18 руб. 75 коп. В экспедиционной поездке ему, кстати, оказывали помощь грамотные камы. В октябре 1898 года Н. Б. Шерр сделал устный (и финансовый) отчет, а в январе 1900 года сдал рукопись «Об экскурсии к кумандинцам» и коллекции. Израсходовал 205 рублей 13 копеек, в том числе безотчетно, за два месяца — 120 рублей[2].

Казалось, исследователь провел среди незнакомого ему народа всего два месяца, но, как показывает отчет, изучил он эту этниче-

[1] См. Дополнительную программу: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 20, она содержит 10 полустраниц печатного и рукописного текста, июнь 1898 г.

[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 40, а также: Д. 23. Л. 6 и след.

скую группу алтайцев довольно подробно. Н. Б. Шерр описывает место их обитания, по современному делению это Солтонский, Красногорский и часть Турочакского районов, дает географо-климатическое описание территории, весь природный фон — фауну, флору. Особенно подробно рассказывает о быте кумандинцев, их отношениях между собой, с русскими, с администрацией; говорит об устройстве жилищ, об одежде, домашних и «внешних» промыслах, об изменении племенных обычаев под влиянием русской колонизации. Они применяют русские орудия труда, формы жизни, методы хозяйствования. «Добрая половина мужчин уже совершенно усвоила русскую одежду...». Кумандинцы, как заметил исследователь, легковерны, робки, трусливы, легко поддаются обману. «Недалеко то время, — замечает он, — когда кумандинская народность как самостоятельный этнографический тип исчезнет с лица земли, растворившись в более сильной среде». К счастью, этого не произошло[1].

Экспедиции Овсянкина и Шерра ставили целью этнографические исследования, пополнения музейных коллекций, а также и экономическое описание алтайцев — с точки зрения начавшегося к тому времени сильного хозяйственного влияния русских поселенцев на жизнь аборигенов. На заседаниях совета обговаривалась мысль, что Общество работает в крае со значительными бытовыми особенностями, что дает ему возможность собрать для науки такие факты, которые в других местах не найдутся. Общество, таким образом, не может относиться к этнографическим сборам менее ответственно, чем к проблеме переселенческой. Особого внимания требуют инородцы. Но до сих пор в Алтай с подобной (этнографической) целью приезжали исследователи из центра. Эти две экспедиции поставили проблему научного изучения алтайцев местным Обществом, отчеты их носили описательный характер.

Многолетние этнографические наблюдения жизни осевших по реке Чуе казахов вел член-учредитель Общества Александр Михайлович Головачев. 14 ноября 1901 года он сделал обширный доклад «О семейном и общественном положении киргизской женщины», речь идет о казахах в Горном Алтае. Он верно заметил, что по положению женщины можно судить и о положении общественном, о состоянии общественных отношений любого народа, племени. От-

[1] См.: Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974. 200 с.

мечает, что у киргизов (казахов на Алтае) развито родовое начало, поэтому отдельная человеческая личность сама по себе, без родоплеменной организации, сложившихся традиций, имеет небольшое значение. Кровную месть тем не менее этот народ забыл, и за нанесенные обиды предпочитают материальное возмещение. А. М. Головачев уделил много внимания семейному укладу, описывает обряды при рождении ребенка, сына, обряды сватовства, обычаи калмыков. Свой доклад он сопроводил заключением, что «положение киргизки как жены, матери, сестры весьма неприглядно и вполне подневольно… положение киргизки бесправно…» Доклад Головачева есть одно из первых (если не первое) описаний этнографической группы казахов среди алтайцев, которые, как он заметил, «населяют значительной массой некоторые части Алтая и сопредельные ему местности». А. М. Головачев известен как разносторонний исследователь. В журнале «Мир божий» (1892, т. 1) он поместил большую статью «Рудный уголок Алтая» — рассказ о поездке в Зыряновский рудник, где выведены картины тяжелого подземного труда рудокопов. В «Восточном обозрении» (1891, № 16) есть его литературно-публицистический очерк «Отомстил», это бытовые сцены из жизни алтайского населения. В 1903 году он выехал из Алтайского округа.

Как видно, в последние годы XIX столетия Общество устоялось, окрепло, определились направления деятельности, и не случайно на заседаниях совета весной 1900 года речь специально зашла о планировании научных исследований. Председатель Общества Н. И. Биль предложил ответить на вопрос: «Что может Общество предпринять из научных работ в текущем году?» Программу выработали. Решено было собрать исторические данные о переселенческом движении в Алтайском округе в архиве, поручить это Н. С. Гуляеву, выделить сначала 25 рублей за переписку документов. Решено произвести исследование типичных переселенческих пунктов для выяснения современного положения переселенца на Алтае. Наметили исследовать степные озера и солончаки. Запланировали изучить главные курорты округа и просить местного врача Смоленской волости сделать первоначальные описания. Запланировали отдельную экспедицию по исследованию бюджетов переселенческих семейств, давно живущих в округе. Было предложено Е. Родду продолжить обследование лесов Кузнецкого округа и написать монографию о насекомых, которые нанесли значительный вред хвойным лесам. Для его работы

выделили 100 рублей и на возмещение расходов на поездку 30 рублей. Одновременно выделили 150 рублей (долевым участием) для экспедиции П. Г. Игнатова на Телецкое озеро. Таким образом, говорилось на заседании 19 апреля 1900 года, «наметился круг деятельности», соответственно распределили наличные средства[1].

В 1901 году ботаником В. И. Верещагиным была проведена его первая географическая экспедиция в Горный Алтай. Он совершил поездку на собственные средства и попросил у Общества лишь содействия в получении открытого листа для проездов (губернатор выдал). В. И. Верещагин «ботанировал» по Черному Аную, Тюдрале, в Верхнем Уймоне и по Чуйскому тракту, собрал сотни образцов. Его гербарий обработал профессор П. Н. Крылов, и все сборы поступили в Общество.

Экспедиция П. Г. Игнатова того же 1901 года имела большое значение в целом для Русского географического общества, а отношение совета Общества любителей исследования Алтая к ней стало своеобразным экзаменом его научности и жизнеспособности. Первое официальное извещение об экспедиции было получено в Барнауле 8 февраля 1900 года из Омска от Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Здесь говорилось, что отдел предпринимает исследование в зоогеографическом отношении Телецкого, Тальменьего (за Катунским хребтом) и других озер, долевое участие принимают центральное Географическое общество, Академия наук, Министерство путей сообщения, военное министерство, Кабинет е. и. в., Геодезический отдел, частные лица. Экспедицией будет руководить П. Г. Игнатов, молодой зоолог, который уже провел экспедиции Западно-Сибирского отдела в 1898 и в 1899 годах для исследования озер в Омском, Актюбинском и Акмолинском уездах. Отдел просил принять материальное участие в экспедиции и внести не менее 500 рублей. Очень характерно окончание письма. Из Омска писали: «Есть и еще одна сторона такого присоединения уважаемого общества к предприятию, которому Западно-Сибирский отдел не может не придавать серьезного значения, а именно: совместное участие в крупной экспедиции должно положить прочное основание единению между двумя обществами, более тесное слияние которых в принципе решено и практическое осуществление которого

[1] См. протоколы заседаний: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11; Д. 17. Л. 206.

является вопросом ближайшего будущего»[1]. Слияние обществ затянулось, из Барнаула не спешили с ответом, хотя решили не отказываться от участия в экспедиции. На этом особенно настаивал новый председатель Общества И. И. Биль, избранный 25 марта 1900 года.

Накануне приезда Игнатова в Барнаул, в апреле 1901 года, на годичном собрании Общества Н. С. Гуляев сделал обстоятельный доклад «Исторические данные по исследованию Телецкого озера». По архивным источникам он создал первые географические описания озера, представил первую карту 1745 года и особенно детальную карту 1786 года, когда озеро посетили несколько военно-поисковых отрядов. Кроме того, Гуляев обобщил материалы по исследованию Телецкого озера за последние десятилетия, посещение его путешественниками особое внимание уделил сведениям о рыбных промыслах на озере. Доклад Гуляева явился блестящим историко-научным исследованием и отлично предварял практические работы Игнатова.

Павел Григорьевич Игнатов (родился в июне 1871 года в г. Белева Тульской губернии — умер 5 июля 1902 года на озере Щучьем в 70 км от Кокчетава) к тому времени закончил Московский университет и оставлен был для приготовления к званию профессора. Экспедиция выехала из Петербурга 17 апреля, прошла на пароходе Барнаул и 12 мая выступила из Бийска на 14 тройках. Всего было 22 человека и около 300 пудов клади (снаряжение, провизия).

К этой минуте Павел Григорьевич готовился задолго, еще в декабре 1899 года он разработал «Проект исследования Телецкого озера на Алтае» и представил на рассмотрение Географического общества[2]. Он планировал провести «всестороннее исследование» озера, т. е. определить астрономические пункты, произвести подробную съемку, промерить глубины, изучить характер дна, цвет и прозрачность воды, температуру, а также фауну и флору. Не забыл включить в программу этнографические наблюдения, фотографирование на маршруте. Предполагал, «если позволит остаток времени», подняться вверх по Башкаусу до озера Кындыктыкуль, обследовать ледники, высокогорные озера. Проект стал реальностью.

Экспедиция ехала из Бийска через Сросты на Старую Барду к селу Тайная. «Всюду в поселениях нас опрашивали, зачем, куда

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 23. Л. 17–18.

[2] См.: НАГО СССР. Ф. 1. 1899. Оп. 1. Д. 15.

едем, и, видя при нас 15 матросов и солдат, думали, что едем задерживать на границе китайцев». Через В.-Пьяново вышли к Бии. Паром гоняли 13 раз. Начались большие неудобства, хотя руководитель рассчитывал быстро попасть к месту исследования. Еще будучи на пароходе на Оби, он узнал, «что с прошлого года где-то неподалеку от Телецкого озера можно доехать на телегах, хотя и по убийственной дороге, но весь громоздкий багаж, не боящийся тряски, можно будет таким образом доставить с меньшими трудностями, чем думал раньше». Что же наяву? В дневнике Игнатов записал: «Отсюда до Кебезени 7 верст самой невозможной дороги по лесу с громадными камнями. Верстах в 3 от Кебезени бом, но доступный для экипажей; под самой Кебезенью второй бом, по которому с пристяжками ехать нельзя, а одна лошадь при помощи 10–15 человек лишь с большим трудом может провести вещи порожнюю телегу. Пришлось разгружать все воза и переносить вещи на руках — для этого навстречу нам было выслано из Кебезени около 100 человек». В дальнейший путь экспедиция захватила уже 100 лошадей. «Дорога была очень трудная; иногда лошади по крутизнам спуска прямо сползали на задних ногах...»[1].

Вскоре перед путниками предстало Телецкое озеро. «...Некоторым приходилось быть может стоять на берегу обширного бассейна и смотреть, как валы, догоняя друг друга, далеко забегают на сушу по отлогому берегу... Иным, быть может, случалось, поднимаясь в горных странах за пределы снеговой линии, в изумлении останавливаться перед альпийскими озерами, хотя и не большими, но чудно красивыми...» (Как говорится, все это не то!) «Еще более сильное чувство удовлетворения охватывает путешественника-исследователя, когда он, странствуя по мало известным странам, встречает внезапно на пути неизвестное до тех пор озеро; разумеется, он не преминет отметить его на карте, и, если возможно, снять его план». Изучением Телецкого озера П. Г. Игнатов вместе с помощниками (военный топограф из Омска И. М. Розоноер, алтайский горный специалист А. А. Бобятинский, студенты А. Г. Лукин, Н. А. Жемчужников, В. К. Суворов, гимназист С. М. Розоноер, а также местные помощники) занимался в мае—июне, и за это время провели не только топографическую съемку в одноверстном масштабе. Гидрографическая

[1] НАГО СССР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2, тетрадь 2.

съемка опирается на 600 точек, было сделано 2.5 тыс. промеров по углам, с промерами по озеру пройдено 150 верст, найдены глубины до 1700 морских саженей.

Конец июля, август и начало сентября Игнатов уделил путешествию по Башкаусу и Чулышману. На 50 лошадях они «по суху обошли» кругом Кындыктыкуля и на 8 верст прошли в глубь Монголии; совершив экскурсию на восток, на Шапшальский хребет. По Чулышману (и Башкаусу) пройдено 600 верст, исследовано «попутно» 8 озер, сделано 500 фотоснимков Телецкого озера, Чулышмана и окрестностей. 8 сентября вернулись к устью Чулышмана на Телецкое озеро, но смогли покинуть Кырсай только 15-го, когда стихла «низовка». 21 сентября покинули местечко Артыбаш и прежним путем через Кебезень—Пьяново—Барду—Сросты 26 утром оказались в Бийске. В Барнауле Игнатов провел одну ночь, на 1 октября, а 14 октября экспедиция вернулась в Петербург. Ученый не откладывал обработку результатов, они оказались немалыми: в Зоологический музей А. Н. сдал 610 коллекционных образцов млекопитающих, птиц, рыб; в Географическое общество (передал П. П. Семенову) 57 банок планктона, 68 спиртовых банок с 3000 насекомых, и одних жуков 4000. Гербарий насчитывал 230 номеров, озерные коллекции — 74 образца, из них 42 вернул в Общество, 9 образцов озерной воды оставил через Бобятинского в Барнауле. Рабочие журналы, тетради, дневники, кроки, письма, отчеты — все это составляет богатейший фонд экспедиции Игнатова на Телецкое озеро.

Содействие экспедиции оказал А. Ф. Кублицкий-Пиоттух, и Игнатов просил руководство Географического общества его отметить. Павел Григорьевич был доволен помощью местных патриотов, которые, как он убедился, помогали не в силу указаний и официальных просьб. Так, житель села Кебезень Кергежской волости Павел Дмитриевич Тренихин «всегда был готов на всякое содействие», он подыскал превосходного проводника по Чулышману, дал в аренду «за не очень высокую плату» лодки, указал хорошего толмача. Начальник над местным алтайским населением — демичи — Николай Павлович Майза не только распоряжался, но сам в качестве проводника и официального лица сопровождал экспедицию по Башкаусу и Чулышману, готовил лошадей. Особый восторг у членов экспедиции вызвал «инородец» Сергей Яковлевич Никифоров — основной переводчик, «в высшей степени честный, услужливый, хорошо

А. Ф. Кублицкий-Пиоттух

знающий край». Он был незаменимым человеком. Никифоров знал «грамматически» русский и местные языки, схватывал, казалось, на лету процедуры обращения с приборами, научился вести гидрометеорологические наблюдения. П. Г. Игнатов в местечке Артыбаш основал метеостанцию, оснастил приборами, обучил Никифорова вести наблюдения, особенно зимой, за температурой, прозрачностью воды, положением уровня. Тот взялся за дело. Игнатов просил, ввиду важности, продолжить систематические наблюдения на Телецком озере, через вице-президента Географического общества П. П. Семенова, чтобы выхлопотали Никифорову «медаль или чего-либо подобное», это будет поощрением ему в исполнении поручения. Любопытную приписку оставил Игнатов: «Хотя он инородец — но лицо почти что совсем интеллигентное».

Имеет свою историю и отчет. В начале января 1902 года в Барнауле был получен машинописный текст Игнатова «Исследование Телецкого озера на Алтае летом 1901 г.», он занял 23 страницы (с оборотом) формата больше нынешнего. Вверху первой страницы приписка автора: «Эта рукопись предназначена для прочтения и ни в коем случае не может быть нигде напечатана. По прочтении покорнейше прошу вернуть». Такая приписка несколько озадачила барнаульцев. Однако Общество любителей исследования Алтая имело самостоятельный Устав. А. Ф. Кублицкий-Пиоттух ответил: «Правила Общества требуют, чтобы всякий доклад, прочитанный на заседании, хотя бы он и не предназначался напечатанию в изданиях Общества, обязательно хранился при его делах. Чтобы не задерживать Вашу рукопись, с отчета по экспедиции снята копия, которая

будет прочитана на первом очередном заседании. Относительно Вашего отчета будет упомянуто только в протоколе заседания». Ответ смутил Игнатова; делая ту приписку, он заботился о другом, об этике ученого, автора, поэтому 4 февраля писал: «Глубокоуважаемый Адам Феликсович, вчера получил присланную Вами обратно мне рукопись моего сообщения об исследовании Телецкого озера, за что и спешу выразить искреннюю признательность. Вы сообщаете, что о моем докладе будет только упомянуто в протоколе заседания, т[ак] к[ак] я в свое время указал, что рукопись не предназначается для печатанья. Если бы Вы пожелали поместить не только указание на прочитанный доклад, но и краткое его изложение (хотя бы на нескольких страницах), то я ничего не буду иметь против этого. Мне неудобно, чтобы доклад печатался целиком, как моя статья, т[ак] к[ак] подобная вещь печатается в „Известиях“ И. Рус. Геогр. Общ., но печатание в сокращенном виде, в протоколе — это другое дело».

Письмо получено в Барнауле 20 февраля и оглашено в совете Общества, а десятью днями ранее на общем собрании Н. П. Бутенко прочитал этот доклад Игнатова; он не обсуждался. Статья Игнатова, после его неожиданной смерти через несколько дней, была опубликована в «Алтайском сборнике», т. VI, он вышел в 1907 году.

Год спустя, 1 февраля 1903 года, на общем собрании член-учредитель Алекс. Алекс. Бобятинский докладывал о своем участии в экспедиции Игнатова. Доклад сопровождался не только показом собранных им геологических коллекций и картами, но и демонстрацией световых фотокартин при помощи диапозитивов. 9 июня 1901 года его караван вьючных лошадей с проводником вышел из Кебезени. Исследование озера он начал объездом его северного берега, то отклоняясь в тайгу, то спускаясь прямо к береговой линии. Миновав р. Ойер и мыс Каралташ, Бобятинский в урочище Яйлю встретился с Игнатовым и перегрузил вьюки на лодки. Далее путешествие шло по восточному берегу на Камгу и водоразделом с р. Кокши до устья р. Чулюш, до р. Беле. Часть этого пути прошел на лодке, а до р. Чири вновь на лошадях. Обойдя Кыгу и устье Чулышмана, Бобятинский добрался до подножья горы Алтын-Ту; затем вершиной Ачелмана к р. Або, по Б. Чили к Пыже. П. Г. Игнатов писал, что Бобятинский обошел озеро сухопутьем приблизительно в 10–30-верстном расстоянии. Караван прошел к Иогачу и спустился к Телецкому озеру у Артыбаша. На этот путь ушло три недели. Затем, не мешкая, Бобятин-

ский на лодках обошел озеро в противоположном направлении: на Самыш – Колдер – Ижон – Чили – Чулышман в Кыгинский залив и восточным побережьем вернулся через залив Камгу к Артыбашу. Осмотр озера занял 10 дней.

А. А. Бобятинский произвел сомостоятельные геологические исследования, собрал обширный петрографический материал, обработанный профессором А. А. Иностранцевым. (45 образцов были возвращены в Барнаул). На заседании Бобятинский изложил сведения Игнатова к происхождению Телецкого озера – оно рождено тектоническими процессами или дислокациями, т. е. образованием сбросов и складок.

Но на этом, пожалуй, не будем ставить точку. В личном фонде ученого в Географическом обществе сохранились рукописи, наброски, планы больших статей, книг, монографий. В частности, есть рукопись под названием «Изучение озер Азиатской России»; после осмотра северо-казахстанских озер он задумал поездку на Иссык-Куль. Другая рукопись: «Заметки для статьи о задачах исследования озер в Западной Сибири». И, наконец, почти законченная монография с титульным листом: «Телецкое озеро». Работа имеет 12 глав и три раздела: «Маршрут», «Введение», «Заключение», из них, скажем, глава 1 «Исторический очерк развития наших знаний о Телецком озере», текст рукописный. Здесь множество различных графиков, журналов ежедневных наблюдений, карт Чулышмана, горных озер[1]. Изучение и пропаганда наследия русского ученого Павла Григорьевича Игнатова должна быть продолжена, а у истоков Бии, у порога Артыбаш, где в 12 часов дня 17 мая 1901 года в проливной дождь он впервые увидел Телецкое озеро, – очень желательно установить мемориальный знак.

Кроме организации экспедиций, немалой научной заслугой Общества является его издательская деятельность. Публикация материалов была предусмотрена параграфом 4-м устава. Материалов, подготовленных статей было уже достаточно, но не было опыта и материальных средств. 2 июля 1892 года на заседании совета обсуждалась возможность издания сборника статей. Было поручено С. П. Швецову вступить в предварительные переговоры с типографией в Томске о возможной стоимости, о сроках издания. И вот

[1] См.: НАГО СССР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5.

на общем собрании 1 ноября почетный председатель В. К. Болдырев обратился к собранию с речью. Он справедливо указывал, что в портфеле Общества собранный материал останется мертвым. И если наше Общество намерено быть научным, то надо издавать сборники. Дело с изданием шло долго, трудно. В частности, издатель П. И. Макушин согласился, установил цену за работу. Но затем повысил ее на 40 рублей. Начались новые переговоры. Вдруг сообщили, что цензура вырезала часть статей, в том числе из работы Швецова «Положение труда на частных заводах Алтайского округа». И только 9 ноября 1894 г. Макушин сообщил, что цензуру в Москве сборник прошел и в конце ноября член-учредитель И. К. Платонов привез 240 книжек первого «Алтайского сборника». Он обошелся в 644 рубля 75 копеек. 100 экземпляров разослали бесплатно по учебным обществам, в редакции периодических изданий, государственным учреждениям, некоторым ученым. На с. 52 напечатан список лиц, подписавшихся на 1-й выпуск «Алтайского сборника». Перечислены 57 фамилий, среди них с подпиской на 100 рублей Г. В. Грязнов, И. К. Платонов, А. В. Москвин, В. К. Болдырев, на 50 — Е. М. Платонова, В. А. Горохов, а Швецов и Штильке, например, по 3, Н. Б. Шерр — на 1 рубль. Так на общественные средства был создан прекрасный первый выпуск «Алтайского сборника» краеведов.

Тяжелое и долгое начало, и дальше было не легче, но тем не менее сборники «пошли в жизнь». Как писали его составители, «одно из средств к достижению намеченных целей Общество видит в опубликовании собранных материалов и поступивших сообщений».

2-й и 4-й выпуски (каждый в двух книгах) также появились в свет благодаря доброхотным пожертвованиям. Любопытным представляется «Алтайский сборник», т. III; как и 2-й, он печатался уже в Барнауле. Весь том содержит труд Е. П. Рыловой «Начальная школа в Алтайском округе в 1894 году».

Как уже упоминалось, к печатной продукции Общества мы должны отнести «Отчеты», которые выходили ежегодно в виде брошюры от 28 до 54 страниц текста. Они содержат исключительно ценную информацию о работе всего Общества и являются печатным первоисточником.

Беглый и неполный обзор изданий за первые десять лет деятельности свидетельствует о том, насколько тесно деятели Общества были связаны с жизнью округа, что они отображали в сборниках

не отвлеченные идеи, а жизненные проблемы. Темы экономического развития Алтайского округа, социального состояния трудящихся, особенно по исследованию землепользования и землеустройства переселенцев, по статистико-экономическому состоянию как села, так и города (перепись Барнаула) говорили о серьезном понимании членами Общества роли и значения их объединения. Не забыты и историко-этнографические мотивы. Но природоописание, географические исследования были заметно оттеснены на второй план. «Социальный заказ» общественности исполнялся, но исправления экономических несовершенств, отмеченных в изданиях Общества, не наблюдалось.

...Наступило 10-летие существования Общества любителей исследования Алтая, его члены собрались торжественно отметить юбилей. К тому времени шли переговоры о вступлении в Географическое общество, но решение затягивалось, собрание провели 14 ноября 1901 года (вместо 27 октября). В 13 часов дня собрание открыл вступительной речью почетный председатель А. Ф. Кублицкий-Пиоттух. По его предложению почтили память основателя Общества Н. И. Журина. Затем Н. С. Гуляев зачитал краткий обзор 10-летия Общества любителей исследования Алтая. Были зачитаны приветственные телеграммы от общественных организаций, отдельных лиц. Кублицкий-Пиоттух огласил письменное заявление 29 действительных членов Общества с предложением избрать в почетные члены Общества старейших и активнейших его деятелей. Назвал их имена: Альбин Николаевич Недзвецкий, Сергей Порфирьевич Швецов, Фердинанд Егорович Засс. Нечего сомневаться, что избрание их прошло единодушно[1]. После этого А. М. Головачев прочел доклад «О семейном и общественном положении киргизской женщины».

Приветствия были получены от вице-председателя П. Семенова, от президента Общества естествоиспытателей А. Иностранцева, от Кабинета е. и. в. — за подписью В. К. Болдырева, от редактора «Восточного обозрения» И. Попова из Иркутска, из Томска, из других мест... Из Иркутска от Григория Потанина поступило письмо, его он заключил такими строками: «Считая счастливой мысль, которая десять лет назад пришла просвещенным барнаульцам, основать Общество любителей исследования Алтая, я сожалею, что не

[1] См. протокол собрания: ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 28, л. 71–74 об., а рукопись доклада Н. С. Гуляева в д. 26.

имел до сих пор случая принять личное участие в деятельности симпатичного Общества и, вместе с другими его друзьями, верю, что, начав свою деятельность скромными трудами, оно в будущем, не смущаясь скромными размерами своей деятельности, накопит значительную литературу об Алтае и сделает его имя еще более славным. Приветствуя Общество в день его юбилея, я искренно желаю расширения его полевой деятельности».

А. А. Иностранцев

Семь активных членов Общества в день собрания преподнесли собственный рукописный адрес-приветствие, четко оформили на отдельном листе: «Помятуя кипучую деятельность Общества, так блестяще прославленную в первые годы его жизни, в исполнившийся день десятилетия Общества выражаем пожелание, чтоб в дальнейшем периоде его деятельности не только отражались любовь, энергия и труд, которые вкладывались в дело его первыми пионерами-работникам, но чтоб под знамена Общества объединились те трудовые культурные силы, которым дорого всестороннее развитие благодатного Алтайского края» (Основные юбилейные приветствия[1].

В высоких словах приветствия дана наиболее общая оценка исторического значения и существования славного Общества любителей исследования Алтая. Теперь требуется сплотить культурные силы на дальнейшее *всестороннее развитие благодатного* Алтайского края — это фактически программа для нового поколения.

Десятилетие существования Общества показало, что оно возникло вовремя, в сложный исторический период для Алтайского горного округа, в его наиболее переломный момент, в переходный пе-

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 24.

риод от окончательной утраты высокоразвитой в свое время горнометаллургической, фактически мануфактурной (феодализированной) промышленности к начальным шагам свободного капиталистического предпринимательства. Объединились краеведы-любители, произошло соединение интересов местной интеллигенции, которая теряла привычные моральные ориентиры, утрачивала духовную устойчивость из-за гибели горного дела. Теперь была разработана новая объединяющая их тема — изучение переселенцев, крестьянская проблема, и интеллигенция вновь почувствовала свою сопричастность великому историческому делу. Как само Общество, так особенно собрания и заседания его совета являлись легальной формой самовыражения общественных интересов творческой интеллигенции. Здесь они находили единомышленников, здесь высказывали свое научное кредо, здесь они могли уточнить отдельные положения своих исследований. Общество аккумулировало общественно-просветительский интерес, но не было политической организацией. Сознание исполнения общественного долга, патриотизма, служения просвещению народной массы поднимало достоинство членов Общества. В разгар деятельности Общества Н. М. Ядринцев 19 марта 1894 года писал одному из сибиряков: «Я верю, что патриотизм — великая сила. Она дает пищу сердцу, она дает веру. Сохраните же эту религию, эту святыню. Вы должны любить Сибирь, пожалеть ее и отнестись к ней сердечно. Хорошо обличать, но не нужно негодовать на свою страну, на весь народ. Вот об этой любви и мягкости к народу я прошу вас...» Этот лейтмотив, как завещание великого сибиреведа, остался для членов Общества путеводной звездой и на последующие годы.

Глава 2

Просветители. 1902–1917

Переход алтайских краеведов в Географическое общество • Активизация научной и просветительской деятельности • Сохранение метеорологической станции, общественной библиотеки и возрождение Краеведческого музея • Жизнь и общественная судьба членов подотдела.

Переломное время меняющейся общественной ситуации конца XIX столетия чувствовалось членами Общества любителей исследования Алтая. Они задавались вопросом, важным для любого объединения: для чего, собственно, Общество? Для времяпрепровождения? Для почетного членства? Для формальной принадлежности к Обществу?

В январе 1893 года член ревизионной комиссии Е. П. Клевакин предлагал составить книгу с указанием всех членов (и это неспроста: как известно, по уставу членских билетов не было, а кто хотел получить «свидетельство», что он действительный член Общества, тому следовало заплатить 10 рублей). Книга должна была не просто подтвердить, что эти члены действительно есть, но и показать, как и чем они содействуют Обществу. Пока мало времени прошло, говорил он, можно вспомнить, но потом будет трудно восстановить. И верно, книгу (в первую очередь об уплате членских взносов) составили. В мае 1895 года тот же Клевакин обратился к собранию (тогда присутствовало 22 человека) с вопросом: почему-де стало меньше членов Общества в последнее время? Почему упала их активность в уплате членских взносов? Уже на третий год существования Общества половина членов отказывалась вносить членские взносы. В 1894 году насчитывались 102 члена, а запланировали получить 250 рублей взносов, хотя надо бы 510. Что за причина? Раз-

вернулась своеобразная дискуссия, выступали Недзвецкий, Мартини, Овсянкин. Дело, говорили они, не в особенностях данного Общества, подобная обстановка характерна и для других. «Причины данного явления следует искать не в деятельности нашего Общества, а в характере сибирской общественной жизни вообще». Верное заключение, но, тем не менее, это вызывало естественное беспокойство, были предприняты попытки найти новые формы организации, выхода результатов работы членов Общества в жизнь, в практику. Большим препятствием, считал совет, является тяжелая обстановка с изданием работ, цензура, отсутствие свободных средств.

Общество любителей исследования Алтая было автономным, исключительно самодеятельным и самостоятельным объединением краеведов. Оно не примыкало ни к одному из существующих в России общепризнанных научных объединений, никому не высылало своих планов, годовых отчетов, сметы для утверждения — ни по горизонтали, ни по вертикали. Это импонировало творческой интеллигенции бывшего всесильного, административно и хозяйственно самостоятельного Алтайского горного округа. Округ напрямую подчинялся Кабинету. Но, видимо, беда оказалась в том, что Кабинет его императорского величества не числился покровителем Общества, он не оказывал даже простой материальной помощи. А императорское покровительство, как оказалось, было необходимо. Совет общества стал искать покровительства императорского Русского географического общества, однако не хотел терять своей самостоятельности.

Разговоры среди членов Общества о присоединении к Русскому географическому обществу начались еще в 1897 году[1], но в начале 1897-го они приняли официальное содержание. На двух первых заседаниях совета начались открытые дебаты; наконец 21 марта состоялось общее собрание. Председатель А. Н. Недзвецкий сделал доклад. Он говорил о финансовых трудностях, что единственным ресурсом являются ежегодные членские взносы суммой от 130 до 340 рублей, этого не хватает на текущие почтовые и типографские расходы. Другие средства имеют целевое назначение. Общество не может создать музей, нет настоящей библиотеки, нет своего помещения, нет средств на научные работы — командировки, экс-

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 26. Л. 15 об.

курсии. Выход видится в присоединении к Русскому географическому обществу. Недзвецкий правильно обратил внимание в докладе, что «в своей будущей деятельности наше Общество будет объединено не только с многочисленными научными учреждениями, разбросанными по различным уголкам Сибири, — местными отделами, подотделами Географического общества, но с крупнейшим русским ученым обществом, пользующимся широкой и прочной популярностью в ученом мире, что не может не придать нашему Обществу новых сил и энергии, не может не воодушевить его на дальнейшие работы по изучению Алтая — одного из интереснейших уголков нашей родины».

Собрание постановило тогда (один голос — против) обратиться с просьбой о присоединении к Русскому географическому обществу, однако в письме в Западно-Сибирский отдел было оговорено: «...с сохранением самостоятельности в его научной деятельности и внутренней организации, т. е. свободы в выборе членов, выборе администрации и распоряжении материальными средствами (в том числе — 500 рублей дотации)... а также сохранить действующий устав Общества любителей исследования Алтая, приведя его в согласование с общим уставом Императорского общества»[1]. Как можно заметить, условия не без претензий, хотя, став подотделом, барнаульцы получали бы бесплатные почтовые отправления и бесплатное отправление посылок до одного пуда весом, бесцензурное издание сборников и ряд других преимуществ. Однако велико было желание сохранить мнимую свободу, автономию. Руководство Западно-Сибирского отдела отнеслось с пониманием к просьбе. На заседании Распорядительного комитета (так именовался в Омске совет Общества, президиум отдела) несколько раз рассматривали предложение о присоединении Алтайского краеведческого общества к отделу в качестве отделения, с сохранением самостоятельности своей организации и научной деятельности. Более того, Комитет находил, как записано в его «Отчете» за 1898 год, что присоединение учреждения, успевшего уже заявить о своей полезной деятельности солидными работами, может быть рассматриваемо как весьма желательное для объединения научной деятельности двух преследующих однородные научные цели учреждений Западной Сибири. Тог-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 216 и след.

да же Комитет выслал в Барнаул 120 книг, а также свидетельство на право бесплатной почты[1].

Видимо, желание иметь преимущества, ставши подотделом, проистекало и из того, что идея о присоединении исходила от «центра». Об этом открыто заявил Недзвецкий в докладе. «Можно рассчитывать на присоединение, — заметил он, — не только потому, что существуют и другие подотделы, но главным образом по тому сочувственному, как осведомлен совет, отношению, какое наше Общество находит у вице-председателя Императорского географического общества глубокоуважаемого Петра Петровича Семенова, которому принадлежит и сама мысль о возможности присоединения нашего Общества к Географическому». На самом деле заявление имело основание.

В Научном архиве Географического общества СССР есть в первом фонде дело № 14 — «О дополнительном ассигновании 5 тыс. руб. на усиление средств Восточно-Сиб., Приамурскому и Зап.-Сиб. отделам ИРГО». Там переписка, черновики, официальные ответы по интересующей нас проблеме. Руководитель Общества П. П. Семенов убеждал министра финансов С. Е. Витте в необходимости дотации местным отделам, поскольку они являются пионерами изучения Азии, а с проведением Великого Сибирского железного пути изучение Востока приобретает особое значение. В конце оговаривалось: Совет ИРГО полагал, что таковым усилением только на 5000 рублей откроется возможность опоясать всю южную сибирскую окраину целой цепью из девяти учреждений (Омск, Семипалатинск, Барнаул, Красноярск, Иркутск, Троицко-Савск, Чита, Хабаровск, Владивосток), которые, несомненно, сослужат правительству свою службу в его стремлении упрочить не только свое материальное, но и духовное положение на крайнем Востоке. 17 июня 1899 года министр дал согласие ввиду приводимых в письме соображений, но, тем не менее, пробурчал: «На будущее надо изыскивать средства самостоятельно».

[1] В ГААК, ф. 81, д. 17, л. 54, сохранилось на бланке Западно-Сибирского отдела свидетельство, за сургучной печатью, на право бесплатной почты. Но в «делах» есть отказ почтового ведомства с указанием, что Общество любителей исследования Алтая не императорское, поэтому в льготе отказано.

Однако в то время Алтайский подотдел еще не был открыт. Мне кажется, в первую очередь ввиду известных неудобных для центрального совета оговорок нашего Общества.

Как В. К. Болдырев вел переговоры, в делах не видно, но П. П. Семенов хлопотал. 1 февраля 1900 года он уведомил Западно-Сибирский отдел, что выделяется 1000 рублей для Семипалатинского и Алтайского подотделов. Тогда-то и появилась та просьба об экспедиции П. Г. Игнатова, которой Западно-Сибирский отдел придавал серьезное значение. Как известно, Общество любителей исследования Алтая внесло свою, и довольно значительную, лепту в экспедицию Игнатова, но подотдел не был сформирован. В чем дело? 23 февраля 1900 года Западно-Сибирский отдел направил в Барнаул письмо, в котором говорилось, что поскольку можно считать вопрос об организации Алтайского подотдела решеным, то необходимо прислать следующие сведения — и указывались четыре вопроса. Дело серьезное, поэтому 23 марта было созвано чрезвычайное собрание. Теперь собрание значительным большинством (попервости был только один против) решило присоединиться в качестве подотдела, при этом непременно сохранить все те условия, какие были выработаны первоначально общим собранием членов Общества 21 марта 1898 г.[1] Имелись в виду старые оговорки с претензиями на особое положение.

Дело затягивалось. Между тем в Барнауле произошли перемены: в середине 1900 года В. К. Болдырева перевели в Петербург, в Кабинет, начальником же округа назначили А. Ф. Кублицкого-Пиоттух.

П. П. Семенов продолжал хлопотать, и наконец 4 февраля 1901 года пришло подтверждение, что Государственный совет положил отпустить из казны Западно-Сибирскому отделу дополнительно 1000 рублей — по уважению просьбы члена Государственного совета действительного тайного советника сенатора П. П. Семенова специально для Семипалатинского и Алтайского подотделов.

17 августа из Западно-Сибирского отдела поступило официальное уведомление, что с 1 октября разрешено открыть подотдел, считая учредителями его всех членов Общества любителей исследования Алтая. Там же была хорошая рекомендация: «Распорядительный Комитет покорнейше просит Общество обставить открытие подот-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 30–32.

дела необходимой торжественностью, которая способствовала бы возможно большей популярности подотдела и привлекла бы новых членов для исследования Алтая». Хороший совет и хорошая концовка: после того перешлют 500 рублей.

Казалось бы, все встало на свои места, но в письме нет ни слова про условия барнаульских краеведов.

Через десять дней, 27 августа 1901 года Кублицкий-Пиоттух самолично подготовил письмо к П. П. Семенову. Нельзя удержаться от того, чтобы не привести его полностью.

«Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь
Петр Петрович

Общество любителей исследования Алтая, в коем я имею честь состоять почетным председателем, в общем собрании своих членов еще 21 марта 1898 года решило ходатайствовать перед ИРГО о присоединении его к сему последнему в качестве Алтайского отделения или подотдела Западно-Сибирского отдела Общества.

Ходатайство это и было затем возбуждено в действительности, результатом чего, по всей вероятности, и было записано в журнале Совета ИГО постановление от числа ... месяца ... предоставлением Западно-Сибирскому отделу открыть филиальные отделения в Семипалатинске и Барнауле с преобразованием в этот последний подотдел Общества любителей исследования Алтая с сохранением этому последнему Обществу его устава.

С тех пор прошло уже более двух лет, но приведение постановления Совета географического общества все еще остается неосуществленным.

Заботясь о возможном широком развитии деятельности Алтайского общества и признавая, что таковая мера окажется значительно плодотворнее, если Общество будет поставлено в новые условия совместной работой с Географическим обществом, позволю себе обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой не отказать в Вашем содействии к скорейшему осуществлению решенного уже в принципе дела присоединения председательствуемого мною Общества к Западно-Сибирскому отделу Географического общества и этим оказать нравственную и материальную поддержку местным деятелям в их научных трудах по ис-

следованию обширного, богато одаренного природою, но мало еще изученного Алтая.

Пользуясь случаем, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности».[1]

Через два месяца пришла телеграмма от П. П. Семенова, опять с обещанием, что оформить переход в Географическое общество удастся в ближайшее время.

Наконец пришло извещение из Омска, в нем покровитель Западно-Сибирского отдела, генерал-губернатор Степной области, Генерального штаба генерал-лейтенант Сухотин уведомлял, что 6 марта 1902 года Общество любителей исследования Алтая присоединено к отделу в качестве подотдсла. В отношении указывалось, что подотделу предоставлено в своей внутренней организации сохранить прежний устав Общества любителей исследования Алтая, согласовав его с общим уставом Императорского русского географического общества[2]. 24 марта 1902 года состоялось общее собрание, и оно постановило: «считать свое Общество преобразованным в Алтайский подотдел», а день 24 марта «следует считать днем открытия подотдела». (Странные люди: подотдел утвержден 6 марта, но они собрались 24-го, и теперь этот день и есть день рождения. Диктата со стороны никак не приемлют.)

Во Введении шел разговор о преемственности истории нашего филиала. Мы ее считаем непрерывной, об этом ярко свидетельствует акт создания Алтайского подотдела, в противоположность, скажем, Омскому: в Омске из Общества исследователей не получился отдел Географического, не стал его восприемником. Общество исследователей Западной Сибири возникло в Омске в 1868 году, было лишь одно заседание. Когда же активисты решили создать отдел Географического общества, то надо было сначала официально закрыть старое Общество[3]. В Сибирской советской энциклопедии, т. III, стб. 702, включены верные, но малозаметные строки: «В 1868 в Омске организуется Об-во исследователей Зап. Сибири, а через десять лет, ему на смену, возникает Зап.-Сиб. отд. Рус. Г. Об-ва». Но еще вернее строки в т. II, стб. 979: «Существовавшее в Омске с 1868 Общество исследо-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 24. Л. 64–65 об.,собственноручный черновик.

[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 3. Л. 75.

[3] См. об этом: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 29.

вателей Зап. Сибири было сменено в 1877 Западно-Сибирским отделом Русского географического общества, существовавшее в Барнауле Об-во любителей исследования Алтая через десять лет превратилось в Алтайский отдел Русского географического общества».

Свыше четырех лет шел переход алтайских краеведов в лоно Географического общества. Мне кажется, основным камнем преткновения являлась перспектива потери самостоятельности Общества и тот устав Алтайского подотдела, который разработали барнаульцы. Не случайно в том же 1902 году был возбужден разговор о создании в Томске Средне-Сибирского отдела Географического общества, и алтайские краеведы заколебались, председатель советовался с А. Ф. Кублицким-Пиоттух: как быть, сохранить Общество любителей или перейти в подотдел? В архивном деле № 28 подшит рукописный текст устава Алтайского подотдела, а в деле № 16 сохранился печатный текст проекта устава Алтайского подотдела от 1902 года. Не общего, а именно Алтайского.

Разработка нового устава имеет свою историю. На том же собрании 24 марта было поручено совету подотдела составить устав, а в помощь подключили А. М. Головачева, Н. Ф. Миролюбова, Л. Х. Сабинина — как юридически сведущих лиц. И вот уже 4 апреля на совете читался один из вариантов устава, а на совете 8 апреля был назначен (принял на себя) ответственный за подготовку сводных текстов кандидат в члены совета Н. Я. Овчинников. 25 апреля на совете продолжалось согласование уставов. 29 апреля на совете шло обсуждение, были приняты к сведению мнения других членов подотдела, которые принесли свои замечания. Н. Я. Овчинников (по нынешнему представлению — председатель редакционной комиссии по выработке устава) очень серьезно отнесся к поручению. В Алтайском краевом краеведческом музее сохранился экземпляр устава Общества любителей исследования Алтая издания 1900 года, принадлежащий ему[1]. 11 ноября Н. А. Овчинников на очередном заседании совета читал согласованный устав. Наконец, 25 ноября совет заслушал в окончательной редакции проект нового устава, решили напечатать 100 экземпляров и разослать членам подотдела.

15 декабря 1902 года было созвано общее собрание для обсуждения проекта устава. Он был утвержден и принят. По предло-

[1] Об этом свидетельствует собственноручная подпись на обложке. См. библиотечный шифр: 91/У-79. В нем вписаны на с. 9–10 его поправки к § 27 и др.

жению С. П. Швецова (он приехал специально, покинув в 1896 году Барнаул, жил в Омске, в Томске, но работал в ведомстве Алтайского округа) было решено рекомендовать устав Императорскому географическому обществу в качестве проекта для других отделов и подотделов.

На общем собрании 21 апреля 1903 года Кублицкий-Пиоттух рассказывал, как он вел переговоры с П. П. Семеновым об уставе специально для Алтайского подотдела[1]. Семенов сказал, что устав для отделов и подотделов разрабатывается общим для системы Географического общества. Компромисс был достигнут в том, что устав Алтайского подотдела будет рассматриваться в качестве образца. Как видно, колебания Общества любителей исследования Алтая не прошли впустую, выявился изъян в организационной-уставной деятельности всего Русского Географического общества — отсутствие универсального устава. (Кстати, он не был изменен до 1923 года.)

Мы должны отметить усилия П. П. Семенова и терпеливую уступчивость А. Ф. Кублицкого-Пиоттуха в переводе общества любителей исследования Алтая в Географическое, в приобщении алтайских краеведов к славному племени российских географов.

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827–1914) хорошо знал и любил Алтай. Весной 1856 года он отправился в путешествие на Тянь-Шань и 7 июня прибыл в Барнаул. Провел здесь первые 12 дней. Затем приехал в Змеиногорск и сделал его центром осмотра горных предприятий Змеиногорского края. Он объездил все рудники — Лазурский, Петровский, Черепановский, Карамышевский... Посетил Локтевский сереброплавильный завод и Локтевский рудник, Колыванское озеро. Потом отправился в рудники Риддерского края. В верховьях речки Золотушки 20–21 июня П. П. Семенов вместе с лесничим заблудились в степи. Через Сугатовский рудник они прибыли в Шемонаиху. «Горное начальство, — писал путешественник в дневнике, — приняло особые меры для того, чтобы вполне обезопасить нам проезд в Риддерск. Тарантас наш запрягли шестью лошадьми цугом, и, независимо от форейтора, нас сопровождали шесть всадников». 25 июня Семенов со спутником обошел с южной стороны горы Ивановский белок за Риддерским: «Только что мы взошли на вершину Ивановского белка, как сильный ветер нанес

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.

П. П. Семенов-Тян-Шанский

на нас облако, задернувшее нас покрывалом густого тумана. На окраине вершины мы нашли стол, поставленный знаменитым ботаником Ледебуром на месте, где он произвел свое измерение». Исследователь намечал перевалить Коксуйский хребет и попасть в вершину Чарыша, чтобы вернуться в Змеиногорский рудник, однако он повернул обратным путем. Вечером 30 июня путешественник вернулся в Змеиногорск, а 1 августа выехал через Семипалатинск в Среднюю Азию. Таким было первое знакомство будущего руководителя Географического общества с Алтайским горным округом.

После исследований в Средней Азии П. П. Семенов в начале ноября вернулся в Барнаул и прожил здесь до конца марта 1857 года. «Я нанял довольно уютную меблированную квартиру из нескольких комнат за 25 рублей в месяц. День проходил в разборе коллекций, в осмотре и изучении музея, библиотеки...» Барнаул он почитал самым культурным уголком Сибири, осматривал гранитный обелиск в память столетия Алтайских горных заводов, побывал на горе, где в то время строилась кладбищенская церковь, не пропускал ни одной новой постановки местного театра. В нем, как он отмечал, мастерски играли горный инженер С. В. Самойлов и молодой горный инженер Н. И. Давидович-Нащинский. Приятные впечатления остались у П. П. Семенова от местного горного общества: эстетические наклонности горных инженеров проявлялись в знакомстве как с научной, так и с художественной литературой. Напомним, что в Барнауле П. П. Семенов прожил несколько дней совместно с Ф. М. Достоевским.

В конце марта 1857 года Семенов выехал в Омск, а оттуда в Тянь-Шань и лишь осенью через Семипалатинск вновь прибыл в Барнаул. Три недели октября прошли здесь незаметно среди старых гостеприимных знакомцев, а в конце октября он отбыл в Омск и затем в Петербург[1].

Памятник П. П. Семенову-Тян-Шанскому. Барнаул.

Спустя сорок лет у вице-председателя Русского географического общества осталась вера в культурные силы Барнаула. Продолжительно ведя хлопоты об открытии подотделов в Барнауле и в Семипалатинске, он добивался новой тысячи рублей именно для них, подчеркивал возросшую роль местного Общества краеведов в пионерном изучении Азии. Он так характеризовал их значение в известном письме к министру финансов: «Сибирские отделы и сами, правильно понимая свои задачи, стремятся ныне к необходимой децентрализации устройством подотделов в таких городах, которые с развитием вообще Сибири являются всё более важными культурными центрами, и подотделы способствуют духовному развитию сибирских городов не только образованием библиотек, музеев и всевозможных пособий для разнообразного изучения страны, но и руководством этого изучения». Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский был не только крупным ученым — первопроходцем Азии, умелым организатором новых научных исследований, но и рачительным руководителем Русского географического общества, заботился о его научной славе и о расширении его влияния на развитие общественной жизни России. В этом отношении он не ошибся с переводом Общества любителей исследования Алтая в состав Географического. В 1988 году у здания

[1] См.: Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. 1876–1857. Географгиз, 1958. 277 с

Барнаул. Бывший дом начальника Алтайского горного округа. С 1927 года в здании находился исполком городского Совета. Фото 2021 г.

Алтайского государственного университета установлен памятник — бюст П. П. Семенову-Тян-Шанскому.

Надо отдать должное почтение стараниям А. Ф. Кублицкого-Пиоттуха в оживлении научной деятельности Общества, в укреплении его авторитета. Судя по скудно сохранившимся документам, он неоднократно встречался с П. П. Семеновым, взял в свои руки дело вхождения Общества в состав Географического не из тщеславия его почетного председателя. В апреле 1903 года на общем собрании он к радости всех сообщил, что помимо ежегодных 500 рублей, о чем не могли и мечтать до сих пор члены Общества, Семенов заверил, что на научные экспедиции будут даны дополнительные средства. Под его наблюдением такая первая научная экспедиция была сформирована (руководитель В. И. Верещагин). Кублицкий-Пиоттух предоставил Обществу сразу по своем приезде в Барнаул хорошее помещение — половину второго этажа в здании золотосплавной лаборатории. Члены Общества были очень воодушевлены, приступили

к размещению в двух больших комнатах библиотеки и музея, а Кублицкий, чтобы не мешать занятиям, перевел заседания совета подотдела (они собирались еженедельно) в резиденцию своей канцелярии (при квартире начальника округа, ныне это здание горисполкома на Ленинском проспекте[1]). Адам Феликсович Кублицкий-Пиоттух (1855–1928)[2] получил образование по юридическим наукам в Петербургском университете. Четыре года прожил Адам Феликсович в Барнауле и оставил о себе хорошую память. Когда члены подотдела узнали о переводе его в Петербург, то решили преподнести адрес, для этого 10 мая 1904 года они собрались на заседание. Составить адрес поручили Д. П. Звереву. Через неделю совет вновь собрался, обсудили текст и поручили Звереву отпечатать его. И вот 23 мая состоялось 16-е экстренное заседание совета. Присутствовали В. Н. Голанин, Д. И. Зверев, Г. В. Засс, В. И. Верещагин, Н. Н. Соколов, они подписали текст и решили поднести его дома и для этого всем наличным отправиться на квартиру А. Ф. Кублицкого[3]. Не будет большим грехом повторить здесь адрес.

«Глубокоуважаемый Адам Феликсович!

Все главные моменты в жизни Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества отмечены Вашим участием и содействием. Вами дано подотделу постоянное помещение, обеспечившее существование и развитие музея. Вашими заботами и просьбами доведено до конца много лет длившееся присоединение нашего Общества к Географическому, давшее подотделу значительные права и средства с первых же шагов его деятельности. Юный подотдел обращался к Вам за советом и содействием во всех случаях принципиальных или материальных затруднений и ни разу не встречал отказа в своих просьбах. Особенно памятны в этом отношении периоды разработки проектов об устройстве сейсмической станции в Барнауле и организации большой экспедиции в Горный Алтай, а также Ваши хлопоты в Петербурге и Томске в интересах подотдела. Весть о Вашем отъезде из Барнаула отозвалась среди членов совета сожалением, что Вы не

[1] С 1991 г. здесь располагаются администрация г. Барнаула и Барнаульская городская дума. — *Примеч. ред.*

[2] См. его формуляр: ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1276. Л. 25–38.

[3] ГААК. Ф. 81. Д. 31. Л. 33 об.–34.

будете более председательствовать на общих собраниях подотдела и заседаниях совета, куда Вы всегда вносили бодрую мысль и где с оживленным интересом делили скромный труд нашего Общества. С чувством глубокого уважения совет подотдела просит Вас принять его искреннюю благодарность за Вашу отзывчивость к нуждам подотдела и за Вашу веру в его светлое будущее».

Более того, общее собрание 8 февраля 1905 года вновь единодушно высказало благодарность Кублицкому, хотя текст пришлось отправить теперь в Петербург. Установление советской власти он воспринял как должное, работал в новых учреждениях. В октябре 1918 года его племянник А. Блок отметил в записной книжке: «Приехавший Адам Феликсович совершенно на стороне советской власти, рассказывает много интересного о том, что делается в Москве и в России, где чехословацкие и английские вши только не дают нам масла и хлеба. А между тем уже Вильгельму будет плохо, если он не удерет, революция готова и в Англии». Впоследствии А. Ф. Кублицкий работал в центральных советских учреждениях.

Что нового было внесено в устав Алтайского подотдела сравнительно с уставом бывшего Общества любителей исследования Алтая? В рукописи и в опубликованном проекте 1902 года его составители специально оговаривают отдельные параграфы — против устава Общества 1891 года — тем, что вписывают ссылки на устав центрального Географического общества или на устав Западно-Сибирского отдела, или даже на уставы других обществ. Откровенно говоря, скомбинировали все, что уже существует в записях, в правах, чтобы был предоставлен режим наибольшего благоприятствования специально для Алтайского подотдела. Так, например, к целям подотдела в параграфе первом, помимо старых пунктов «а» и «б», подписали: «в) заботиться о поддержании в местном обществе интереса к исследованию Алтайского округа». Отлично, что здесь возразить: хотя подотдел теперь общий, российский, все равно оттенить свое региональное — алтайское! — сочли необходимым. В разделе «права и обязанности подотдела» с удовольствием был сформирован § 10: «Алтайский подотдел составляет часть Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Он пользуется Высочайше дарованной Обществу печатью с Государственным гербом и правом бесплатной пересылки по почте письменной кор-

респонденции и посылок до одного пуда весом». Кроме того, § 12 был сформулирован несколько оригинально, если не сказать с претензией: «Со своей стороны подотдел исполняет просьбы, с которыми будут к нему обращаться Географическое общество и его Западню-Сибирский отдел, обсуждает предложенные ему вопросы, разрабатывает указанные ему предметы и вообще доставляет Обществу и отделу полезные сведения, относящиеся к специальному кругу представляемых ему занятий». Было видно, что алтайские краеведы несколько болезненно осваивали новую форму своего существования, пытались гарантировать свободу выбора. Но их трудно обвинять в сепаратизме, хотя они больше старались работать на Алтайский край. Поэтому в расширение понятия пункта «в» § 1 был создан § 30: «В целях возбуждения и поддержки интереса к научному исследованию Алтая в местном обществе совет устраивает публичные научные беседы и чтения, относящиеся к кругу занятий подотдела». Были и другие разночтения с существующим уставом. Можно понять затруднения П. П. Семенова, ибо действительно возникла проблема разработки унифицированного Устава для отделов и подотделов, хотя и не было, кажется, угрозы центробежности региональных подразделений.

Первым делом совета теперь уже Алтайского подотдела Географического общества был выпуск двух печатных листовок. Они направлены на реализацию научности подотдела, как новой фазы работы алтайских краеведов. Одна листовка с общим заголовком «От совета Алтайского подотдела Императорского Русского географического общества» объявляла о возможности получить научные консультации в подотделе (по адресу: Лаборатория Главного управления Алтайского округа, верхний этаж, по понедельникам, с 8 ч. вечера). На одном экземпляре листовка имела приписку: «К городским жителям г. Барнаула», — видимо она была перепечатана[1]. Листовка хорошо и правильно аргументирует необходимость консультаций краеведного характера: «В природе и жизни Алтая столько неизученных, неисследованных, быть может, даже еще вовсе неизвестных сторон и вопросов, что каждая, даже небольшая работа, направленная на их изучение имеет большой интерес и цену», — такой призыв актуален и теперь. — «Но если соединить усилия, то можно

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 23. Эта же листовка: Д. 2. Л. 23.

собрать разнообразный, богатый и ценный материал для изучения Алтая». «Подотдел, — говорится далее, — имеет библиотеку, организует беседы, как собирать материал». И очень характерна последняя приписка о том, чего раньше не было в деятельности Общества: «Подотдел, как учреждение, может своим ходатайством содействовать частным лицам в пользовании различными официальными и архивными данными, нередко недоступными для частного лица». Заметно, что алтайские краеведы гордятся новым статусом учреждения российского ранга, а во-вторых, и это более заметно, тем самым они имеют возможность большего общественного воздействия, принесения большей общественной пользы, расширяется их просветительская роль. Роль Алтайского подотдела как выразителя общественных краеведных интересов с вхождением его в Русское географическое общество возросла, и алтайские патриоты решили этим воспользоваться.

Вторая листовка с общим заголовком «От совета Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» разъясняла широкие научные проблемы с целью оживить работу отдела и любителей. Весьма симптоматичен рефрен первого абзаца обращения: «В задачи Императорского Русского географического общества входит собирание этнографических сведений и в том числе собирание народных преданий и памятников народного творчества. Наш Алтайский подотдел Общества не имеет оснований отнестись к этой задаче с менее живым интересом, чем центральное Географическое общество». Подчеркивалось, что в нашем крае много бытовых особенностей, что здесь живут разные народы, что русские пришли сюда триста лет назад и характер их жизни не мог не измениться, окруженный другой природой и другими национальностями. Особые изменения, — говорит листовка, — несет цивилизация, железные дороги, они грозят истреблением остатков старины. Эти опасения налагают на филиальные отделения Географического общества в Сибири долг озаботиться скорейшей организацией собирания того, что пока уцелело. Здесь же говорится, что и как надо собирать. Различные слои общества, но особенно учителя, могут помочь в научном познании края, в сборе старины. Совет выражал тем самым надежду, что он (подотдел) может стать настоящим центром по накоплению научных знаний и будет отражать общие интересы. Совет убежден, что только учащенные сношения с

множеством любителей научных занятий всякого уровня образования, рассеянных по стране, сделают подотдел истинным областным, созданным на пользу науки учреждением, живыми нитями связанным со всеми слоями местного населения и со всеми углами области.

Нетрудно заметить, что эти листовки начала 1903 года воссоздавали дух и содержание как «Краткой пояснительной записки к Уставу Общества любителей исследования Алтая» 1891 года, так и «Краткой программы для собирания сведений о природе и населении Алтая» 1892 года, но на новом витке и на несколько более высоком научном уровне. В начале своей деятельности алтайские краеведы не задавались обширными задачами широко поставленных научных исследований, но теперь они говорили, что такие исследования входят в задачу подотдела, что он может собрать для науки такие факты, которые в других местах не найдутся. Это — хорошо. Алтайские краеведы осознавали свои возможности. Сформировался широкий круг исследователей, накоплен опыт написания и издания научных работ, появились материальные возможности для устойчивого существования подотдела, организации больших научных экспедиций. Организованное алтайское краеведение вступило в новый период своего развития, он являлся закономерным продолжением предшествующего этапа.

И активисты, как говорится, взялись за работу. В мае 1903 года Н. С. Гуляев пишет Заявление члена-учредителя Общества и прямо указывает, что с преобразованием Общества любителей исследования Алтая в подотдел совет поставил одной из первых своих задач заняться собиранием естественно-исторических предметов для устройства музея. Он разработал собственную экспедиции по исследованию костеносных пещер по Чарышу. Попутно он предполагал посетить городище на правом берегу Оби. Просил на экспедицию 149 рублей 80 копеек. Средства были даны, и 27 ноября он уже докладывал на очередном собрании о своей поездке. Николай Степанович Гуляев произвел раскопки на Большереченском археологическом комплексе, он его называет городищем. Составил план городища, откопал два костяка (но они быстро рассыпались), орудия труда, керамику, оружие, железный меч, костяные снаряды, стрелу литой бронзы, несколько каменных стрел прекрасной работы. Раскопки на Большой Речке он уже производил в 1898 году, но теперь, на основании сравнения материала (ссылался на Томсена, Флорин-

М. П. Грязнов

ского), пришел к заключению, что городище относится к бронзовому веку, особенно убеждают в этом узоры посуды[1]. Кроме того, в сезон 1903 года Гуляев раскопал два кургана поблизости села Легостаево (теперь село Володарка), а затем уехал на пещеры на Чарыше, Чагырке, Ханхаре. Он привез много находок, устроил выставку. (Раскопки на Большой Речке Н. С. Гуляев производил и позже, в 1913 году.)

В тот же день 27 ноября 1903 года обсуждался план большой комплексной экспедиции в Горный Алтай на лето 1904 года. Как докладывал В. И. Верещагин, маршрут подсказал профессор Крылов в беседе с ним и в письме к В. Г. Родду. Планировалось обследовать в ботаническом, энтомологическом и зоологическом отношении менее всего изученную часть Алтая — Чуйскую степь, хребет Сайлюгем, верховья Чуи, Юстыда, восточную часть Курайского хребта, верховья Башкауса и Чулышмана. Выбор района экспедиции не случаен: проложена трактовая дорога от Онгудая до Кош-Агача, роль тракта будет возрастать, и необходимо заранее изучить район будущих экономических возможностей. В документе, который был направлен в центральное Географическое общество за подписью Кублицкого, особо подчеркивалось, что «очень желательно, чтобы эти места были обследованы русским ученым обществом, а в данном случае раньше всего местным Алтайским подотделом».

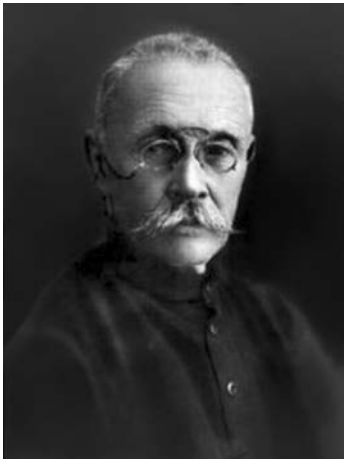
Руководство подотделом считало эту экспедицию первой крупной, комплексной — по типу экспедиции П. Г. Игнатова — от имени Географического общества, поэтому состав ее не только заранее обсуждался, но на каждого члена была представлена научно-практическая характеристика: способны ли данные люди исполнить нелегкое задание. Руководитель экспедиции В. И. Верещагин —

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 69–70. Большереченский комплекс разновременен, об этом: Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам у с. Большая Речка. М.; Л., 1965. Теперь это село Чаузово.

преподаватель естествоведения в Барнаульском реальном училище, окончил Естественный факультет Петербургского университета, совершал экспедиции под руководством Общества естествоиспытателей в Новгородской губернии и здесь уже изучал Алтай в 1901 и в 1902 годах. Ему поручались ботанические, естественно-исторические наблюдения и сборы. Второй участник — Е. Г. Родд, ученый-лесовод, окончил Петербургский лесной институт, служащий управления округа, производил исследования на Кавказе, в Оренбургском крае, собирал насекомых в разных частях округа, ему поручались зоологические и энтомологические описания и сборы коллекций. Третий член экспедиции — П. С. Малешевский, преподаватель математики в Барнаульском реальном училище, окончил математический факультет Варшавского университета, его обязанности заключались в описании маршрута, математическом определении местности, составлении планов местности и пр. Четвертый член отряда — препаратор, из студентов Томского технологического института. Таким образом, экспедиция имела высокий научный потенциал, ее участники обладали известной подготовленностью в собирании научного материала, и совет гарантировал, что экспедиция с успехом выполнит взятые на себя задачи, но без поддержки Географического общества ее совершить невозможно. Скажем, на 3 месяца требовалось 20–25 лошадей, а это 300 рублей, на съестные припасы уходило 500 рублей (т. е. вся годичная субсидия центра), на фотоматериалы, ящики, палатки и т. п. планировали 100 рублей. Одним словом, подотдел просил 1800 рублей недостающей суммы из 2330 по расчетам.

Красноречива концовка просьбы. Испрашивая материальной помощи первой экспедиции, совет подотдела полагает, что такая поддержка со стороны географического общества в сильной степени повлияла бы на ход дальнейшей деятельности в смысле увеличения энергии и желания работать для подробнейшего во всех отношениях изучения Алтая[1]. Это явный бумеранг тех условий, которыми Западно-Сибирский отдел обговаривал прием Общества любителей в Географическое — материальным его вкладом в экспедиции Игнатова. В конечном итоге такую экспедиции в 1904 году совершить не удалось. Губернское управление III отделения 29 мая

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 45.



В. И. Верещагин

1904 года уведомило, что по случаю войны, вызвавшей чрезвычайное напряжение сил и средств в деле отправления сельским населением натуральных и других повинностей, не находит возможности выдать в настоящем году просимые Вами открытые листы, на взимание земско-обывательских подвод[1]. Шла русско-японская война.

9 апреля 1905 года было возобновлено обсуждение организации естественно-исторической экспедиции. Предложено вновь Верещагину выполнить ее. Виктор Иванович несколько обрезал старый план, основной маршрут взял лишь по Чулышману. Ужалась и цель: главным образом сбор ботанических коллекций, гипсометрические наблюдения, мимоходом зоологические сборы и фотографирование. Подотдел выделил 400 рублей, поэтому Верещагин внес личных средств 200 рублей, с ним отправились два помощника[2]. Экспедиция состоялась. Результаты этой, как он называл, маленькой экспедиции были опубликованы в VI томе Алтайского сборника. В среду 3 мая 1906 года на общем собрании Верещагин докладывал итоги экспедиции в Восточный Алтай с показом туманных картинок. Он с сожалением должен был признаться, что его помощник господин Пушкарев, заблудившись ночью в лесу, нечаянно поломал аппарат. Уцелело небольшое число снимков.

В 1903 году Общество оказало Верещагину содействие в поездке за границу для ознакомления с музейным делом. Не пропал для него и прошлый сезон 1904 года. Он совершил более скромную поездку на Колыванское озеро, на гору Синюху-Колыванскую и по окрестностям Колыванского завода (шлифовальной фабрики).

Подотдел и в дальнейшем оказывал большую помощь В. И. Верещагину в организации экспедиций. Он их совершал в 1906, 1907, 1908, 1909 и в 1911 годах[3]. Об экспедиции 1906 года есть противоре-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 32. Л. 23.

[2] См. разработку: ГААК. Ф. 81. Д. 34. Л. 9–12.

[3] ГААК. Ф. 81. Д. 15. Л. 9; Д. 34. Л. 15 об.

чивые известия. В кассовой книге (д. 37, л. 6) записано, что В. И. Верещагин получил 123 руб. 25 коп. на оборудование экспедиции в Восточный Алтай, затем ему еще было выдано 286 руб. 80 коп., однако 20 июня он возвратил из этих сумм 250 руб. за нерасходованием. Значит, экспедиция состоялась, но, видимо, по укороченному маршруту. Экспедиция 1907 года фактически явилась исполнением маршрута планируемой на 1904 год, основное место — Чуйская долина с боковыми маршрутами. Затем были повторены маршруты на Телецкое озеро и по Чулышману, заново осмотрены места по Аргуту, Ясатеру. В 1909 году сложная экспедиция на Уймон, Зайчиху, Тальменье озеро, на Белуху — Рахмановые ключи, по Коксе, по Аргуту и другим долинам узловых ледниковых систем центрального Алтая. Необходимо выделить в заслугу Верещагину, что он первым из исследователей-путешественников прошел долину Чулышмана полностью. Среднее течение его обходили гребнем Чулышманского нагорья (от Язулы до Чодро и даже ниже — до Кату-Ярыка). Обошел это место и П. Г. Игнатов в 1901 году. Верещагин решился: «...тропа вдруг сходит на нет, а к Чулышману вплотную подошли горы и оборвались в его бурные воды крутыми склонами. У верхнего Сеп-бона необходимо сойти с седла, так как Сеп-бом можно пройти только пешком и притом босиком. Сначала приходится идти по доске, перекинутой с одного выступа на другой над бурным потоком, а затем за поворотом скалы надо карабкаться, цепляясь руками за неровности скал, но беда в том, что они округлены и ладно отшлифованы и сорваться с них можно очень легко...» Здесь, конечно, не до ботанических сборов, однако решиться на подобное может не отрешенный человек, а жизнелюб и смелая душа. Виктор Иванович Верещагин — исследователь, путешественник и первопроходец в первородном понимании этих определений. Значение его маршрутов выходит далеко за пределы его основных ботанических сборов. Физико-географические описания посещенных мест, характеристика формирования растительного покрова, заметки о геологическом строении хребтов и долин, заметки о ледниковых особенностях региона, о его туристских возможностях и доступности, описание эндемиков, сведения об экологической первозданности и многое другое — ничто не ускользало из поля зрения естествоиспытателя.

Возьмем небольшой отрывок из дневника путешествия в 1905 году. В верховьях Чулышмана он столкнулся со следами дея-

тельности древних ледников, и, опираясь на предположения П. Игнатова, пытается найти ответ: «Мы заночевали на южном берегу озера ближе к его верхнему концу. Я наткнулся около озера на большой гранитный валун, исчерченный штрихами. Вообще по всему плато разбросано множество гранитных валунов. Мы их видели в р. Узуноёк и в речках, впадающих в озеро Джюлю-коль, а также и в самом озере. Откуда они? Окрестные горы сложены из сланцев. Очевидно, эти обломки гранита принесены сюда откуда-то издалека. Припомним развитие конгломерантов в Чулышманской долине, особенно по верхнему течению Чулышмана. Обратим внимание на длинные холмы по берегу оз. Джюлю-Коль, тянущиеся параллельно хребту Чапшал, и на отмеченные Игнатовым ясные следы ледниковой деятельности на р. Таш-Оболеп, впадающий в Чулышман близ его истока. Сопоставим эти факты. Мы придем к заключению, что это обширное болотистое плато есть ложе усохшего громадного ледника. Где была его вершина, показать пока трудно. Небольшие обнажения гранита Игнатов видел около оз. Кендыкты-Коль в Монголии. Быть может, исследование снежных гор Нункун-тайга дало бы решение этого вопроса». Исследователь приходит к заключению: «Отложение валунов на плато — это поддонная морена исчезнувшего глетчера, а длинные холмы вдоль Чапшала — остатки боковых морен».

Для нынешних туристов небезынтересно описание родины В. М. Шукшина из путевых заметок Верещагина летом 1908 года (Алтайский сборник, т. X). «Большое село Сростки, раскинувшееся на берегу Катуни у подножия Сростинской горы, производит приятное впечатление обилием зелени. Но от великолепных березовых рощ, еще недавно окружавших село, остались одни пни. Вскоре за деревней дорога поднимается на гору Пикет, с которой открывается хороший вид на Катунь, ее притоки, обширную пойму с лугами и зарослями кустарников и Бобырган, наиболее высокую вершину предгорий Алтая».

В состав экспедиции 1908 года входили К. Г. Мякишев, а также его помощники, ученики VII класса Барнаульского реального училища С. Сабуров и С. Безшанкин. Любопытны социально-бытовые заметки того времени. Так, например, Верещагин передает: «Один из моих спутников побывал у богатого калмыка из крещеных в Улале. Интересно, что калмык спрашивал, верит ли он в бога, и тут же при-

бавил, что он сам теперь не верит. Раньше-де верил, пока был беден, а теперь что мне? Имею три жены, каждый день ем баранину, пью арачка... В юрте у него несколько икон, и сам хозяин известен своими пожертвованиями на Улалинскую церковь».

Очень выпуклую характеристику Виктора Ивановича тех лет оставил выдающийся краевед А. И. Топоров, подчеркивая его особую увлеченность делом: «Естествовед реального училища Виктор Иванович Верещагин годами изучал флору Алтая и выпускал солидные труды о своих исследованиях. Предан был этому необычайно, ни о чем другом не говорил, всегда был погружен в научные занятая, славился рассеянностью и мало что понимал в житейских делах. Помню рассказ его супруги, весьма аристократической дамы, о неудачной поездке в сосновый бор:

— Ехали мы, ехали, и вдруг лошадь стала. Почему, не знаем. Мы с Витей сошли с пролетки и видим, что развязался хомут. Спасибо, подошел какой-то милый рабочий и исправил все»[1].

Большую научную окраску деятельности подотдела придавал почвовед И. П. Выдрин. Работая крупным служащим в главном управлении округа, он в период служебных командировок, а часто за средства Общества изучил климат, почвы, растительный мир северных волостей, степной зоны, верхнего Левобережья, а также предгорной зоны. Одновременно с тем он выполнял программу по обследованию землеустройства в Алтайском округе, предусмотренного реформой 1861 года, для чего был создан специальный отдел землеустроительных работ. С марта 1900 года Иосиф Петрович был назначен старшим производителем работ для составления и предъявления отводных записей. Ему было определено жалованье в 1000 рублей (в год), столовых — 1000, разъездных 600 руб. и квартирных 500 рублей. К тому времени Выдрин обзавелся семьей: жена Калерия Ивановна Бростром, евангелическо-лютеранского вероисповедания (позже православного), дочь Ольга (1897 года рождения), сын Петр (1899); имел чин коллежского асессора. Одновременно с тем он стал начальником партии для полевых работ по землеустройству в Тутальской волости. К Выдрину приписали производителями работ канцелярских служителей Б. Быкова, В. Штильке и не имеющего чина Н. Овчинникова (и вместе с ними еще 17 че-

[1] Топоров А. И. Я — учитель. М., 1980.

И. П. Выдрин

ловек). Через год за отличное исполнение работ И. П. Выдрин был награжден орденом Св. Анны III степени.

На общем собрании членов Общества любителей исследования Алтая 29 января 1895 года И. П. Выдрин был утвержден действительным членом одновременно с З. И. Ростовским. Несколько лет они сотрудничали и занимались одним делом — изучением почв Алтайского округа, классификацией и установлением природно-климатических зон.

Антон-Зелислав Иосифович Ростовский родился 18 сентября 1868 года, римско-католического вероисповедания, из обер-офицерских детей. Окончил курс Петровской сельскохозяйственной академии со званием действительного студента и получил аттестат 21 мая 1892 года[1]. С апреля 1893 года он работал с И. П. Выдриным в одной партии по отмежеванию сибирской железной дороги, вместе они занялись изучением переселенцев, их экономического положения, особенно их быта, обеспеченности водой, санитарного состояния новых заселков.

Выдрин принимал активное участие в заседаниях Общества, был ответственным секретарем совета, заместителем председателя. Еще задолго до официального утверждения его в членство, Иосиф[2] Петрович неоднократно выступал на заседаниях с докладами. Так, на заседании совета 23 ноября 1894 года он прочел реферат о географических и почвенных исследованиях Г. И. Танфильева, заложившего новое направление в науке — болотоведение. Ему же было поручено разработать программу участия Общества любителей исследования Алтая на Нижегородской выставке, 25 января 1895 года он программу представил.

[1] См.: ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 242.

[2] Правильное написание — Иоасаф. — *Примеч. ред.*

Иосиф Петрович Выдрин (12 ноября 1867 — 21 февраля 1922) — сибиряк, происходил из мещан[1], окончил курс наук по естественному разряду физико-математического факультета Петербургского университета с дипломом первой степени (12 декабря 1890 г.); участвовал в почвенно-геологической и гидрологической экспедиции на Украине под руководством профессора В. В. Докучаева. С апреля 1893 года стал производителем работ по заготовлению переселенческих участков вдоль линии Сибирской железной дороги на северной территории Алтайского горного округа. Данная Томская временная партия работала от Министерства земледелия и государственных имуществ. С марта следующего года вместе с этой партией Выдрин перешел в ведомство Алтайского округа. В течение 1897 и 1898 годов И. П. Выдрин работал председателем комиссии по устройству непричисленных переселенцев в Сузунском, Чумышском, Локтевском, Змеиногорском имениях.

В 1900 году титулярный советник З. И. Ростовский назначен старшим производителем работ (начальником партии) для полевых работ по землеустройству в Кайлинскую волость Томского уезда. За отличное ведение работ был награжден орденом Св. Анны III степени. В самом начале нового века — январь—апрель 1901 г. — ему предоставили отпуск, он выезжал в Европейскую Россию и за границу. (добавим: брал отпуск в начале 1903 г. — в связи со смертью отца; в начале 1905 — ввиду призыва брата в армию; и оба раза также выезжал за границу.). Первые годы XX столетия З. И. Ростовский руководил 4-й землеустроительной партией, стал коллежским асессором, получил орден Станислава II степени; в 1905 году исполнял обязанности заведующего землеустройством Алтайского округа и в 1906 году был перемещен на работу в Кабинет, переехал в Петербург.

Эти два члена Географического общества — И. П. Выдрин и З. И. Ростовский — заложили начала физико-географического районирования Алтайского округа. За время работ 1894–1897 гг. по отводу земель они собрали свыше 1000 образцов почв, произвели полевые исследования и лабораторные анализы. Затем они много работали над сводками данных многолетних климатических наблюдений Барнаульской метеорологической станции, тщательно изучали растительность различных зон округа и просмотрели всю литерату-

[1] Личное дело: ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 144.

ру по данным проблемам. 16 февраля 1896 года на заседании совета Общества З. И. Ростовский в течение нескольких часов зачитывал почти полный текст готовой книги, он говорил о климате северной части Алтайского округа, о почвах. Указал, например, что только в северных волостях Барнаульского уезда — Тальменской, Боровлянской, Бурлинской, Карасукской, входивших в рамки почвенных исследований, обследована площадь в 5 тыс. десятин. Оппонентов выступало много, они выдвигали, как им казалось, серьезные претензии, отмечали основной недостаток доклада — его излишнюю теоретичность. Якобы он не дает нам никаких практических выводов.

Работа Выдрина и Ростовского поддерживалась Обществом и начальником округа В. К. Болдыревым. В 1896 году вышел отдельным изданием в типографии округа «Предварительный отчет по исследованию почв в северной части Алтайского округа», а в 1899 году книга «Материалы по исследованию почв в Алтайским округе» (с 2 картограммами) — 171 с., 3 р. 50 коп. за экземпляр. Книги получили превосходный отзыв В. В. Докучаева. Это были единственные источники по изучению местных почв.

На самом деле до их научного исследования о почвах Алтайского края не только не было почти ничего известно, а, наоборот, ходили самые невероятные легенды об их богатстве, плодородии. Вояжирующие путешественники видели высокие урожаи целинных распашек или пышную растительность степей, предгорных долин. Ложное представление о плодородии поддерживалось и старожилами, которые уверяли, что наши земли навозу не принимают, т. е. без удобрений земли тучные. Но новых земель оставалось все меньше и меньше, в оборот стали поступать и неплодородные участки, в Алтайский округ хлынули волны новоселов, отчего появилась настоятельная потребность в правильной колонизации и землеустроительных работах. Без изучения почв невозможно проводить землеустройство. Выдрин и Ростовский на первый случай ставили задачу осуществить исследования общего характера: выяснить типы почв, их физико-химические свойства и недостатки в хозяйственном отношении. Они ограничились механическими анализами, определили важнейшие почвенные элементы (фосфорную кислоту, калий, гумус) и лишь для отдельных проб произвели более тщательный химический анализ. Анализами подпочв не занимались совсем — это дело будущего исследования. В будущем, кроме того, замечали ав-

торы, должно быть определено отношение почв к орудиям обработки, восприятию удобрений, травосеянию и др. Это можно сделать путем эмпирическим, на опытных станциях, создать которые еще предстояло.

Авторы торопились и с анализами, и с выходом в свет результатов исследований — они подготовили практическую почвенную карту округа для Нижегородской выставки 1896 года, как отчет для учреждений, заинтересованных в деле дальнейшего сельскохозяйственного освоения юга Западной Сибири.

И. П. Выдрин, и З. И. Ростовский установили разделение округа на основные естественно-исторические районы. С учетом последующих доработок И. П. Выдрин описал 17 районов: две пустынно-степные зоны, две степные зоны (1. район южного супесчаного чернозема с содержанием гумуса 4–6%, от оз. Чаны до Кулундинской впадины или Кулундинскои степи; 2. район среднего чернозема с содержанием гумуса 6–10%, к востоку от р. Чары и Порозиха, т. е. западные и северные предгорья Алтая); степная и горностепная зоны; приборовая; три лесостепных (1. район среднего чернозема с содержанием гумуса 1–10%, к северо-западу от р. Чарыша и Порозихи; 2. пространство между Обскими борами и Салаирским кряжем, суглинистый чернозем по большей части деградированный с содержанием гумуса 10–18%; 3. район карбонатно-солончаковых почв типа боровых и солончаковые разности в Горном Алтае с содержанием гумуса 9–17%); зоны нижнего отдела горно-лесной области Горного Алтая и переходной полосы Салаирской черни; зона горной лесостепи; тайги и верхнего отдела горнолесной области; две субальпийских; альпийская; пустынно-горностепная; боровая.

Книги по районированию представляют собой труд большой ценности, они стали источником для детализации всех последующих описаний статистиков, экономистов, географов, путешественников, для составления различных справочников. После отъезда Ростовского Выдрин продолжал работать по районированию. К 1913 году возникла необходимость в повторном издании книги, поэтому на заседании совета подотдела 9 марта Н. Я. Овчинников докладывал, что необходимо выделить 100–150 рублей на новые сборы образцов почв из Горного Алтая, так как до сих пор оттуда их поступило слишком мало. И. П. Выдрин написал инструкцию для новых сотрудников землеустроителей, которых направляли в

Горный Алтай. Указанная сумма была выделена. А также закупили 1000 мешков для сбора почвы на 25 руб.[1] Продолжались унификация и описание старых образцов и коллекций, совершенствовался текст книги. Сохранился документ, письмо Выдрина в совет подотдела от 26 марта 1905 года. В нем говорится, что он привлек Е. Т. Шерстобоева для работы по согласованию нумерации образцов почв, собранных Выдриным и Ростовским, с нумерацией, принятой в новом издании. Сотрудник сделал сводную таблицу старых и новых номеров, работал всего 90 часов — и просит уплатить ему 27 рублей. Расписка Шерстобоева есть, а вот сводной таблицы не сохранилось.

В 1907 году вновь исследуются почвы Кулундинской степи, собраны новые коллекции (одну из них собрал Н. М. Марков). Теперь подотдел, опираясь на сведения Выдрина, поставил более конкретные задачи — использовать научные выводы для практических нужд крестьянского хозяйства. Подотдел стал выяснять влияние солончаков на качество кормов, а в зависимости от этого — на качество молока, масла и породы скота. Затем он пытался определить степень пригодности солончаков для обработки в целях таксации почв при наделении переселенцев разным количеством десятин, отнесении их в разряд неудобных, зачете площадей разных степенен их пригодности и. т. п. Далее отдел выяснял возможности солончаковых почв для целей хозяйства вновь водворенных на этих степях переселенцев. В названных работах были заинтересованы хозяйственные службы Кабинета, и, соответственно, изучение шло[2]. Наступала эпоха столыпинских реформ, и Выдрин полагал, что его разработки помогут выработать оптимальные нормы землепользования для новых поселенцев именно исходя из природных почвенных и климатических зон. Поэтому он 3 августа 1911 года официально обратился (на печатном бланке 5-й землеустроительной партии) к своему непосредственному начальнику с просьбой вписать в его формулярный список, что он (вместе с Ростовским) создал труды по исследованию почв Алтайского округа[3]. В деле сохранились его формуляры за 1910, 1911, исправленный в 1917, беловик 1917 (с исправлениями), но просьбу не исполнили. Хотя служба его шла хорошо: он был награжден еще двумя орденами, был произведен в статские

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 50. Л. 156–157, 160.

[2] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–18.

[3] Подлинник: ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 144. Л. 75.

советники (10 октября 1911 г.), ежегодно получал наградные по 300 рублей, часто и многомесячно исполнял обязанности заведующего землеустройством округа, добавил еще двух детей — Владимира в 1902, Веру в 1906; нажил благородную болезнь — припадки обморочного состояния и сердцебиения на почве малокровия и переутомления... Но только при советской власти Выдрин получил народную благодарность, а его изыскания были проведены в жизнь.

Для сравнительной оценки земель сельскохозяйственного использования И. П. Выдрин разбил свои 17 районов на 4 сорта по нормам землеобеспечения, для лучших почв — по 4 дес. на едока, для менее сильных — до 5 дес. (для районов горного скотоводства и полускотоводства нормы другие). Практическое значение этого распределения на сорта и нормы было громадно, в эпоху 1920–1921 гг. они дали возможность приписать к старым деревням организованных беженцев из Европейской России. Нормы Выдрина завоевали права гражданства — 18 февраля 1922 года крестьянская сельскохозяйственная губернская конференция приняла резолюцию: «Применяемые при землеустройстве Алтайской губернии районные нормы наделения, установленные в соответствии с почвенными, естественно-историческими и экономическими условиями, сохранить и на будущее время, так как для пересмотра и видоизменения их каких-либо новых данных пока не имеется». Очень жаль, но мы не имеем сведений, узнал ли о признании своего труда сам творец — через три дня Иосиф Петрович скончался.

Здесь неоднократно упоминалось имя Ф. Е. Засса. Он был первым председателем нашего Общества, работал только для Общества и в Обществе, очень разумно, как видим из протоколов, вел заседания совета и общие собрания. Как говорят, его председательство, его фигура, такт являли собой устойчивость, общественную значимость, необходимость данного Общества. Ф. Е. Засс был образцом интеллигента, бескорыстного служения обществу, преемственности двух первых поколений членов Общества в период перелома — перехода из объединения любителей-краеведов в Географическое официальное.

Фердинанд Егорович Засс (1836–1903) — сын арендатора Прибалтийского края[1], в 1861 году окончил Дерптский университет и со

[1] Аттестаты Ф. Е. Засса: ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 13.

степенью лекаря был направлен врачом в Нарым Томской губернии. С 1865 г. перешел на службу в Алтайский горный округ, состоял лекарем Сузунского завода, с 1881 — Барнаульского госпиталя. Одновременно с тем был заведующим Барнаульской магнитной обсерваторией — до конца жизни. С 1883 года исполнял должность инспектора медицинской части горного округа и с этой должности осенью 1889 года вышел на пенсию (1330 руб.). К тому времени он имел четыре ордена и чин статского советника.

Избрание Засса первым председателем было очень удачным. Будучи уже на пенсии, он всецело посвятил себя делу становления Общества, когда вырабатывались традиции общих собраний совета, формировались организационные функции Общества. Более того, Фердинанд Егорович самолично вел кассу, составлял денежную (членские взносы) и инвентарные книги, он же формировал библиотеку и держал книжный шкаф, подбирал первые экспонаты для музея. В кратком обзоре работы Общества за первые 10 лет специально было оговорено, что первые 26 книг для библиотеки Общества принес Ф. Е. Засс[1]. В ознаменование 10-летия Общества он был избран почетным членом. Особой заслугой служения Обществу следует считать его работу по сохранению Барнаульской метеостанции. В 1886 году Кабинет закрыл обсерваторию (перестал финансировать), но Ф. Е. Засс оставался ее смотрителем и после ухода на пенсию, вел записи, организовывал ремонт, содержал сторожа. Общество было заинтересовано, чтобы этот очаг научной работы функционировал, и искало покровителей. Николаевская Главная физическая обсерватория (в Петербурге, при АН) оказала содействие, в 1901 году была составлена смета на ремонт. После смерти Ф. Е. Засса руководство Главной физической обсерватории 2 апреля 1903 года писало в подотдел, что Фердинанд Георгиевич ничего не оставлял себе из 300 р., назначенных на содержание станции, и даже приплачивал к ним из своих средств... Из пенсии! — напомним. Главное здание станции и немагнитный павильон сохранились, очень желательно установить мемориальную доску в честь Ф. Г. Засса — и как первого председателя нашего Общества, и как покровителя метеостанции. 21 апреля 1903 года общее собрание Алтайского подотдела

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 26.

по предложению его почетного председателя А. Ф. Кублицкого-Пиоттуха почтило память Ф. Е. Засса.

Нельзя пройти мимо научной деятельности еще одного видного члена Общества — Евгения Георгиевича Родда (род. 20 августа 1871 — ум. в 1933). Он выходец из купеческого сословия, евангелическо-лютеранского вероисповедания[1]. В 1896 году окончил Лесной институт в Петербурге в звании ученого лесовода 1 разряда, осенью 1897 года определился на службу в Алтайский округ и в феврале 1899 г. стал младшим помощником делопроизводителя, с февраля 1901 года — младшим лесничим Бобровского имения Алтайского округа. Два года (с февраля 1904 по февраль 1906) провел на военной службе, в 8-м Сибирском запасном батальоне. Следующие два года вновь работал в округе, когда в апреле 1908 года был переведен в Лесной департамент Кабинета, а оттуда направлен заведующим Влоцлавским лесничеством Варшавском губернии. К этому времени он уже стал надворным советником, имел два ордена. У него было трое детей, учить их, оказалось, негде, и тогда его тесть, отец Иоанн Горетовский из Барнаула, сообщил, что освободилась вакансия ревизора, и Евгений Георгиевич перевелся вновь в Алтайский округ. В конце декабря 1911 года он был назначен старшим лесничим II разряда и определен заведующим Кулундинским имением (с местопребыванием в Барнауле). В те годы он отвечал за отвод лесов для строительства Алтайской железной дороги и смог настоять на заготовке шпал из лесов Заобья, а не из ленточных боров степной зоны.

Всю империалистическую войну, с ноября 1914 по декабрь 1917, Е. Г. Родд состоял в армии, в 56-й бригаде государственного ополчения, в качестве адъютанта штаба по хозяйственной части, в звании зауряд-капитана. С 15 декабря 1917 года он вновь приступил к обязанностям в Барнауле, по старому месту службы.

Евгений Родд, еще будучи студентом, пробовал себя в научных исследованиях, по заданию института наблюдал насекомых в лесах Кавказа, на Южном Урале, стал специализироваться на вредителях. С 1897 года он состоял членом Русского энтомологического общества, а с 1899 — членом Общества любителей исследования Алтая. Его работы обратили на себя внимание не только совета Общества, но и управления Алтайского округа. Работая руководителем лес-

[1] Личное дело Е. Г. Родда: ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7–16. Л. 6–97.

ной части Бобровского имения в Заобье, он неоднократно бывал в лесах Кузнецкого округа. Там в конце столетия размножился вредитель хвойных лесов (дровосек Монохамус). Родд изучил причину гибели лесов и разработал методику борьбы с насекомым. Собрал значительную энтомологическую коллекцию, изучил образ жизни майского хруща, пихтовой пяденицы, черных усачей. Совет Общества предложил ему написать монографию об этих насекомых, наносивших значительный вред хвойным лесам в восточных зонах округа. В апреле 1900 года совет Общества выделил Родду на эти цели 100 рублей, было согласовано с начальником округа, что если ему потребуется нужда еще раз выехать в Кузнецкий уезд, то просить дополнительный отпуск (в счет этих 100 рублей). Согласие было дано[1]. В результате позже вышла его солидная статья «Размножение на сосне дровосека Монохамус в дачах Алтайского края» (Лесной журнал, 1914, № 6–7). Досконально познав жизнь леса как цельного замкнутого биологического сообщества, он заботился об охране природы, о борьбе с вредителями леса экологически безвредными препаратами, советовал применять табачный отвар, мыльный раствор. Е. Г. Родд одним из первых пропагандировал биологический метод борьбы с вредителями, в частности он писал, что «необходимо тщательно оберегать всякого рода хищников и паразитов вредителей, которые в некоторых случаях могут очень быстро ликвидировать кассовое размножение вредителей». С докладами-отчетами Родд неоднократно выступал на заседаниях совета подотдела, участвовал в крупных экспедициях совместно с В. И. Верещагиным, вместе с ним работал по возрождению музея. Перед уходом в армию он передал свою энтомологическую коллекцию (около 7 тыс. экз.) в дар Алтайскому подотделу для энтомологического отдела будущего музея.

В советское время Е. Г. Родд продолжал работать по своей специальности: с марта 1918 года он инструктор Алтайгубземотдела, старший лесничий, с 1922 года — начальник энтомологической лаборатории, а вскоре — директор (до 1927 года) первой в крае станции защиты растений. С 1927 года он переезжает в Новосибирск и связывает свою деятельность с Обществом изучения Сибири и ее производительных сил. И для наших дней заветом звучат его призывы по борьбе с вредителями природы, которые он изложил в кни-

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 17. Л. 206; там же: Д. 24, Л. 26.

ге «Главнейшие вредители полеводства» (Новосибирк, Сибкрайиздат, 1930): «Если каждый хозяин будет действовать самостоятельно и только на своем поле, то вперед можно сказать, что вредителя они никогда не уничтожат. А если кто-то даже и справится с ним на своей полосе, то не предупредит нового нашествия его от соседей. Необходим коллективный подход, общие работы». Теперь, при приватизации землепользования, надо бы помнить предупреждение нашего ученого-энтомолога.

В числе членов-учредителей Общества стоит имя Д. А. Поникаровского. В протоколах общих собраний и советов это имя встречается очень часто — почти под каждым протоколом его подпись. (А надо заметить, во все годы было принято на заседаниях зачитывать текст протокола предыдущего, и присутствующие своими подписями удостоверяли текст.) Не так редко имя Поникаровского проходит в текстах протоколов: то он берет на себя для систематизации часть накопившихся ответов с мест по Краткой программе описания сел; то ему поручают участок для переписи; то он берет для обобщения подворные переписные ведомости, а в 1894 году взвалит на свои плечи работу по сведению материалов по исследованию школ округа — а для публикации передаст другому; берет на себя ходатайство проталкивать печатную мелочевку текущих дел Общества... Несуетливо, незаметно. «Добрый Поникаровский» — тепло отзывался о нем Н. М. Ядринцев. Д. А. Поникаровский входил в первый совет Общества и способствовал его становлению.

Дмитрий Алексеевич Поникаровский (1841–1918) родился в семье мелкого чиновника, сибиряк, окончил Томскую гимназию и сдал экзамен на учителя гимназии. Получилось так, что три великих сибирских патриота — Н. М. Ядринцев, Н. М. Наумов, Д. А. Поникаровский — одновременно обучались в гимназии, дружили между собой, впоследствии поддерживали связи. Д. А. Поникаровский уехал сначала в Семипалатинск учителем, а затем в Салаирский рудник и завод. По совету Ядринцева стал чиновником Министерства внутренних дел по крестьянским делам, позже перевелся в Барнаул. Его служба давала возможности командировок по всему округу, он хорошо изучил край, вел дневники. Особое внимание уделял устройству переселенцев, описывал их быт, взаимоотношения в алтайской сельской общине, занимался этнографическими сборами, сотрудничал в различных сибирских изданиях.

Н. М. Ядринцев

В свое время еще в гимназии Дмитрия Поникаровского подтолкнула страсть его друга Николая Ядринцева к Алтаю. Передав ему работу С. И. Гуляева, позже Ядринцев разработал своеобразную публицистико-краеведческую программу. В письме от марта 1879 года он советовал: «Мне хотелось бы тебя, дружище, втянуть в постоянное сотрудничество при иркутской газете, где я направлял вопросы. Нужно только тебя ориентировать. Первое. Ты можешь писать постоянные корреспонденции из Кузнецкого округа по всем вопросам местного быта. Второе. Ты человек, следивший вообще за подробностями края и могущий отозваться по отдельным вопросам, например, о судьбе рабочих на золотых приисках (быт ты знаешь по Кузнецким приискам), о крестьянской жизни и условиях сибирской общины. Материал у тебя, конечно, найдется. Третье. Ты можешь писать отдельные очерки о рудниках, промышленности Алтая и т. п.»[1]. Поникаровский надежды оправдал: «Ты остался верен нашей юности, дорогой друг, и не перестаешь писать, уже это ценно в тебе, у тебя есть навык, и тебе не нужно проб, а для меня не существует вопроса о твоих способностях… Ты обладаешь живою писательской впечатлительностью». И только через 20 лет после гимназии встретились два друга в деревне Сосновской, недалеко от Салаира, когда Н. М. Ядринцев в 1878 году путешествовал по Алтаю. Встреча возбудила глубокие впечатления, от общения с другом и с природой рождались вдохновенные строки и глубокие мысли. Н. И. Ядринцев писал: «…Вот они, бесконечные, глухие девственные теса. Вон синеющие горы со снежными белками, кузнецкая чернь и роскошная растительность южных лугов. Всех приласкает эта природа. Говорят, что сибиряки угрюмы, сухи, не способ-

[1] Литературное наследство Сибири. Т. 5: Н. М. Ядринцев. Новосибирск, 1980, с. 246.

ны чувствовать красоты природы, это едва ли так... Я не говорю о наших идиллических возможностях, о наших мечтаниях... с моим другом Д. Л. Поникаровским, с которым мы давали друг другу клятвы посвятить свою жизнь странствию в лесах и охоте... Но, что важнее, та же природа заронила в нас искры неизменной любви к нашей родине. Ее трудно не заметить в тоскливых взорах сибиряка на чужбине, в его искренней радости при возвращении. Эта любовь составит, может быть, плодотворный элемент гражданского развития, она даст потребность трудиться ни пользу несчастного края, она привяжет к родине наших юношей, как привязала наши сердца, и они ни на что не променяют свою таежную красавицу».

Памятник Н. М. Ядринцеву на бывшем Нагорном кладбище в Барнауле

Д. А. Поникаровский остался верен родному краю до конца. В своих статьях он выступает блестящим народным публицисток, патриотом, краеведом. Его очерки «Салаирский край» и «По Салаирской тайге», опубликовавшиеся в 1883 году, вводят нас не только в мир сравнительно не нарушенной цивилизацией природы нашего округа, но показывают и отношение к ней. Большая статья «Сельские общины в Салаирской волости» (Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО. 1882, вып. IV) знакомит с мечтами народников-областников о возможном переустройстве общественных отношений. Оставил он и воспоминания о Н. М. Ядринцеве (Сибирский сборник. 1896, вып. 2). Известно, что в Записках Западно-Сибирского отдела за 1879 год были опубликованы собранные Поникаровским сибир-

ские заговоры, плод его кропотливых сборов народных преданий и наблюдений. А в Алтайском сборнике за 1912 год помещена статья Н. Бирикова «Сибирские заговоры», в которой говорится, что 13 народных текстов записаны Д. А. Поникаровским, а сами рукописи хранятся в библиотеке подотдела. Много других сочинений разбросано по мелким изданиям.

В октябре 1892 года Д. А. Поникаровский передал Обществу рукопись — 30-летние дневниковые записи. Совет поручил рассмотреть их Н. С. Гуляеву для доклада совету[1]. В архиве сохранилась часть писем Ядринцева к Поникаровскому — и они опубликованы[2]. В публикации Д. А. Поникаровский назван корреспондентом «Восточного обозрения». Должен заметить: как в публикации писем в альманахе Алтай, так и в их перепечатке допущены существенные пропуски, описки, замены слов[3], но где рукопись дневника? К сожалению, не сохранилась и рукопись его краеведческого описания г. Кузнецка. В фонде 81 (дело 32) застряло личное письмо Дмитрия Алексеевича от 12 декабря 1904 года в совет подотдела (он жил тогда по ул. Гоголевской, в доме Вершинина). Он сообщает, что передает описание г. Кузнецка, составленное еще по программе Общества любителей исследования Алтая, здесь также шесть фотоснимков города. 20 декабря совет подотдела принял рукопись и благодарил автора за его работу (д. 31, л. 40 об.).

Имя замечательного алтайского краеведа, члена-учредителя нашего Общества, а до того действительного члена Западно-Сибирского отдела, остается неизвестным широким кругам, о нем нет даже сноски, примечания в солидном сводном труде «Очерки русской литературы Сибири» (т. 1. Новосибирск: Наука, 1982). Очень желательно собрать его разбросанные по сибирским изданиям путевые очерки, беллетристику (часть под псевдонимом «Д. Нетюбинский») и научно-популярные работы в однотомник — это было бы выражением нашего уважения к предшественникам-просветителям.

На общем собрании 21 декабря 1893 года был утвержден действительным членом Иннокентий Иванович Тыжнов. Советские историографы называют его сибирским исследователем, его работы отличаются спокойным, академическим характером. Такие оцен-

[1] См. об этом: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

[2] См.: Алтай, 1969, № 4 — публикация Р. С. Скворцовой.

[3] Подлинники: ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 909-Б. Л. 2–2 об. Л. 8–29 об.

ки подтверждают усиление научной направленности в работе Общества.

И. И. Тыжнов

И. И. Тыжнов (родился 29 марта 1864 года, умер в 1938 г.) — сын священника[1], в 1887 году окончил Петербургский университет со степенью кандидата по историко-филологическому факультету, удостоен звания учителя гимназии с правом преподавать историю. Первые годы И. И. Тыжнов работал по найму третьим помощником классных наставников в Томской гимназии, сверхштатным учителем древних языков и истории, наконец, учителем русского языка и словесности в гимназии и три года — секретарем педагогического совета. Как видно, перебивался как неприкаянный, на подхвате. «...Нам нечему было учиться у наших преподавателей, — писал недавний ученик сей гимназии Н. Наумов Г. Потанину, — к которым нельзя даже и применять слово «преподаватель». Это было что-то невозможное, состоящее из грязных, вечно пьяных драчунов, которые, как я думаю, и сами-то ничего не знали. Вы знаете, как безграмотно писал Ядринцев, как безграмотно пишу я, ни один воспитанник, кончивший курс Томской гимназии в те времена, не имел никакого понятия о правописании, о составлении речи, о знаках препинания и т. п.». Кажется, ко времени Тыжнова ничего не изменилось, и, зная, что такое Тыжнов, он перебивался с хлеба на квас. Поэтому при открывшейся возможности, когда в конце века создавалось новое учреждение по землеустройству — он покидает гимназию; 3 мая 1899 года пишет заявление с просьбой зачислить секретарем во временный штат землеустроительных чинов Кабинета. 29 мая его приняли секретарем заведующего землеустройством Алтайского округа. Работает на новом месте, но жительство имеет в Томске. К тому времени он был в чине коллежского асессора, холост, содержал мать и сестер. Ему был выдан паспорт, но он был обя-

[1] Личное дело И. И. Тыжнова: ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 306.

зан передать его в управление округа (паспорт так и остался в деле, это один из очень немногих «натуральных» исторических источников подобного рода).

Вскоре Тыжнова направили в Мариинскую волость, затем — год за годом — в Черту, в Усть-Кан, Змеиногорск. Он следил за исполнением работ по отводу земель, был своеобразным контролером, готовил дела по канцелярии землеустройства. Одновременно, интересуясь историей, пополнял свои знания. С осени 1908 года он стал жить в Барнауле. С апреля 1911 года характер его работы несколько меняется — он командирован для участия в комиссии по выяснению северо-восточных и восточных границ Алтайского округа. Это слишком далеко, по р. Абакану, на границе с Китаем (Тувой). Интереснейший, и малоизученный край, там живут народности койбалы-матеры, саянцы. Ему же вменено в обязанность исследовать фактическое землепользование в пограничной полосе округа как у русских переселенцев, пограничных казаков, так и аборигенов Матуро-Абаканского района. Пришлось обзаводиться экспедиционной экипировкой — Тыжнов просит палатку, компас, бинокль, седло, карту, анероид для помощника топографа (некто Смоконин). Основным пунктом экспедиции стал Таштыпский казачий форпост. Работа увлекает исследователя, командировку он отлично использует для научных изысканий. Дела по службе идут обычным ходом, его наградили двумя орденами, памятными царскими медалями, ежегодно выделяют премии, дают отпуск, он несколько раз ездил за границу. Но в 1913 году Кабинет ликвидирует штат землеустроителей. Для Тыжнова — нет перспективы.

Его непосредственный начальник, П. М. Юхнев, пытается облегчить участь Иннокентия Ивановича, они не только сослуживцы, они — члены Алтайского подотдела, состоят вместе в его выборном органе, сотрудничают в научных исследованиях. Юхнев напоминает Кабинету: «По своему филологическому образованию и по своей первоначальной профессии Тыжнов историк, как таковой много работал в этой области и связан с нею археологией. В этом отношении есть свое заслуженное литературное имя, ибо архивные труды его помещены в изданиях таких учреждений, как Императорское Р. географическое общество, Императорское Русское археологическое общество и т. д.». О чем хлопочет Юхнев? Кабинет не справился с проблемой землеустройства в новых условиях аграр-

ных отношений, аграрная политика правительства носит все более консервативный и реакционный характер. Штаты землеустроителей (а это сотни людей) пришлось сокращать и распускать. Многие имели прикладную специальность, определялись в другие ведомства. Тыжнов — историк, на это обратил особое внимание П. М. Юхнев. На его руках мать и несколько сестер, и Юхнев просит при переходе его на пенсию усилить пенсию, ибо он должен искать дополнительного заработка. Поэтому, продолжает Юхнев, если бы по окончании службы Кабинет е. и. в., мог оказать свое содействие устройству Тыжнова на службу по вольному найму в одном из центральных архивов — Государственном или Министерства императорского двора, хотя бы за скромное вознаграждение, это вполне облегчило бы его в материальном отношении и дало бы ему высокое личное удовлетворение, так как он всегда тяготел к этому делу, и было бы актом проявления внимания к Тыжнову за его исключительную по усердию службу в ведомстве Кабинета е. и. в. Хочется подчеркнуть, что руководитель подотдела Юхнев не просто старается пристроить своего бывшего сотрудника на почетное место по его личным научным наклонностям. С разрешения почетного председателя подотдела В. П. Михайлова Юхнев направляет Тыжнова на Рахмановские источники для забора образов воды для Томского университета, оплатив ему 50 рублей дополнительно.

А вскоре, в мае 1913 года, возвращается старое дело — споры Кабинета по установлению его владений по границам с Томской и Енисейской губерниями, и Тыжнов назначается председателем междуведомственной комиссии. По делам комиссии он работает до весны 1915 года.

Уже приходилось упоминать, что старейший член Общества исследователь Антон Ростовский в свое время был переведен в Кабинет, — и вот он 27 июня 1915 года пишет Тыжнову, что есть место делопроизводителя канцелярии при Кабинете, просит его согласия. Условия: жалование — 250 руб. плюс суточные (столовые), плюс бесплатная квартира. 9 августа Тыжнов оставляет службу в Барнауле, он уже статский советник, получает ликвидационные деньги — 2800 руб. — и переезжает в Петроград. 30 января 1917 года И. И. Тыжнов, как гласит документ, увольняется от службы согласно прошению по болезни — «с мундиром». Как можно заметить, полных 15 первых лет И. И. Тыжнов был иногородним действительным

членом Общества любителей исследования Алтая и подотдела Географического общества. Однако это не было формальным членством. Он иногда приезжал на заседания, отвечал на запросы, присылал заметки на программы Общества, в день празднования 10-летия Общества вместе с другими членами Общества, оказавшимися в Томске, подписал приветственный адрес: Вологодский, Ростовский, Соколов, Соболев, Тимофеев, Вознесенский. Совет подотдела после переезда Тыжнова в Барнаул поощрял его научные изыскания, он был назначен организатором библиотеки подотдела в 1911–1913 году, состоял членом в совете, 3 октября 1913 года избран председателем Алтайского подотдела. Нельзя не отметить, что именно Общество вырвало его из затхлой атмосферы Томской гимназии, что именно Общество давало ему возможность укрепить свой путь историка Сибири.

Движение областничества, идеи Ядринцева и Потанина о якобы самостоятельном пути развития Сибирской истории, о подчинении истории политической борьбе, политическим, практическим целям — не могли не сказаться на творчестве молодого историка. Однако Тыжнов относился уже к новому поколению сибирских патриотов. Свою задачу как историка И. И. Тыжнов видел в служении краю, т. е. для него изучение прошлого Сибири, написание собственно сибирской истории (не как подсобной части истории Российской), распространение научных *основ* истории местного края — должно создаваться на основе местных источников. Поэтому он отходит от публицистических, зачастую политических методов просвещения (газетные статьи, заметки, беллетристика), присущих Ядринцеву и др., а создает научно-академические работы, подкрепляет их архивными, археологическими, этнографическими источниками. Он, как правильно заметил Юхнев, историк, археолог, архивист, это — его специальность.

Сначала ученый изучил иностранные известия о Сибири, о ее прошлой, дорусской истории, и свой взгляд изложил в книге «Обзор иностранных известий о Сибири со 2-ой половины XVI века» (Сибирский сборник, вып. 1887). Затем он присоединяет к ним различные известия, летописи, сказания, возникшие в самой Сибири, и свои мысли публикует в другой книге «Заметки о городских летописях Сибири» (СПб., 1898. 210 с.). Иначе говоря, он включает в историю документы местных народов, уделяет внимание их истории, подчер-

кивает их роль в развитии. Понятие народности распространяется на туземное население.

Такое новое представление о местной сибирской истории импонирует демократическому настроению всех сибирских патриотов. Здесь Тыжнов выступает как настоящий просветитель, последователь демократизации сибирского общества. Но сам он вроде не борец, его оружие — наука. Поэтому следом выходит еще одна большая статья под названием «Новейшие труды по истории покорения Сибири»[1]. Здесь он доказывает, что отнюдь не Строгановы завоевали Сибирь, что есть другие источники, народные документы, и их нельзя игнорировать.

Свои положения он вскоре подробно обосновал в письме на имя Л. И. Зверева в начале 1902 года. 3 февраля состоялось заседание совета общества, на котором обсуждалась историческая концепция И. И. Тыжнова. Его взгляды и обоснования освоения русскими Сибири давали глубокую историческую платформу в исследовании переселенческого процесса и вообще аграрной проблемы, чем последние годы было занято фактически все Общество любителей исследования Алтая. Тыжнов исходит из того, что Сибирь создана колонизацией русского народа, которая началась из Московского государства тотчас после завоевания этой страны сначала Ермаком, а затем войсками Московского правительства. История Сибири, утверждал исследователь, есть результат движения великорусского племени, и весь быт и уклад жизни сибирских насельников определяется этим движением. Ученый выделил двуединую задачу правильного решения проблемы о народных переселениях: во-первых, откуда исходило движение, т. е. каков побудительный мотив и кто задавал это движение, и во-вторых, какие области выделяли необходимый состав колонизаторов (первопроходцев, поселенцев). Письмо Тыжнова довольно обширное, в нем не только излагалась научная концепция, но выдвигалась программа исторического изучения процесса заселения и освоения Алтайского округа, он предлагал и методические приемы исследования.

После детального обсуждения совет Общества согласился с утверждениями своего действительного члена, что, следуя по его программе исследования колонизации Сибири вообще и в частности

[1] В кн.: Сибирский сборник — приложение к Восточному обозрению на 1896 г. Иркутск. С. 49–75.

Алтайского округа, «можно оказать содействие будущим исследователям в их изысканиях, касающихся основного факта истории русского народа, и дать затем материал, который послужит к выяснению одной из величайших проблем социологии». (Завет, как известно, актуальный и в наши дни.) Однако тогда совет Общества ограничился только тем, что поручил Н. С. Гуляеву собрать в архиве сведения о времени основания селений в XVIII столетии. (Гуляев за «переписку» потребовал вознаграждения. Согласие было дано.) Исполнить же предложенную И. И. Тыжновым программу по составлению истории колонизации Алтайского края совет отказался ввиду отсутствия исследователей, что нет в Обществе хорошо подготовленных в научно-историческом плане кадров. Во Введении к этой книге приходилось оговариваться, что большая часть архива нашего Общества погибла в 20-е годы. И в данном случае рассматриваемое письмо И. И. Тыжнова сохранилось лишь в изложении по «Отчету Алтайского подотдела» за 1902 год. Подлинник пока не обнаружен. И. И. Тыжнов не смог найти все летописи о Сибири, но его предположения о существовании более полных сибирских (т. е. местных) исторических повествований, «народных документов», новых источников подтверждаются в настоящее время[1].

И. И. Тыжнову, как говорится, и пришлось исполнять свои же предложения. Несмотря на большую занятость — он был председателем подотдела, загруженность по работе, разъездной характер службы, — он уделял внимание чисто алтайскому краеведению. Он создает такие произведения, как «Положение горнозаводского труда на Алтайских горных заводах», в Алтайском сборнике, т. XI публикуется его «Краткая записка о состоянии Белокурихинского минерального источника в 1905 году», а в VI томе большая работа в 161 страницу — «Из истории горнозаводского населения на Алтае». Эту книгу он называет «Материалы для истории крепостного права в Сибири». Она распадается на пять глав и содержит как общие замечания об организации сословия горнозаводских людей Колывано-Воскресенских горных заводов, их труда, правового положения, так и сведения по организации быта. Тыжнов рассматривает историю мастеровых и работных людей в сравнении их положения до закона 1828 года и после утверждения новых штатов 1849 года. На самом деле из-

[1] История Сибири, т. 2–3, 1968, на с. 15 дает высокую оценку работам Тыжнова, называя их «прекрасным исследованием».

вестно, что инструкции регулировали распорядок дня, режим труда, внутренние отношения, но правовое положение и фактическое социальное устройство не изменялись вплоть до реформы 1861 года.

В 1909 году в Петербурге выходит его новая книга «Чолушманская долина». Несколько позже он написал статью «Рахмановские минеральные ключи» — по обследованию, произведенному им в июле 1912 г.[1] Он обстоятельно описывает местоположение ключей, наиболее интересные климатические сведения, пути подхода. Кажется, наиболее интересные сведения заключаются в том, что Тыжнов описывает контингент посетителей, кто приезжает сюда лечиться, что может тут найти посетитель (т. е. какова сфера услуг, условия быта приезжих, где какое питание, какова гостиница и т. п.). Вместе с тем он говорит о бальнеологических воздействиях Рахмановских ключей и о мерах по улучшению курорта. Как видно, ученый уделил основное внимание бытовому социальному описанию, он историк. Сведения о химическом составе воды и другие специальные данные он извлекает из других источников, указывает на них читателю: в Записках Западно-Сибирского отдела за 1881 год, кн. 4 есть статья врача горного ведомства из Змеиногорска В. Тронова (с. 30–33). Еще раньше, замечает Тыжнов, здесь был доктор Ф. Геблер. Он в 1835 году посетил ключи вместе с аптекарем Барнаульской горной аптеки Шенфельдером и фельдшером Козловым. То есть И. Тыжнов дает справку по истории открытия и исследования Рахмановских ключей на Алтае. К статье приложена съемочная карта, чертеж путей сообщения, а также 9 фотоснимков ключей в 1912 году[2].

Жизнь Иннокентия Ивановича Тыжнова в досоветское время — пример бескорыстного служения интеллигента местному краю, науке.

Имя Павла Михайловича Юхнева упоминалось не только в связи с судьбой Тыжнова, но и при обзоре первого десятилетия работы Общества; заметно его деятельное участие в разнообразных областях. Он — член Общества с января 1895 года (одновременно с Ростовским и Выдриным), был секретарем, вел протоколы. Однако стоит проследить, схему его жизни в досоветское время.

---

[1] См. сохранившуюся часть машинописного текста: ГААК. Ф. 81. Д. 51.

[2] Статью полностью, видимо, можно отыскать в ЦГИА СССР, в фонде Кабинета е. и. в.

П. М. Юхнев

П. М. Юхнев родился 16 июня 1871 года, по социальному происхождению — из купеческих детей г. Ишима[1]. В сентябре 1894 года окончил Петербургский Лесной институт с аттестатом ученого лесовода 2 разряда. Работал по лесным и землеотводным делам при Томском губернском управлении. С 17 марта 1900 года перешел на службу в Кабинет, на должность производителя работ для составления отводных записей, в конце 1901 года переехал в Барнаул (на переезд выделено 250 руб. подъемных). С мая 1909 года он временно исполняющий обязанности, а с декабря его назначат заведующим землеустройством Алтайского округа; к тому времени он — надворный советник, был награжден двумя орденами; имел семью: жена Софья Дмитриевна, дочь Татьяна, 1900, Наталья, 1903, Екатерина, 1908 года рождения.

Надо заметить, что с того времени, как Павел Михайлович Юхнев стал руководителем такого ответственного ведомства, проходили самые интенсивные работы по отводу и межеванию земель. Так, если с 1899 по 1910 гг. расходы составили около 990 тыс. рублей, то к 1915, всего за 5 лет — 6 102 573 рубля. И если ко времени его перехода на службу здесь работало 85 человек, то в 1910 — 220, а к закрытию ведомства в 1915 году — 270 специалистов. В штатах землеустройства было много членов подотдела Географического общества, здесь нашли приют многие политические ссыльные, весь межевой контингент топографов и временных межевых техников состоял из лиц с достаточной специальной и теоретической подготовкой. Так, например, с 1 мая 1909 года по 1 мая 1912 года работал топографом II разряда видный деятель периода революции и гражданской войны М. К. Казаков, который в 1907 году окончил курс Уфимско-

[1] Личное дело: ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 358; документы о работе там же, д. 367 — только в этом деле 267 листов.

П. М. Юхнев в рабочем кабинете

го землемерного училища. В конце службы он имел IX класс Табели о рангах и оклад содержания: жалования 400 р., разъездных 300 р., квартирных 200 р. Кроме того, в 1910 по распоряжению министра Иностранного двора получил наградных 125 р., а в 1911 — 150. Наказаний и взысканий не имел. Так его характеризует П. М. Юхнев[1].

П. М. Юхнев умел не только правильно руководить аппаратом, но способствовал общественной и научной деятельности сослуживцев. У его сотрудников, членов Общества, был огромный фактический материал по самой жизненной проблеме — о землепользовании, распределении земель по сельским обществам, по отдельным хозяйствам. Межевщики, землеустроители работали в гуще жизни, знали нужды деревни, видели бедствия переселенцев, за 15 лет землеустроительных работ в Алтайском округе было отмежевано земель для 2439 селений с общей и надельной площадью в 21 428 370 десятин[2]. Еще в конце столетия П. М. Юхнев смог обобщить свои первоначальные наблюдения по хозяйству коренных сибирских крестьян и местных национальностей и издать вместе с С. Л. Швецовым книгу[3], тем самым зарекомендовав себя как творческого члена Общества.

[1] См.: ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 108.

[2] Общий исторический справочник межевых работ составил член подотдела А. Сегедей — см: ГААК, ф. 29. оп. 1, д. 727.

[3] Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Вып. III. Промыслы и население. Барнаул. 1899.

В 1915 году П. М. Юхнев получает чин статского советника, остается в прежней должности при 25 сотрудниках, служба его сводилась к консервации работ, созданию архива землеустройства, решения возникающих дел, списания штата межевиков, хлопот об их устройстве. И наконец, честно исполнив дела, он после февральской революции, 30 марта, выслал телеграмму своему старому сослуживцу, члену подотдела Н. Овчинникову: «Ввиду неизбежной приостановки работ, что признал и губернский комиссар, нахожу мое пребывание в землеустроительстве лишним. Доложите и сообщите порядок подачи в отставку. Вышлите из Кабинета мой формуляр».

В марте 1925 года П. М. Юхнев составил для Алтайского государственного географического общества краткую характеристику на некоторых (видимо сохранившихся после известных потрясений) старейших членов Общества. Барнаульца Н. Л. Овчинникова он называет деятелем, который еще в 1896 году сделал первый доклад, затем неоднократно выступал на заседаниях, имеет печатные труды. Научное кредо его по крестьянскому землепользованию здесь уже было представлено, ограничимся схемой его жизни.

Николай Яковлевич Овчинников родился 28 апреля 1872 года, сын коллежского асессора[1]. Окончил курс наук в Казанской духовной академии с полным дипломом, в 1897 году. Первые два года работал в Статистическом отделе Главного управления Алтайского округа, а с марта 1900 года — производителем работ в штате землеустройства. Много услуг оказал Обществу Н. Я. Овчинников. 4 мая 1900 г. общим собранием он был избран действительным членом, одновременно с В. И. Верещагиным и Б. М. Быковым. Много лет состоял секретарем, способствовал продвижению в печать VII тома «Алтайского сборника» с работой Н. Н. Баранского о Чистюньке (был большой долг за Обществом в типографии, и надо было изыскивать средства), много сил отдал формированию библиотеки подотдела — входил в передаточную комиссию. Молодой член Общества, сын Н. С. Гуляева, специально благодарил Овчинникова, что тот помог группе гимназистов организовать путешествие на Телецкое озеро в 1910 году[2]. 31 декабря 1910 года учитель П. Е. Семьянов «по предложению Овчинникова» передал свое сочинение «Историко-этниче-

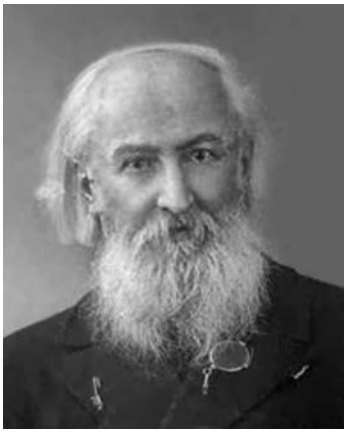
[1] Формуляр и другие документы: ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 579.
[2] См. Ф. 81. Оп. 1. Д. 44.

ские сведения об инородцах Горного Алтая»[1]. Большой заслугой Николая Яковлевича является создание им серии цветных фотографий видов Горного Алтая, сделанных во время экспедиции в 1913 году. За этот труд Кабинет преподнес ему «подарок» — 200 рублей. (Среди алтайских краеведов этот эпизод неизвестен. Альбом цветных фото надо искать, по-видимому, в фондах Кабинета, в ЦГИА СССР.) Служба его проходила успешно, в 1914 году был назначен заведующим в отдел землеустройства, а вскоре взят в Красный Крест на Северный фронт. Он был женат на Ольге Николаевне, дочери Н. Ф. Миролюбова (чиновник горного округа, член-основатель Общества любителей исследования Алтая), был награжден тремя орденами. В сентябре 1915 года вернулся на службу в Барнаул, а в октябре был назначен в Кабинет — делопроизводителем V класса (т. е. переводился в статские советники), уехал в Петроград.

Миссию высокой научности Алтайского подотдела поддерживал и Клавдий Николаевич Миротворцев. Он родился в 1880 году, сибиряк, окончил Дерптский и Женевский университеты. С 1910 по 1916 годы работал в Барнауле по статистическому ведомству, был секретарем подотдела, занимался географией и экономикой Алтайского округа. Первая крупная работа издана в Барнауле в окружной типографии, в 1911 году — «Соленые озера и соляной промысел Алтайского округа». Изложена история промысла и даны основные природно-географические и химико-физические характеристики озер степной зоны.

Высокий научный авторитет подотдела держался благодаря многим местным деятелям. Одним из них с учреждения Общества и до конца жизни был Николай Степанович Гуляев (1851–1918). Он входил в ту когорту краеведов, которые подготовили создание Общества, на собрании учредителей он вошел в первый руководящий состав в качестве кандидата в члены совета, несколько лет исполнял обязанности секретаря. Ему было поручено подготовить и сделать на торжественном собрании доклад о 10-летии Общества. Еще будучи студентом Петербургского университета, он уже путешествовал по Алтайским горам. На летних каникулах 1873 года он вместе с ветеринарным врачом Кольнингом в северных отрогах Ануйского и Чергинского хребтов исследовал и обнаружил ряд про-

[1] См. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 19–28 об.



Н. С. Гуляев

явлений на золото, производил промывку по показаниям местных жителей[1]. С 1881 года Николай Степанович возвращается в Барнаул, поступает на службу в управление горного округа и посвящает много времени изучению архивов. По заданию совета подотдела, именно в целях усиления научности в деятельности Общества, он переписывает многие документы архива и передает их в библиотеку подотдела. Одновременно он составил огромный библиографический указатель литературы о Сибири.

Нельзя пройти, например, мимо сохраненного им документа о бедственном наводнении в Барнауле в начале мая 1793 года[2]. Вечером 1 мая вода из заводского пруда прорвала плотину у северного конца и образовала себе «борозду» глубиною до 3, а шириною до 25–30 саженей; водой затопило «аршина на 3» все пространство и территорию завода. Кладовая и дом правителя обрушился... Кладовая — это небольшой двухэтажный домик, низ каменный, здесь хранилась казна, а наверху — библиотека и музей. Этим же наводнением снесло «пробирню», где в свое время работал И. И. Ползунов.

Известно, что в 1864 году в Барнауле вступил в строй первый в России содовый завод Пранга, но Кабинет запрещал строительство подобных заведений. Н. С. Гуляев на одном из заседаний докладывал о ряде новых документов, среди них и самый начальный о заводе. Вот как было дело. Барнаульскому заводоуправлению принадлежала кожевня, которая, по малопроизводительности ее, была передана коллежскому асессору Давидовичу-Нащинскому в 1862 году за 180 руб. 99 коп. Давидович же уступил ее горным инженерам братьям Прангам, которым она и была с разрешения Кабинета передана во временное пользование, без права возводить на земле заведения, требующие огненного действия. Пранги передали заим-

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 25, сообщение С. И. Гуляева «Заметки о некоторых рудных месторождениях на Алтае», л. 1–5.

[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 9.

ку (это место — левый берег Пивоварки при впадении в Барнаулку) третьему брату своему, художнику А. Прангу, который и основал тут завод.

Николай Степанович пользовался большим авторитетом знатока истории Алтайского округа, готовил различные справки, отвечал на запросы, был незаменимым консультантом многих экспедиций.

В. К. Штильке

Заслуженным авторитетом пользовался и — более того — был совестью алтайской интеллигенции и Общества Василий Константинович Штильке, член-учредитель.

В. К. Штильке (2 августа 1850 — 15 апреля 1908), сын чиновника горного округа, дворянин, окончил Томскую гимназию в 1870 году и получил права школьного учителя. В 1872–1874 гг. состоял студентом Петербургской медико-хирургической академии. В 1876 году вернулся на родину, жил в наследственном доме в селе Власихе, учительствовал. В 1884 году по его инициативе было создано благотворительное городское общество попечения о начальном образовании. Много сил и энергии отдал Василий Константинович этому обществу и делу образования и просвещения, за что его благодарили все барнаульцы[1]. Несколько лет работал учителем окружного (горного) училища. И только с 1 июля 1893 стал помощником делопроизводителя земельной части округа, жалованья имел 500 рублей, столовых — 250, квартирных — 100 рублей, а «разъездные» — с 1900 года, когда был зачислен производителем работ в Тутальскую землеустроительную партию под руководством И. П. Выдрина. В октябре 1905 года черносотенцы подвергли его дом разграблению, как просветитель он оказался в черном списке погромщиков; Томский губернатор предписал ему покинуть Сибирь. Штильке тайно уехал в Кабинет. Как известно, в Кабинете работало много членов Общест-

[1] Об этом: Гришаев В. Ф. Тропою памяти. Барнаул, 1987. С. 112–164.

Памятник В. К. Штильке на бывшем Нагорном кладбище в Барнауле

ва любителей исследования Алтая и подотдела, там же в эти годы был Кублицкий-Пиоттух. В кабинете его записали как «командированного по земельным делам», т. е. служба и оклад не прерывались. Вскоре, в октябре 1907 года, все еще находясь в Петербурге, он увольняется на неполную пенсию. В декабре пришло известие, что выборщики Томской губернии избрали его членом Государственной Думы. А 1 января 1908 года истекал срок губернаторского ограничения, и Штильке решил вернуться на родину. При возвращении в Барнаул на станции Обь Василий Константинович умер.

Имя активного деятеля Географического общества В. К. Штильке достаточно широко известно, однако не создана его полная биография, имеются значительные разночтения, нет истории его детища — описания школьного общества, нет ни одной памятной мемориальной доски, за исключением школы его имени в с. Власихе и улицы его имени в нагорной части Барнаула.

Активным членом Общества, как обратил, по-видимому, внимание читатель, был Е. П. Клевакин. Он был утвержден действительным членом общим собранием 19 января 1892 года. Это по его представлению создан список членов Общества, где отмечалась их работа, значились отметки об уплате членских взносов (поскольку членских билетов не было), он входил в ревизионную комиссию.

Евгений Поликарпович Клевакин (1842–1918), незаурядная, видимо, личность, имел определенные заслуги в алтайском краеведении, но оказался одиозной фигурой в алтайской политической истории. Так, «объективка» фонда 77, личного фонда Б. П. Клевакина в «Путеводителе» ГААК, гласит, что Клевакин — смотритель Томской тюрьмы, помощник томского исправника, помощник Бийского исправника, помощник главного бухгалтера Управления Алтайского округа и председатель совета Барнаульского отделения «Союза русского народа». На самом деле есть подробнейшие дневниковые заметки и пространные записи Клевакина о Томской и Барнаульской тюрьмах, «дело» 5 открывается такими строками: «Начинаю записывать вторую книгу по тюремному делу. Первая на 56 листах с 3 мая 1901 г. записана вся...» Этот же сюжет и в «деле» № 8. Он — один из организаторов пожарной команды в Барнауле, был ее «командиром». В 1905 году после царского Манифеста от 17 октября этот ура-патриотически настроенный человек написал верноподданническую телеграмму на имя Николая II, собрал подписи всех членов пожарного общества (несколько десятков) и получил ответную благодарность царя (за подписью С. Ю. Витте, см. д. № 4).

Известно, что начавшиеся после Манифеста погромы демократического движения организовали черносотенцы, «ура-патриоты». Так было и в Барнауле, когда 23 октября реакционное духовенство спровоцировало погром, но в краеведческой литературе о роли в погроме пожарников Клевакина не говорится. Значительно позже здесь было создано отделение «Союза русского народа». Знакомство с фондом 77 приводит к противоречивым суждениям о Клевакине, но мне представляется, что его участие в этой партии предопределили как его социальное происхождение и понимание им жизни, так и особенно многие демагогические положения Устава (август 1906), где говорилось о критике бюрократии, о сохранении общинного землевладения, об уравнении прав всех сословий, о государственном страховании и т. п. Как раз в фонде много документов Клевакина, его предложений, разработок об улучшении пожарного дела; он нетерпим к превышению полномочий отдельных чиновников, пишет о создании касс взаимного страхования, он недоволен закрытием воскресных школ. Несомненно, Клевакин «сознательно заблуждался», стоял за строгий «порядок».

Евгений Поликарпович Клевакин родился на Урале, в семье мастерового казенного горного ведомства, т. е. крепостного, вечноотданного работника. Обучался (это обязательно для детей мастеровых) в начальной заводской школе при Кувшинском заводе, а затем его направили в Гороблагодатское окружное (горное) училище. По окончании в 1858 году его определили в Кувшинский завод писарем по вакансии цехового ученика, через два года перевели писарем II степени, затем в урядники III статьи, был письмоводителем заводского госпиталя. И только 8 марта 1863 года, ровно три года спустя после Реформы, он был «уволен от обязательной (крепостной) заводской службы». Куда идти? — здесь его родина, здесь его дом; и в тот же день Евгений Клевакин перевелся «по вольному найму» в тот же Кушвинский завод, был казначеем конторы. Впоследствии он перебрал несколько купцов и предпринимателей, исполнял должности контролера, письмоводителя, бухгалтера, приказчика, зав. транспортною конторою, сопровождал в 1876 году купеческий караван в Хиву, получал 840 руб. серебром в год. Наконец, в марте 1879 года поступил на государственную (коронную) службу в Пермскую губернскую контрольную палату, переехал в Пермь. Позже служба в Томске, в Бийске по Министерству внутренних дел. Перед переходом в ведомство Алтайского горного округа он был полицейским приставом в Зыряновске, когда в сентябре 1887 года ему пришло повышение по службе — направляли на должность земского заседателя в Канский округ, на другой конец Сибири. Его перебрасывали, как он сам понимал, по «неуживчивости» характера — не терпел халатности сослуживцев. К тому времени Клевакин был в чине коллежского секретаря, имел орден святого Станислава III степени (вообще он дослужился до надворного советника, т. е. подполковника), имел семью (жена, три девочки и мальчик), дети болели, решил уйти из полицейского ведомства. Через знакомых горных чиновников получил место конторщика в Гурьевском заводе, а в марте 1889 года переехал в Барнаул на должность помощника главного бухгалтера Алтайского горного округа, все в том же чине IX класса, но с жалованием в 750 руб. столовых 350, квартирных 100, т. е. 1200 руб. в год. На новой работе он проводил ревизии Павловского завода, Зыряновского рудника, исполнял неоднократно должность главного бухгалтера, получал ежегодные наградные по 200 руб., у него «под рукой» было трое канцелярских служащих. Работал, как вид-

Е. П. Клевакин.
Фото 1907 г.

но, не без «греха»; 9 сентября 1898 года старшему помощнику бухгалтера Главного управления Алтайского округа надворному советнику Е. П. Клевакину был объявлен выговор за небрежное ведение дел. В марте 1901 года он был назначен директором Барнаульского тюремного отделения.

Надо было дать эти штрихи биографии Клевакина, но нас интересуют его краеведческие работы. С середины 80-х годов Е. П. Клевакин вел дневниковые записки, в которых много отступлений в

виде воспоминаний. Записи довольно чистые, ровно написанные. Возможно, были черновые варианты, однако частые вставки поздних дней свидетельствуют о записях непосредственных, сегодневных, пусть даже иногда переписанных с черновых набросков. Поэтому весьма кстати узнать, когда Клевакин услышал об Обществе, что он предпринял, как к нему относился. Здесь нас ожидали приятные откровения. В «деле» № 2 «Барнаульские письма», дневниковая запись на л. 130: «Барнаул, 31 января 1891 года (Наши общества)». Общества еще нет, но, как мы предполагаем, разговоры о нем должны идти. Читаем: «Должно быть, наш город один из передовых окружных городов всей Сибири, а может быть, лучше и многих уездных городов России. В самом деле, перечтем существующие у нас разные общества, действующие по утвержденным правительством уставам: отделение Общества Красного Креста, общество начального образования, Общество попечения о бедных и Вольное пожарное общество, будет Общество потребителей (представлен устав на утверждение), а затем ныне проектируется, именно проектируется, еще Учебное общество исследователей Алтая и сопредельных с ним стран». Как видно по этим строкам, Клевакин — ортодоксальный человек, чиновник-буквоед: существующие уже общества «действуют по утвержденным правительством уставам», это он подчеркивает и уверен, что «будет» и общество потребителей, поскольку устав уже представлен «на утверждение». Но вот «ученое общество» только проектируется, он это обговаривает специально. Любопытны здесь два положения: он не знает его точного наименования, но верно, что разговоры о нашем Обществе идут не с января 1891. И эту запись — это хорошо чувствуется — он вынашивал задолго и сделал обобщенные известия о всех обществах только в конце января.

Дальше еще любопытнее, мы узнаем механизм создания Общества. Послушаем: «Последнее общество возникает по инициативе горных инженеров и лесничих. Возникает оно самым чудесным образом: по распоряжению начальства или с ведома его написали пишущей машиною имена, отчества и фамилии предполагаемых членов общества и список этот послали объявить всем поименованным явиться туда-то и туда-то для составления устава общества. Вот как! Еще и устав не состоялся, а уж явились члены». Изумительное признание, воскликнем и мы: что предположительно высказано в первой главе этой книги о способе создания Общества, тому на-

шлось подтверждение современника. (Надо заметить, что я уже написал 1-ю и 2-ю главы и даже часть 3-й, когда решил «обработать» Клевакина основательно по фондам, в октябре 1989 года; в этом можно убедиться по «Листу использования документа», вклеенном в каждое «дело» архивных папок.) Итак, «тайная вечеря» назначена была, скорее всего, на февраль 1891, и собрание не первое, круг «избранных» заранее обсуждался. А самое главное, что мысль о создании краеведческого общества возникла спонтанно среди местной горной интеллигенции. В связи со «списком на пишущей машинке» возникает потребность иметь его, этот список. Убедиться, есть ли там имя С. П. Швецова, что не исключено, так как это еще не утвержденный в МВД список учредителей Общества.

Сюжет об Обществе в дневнике Клевакина продолжается: «Правда Алтай требует изучения, и гг. специалисты горные офицеры и лесничие задумали хорошее дело, только дело в том, что у обоих категорий этих специалистов есть свои, издающиеся в Петербурге, специальные журналы Горный и Лесной, но в них не видать статей по изучению Алтая. Может быть, специалисты берегут свои статьи для вновь нарождающегося общества, благо сами хозяева будут в нем и, значит, пропустят свои статьи в журналы, а ведь в питерских журналах печатаются статьи тогда, когда они будут одобрены учеными комитетами. А здесь с рук сойдет!!! Поживем, так, может быть, и увидим или услышим о деятельности вновь затеваемого общества».

Как отнесся Евгений Поликарпович к Обществу, когда оно реально стало существовать? В дневниковых записях не зафиксировано, был ли он на первом собрании учредителей, но в «деле» № 17 «Воспоминания, мелкие рассказы, заметки» (л. 25) есть запись «Заговоры в Кузнецком округе». Он их записал в книгу 4 февраля 1889 года, а на полях, поперек, пометка другими чернилами: «Сообщено в Общество любителей исследования Алтая 1-го ноября 1891». Как известно, в «Алтайском сборнике», т. XI, опубликовано сообщение Я. Бирюкова «Сибирские заговоры», где он замечает, что пять заговоров передал Е. Клевакин и они хранятся в библиотеке подотдела. В тот день не было заседания совета, первое заседание состоялось назавтра, 2 ноября. Клевакин только спустя год стал действительным членом. Тогда напрашивается вопрос: почему он не вступил в Общество сразу, вместе с 23 другими? То, что он не был среди учредителей, можно понять: работая в бухгалтерии округа, он не вхо-

дил в число «господ горных офицеров», хотя хорошими и старыми знакомыми Клевакина были многие — и Н. И. Журин (он ему еще в декабре 1883 года в Томске покупал для елки вещи и выслал в Барнаул), и управляющий Барнаульским заводом Л. Л. Мартини, и главный лесничий округа А. С. Булавас, и ряд других служащих, в том числе главный бухгалтер П. О. Чупин (еще в мае 1883 года, при свидании в Томске, Чупин приглашал Клевакина к себе в помощники).

Насколько можно разобраться в этом человеке, Клевакин вступал в то или иное общество тогда, когда он мог там что-то делать сам, не ради членства, а последние два года он был занят созданием Общества потребителей. Инициатором выступил чиновник управления горного округа Е. Г. Яковлев, взялся составить Устав Клевакин, по примеру Пермского общества (он состоял там членом в свое время). Трижды отвергали их устав, то из Томского губернского управления пришлют коррективы, то из Петербурга из МВД требуют изменить параграф. Наконец урезали им число основателей (было более 100 человек), сократили паевой взнос. 24 сентября 1891 года (на месяц раньше «ученого общества») в Барнауле было официально открыто Потребительское общество (ныне — Потребкооперация) при 72 членах, внесших 1329 руб. в основание, открыты были в тот день и торговые лавки потребобщества. Вот, скорее всего, почему Клевакин не вступил сразу в наше Общество, а когда стал членом, его заметили и избрали в ревизионную комиссию. Кстати отметить, членом ревизионных комиссий он перебывал во всех барнаульских обществах — в благотворительном, начального образования, в пожарном, потребительском, в Алтайском горном собрании («господ горных офицеров», секретарем здесь состоял Н. Геблер), в Барнаульском общественном собрании (что-то вроде земства), в ссудно-сберегательной кассе служащих управления округа. Особые заслуги он имеет перед Барнаульским пожарным обществом.

Не вызывает недоумения его скептическое замечание, что «господа специалисты» имеют свои профессиональные журналы и почему они не пишут об Алтайском округе. Брюзжание понятно именно потому, что сам он давно пописывает в столичные газеты и журналы, особенно в «свой» — «Пожарный журнал». Вероятно, одна из его первых заметок помещена в петербургской газете «Голос» за 20 сентября 1875 в разделе «Нам пишут: Из Гороблагодатского округа». Не чужда Клевакину и «изящная словесность»: в 1907 году была

напечатана его пьеса «Спасатель от бед» — из жизни пожарных тружеников. Кажется, у него псевдоним «Чечкин», поскольку он в редакцию сообщает. «Корреспонденции желаю печатать не подписанными, так как здесь, в Сибири, корреспондентов не любят и при случае преследуют». В другой раз, в августе 1891 года, он умоляет редактора: «Ради бога, зачеркивайте на моем адресе, при котором высылается мне газета „Сибирский вестник“ в Гурьевский завод. Я живу в Барнауле и газету получаю через Салаир». Редактор-издатель журнала «Сибирский наблюдатель» В. А. Долгоруков сообщает, что за рассказы ему идет гонорар по 2 коп. за строку.

Клевакин, как известно, не встретил в Обществе в 1893 году поддержки своей статьи «Об образовании льда на реках и озерах». Однако когда в феврале 1895 года в «Правительственном вестнике» вновь появилась статья «Как замерзают реки», то он не мог утерпеть, 13 марта записал: «Все эти доказательства ложны, и знаменитый Араго неправильно решил, что лед образуется на дне реки. Лед образуется на поверхности...» Он решил свою статью «разослать во все ученые общества России и Сибири» (см. ф. 77, л. 109–109 об.). И верно, 16 апреля высылает опровержение в Петербург, в Географическое общество, 1 мая — в совет нашего Общества, 3 мая в Иркутск, и уже 21 мая из Восточно-Сибирского отдела получает ответ, что его заметка «передана в редакционную комиссию».

Так же настойчиво и дотошно он ведет многие краеведческие заметки. В «Отчете» совета Общества за 1894 год записано, что Клевакин 29 декабря прочитал сообщение «Помощь, оказываемая Гурьевским заводом земледельческой и сельской промышленности Алтайского округа»; тогда же решили поместить статью в сборнике в разделе «Смесь». Ему присуща главнейшая черта краеведа — записывать от «своего лица» то, что он непосредственно наблюдает сейчас, или то, что он слышал, что ему передали — кто, когда и где, — эти источниковые сведения наиболее ценны. Иногда кажется, что такая его щепетильность превратилась в «навязчивую идею», но нет оснований сомневаться в его сообщениях. Из периода жизни в Зыряновске в «делах» сохранилось несколько записок и специальных заметок. Так, в д. 3 (л. 56–64) собраны «Материалы для описания горнозаводского села Зыряновского за 1886 год» и служебная «Записка об осмотре сплава леса по реке Хаир-Кумиру» (д. 19, л. 36), они дают интересные сведения об этом уголке Алтая. Все служащие Зыря-

новского рудника и их семьи «попали» в объект наблюдений, о них он оставил специальное «Описание личностей Зыряновска» (д. 20), а в д. 21 сосредоточены «Статьи, рассказы и воспоминания о Зыряновском руднике» (38 л.).

Клевакин и Бийску посвятил свои наблюдения: «Отрывки из Бийской жизни» (д. 9, л. 21–41), «Заметки о Бийской городской, общественной и частной жизни» и «Поездка на стеклянный и винокуренный завод Платонова» (д. 2, л. 171–189). Вначале, когда Клевакин попал в Бийск (переезд объясняет тем, что, будучи смотрителем Томской тюрьмы, получил «хронический кашель» и попросился на «юг» — д. 25), он свои записи в дневнике от 13 апреля 1885 года так и начал: «Г. Бийск лежит к югу…» Небезынтересны такие сведения, теперь забытые горожанами: «Город подразделяется на пять названий: 1. город — это северная часть города, кончается базаром, 2. — крепость — это следующая небольшая часть, бывшая окопанной прежде рвом, от которого теперь остаются чуть видные признаки, 3 — форштадт, 4 — горка и 5 — казанка» — и внизу л. 55 об. он чертит план города (д. 3).

Есть, конечно, заметки и о Барнауле: «Барнаульские письма» (д. 2), «Из Барнаульских нравов» (д. 17), «Из Алтайской старины» и, наконец, большие дневниковые записи «Моя служба в Алтайском горном округе» (д. 19). Ценны его замечания о характере службы в горном округе, его особом статусе, о взаимоотношениях чиновников. Так, он, в противоположность другим местам своей службы, был несколько удивлен, что в горном округе чиновники обязательно получают наградные, они расписаны по должностям и классам, получают наградные (премии) и самые последние рабочие, например конюхи, вообще все — хоть рубль, а дают. Клевакин оставил личностные характеристики и, право, они кажутся непредвзятыми. Скажем, Н. И. Журин «не любил форменную одежду». «Хворал он всего 4 дня… Как жил покойный скромно, такой ему и памятник поставили скромный…» Или: его помощник по горной части А. В. Кобылин — «тихий человек». Характеристики брата начальника — А. И. Журина, бухгалтера П. О. Чупина — автора известной статьи «По поводу поездки бригадира Беэра на Урал и в Сибирь», горного инженера Д. П. Богданова, помощника начальника округа Е. К. Филева и других находим в заметках краеведа. Упоминаемый здесь исправник А. А. Новогонский, который «разрешил» печатать первый устав Общества осенью 1891 года, через год «запросился» на службу в земскую часть Главного

управления округа простым делопроизводителем; должность ниже исправника, хотя и IX класс, и содержание 1200 руб. в год. Где об этом узна́ешь, как только не в подобных записках наблюдательного современника. Бытовые зарисовки, рассказы «бывалых людей», отдельные сценки жизни чиновников, фенологические наблюдения, полная статистика барнаульских пожаров, претензии к городской управе о благоустройстве — всё есть у Клевакина.

Источники действительно разнообразные, они важны для нас, но от изучения его записей остается какой-то осадок отстраненности; Клевакин как будто смотрит на описанные им факты, явления со стороны, холодно, «объективно». Он — одиночный краевед; не в том понимании, что его не поняли, не оценили, он на это особенно не жалуется. Приведу кусочек записей факта достоверного, зафиксированного документально в протоколах Общества, — и как то же самое звучит у него. Речь идет об общем собрании 6 февраля 1894 года. «Собрание было назначено в 12 часов дня, а открыто в 1 час, так как долго не было потребного для открытия собрания числа членов. Пришлось посылать за членами, чтобы общее собрание состоялось...» Излагает повестку: кассовый отчет, выступление Д. Головачева; отчеты Овсянкина, Дорошенко; рассуждения о членах Общества и членских взносах. Что за причина, почему охладели члены Общества к его работе — задается проблемой Клевакин и замечает: «А между тем Алтай еще мало изучен и местным исследователям есть чем заняться, много интересного они могли бы поведать об Алтае миру, во всех отношениях. Искренно желаем Обществу служить на пользу изучения Алтая».

Замечательные слова, и сам Е. П. Клевакин старался укрепить авторитет Общества, и хотя нет у него монографий, но краеведческие его записки дают много полезных сведений о жизни Алтайского округа конца XIX — начала XX столетий. Этот краевед нуждается в том, чтобы созданные им источники[1] нашли своего исследователя-интерпретатора[2].

[1] Биография Е. П. Клевакина и документы, связанные с его жизнью и деятельностью, опубликованы П. А. Афанасьевым в книгах «Е. П. Клевакин. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века. Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае. Сборник документов» (2017) и «Е. П. Клевакин. Дневники (1864–1886 гг.). Сборник документов» (2019). — *Примеч. ред.*

[2] Неоднократно приходится оговариваться, извиняться, что, конечно, в данной книге никак нельзя изложить научные биографии даже виднейших деятелей наше-

В Общество входили совершенно разные люди по социальному положению, по образованию, по профессии, по своему служебному положению и политическим убеждениям. И это потому, что подобное научное краеведческое общество было единственным, очень разносторонним по своей работе, диапазону действий, широким по разнообразию приложения личных интересов и «выхода» на арену гражданской деятельности. Никаких других открытых общественно-политических организаций (кроме, кажется, Союза русского народа) не было. Школьное общество — узко благотворительное, городское, а не губернское, поэтому в фокусе общественной гражданской жизни Алтайского округа не менее четверти столетия в предреволюционные годы стояло наше Географическое общество. Разносторонние индивидуальные творческие интересы находили здесь признание. Можно в этом убедиться, если проследить, хотя бы бегло, повседневную организаторскую работу заседаний, переписки, издательской деятельности.

Осуществляя принятые обещания, совет подотдела провел цикл бесед и лекций, в 1903 году их было 2, т. е. фактически это был первый опыт краеведческого лектория. Извещения о лекциях-беседах были отпечатаны в количестве 500 экземпляров, а для докладчиков заказали кафедру (за 25 рублей). 20 января 1903 года состоялась первая беседа. Тема ее, прямо скажем, была и актуальна, и оригинальна: она посвящалась рассмотрению термина «существующее пользование», употребляемого в законе от 31 мая 1899 года о поземельном устройстве в Алтайском округе. Дебаты об этом принципе крестьянского землепользования тогда не были окончены, и новая встреча состоялась 27 января. Все это говорит о том, что активисты Обще-

---

го Общества. Прав был русский литератор П. В. Анненков, когда он, создавая биографию Н. В. Гоголя, писал в своих воспоминаниях: «Прежде всего хотелось бы нам, чтоб навсегда отвергнута была система отдельного изъяснения и отдельного оправдания частностей в жизни человека, а также и система горевания и покаяния, приносимого автором за своего героя, когда, несмотря на все усилия, не находит более слов к изъяснению и оправданию некоторых явлений». Направление это бесплодно. Он твердо убежден: «Вообще для биографа чрезвычайно важно смотреть прямо в лицо герою своему и иметь доверенность к его благодатной природе». Представить основные факты биографии, перечислить основные научные работы, иногда раскрыть их содержание и лишь изредка высказать личное отношение к отдельным моментам жизни и творчества представляемых лиц — такова манера автора Материалов для истории Алтайского филиала Географического общества.

ства болезненно воспринимали неточные формулировки, «лазейки» в существующем аграрном законодательстве.

В феврале выступал с лекцией об изучении Телецкого озера А. А. Бобятинский, с показом «туманных картинок»; в зале присутствовало 60 человек. Три раза, в феврале и в марте, состоялась беседа с наглядной демонстрацией препарирования птиц для коллекций, ее провел Н. Н. Соколов. Были выступления А. Н. Недзвецкого, Н. С. Гуляева, В. В. Солдатова, в ноябре 1904 года — доклад М. К. Барсова, на котором присутствовало 55 человек[1].

Успех окрылил, поэтому в годовом отчете за 1903 год выражалась надежда, что в предстоящем году удастся «с помощью сочувствующих ему лиц, еще шире развернуть деятельность подотдела и двинуть вперед изучение Алтая с такой же скоростью, с какою совершается его культурный рост». Но получилось далеко не так. Хотя в 1903 году состоялось 21 заседание совета и четыре общих собрания, а в 1904 году было уже 26 заседаний совета подотдела и одно собрание, все-таки совету не удалось осуществить крупных акций, в первую очередь намеченную экспедицию в Горный Алтай. На одном из заседаний рассматривали возможность выделить 150–200 рублей субсидии для профессора П. Крылова. В 1903 году он совершил поездку в Горный Алтай, но лощадь его упала в Аргут, погибла часть коллекций и путевых записей[2]. В следующем году он ездил по р. Тыму (выделили ему 200 руб.) — и прислал часть материалов. 20 апреля 1904 года Родд прочитал присланный Крыловым доклад «Об эндемизме Алтайской флоры». На заседании 10 мая успели обговорить интереснейшее явление — падение метеорита в районе д. Камышенки ночью 9 мая. Поручено Д. И. Звереву собрать сведения. 12 октября на заседании Зверев рассказывал, что о метеорите много сведений поступило, собраны обломки, один у него, а один он передал В. К. Болдыреву, вместе с описаниями и свидетельскими показаниями — для Кабинета[3]. В мае рассматривали обстоятельства, почему Н. С. Гуляев задержал годовой отчет за 1903 год, выразили беспокойство, а 1 июня поручили окончательный текст составить Звереву и отпечатать его (см. рукопись, д. 32, л. 60–92).

[1] ГААК. Ф. 81. Д. 31. Л. 43 и след.

[2] См. ГААК. Ф. 81. Д. 31. Л. 12.

[3] См.: ГААК. Ф. 81. Д. 31. Л. 36–37.

1904 год был трудным, но не от упадка общественного сочувствия, а от тяжелых условий. «Совет надеется, что когда кончится этот период, когда переменятся эти условия, когда в Сибирь вернутся ее работники и закипит объединенная деятельность культурных сил, наш подотдел займет среди них свое место и внесет свою долю в общее дело культурного развития Сибири вообще и Алтая в частности и в особенности». Как оказалось, и несколько последующих лет стали сложными, неоднозначными. Общая обстановка в России сказывалась тяжело, но Алтайский подотдел продолжал работать.

1905 год. Было 2 заседания совета и 2 собрания. На год определили 100 рублей на исследование переселенческого движения. 8 февраля на общем собрании присутствовало 48 действительных членов. Почетным председателем стал В. В. Меллер-Закомельский, председателем подотдела избран Д. И. Зверев вместо В. Галанина, членом совета стал П. Малешевский; по баллотировке принят в члены Общества участковый врач из с. Сорокино А. П. Велижанин. На собрании решено создать музей и просить Кабинет передать минералогическую коллекцию.

1906 год. Прошло 14 заседаний совета и одно общее собрание. К январю уже накопилось «капитала» на изучение переселенцев 935 руб. 54 коп., а израсходовали за год только 400. (Как оказалось — на дополнительное исследование и доработку материалов по с. Чистюнька, которые производил Н. Н. Баранский[1].

1907 год. Состоялось 15 заседаний совета и одно собрание. Собрание с докладом Н. Овчинникова «Колонизация инородческого Алтая». 5 февраля распределяли статьи в очередном выпуске «Алтайского сборника». Совет решил обратиться в Кабинет, просить «хотя бы 100 рублей ежегодно» на печатание трудов и отчетов. 15 декабря шел серьезный разговор с руководителем Алтайского округа о предоставлении субсидии от Кабинета в 2000 рублей, с «условием», что действительный член подотдела Н. Б. Шерр сделает статистическую сводку для округа.

1908 год. Было 12 заседаний совета; в книге протоколов зафиксировано: «Май, июнь, июль, сентябрь, октябрь — заседаний не было. Ноябрь — 3 заседания, декабрь — 2 заседания». В июне совет получил письмо от С. П. Швецова со станции Сейто, Финляндской ж. д.

[1] См. ГААК. Ф. 81. Д. 34. Л. 14; Д. 37. Л. 8 об.

(д. Кёки) с просьбой к друзьям прислать ему все издания Общества. Оказалось, что когда он вернулся на жительство в Россию, то при переезде из Томска при крушении поезда погиб его багаж (он следовал другим составом). Ему выслали просимое.

1909 год. До июня состоялось 2 заседания совета, активность как будто возросла. Однако рассматривались незначительные, мелкие текущие дела: ответы на запросы о высылке годовых отчетов, утверждение сумм на ремонт и в типографию, фиксируются отдельные поступления в музей, много разговоров об уплате членских взносов[1]. В журнале заседаний записано буквально следующее: «Январь — 2 заседания. Текущие дела. Февраль — 3 заседания. Текущие дела». Но сами заседания и существо «текущих дел» не описываются. В апреле получено извещение из Томска, что там создано Общество изучения Сибири (вместо Средне-Сибирского отдела Географического общества), председатель В. Обручев хотел бы иметь с подотделом переписку. В том же месяце секретарю подотдела Н. Овчинникову было поручено передать в магазины Смирнова и Сахарова для распродажи VI, VII, VIII и IX выпуски «Алтайского сборника». (Они давно были отпечатаны, но лежали в типографии из-за несвоевременной оплаты. Все тиражи по 300 экз.)

Неважным было финансовое положение в те годы не только у Алтайского подотдела, детище П. П. Семенова — Семипалатинский подотдел — тогда же переживал не лучшие времена. В мае пришло от них письмо, что субсидии в 500 руб. мало, что у подотдела нет своего здания, нет помещения для библиотеки и музея. Те же беды. Но семипалатинцы придумали просить об увеличении дотации еще на 500 рублей и советовали Алтайскому подотделу сделать аналогичный запрос, а для Западно-Сибирского отдела просить прибавки в 1000. В «деле» на письме стоит помета «отвечено 12 июля», но другой переписки по этому сюжету больше не встретилось. (К месту сказать, с Семипалатинским подотделом особенное оживление связи установилось в годы революции и гражданской войны.)

О той же бедности подотдела свидетельствует и такой факт. И. П. Выдрин предложил организовать археологические исследова-

[1] ГААК. Ф. 81. Д. 34. Л. 8: «Ввиду слабого поступления членских взносов постановлено организовать сбор через швейцара с уплатой в пользу сборщика 10 коп. с каждого, приурочив сбор ко времени получения наградных; к иногородним же членам подотдела обратиться с письменной просьбой об уплате членских взносов».

ния, обратиться через газету к любителям старины. «Взамен авторских выговорить от редакции 100 экз. отдельных оттисков этой заметки для рассылки некоторым лицам, интересующихся археологией»[1].

1910 год. В апреле получено письмо В. В. Сапожникова, который благодарил подотдел за поздравления в связи с 25-летием его научной работы. Тогда же в действительные члены был избран сотрудник газеты «Жизнь Алтая» Г. Д. Гребенщиков. 3 декабря состоялось экстренное общее собрание членов подотдела. Рассмотрен ход дела со строительством в Барнауле сейсмической станции; определили смету расходов на 1911 год: содержание письмоводителя и канцелярские расходы — 150 руб.; приобретение мебели для музея — 200 руб.; на научные экспедиции — 250 руб.; консервация находок и коллекций, приобретение экспонатов — 200 руб.; утверждено содержание XI «Алтайского сборника», избран новый председатель подотдела — В. П. Михайлов, секретарем подотдела — Б. Быков.

1911 год. 6 февраля был направлен в адрес Томского губернатора очередной отчет с перечислением состава Общества и руководящего органа — совета подотдела. 28 марта пришла бумага из МВД Томского управления, что В. И. Верещагину выдан открытый лист на взимание обывательских лошадей и Предписание на его путешествие; есть расписка Верещагина. В том же году подотдел встречал и провожал В. В. Сапожникова в его 13-й поездке на Алтай и содействовал научным исследованиям А. В. Вознесенского. Аркадий Викторович Вознесенский (1864–1936), географ-геофизик, с 1895 по 1917 г. служил в Иркутске, неоднократно приезжал в Алтайский округ с целью изучения ледников, метеорологических и магнитных наблюдений, описал Кузнецкое землетрясение. В НАГО СССР, фонд № 34, хранится обширная рукопись «Аккем» 1911 г., с двумя картами ледников, а также рукописные графики годовых осадков по непосредственным наблюдениям для Барнаула, сводные графики годового хода осадков с 1838 по 1930 гг., есть негативы Белухи. В мае 1948 года доцент М. Тронов сделал замечания на его статью об Аккемском леднике, с рекомендацией ее публикации.

На заседании совета подотдела 28 января 1912 года Н. С. Гуляев предложил переписать опись минералогической коллекции И. Ренованца, находившейся в управлении округа с конца XVIII столе-

[1] ГААК. Ф. 81. Д. 39. Л. 2, 10.

тия, — по 1 рублю за лист; совет дал согласие. 24 мая 1914 года Алтайский подотдел оплатил 75 копеек за новый кожаный переплет книги «Флора Алтая» П. Крылова с тисненным золотом корешком — в качестве подарка господину И. П. Выдрину, а в июле крестьянин д. Погорелки на р. Чумыше А. А. Шадчиков принес в подотдел два бивня мамонта — ему выдали за это 10 рублей.

Состояние относительной общественной апатии после поражения первой Российской революции и в результате русско-японской войны, проявилось в разобщенности организованных политических сил и не могло не отразиться на деятельности Алтайского подотдела. То, что удалось обнаружить в архивах и кратко изложено выше, показывает, что во многом работа шла по инерции, ряд мероприятий сводился лишь к инициативе отдельных активистов, выходу их энергии, проявлению их интересов в деятельности Общества.

Так, например, когда осенью 1913 года вновь вернулся в Барнаул естествоиспытатель Е. Родд, то на одном из заседаний совета он доложил, что в Императорском обществе учреждена Природоохранительная комиссия. Он полагал, что Алтайскому подотделу, как находящемуся в крае с быстро изменяющимися хозяйственными и бытовыми особенностями, влекущими за собою весьма часто резкие изменения физико-географических условий, необходимо обратить внимание на то, что еще возможно сохранить для будущих исследований и науки. Надо что-то предпринимать, считал Родд. Но на совете было «постановлено заняться подбором литературы по данному вопросу и списаться с комиссией Географического общества об организации этого дела». На простом пожелании застряла инициатива.

Появилась угроза распыления до того единой организации алтайских краеведов. Как известно, в Томске возникло Общество изучения Сибири, они развернули агитацию, приступили к созданию своих отделений. И вот в начале января 1911 года совет получает любопытную просьбу, бланк гласил: «Змеиногорский отдел Томского общества изучения Сибири». Оказывается, уже создан отдел, хотя в Змеиногорском крае были активные члены Алтайского подотдела. В письме говорилось, что «Змеиногорский уезд как по своим географическим, биографическим, так и экономическим условиям представляет много особенностей. Это заставляет открыть в Змеиногорске отдел Томского общества изучения Сибири. Но в силу местных условий он принужден поставить своей задачей не только изучение

этого края, но и параллельное ознакомление его населения с Сибирью вообще и вопросами ее, выдвинутыми самой жизнью, в частности». Что ж, понятно стремление змеиногорских патриотов к просвещению сограждан. И они ищут свои пути. Однако это, собственно, указывало, что, видимо, подотдел утратил в глазах периферийной интеллигенции свое влияние, не проводил в последние годы интересных общих исследований, слабо, видимо, вовлекал широкие круги общественности в свои ряды.

И это так.

К чести совета подотдела, они заметили своеобразные симптомы своей однобокости. Об этом свидетельствуют жаркие дебаты на общем собрании подотдела 8 ноября 1911 года. Член Общества издатель местной газеты М. О. Курский говорил, что возник было вопрос об открытии в Барнауле отделения Общества изучения Сибири. Несмотря на то, что задачи его почти совпадают с целями подотдела, нашлись сочувствующие. Отчего? Оратор отметил, что «за подотделом почему-то установилась репутация малодеятельного учреждения, составленного из элементов бюрократической складки». Признавая недостатки в работе Общества в последние годы, члены его намечали и пути улучшения деятельности, новые формы работы. «Михаил Онисифорович, однако, думает, — гласит далее протокол, — что не следовало бы дробить силы, а лучше пополнить состав подотдела новыми лицами, изменить, если это нужно, приемы изучения края и вообще направить деятельность подотдела в ту сторону, куда зовет Общество изучения Сибири». Выступающий Новиков объяснялся, что увлечение подотдела естественно-историческими исследованиями сужает интерес отдельных членов, тогда как Общество изучения Сибири отдаст предпочтение вопросам экономики и права. Он спрашивал (видимо, это новичок, в протоколе не известно ничего о нем), входит ли обществоведение в число задач, разрешенных подотделом его уставом. На это Н. Я. Овчинников разъяснил и напомнил, что в первое десятилетие своей жизни наше Общество останавливалось, главным образом, на проблемах экономических и социальных. Он указал на первые четыре выпуска сборников Общества с подобными исследованиями. В последние годы стали преобладать интересы естественно-исторического направления. «Такой характер деятельности подотдела объясняется составом лиц. Другие темы не встретят препятствия и теперь», — заключил он обсуждение.

Подотдел имел сильный состав членов, и работа продолжалась в правильном направлении. Совет подотдела, например, в ответ на письмо из Змеиногорска не отговаривал, не агитировал перевестись в подотдел. Наоборот, в Змеиногорский отдел Общества изучения Сибири выслали пять бандеролей с книгами, в них комплект «Алтайских сборников» всех выпусков, издания ежегодных отчетов за 10 лет, другая литература. В Змеиногорске было несколько человек этого нового Общества, в «делах» более никаких документов нет. Товарищ председателя совета подотдела Н. Я. Овчинников как совестливый и понимающий человек не скрывал неустойчивого состояния Общества. В научном архиве Географического общества СССР подшит «Отчет» Алтайского подотдела за 1909–1913 гг., составленный 15 июля 1914 года. Один отчет сразу за более чем пятилетний срок. Он откровенно сообщает, что за прошедшие годы не было издано текстовых отчетов подотдела (здесь сказались запреты периода русско-японской войны, потом это положение сохранилось) и что «общие собрания ограничились рассмотрением денежных отчетов и выслушиванием докладов совета о положении дел в подотделе». Даже скудные средства не расходовались полностью, — признавался Овчинников[1].

В феврале 1911 года бывший за секретаря подотдела В. И. Верещагин переживал трудные, почти трагические дни: 5 февраля в 12 часов по дороге от Переселенческого управления к метеостанции письмоводитель подотдела М. А. Куклин, он же наблюдатель на метеостанции утерял рукопись Г. А. Гребенщикова «Р. Уба и убинские люди». Сообщил в полицию, разослал людей, дал объявление: за находку 10 рублей — никаких следов. Целый месяц теплилась надежда, но 5 марта подотдел вынужден был известить Гребенщикова, что его рукопись потеряна. Г. А. Гребенщиков жил в Томске (8-я Кирпичная, 12), был огорчен, обещал восстановить текст по черновикам, однако просил гарантии, что подотдел напечатает статью и все расходы возьмет на себя. Действительно, вскоре он прислал новую рукопись и уехал в путешествие, а 18 июля из Катон-Карагая просил ускорить издание. Статья Гребенщикова выходит из печати, а общее собрание 8 ноября 1911 года избирает его почетным членом Алтайского подотдела Географического общества. Подотдел предложил

[1] НАГО СССР. Ф. 1. 1913. Д. 23. Л. 54–67, машинопись; здесь же кассовые отчеты за шесть лет.

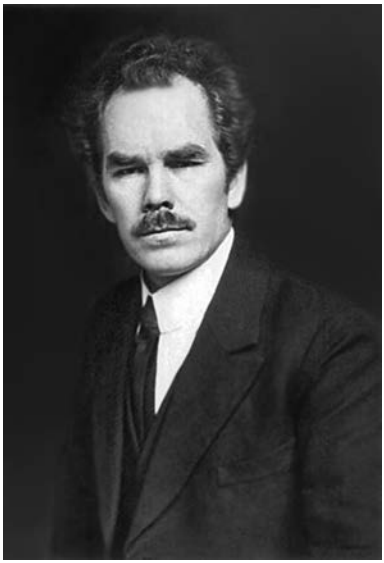
ему широкий вопросник по этнографическому изучению поселенцев Бухтарминского края. 16 декабря Гребенщиков из деревни Согорной прислал согласие, что он готов заниматься исследованиями по программе отдела. Вместе с тем он напоминает, что живет исключительно литературным трудом, просит оказать материальное содействие, «чем и поддержать меня в моих дальнейших трудах по изучению людей и природы Алтая».

Но поскольку за статьи Общество не платило гонорар и оно благотворительное, то совет подотдела выделил ему 100 рублей с условием собрать для коллекции музея несколько экземпляров местных рыб и гадов. Георгий Дмитриевич выполнил условия. Январь—февраль (в Великий пост — до Пасхи) 1912 года Гребенщиков проводит в Барнауле, выступает в подотделе с отчетами, готовит лекцию «Бухтарминские славяне», готовит серию диапозитивов (за счет подотдела) о Бухтарминском крае[1].

Георгий Дмитриевич Гребенщиков (28 апреля 1882 — 1964) родился в деревне Николаевское Алтайского горного округа, в семье горнорабочего-инородца (мать из казачьей семьи с Иртыша). Семья большая, четыре сына и две дочери, жили впроголодь, Георгий Гребенщиков рано пошел «в люди». С 1905 года начал сотрудничать в газете «Семипалатинский листок» с рассказами из быта сибиряков. В 1909 году специально путешествует по Алтаю и создает серию географо-этнографических очерков и зарисовок, таких как «Жница: Алтайский этюд», «Алтайские этюды: Чуйский тракт», «На Аир-Тау: Старый бергайер». С 1910 года работает в газете «Жизнь Алтая», редактирует «Алтайский альманах», работает в Томском лито-художественном товариществе «Бытовая Сибирь». Наконец, из печати выходит XI «Алтайский сборник» нашего подотдела с большой работой Георгия Дмитриевича. Литературно-этнографический очерк носит название «Река Уба и убинские люди», имеет 80 страниц текста. Автор оговаривает, что первый экземпляр был утерян, поэтому данный вариант является вторичным и потому менее подробным. Статья имеет 10 разделов с отдельными заголовками. Заголовки дают возмож-

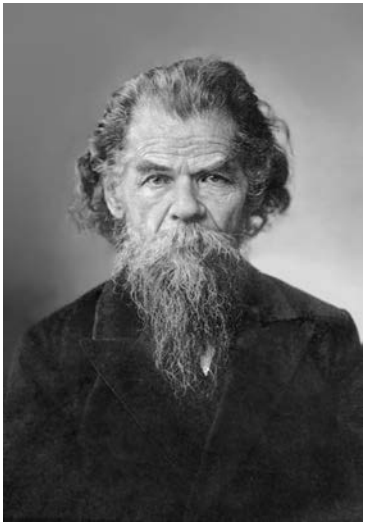
[1] Необходимо заметить, что в специальном библиографическом указателе «Русская литература Сибири», ч. 1 (Новосибирск, Наука, 1976), в разделе о Г. Д. Гребенщикове не названы некоторые его труды, в частности статья об «Убинских людях», а также статья «Бухтарминские славяне», написанная им для подотдела. Это можно понять; полная библиография почти невозможна...

ность без изложения текста представить основное содержание и направленность (нацеленность) автора. Вот они: Речная система Убы, истоки ее и устье. — Убинские казаки. — Деревни и люди низовьев Убы. — Культурный центр края с. Шемонаиха. — Страничка старины. — Убинские староверы вообще и поморское законобрачное согласие в частности. — Средняя Уба и ее пороги. — Старообрядческая женская обитель. — Вожди старообрядчества. — Убинские Альпы и Ивановский хребет. Этнографо-бытовое (но отчасти социальное) описание преобладает, а описание природы очеркового плана преобладает над научно-географическим.



Г. Д. Гребенщиков

Необходимо назвать и другие произведения Гребенщикова историко-географического, краеведного направления: «Пришельцы. Повесть из истории великого переселения» (Жизнь Алтая, 1912, №57), «Алтайская Русь. Историко-этнографический очерк» (Алтайский альманах, 1914), «По горам Алтая. К подножию гор» (Жизнь Алтая, 1915, в. 129, 135). Ознакомившись с его краеведческими работами, нетрудно обратить внимание, что Гребенщиков пишет о распаде старого патриархального уклада старообрядческой алтайской деревни. Он пишет о быте и нравах, о последних отголосках так называемого Алтайского Беловодья. Здесь кержаки-раскольники ведут борьбу с новыми переселенцами, которые несут разложение (социальное). В старую деревню внедряют элементы новой городской цивилизации. Этому автор противится. В описаниях Гребенщикова Алтай предстает благодатным краем, его среда действует на человека умиротворенно, способствует целесообразному единению человека с природой. Отсюда показ старой жизни первых поселенцев как привольной, зажиточной. Он поддерживал областнические настроения Г. Н. Потанина и его окружения. До конца жизни Гребенщиков восторгался его деятельностью, а в 1957 году опубликовал воспоми-



Г. Н. Потанин

нания «Большой сибирский дедушка. Из личных встреч с Г. Н. Потаниным».

В 1929 году Сибирская советская энциклопедия (т. 1) писала: «Революция застала его на юге, откуда он позже, как активный противник советской власти, эмигрировал за границу, где находится и в настоящее время».

С первых лет существования Общества было заметно стремление его организаторов придать ему большей «научности», заняться крупными научными разработками. К моменту перехода Общества любителей исследования Алтая в Географическое было видно, что подотдел объединил уже многих специалистов, в полезной деятельности которых нельзя сомневаться. Однако они робели считать себя исследователями, учеными: «Но все-таки открыть комиссии по специальностям, как в Географическом обществе, еще нет возможности», — обговаривалось в годовом отчете за 1901 год. И совершенно напрасно, фактически подобные комиссии по интересам уже существовали: по проблемам переселенческого движения, группа этнографов, естественники, эконом-статистики, высоко теоретическими были достижения историков. Нельзя не добавить, что само существование Общества — это социально-культурное явление действительности. Об этом ярко свидетельствуют практические дела: их активность по поддержанию работы метеостанции и проведения метеонаблюдений, по спасению окружной библиотеки и по созданию краевой библиографии, по спасению и возрождению Алтайского краеведческого музея.

В январе 1903 года скончался заведующий (на общественных началах) метеостанции Ф. Е. Засс. В Обществе встал вопрос о его преемнике (Д. И. Зверев охотно согласился на присмотр станции) и о передаче Барнаульской метеостанции в ведение (и в собственность) Алтайского подотдела. Д. И. Зверев так обосновывал проблему: «Это будет новая отрасль научной работы подотдела». Можно согласиться, что для подотдела это новое направление работы (в пла-

не ответственности, организации метеослужбы и т. п.), но это никак не новое научное направление для членов Общества, они давно занимались метеонаблюдениями, по предложению метеокомиссии Омского отдела выступали организаторами первичных метеопостов в Алтайском округе.

Метеонаблюдения в Алтайском округе, как установил Засс, велись с 30-х годов XVIII столетия. В XVIII столетии и до 30-х годов XIX столетия Барнаульская метеостанция находилась в небольшом деревянном доме на правой стороне пруда, под горой, недалеко от кирпичного завода, примерно в полукилометре от южного торца заводской плотины. Она принадлежала канцелярии горного округа. Метеоданные накапливались систематически, сведениями станции пользовались все путешественники, особенно размахом ее работ были поражены А. Гумбольдт, К. Ледебур. Последний в своей книге приводит данные о времени ледостава и ледохода на р. Оби за 50 лет, с 1751 по 1800 гг. Профессор Казанского университета А. Я. Купфер с начала 20-х годов пытался организовать единые наблюдения по единой методике. Он говорил: «Мы старались уже давно собрать наблюдения с небольшого числа самых интересных пунктов моей обширной родины; мы решили, что лучше удовлетворяться несовершенными данными, чем вовсе их не иметь; путешествуя по России во всех направлениях, иностранные ученые сумели использовать для науки преимущества ее положения, которых мы, нужно признать к нашему стыду, использовать не сумели». Он разработал проект единой обсерватории, в 1833 году правительство и АН утвердили его план. В тот же год была организована обсерватория в Екатеринбурге и преобразованы в обсерватории давно существующие метеостанции горного ведомства в Барнауле и в Нерчинске. В январе 1838 г. Барнаульская метеостанция была переведена в новое здание «немагнитного павильона» (теперь между ул. Анатолия и Интернациональной, пер. Радищева). В 1849 году была создана Главная физическая обсерватория АН — такого учреждения не существовало в Европе. Все станции в России в научно-методическом руководстве подчинялись ей. В 1886 году горный округ перестал финансировать Барнаульскую обсерваторию, но Главная (Николаевская) обсерватория через Екатеринбургскую продолжала ее курировать и отпускала 300 рублей в год на организацию наблюдений и общий уход. Благодаря неутомимости энтузиаста Ф. Засса

Здание первой барнаульской метеостанции. Барнаул, ул. Анатолия, 136а. Фото 2021 г.

метеостанция жила, Общество поддерживало его усилия, а с 1903 года Екатеринбургская обсерватория передала ее в ведение Алтайского подотдела. Отвечали за станцию Д. И. Зверев, В. Н. Галанин, врач И. И. Лубяных, П. С. Малешевский. Был нанят смотритель Клюшин, он занял квартиру при станции и за 25 руб. вел температурные наблюдения.

Сразу было решено произвести нивелировку местности между зданием станции и репером на берегу Оби у водомерного пункта (тумба чугунная) и этот пункт связать новой нивелировкой по течению Оби с пунктом у железнодорожного моста в Ново-Николаевске. Таким образом будет определена абсолютная высота станции в Барнауле, и нивелировка будет связана с сетью России. Члены подотдела межевой инженер Г. М. Колубанский и топограф А. П. Залесский провели нивелировку в натуре в мае 1903 года между пунктом насыпи станции и подножием чугунной тумбы на Оби. Высота неподвижного поля барометра первого пункта определена непосредственным измерением, так же как и высота верхнего среза тум-

бы под ее основанием — куда и тянули нивелирный ход. Как было известно, нивелировка репера произведена в 1897 году, теперь перепроверили, отметка чугунного репера на берегу Оби составила 67 975 сажени над у. м. (с точностью 0,5 сажени). Произвести нивелирный ход от Барнаула до Ново-Николаевска требовало больших расходов. А. Ф. Кублицкий провел переговоры с руководством Томского технологического института взять эту работу на себя, организовав практику студентов. Институт согласился, хотя работа, как оказалось, затянулась на годы.

На метеостанции организовали проверку времени; один раз в месяц производились наблюдения над прохождением солнца через меридиан Барнаула; горожане вносили соответствующие поправки своих часов.

Итак, Барнаульская метеостанция вновь обрела местного хозяина. (Можно по-другому: Алтайский подотдел Географического общества обзавелся материальным объектом, появилось «хозяйство».) И сразу решено было произвести ремонт здания. Комиссия подотдела тщательно осмотрела помещения, признали произвести реконструкцию. Разработали смету на 338 руб. 75 коп. Запросили Главную обсерваторию. В октябре 1903 года через Екатеринбургскую обсерваторию от Академии наук получили 256 руб. 75 коп.[1] Недостающие 82 рубля придумали возместить следующим образом: просили Кублицкого о бесплатном отпуске лесных материалов из Барнаульского лесозавода для ремонта станции как раз на эту сумму. Лес получили.

Ремонт и реконструкция метеостанции были предприняты главным образом в связи с попыткой создать здесь сейсмическую станцию. Предложение исходило еще от Засса, в конце 1902 года он официально вел переговоры с Екатеринбургской обсерваторией. Запрос направили также в постоянную центральную Сейсмическую комиссию Академии наук. Обосновывали просьбу тем, что в Барнауле и в округе ежегодно происходят землетрясения, здесь находится Алтайская сейсмическая область. Однако ближайшие станции расположены в Иркутске, а с другой стороны — в Ташкенте. Барнаул — посередине фиксируемых зон. Станция в Барнауле, таким образом, могла бы послужить к разрешению некоторых сей-

[1] ГААК. Ф. 81. Д. 28. Л. 39–40.

смических проблем. В письме указывались возможности на существующей метеостанции установить сейсмографы, сделать ремонт, углубить подвал, укрепить фундамент. Постоянная комиссия приняла план подотдела, выделила средства на начальную реконструкцию, взяв на себя ежегодный расход в 50 рублей для обслуживания сейсмографов.

В течение 1903 года произвели ремонт метеостанции, углубили подвал, подвели новый пол, установили опорные столбы, сложили печь в подвале, чтобы там можно было работать. Кублицкий принял живое участие в оборудовании станции, он выдал казенные (кабинетские) теодолиты — для определения астрономически точного времени при прохождении солнца через меридиан. Установку и юстировку сейсмографов, а также общую организацию службы взял на себя В. Н. Галанин. К февралю 1904 года закончили реконструкцию. Постоянная комиссия закупила сейсмографы системы Цельнера, опробовали их в Петербурге. С нетерпением ждали в Барнауле ценный груз, но произошла задержка, началась война с Японией. Однако, когда позже сейсмографы поступили, то специалиста по установке не оказалось, Галанина забрали из Барнаула (он вернулся лишь в конце 1907 года).

В марте 1914 года инженер Н. В. Стерлигов по просьбе подотдела осмотрел помещения, сделал определения, что стенки камеры расположены в соответствии с магнитным меридианом. Местный же меридиан отклоняется на 9°, это отклонение и принято при установке столбов. Но только через два года подотдел получил сейсмограф (вес 59 пудов 28 фунтов — по транспортным документам). Вновь шла война. Из центра специалиста не смогли прислать, и сейсмографы пришлось отправить в Варшавский университет. Уже при советской власти, в начале 1918 года, Академия наук прислала на имя Алтайского отдела сейсмограф системы Голицына, однако и вновь его не удалось установить. Только в начале 30-х годов вспомнили о них.

На работу Барнаульской метеостанции Алтайского подотдела, на содержание штатов, текущий ремонт средства продолжали поступать от Екатеринбургской магнитной и метеорологической обсерватории Министерства народного просвещения[1].

[1] См., например, расчеты в 1913 году: ГААК. Ф. 81. Д. 47. Л. 1, 36 и др.

Другой большой исторической гражданской заслугой Алтайского подотдела Географического общества рассматриваемого времени является возрождение и реставрация краевого краеведческого музея и сохранение уникальной заводской библиотеки.

Отдельного специального предложения о создании при Обществе своего музея у его учредителей не возникало: в Уставе как разумеющееся было записано в § 2, что Общество «устраивает выставки собранных коллекций», а в § 3 более специально: «Общество заботится об устройстве своей собственной библиотеки и о составлении коллекции». Создание музея рассматривалось на заседаниях совета как одна из насущных задач. Возможности не было из-за отсутствия помещения, хотя экспонаты стали поступать сразу после обнародования Краткой программы. При обсуждении перевода Общества в подотдел Западно-Сибирского отдела, последний запрашивал, имеет ли Общество музей. Это положение выставилось как существеннейшее. Осенью 1900 года А. Ф. Кублицкий-Пиоттух нашел возможным (после пожара здания Алтайского горного собрания, где до того ютилось общество краеведов) передать в распоряжение Общества верхний этаж заводской лаборатории, а заседания совета перевести в свою канцелярию. С этого времени началось фактическое создание музея. Но это был не музей по истории Общества как организации, а общекраеведческий музей, создаваемый членами Общества. Однако проблема оказалась значительно глубже, дело в том, что существующий с середины XVIII столетия заводской музей при управлении Алтайского горного округа фактически прекратил свое существование. Вот что сообщили о музее осенью 1890 года члены-учредители Общества Недзвецкий и Бобятинский: «В музее даже зимой печки не топятся, о проветривании же не может быть и речи… здесь происходит медленное разложение тысяч чучел, и сохраняемые предметы от времени покрылись толстым слоем пыли и плесени… Музей посещается очень редко…»[1].

После закрытия Барнаульского сереброплавильного завода в 1893 году штаты были урезаны, экспонаты музея, коллекции, минералогические образцы, модели машин были свалены в складские закоулки. Окончательный удар был нанесен при переводе окружного (бывшего горного) училища в реальное училище. Вот подлинный

[1] ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1165. Л. 11–12.

документ о гибели прекрасного Барнаульского музея, первого в России краеведческого музея. 18 декабря 1898 года из Кабинета пришло распоряжение передать предметы музея Томскому университету или Барнаульскому реальному училищу, где в заключенiь говорилось: «Да и самый музей (кроме минералогического) отдать»[1]. Такое трагическое «историческое» решение вынес Кабинет е. и. в. 15 ноября 1899 года директор училища Рябинин назначил отобрать вещи инспектору училища В. Н. Галанину и только что принятому на работу преподавателю естественной истории В. И. Верещагину. Все, что признано нужным, перешло в реальное училище (см. список: л. 10–12). 13 января 1900 года было разрешено забрать и два чучела королевских тигров (!), а приборы геодезические переданы в Чертежную округа. В мае 1900 года заведующая библиотекой и музеем Алтайского округа Лариса Венедиктовна Торопынина подписала последний акт. Музея не стало. Надо отдать должное В. К. Болдыреву, что он старался задержать возможное на старом месте.

14 сентября 1899 года профессор Томского университета Н. Ф. Кащенко запросил: «Имея в виду, что многие из зоологических препаратов знаменитого в свое время (ах, как бросает соль на раны. — *А. С.*) Барнаульского музея представляют высокий научный интерес (! — *А. С.),* особенно в деле изучения местной фауны, и считая заботу о сохранении их в пригодном для научных целей состоянии делом для Томского университета и для меня, как представителя кафедры зоологии, нравственно обязательным (великодушно. — *А. С.*), я позволю себе усерднейше просить Ваше превосходительство о содействии к переводу этих коллекций (или тех из них, которые будут отобраны университетским делегатом) в зоологический музей Томского университета». Ответа нет. Через три месяца ректор университета напоминает. Болдырев наконец отвечает, что все ценное передано реальному училищу, остальное, менее ценное — приезжайте, отбирайте. Тут набросились и другие: Томское общество попечения о начальном образовании просит дать коллекции. Болдырев 21 января 1900 года: «Коллекции розданы».

Теперь речь могла идти фактически о создании нового музея. Активисты Географического общества взялись за его возрождение (восстановление, реставрацию?).

[1] ГААК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1326. Л. 1–5.

Инициативную группу по созданию музея возглавили В. И. Верещагин и Е. Г. Родд (см. «Отчет» подотдела за 1904 год). Они формировали первые коллекции, составляли программы. Так, в апреле 1902 года В. И. Верещагин предложил создать горно-заводской отдел, разработал письмо-обращение, которое отпечатали и разослали по заводам, мастерским, в рудники и прииски и в другие места. И уже осенью, например, управляющий Колыванской фабрикой В. Л. Айдаров прислал минералогическую коллекцию и одновременно просил принять его в члены подотдела[1]. Вместе с ним принят в члены Географического общества учитель с. Чистюньки С. Х. Христофоров, знакомец Н. Н. Баранского. Семен Христофорович Христофоров, выходец из крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии, окончил курс Казанской учительской семинарии. В 1896 году (и впоследствии) получал содержания в 200 руб. в год от волостного правления, при готовой квартире[2]. Были приобретены на 93 руб. 70 коп. витрины, пробирки и банки на 93 руб. 70 к., привез их из Петербурга Н. Я. Овчинников бесплатно, через посредничество ученого секретаря Географического общества. В музее хранилось пять кусков метеорита, от Сапожникова приобрели 355 снимков, 104 снимка передал Овчинников, он же отвечал за фотоколлекцию. Зверев предложил создать почвенную коллекцию, Выдрин разработал программу сборов и экспозиции. Была обсуждена, отпечатана и разослана по всему округу программа-обращение, в которой рассказывалось о целях музея и о том, как собирать и присылать экспонаты.

Обращение содержало перечень возможных материалов будущих отделов, они были расшифрованы: палеонтология и археология, минералогия и геология, зоология, ботаника, сельское хозяйство (очень важно, что уже тогда был предусмотрен этот отдел), промышленность, этнография[3]. Другая специальная листовка предназначалась всем фотографам-профессионалам и любителям — о том, что надо создать коллекцию снимков, так или иначе отображающих Алтай. В обращении намечена общая программа организации именно общекраеведческого музея по всем отраслям природы и жизни Алтайского округа, поэтому население призывалось нести всякие предметы, не только редкости, приносить вещи самые обык-

[1] Баллотировочный лист: ГААК. Ф. 81. Д. 32. Л. 10

[2] См.: ГААК. Ф. 4. Оп. 6. Д. 650. Л. 2.

[3] ГААК. Ф. 81. Д. 28. Л. 32–36.

новенные. «Местный музей должен представить данную местность возможно полнее, — говорилось в обращении. — В местном музее нет ничего лишнего. Каждая самая обыкновенная на первый взгляд вещь, в массе, в сумме других таких же мелких вещей имеет свое место и вместе с ними дает полную картину той или другой отрасли природы или жизни данного края. В этом и лежит основной принцип организации местных музеев и нужно, чтобы этот принцип имели в виду все сочувствующие организации нашего местного, Алтайского музея». Совет подотдела разработал программу создания музея не при Обществе, а действительно как общего музея местного края[1].

Инициатива нашла широкий общественный отклик, за короткое время количество музейных предметов увеличилось в четыре раза. Предпринимались специальные экспедиции. Поставленную задачу тогда не удалось осуществить: Кублицкий-Пиоттух был переведен в Кабинет, от него многое зависело. На общем годовом собрании 8 февраля 1905 года активисты просили нового почетного председателя Владимира Владимировича Меллер-Закомельского обратиться в Кабинет с просьбой передать подотделу минералогическую коллекцию бывшего горного музея. (В. В. Меллер-Закомельский прибыл в Барнаул в августе 1904 года. Родился в 1863 году, барон, отставной корнет; окончил пажеский корпус. Как начальник Алтайского округа имел жалования 3000 руб., кроме того — столовых 5000 и разъездных — 1000 руб. Стоит присовокупить: родовое именье в Пермской и Екатеринбургской губерниях заключает 500 тыс. десятин, а в Ямбургском уезде Петербургской губернии благоприобретенное в 3400 дес. — ф. 4, оп. 1, д. 506.) Минералогическая коллекция хранится вместе с частью других экспонатов в заброшенном складе бывшего сереброплавильного завода. Необходимы ремонт склада, инвентаризация. Совет подотдела брал на себя обязанность привести помещение в надлежащий порядок, но требуется не менее 200 руб.[2]

В 1906 году совет вновь рассматривал дело о пополнении коллекций. В. И. Верещагин передал коллекцию растений (гербарий), собранных во время экспедиции летом 1905 года в восточный Алтай. П. Н. Крылов передал гербарий, содержащий растения из различных мест Алтая, а также гербарий мхов — 75 видов. Е. Г. Родд собрал в окрестностях Колывани несколько видов растений. Совет в свое

[1] ГААК. Ф. 81. Д. 28. Л. 45.

[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 33. Л. 26.

время передал 2500 видов из старого гербария во временное пользование Академии наук. К тому времени уже существовала энтомологическая коллекция, около 300 экземпляров предоставил В. И. Верещагин, из Зоологического музея Академии наук была возвращена коллекция бабочек, около 1500 штук. Размещением и определением коллекции Верещагина занималась Елизавета Ивановна Родд. Часть этих и других будущих экспонатов (напомним: находки Гуляева, Овсянкина, Шера, Швецова, Игнатова, Бобятинского и др.) хранились в комнатах Статистического бюро, в заводских кладовых, дома у энтузиастов, на втором этаже лаборатории, на метеостанции[1]. Без отдельного помещения для размещения накопленных экспонатов, т. е. без специального здания музея уже нельзя было обойтись. Тревогу за сохранность ценнейших находок разделяли научные круги Сибири. Приват-доцент Томского университета, крупнейший геолог современности П. П. Пилипенко осматривал коллекции и аннотировал их в 1904 и в 1905 годах. Но и «теперь» (1911 г.) застал их в плачевном состоянии, «причем, — замечал он, — это состояние, по-видимому, ухудшается с каждым годом, и если своевременно не принять мер, то научная ценность этих коллекций в скором времени сведется к нулю». Он предлагал передать их в Минеральный музей университета.

Алтайские краеведы не теряли надежды.

22 января 1907 года на очередном заседании совета подотдела Д. И. Зверев обосновал общественную необходимость иметь в Барнауле музей — и в отдельном здании. Он заявил: «Имея в виду возможность в будущем постройки собственного здания для музея, желательно в настоящее время присмотреть место для этой цели и теперь же возбудить ходатайство перед Кабинетом в безвозмездной уступке места» (там же, д. 34, л. 21). Несколько позже совет нашел другой путь заиметь здание.

Время шло, менялись начальники округа — был Ульрих, стал Михайлов. С ноября 1910 года на заседании совета дебатировалась просьба к Кабинету об уступке какого-либо здания для музея. На экстренном общем собрании членов подотдела 3 декабря 1910 года председатель подотдела Н. Н. Соколов официально внес два вопроса на общественное рассмотрение: 1) о передаче Алтайскому подотделу музея и библиотеки Главного управления Алтайского округа;

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 17.

Иван Ползунов. Рисунок А. Д. Сергеева. Из фондов ГААК.

2) о расширении музея подотдела[1]. В докладе Соколов обрисовал безрадостную картину. Библиотека и экспонаты музея находятся в складских помещениях бывшего сереброплавильного завода, часть из них передана в конце века в Томскую гимназию[2]. Минералогические коллекции, драгоценные минералы, часть «чудских» древностей (ценнейшие археологические находки), этнографические экзотические вещи отсылались в Петербург, Вятку, Москву (сначала «временно») и даже отдавались «на память» некоторым особам, заезжим знаменитостям. В 1899 году модели машин, в том числе модель машины И. И. Ползунова, были списаны в металлолом. Только вмешательство патриотов-краеведов предотвратило гибель экспонатов. Заводского музея как учреждения не стало, его сохранившиеся вещи ожидала полная гибель. На территории бывшего сереброзавода действует лесопильный завод, и администрация не заинтересована в сохранении исторических вещей[3]. Н. Н. Соколов очень правильно понимал проблему и формировал задачи перед общественностью и перед подотделом: «Имея в виду особую важность сохранить для Барнаула и уберечь в будущем от гибели весь этот богатый материал, а также дать возможность ознакомиться с этим материалом и им пользоваться более широкому кругу публики — обратиться в Кабинет об уступке музея, библиотеки и здания. Музей ставит определенную цель — изучение Алтая. Для этого подотдел имеет в своем составе лиц, могущих личным трудом помочь сохранить в надлежащем порядке музей и библиотеку, а также содействовать дальнейшему их развитию».

«Округ, — говорилось на собрании, — конечно, заинтересован как в сбережении всего богатого собранного им материала, так и в

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 40. Л. 178–183 об.
[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 17. Л. 132–135.
[3] Там же. Д. 46. Л. 2–3.

сохранении за собой в дальнейшем удобства и полной возможности им пользоваться по мере надобности» (см. д. 40).

На основе решения общего собрания совет подотдела 15 декабря 1910 года официально обратился к начальнику округа Василию Прокопьевичу Михайлову (председательствовал на собрании он) с ходатайством перед Кабинетом об уступке музея и библиотеки. В те дни в Кабинете находился Н. Овчинников, шла интенсивная переписка (см. д. 41, л. 8, 14). В одном из писем он извещал Д. И. Зверева, что «первые шаги к передаче сделаны, тон благоприятен. Дела идут ладно, мирно и благополучно». Основную роль «в верхах» сыграл В. П. Михайлов. Он хорошо знал нужды подотдела, часто, когда был в Барнауле, председательствовал на собраниях совета. Большинство членов подотдела были служащие округа, и он понимал, что накопленные богатства (коллекции, библиотека) действительно будут служить на пользу округа.

Пропаганда подотдела не прошла даром. Кабинет наконец решился определиться: было предложено городской Управе взять в общественное (городское) пользование имущество заводской библиотека и остатков музея на складе лесозавода. Городская управа отказалась за неимением средств содержать. Тогда ходатайство подотдела заимело силу: 28 мая 1911 года Алтайскому отделу Географического общества была передана библиотека Алтайского округа и оставшиеся коллекции заводского музея.

К 31 декабря 1912 года был произведен пересчет переданных книг, составлен акт, там стоит 15 подписей, среди них таких активистов Общества, как Выдрин, Тыжнов, Овчинников, Семьянов… Всего в наличии 25 032 тома! Номинальная стоимость оценена в 24 300 рублей, на самом деле стоимость библиотеки значительно выше, так как большинство книг уже тогда представляло библиографическую редкость. В библиотеке имелись книги П. Палласа, сочинения И. Гмелина, И. Георги, А. Гумбольдта, Б. Котты, П. Чихачева и множества других знаменитых ученых, которые, кстати сказать, лично были на Алтае. К числу редких изданий необходимо причислить полный комплект «Горного журнала» с первого номера 1825 года до 1911 года[1]. Через месяц в подотдел была передана библиотека бывшего Статистического бюро — 1810 томов, здесь были почти все издания мест-

[1] См. об этом: ГААК. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1887; Ф. 81. Оп. 1. Д. 46

В. В. Радлов

ных земств России. Кроме того, подотдел давно стал собирать свою библиотеку, с самого основания Общества. Сюда присылал свои книги академик В. В. Радлов, Омский отдел Географического общества, 63 книги внесла вдова Журина, П. О. Чупин передал 12 экземпляров своей брошюры «По поводу поездки бригадира Беэра на Урал и в Сибирь», поступил атлас Г. Щуровского — накопилось уже 3651 экземплдяров. Таким образом, библиотека подотдела располагала теперь уникальным собранием книг в 30 493 тома[1]. В собственность Алтайского подотдела, надо напомнить, перешла также Барнаульская метеорологическая станция с собственной библиотекой из 200 томов, Ободренный таким оборотом, совет подотдела возбудил прошение и о самом здании.

Помогли петербургские друзья — члены подотдела, они сообщили о благорасположении управляющего Кабинетом генерал-лейтенанта Е. Н. Волкова. В мае 1912 года он посетил Барнаул, был достойно принят. Совет подотдела предложил в здании бывшей золотосплавной лаборатории устроить библиотеку и музей — и наименовать их в честь 300-летия династии Романовых. Потом в марте 1913 года была составлена хорошо аргументированная просьба. Текст подготовили Н. Овчинников и Д. Зверев, его обсуждали на совете 23 марта. Мысль о том, что необходимо собственное здание для подотдела, с музеем, не покидала руководителей подотдела. Шли обсуждения о накоплении средств на строительство, искали место. Этим усиленно занимались Д. И. Зверев и И. П. Выдрин. Было пред-

[1] Инвентарную опись на 3867 номеров см.: Ф. 81. Д. 18.

ложено, в частности, построить какое-либо доходное предприятие (т. е. передать предпринимателю) на территории метеостанции с целью извлечения доходов для подотдела. А. П. Выдрин подготовил запрос. Но николаевская Главная физическая обсерватория «пожелала» оставить территорию в «первобытном» виде, «чтобы утилизация каким-либо образом не отразилась на точности наблюдений».

Еще на заседании совета подотдела 10 ноября 1911 года под председательством В. П. Михайлова обсуждался вопрос о постройке собственного здания, совет просил В. П. Михайлова об уступке бесплатно участка земли рядом с метеостанцией. А вскоре после передачи библиотеки и коллекций ситуация прояснилась и изменилась, 30 апреля 1913 года совет послал телеграмму В. П. Михайлову в Петербург «о настоятельной необходимости приобрести постоянное помещение для подотдела».

20 июля 1913 года царь подписал документ о том, что в ознаменование трехсотлетия царствования династии Романовых передается Алтайскому подотделу безвозмездно двухэтажное здание бывшей заводской лаборатории с усадьбой в 360 кв. саженей, а также субсидия в размере 5 тыс. рублей на ремонт этого здания[1]. Совет подотдела послал царю благодарность и вынес решение присвоить музею и библиотеке наименование в память его учреждения, т. е. имени 300-летия царствования дома Романовых. Был получен ответ, подписанный от имени царя Е. Н. Волковым. Тогда же главные лица — Е. Н. Волков и В. П. Михайлов — были избраны почетными членами Алтайского подотдела Русского географического общества. Передачу-прием здания осуществляла комиссия: со стороны Управления округа И. К. Самохвалов и И. Д. Сегедей, от подотдела — И. И. Тыжнов и Ак. Ив. Шапошников.

Получив здание бывшей золотосплавной лаборатории Алтайского округа, совет подотдела решил приспособить его под музей и библиотеку для публичного пользования[2]. 13 ноября 1913 года здание было осмотрено членами совета при участии городского головы А. А. Лесневского (член подотдела), архитектора И. Ф. Носовича, члена подотдела с 24 марта 1902 г., и архитектора А. М. Циммермана (члена подотдела). Как ремонтировать, как приспособить здание под музей? И. Ф. Носович предложил перестроить здание, вход-

[1] См. об этом: ГААК. Ф. 4. Оп. 2. Д. 188; Ф. 81. Д. 1. Л. 46: Ф. 81. Оп. 1. Д. 45. Л. 13–16.
[2] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 47.

ную дверь и лестницу сделать новые, в центре стены, выходящей на улицу Петропавловскую. Решено отпустить 6000 рублей, из них 4% за проект. Приходилось освобождать здание и от приборов лаборатории, и от коллекций подотдела (на втором этаже): энтомологическую коллекцию взял на хранение Е. Г. Родд, орнитологическую — директор реального училища В. Н. Галанин. Старую чугунную лестницу убрали, продали. Перегородки сместили, пробили проем для нового входа и дверей, обрамили рустами — и здание музея Алтайского подотдела приобрело тот вид, что сохранился до сих пор — теперь это здание Алтайского краевого краеведческого музея. Переезд, вселение, перевоз книг, шкафов, имущества, минералогической коллекции, моделей машин — с метеостанции, из реального училища, из заводских складов, с частных квартир — состоялся в ноябре 1914 года. Так энтузиастами-краеведами, патриотами, членами Алтайского отдела Русского географического общества был совершен великий подвиг по спасению и восстановлению первого в России краеведческого музея.

Тот факт, что музей в Барнауле был первым, нуждается в историческом обосновании. Минералогический кабинет (музей) создавался с самого начала кабинетского хозяйства в Колывано-Воскресенском горном округе, т. е. с середины XVIII столетия. Он находился при заводской конторе, имел опись, инвентарные номера; рудоискательные партии обязательно представляли в минеральный кабинет штуфы (образцы). Удалось обнаружить документ 1764 года; из него известно, что начальник заводов А. И. Порошин поручил бергмейстеру Змеиногорского рудника И. Леубе составить новую коллекцию штуфов для М. В. Ломоносова, ибо в Барнаульской коллекции образцы перепутались, так как «огнили» нитки, при помощи которых держались бирки на образцах[1]. Надо полагать, что не менее 10–15 лет хранились экспонаты, если к тому времени сгнили нитки инвентарных бирок.

Одновременно с существующим минеральным (заводским) кабинетом в 1779 году был создан музей при Барнаульском горном училище, основой которого послужили многотысячные коллекции И. М. Ренованца и И. Леубе. Этот музей впоследствии вошел в состав воссозданного П. Фроловым музея. Известно, что в 1793 году

[1] ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 364.

Здание Алтайского государственного краеведческого музея. Барнаул, ул. Ползунова, 46. Фото 2017 г.

при наводнении погиб дом, где находился заводской музей. Предположительно это здание было построено одновременно с двухэтажным домом наместника (губернатора) Колыванской губернии при ее образовании в 1779 году. Спасенные вещи и геологические экспонаты вновь вернули в заводскую контору. Сохранилось описание той коллекции (ф. 1, оп. 2, д. 802) к 1806 году.

Наконец, к 1823 году было построено здание недалеко от Петропавловского собора, в северо-восточной части Соборной площади. Об этом писали «Отечественные записки» (1827, ч. 30, с. 12). П. К. Фролов перенес сюда минеральный кабинет (заводской музей при конторе), собрание горного училища и вновь созданные модели горных машин (в том числе действующую модель машины И. И. Ползунова), разрезы рудников (макеты), натуральные рудничные насосы и другие экспонаты. Однако нельзя говорить, что музей был создан в 1823 году П. К. Фроловым, как это утверждается во всех книгах по истории края. Позже музей переместили в здание, построенное для Управления горного округа (угол Конюшенного[1] и Иркутской[2]), сюда же с 1813 года перевели горное училище.

[1] Ныне Красноармейский проспект. — *Примеч. ред.*

[2] Ныне улица Пушкина. — *Примеч. ред.*

Здание бывшего Горного училища. Барнаул, ул. Пушкина (бывшая Иркутская), 82/21. Фото 2012 г.

Здесь уделено внимание заводскому музею и музею училища по следующей причине. В «Советской исторической энциклопедии» (т. 9, 1966, стб. 780—781) указано, что в России возникновение первых «местных» музеев комплексного характера, т. е. музеев краеведческих, относится к концу XVIII — началу XIX столетия, первыми были музей естественных произведений при горной школе в Иркутске в 1782 году (он не перерос в краеведческий, был переведен в гимназию) и музей в Барнауле при управлении Колывано-Воскресенских заводов в 1823 г. Однако музей при Барнаульском горном училище возник раньше иркутского, да и заводской музей Колыванского округа возник в середине XVIII столетия. В любом случае Алтайский краевой краеведческий музей является, таким образом, первым в России музеем краеведческим.

Устройство музея в новом здании шло несколько лет, и открыт он был для публичного пользования уже при советской власти, в марте 1918 года. В третий раз наш музей родился заново.

Здесь кратко изложено то подлинно гражданское общественное движение, которое было поддержано широкими кругами интеллигенции: 9 февраля 1913 года газета «Голос Алтая» помещает статью о плачевном состоянии музея; доктор естественных наук Гейдельбергского университета В. М. Пушкарев (член подотдела) представляет «наверх» докладную записку о плачевном состоянии музея; 25 марта 1913 года 24 члена подотдела составляют и направляют царю

прошение, в котором излагаются нужды краеведов, их решимость создать музей (и библиотеку) для публичного пользования. Напомню, что Кабинет не возражал. Напомню, что Барнаульская городская управа отказалась. Наверное, было бы правильно установить мемориальный знак в нынешнем музее об этом поступке краеведов. Долг наследников — помнить деяния предшественников.

Памятный знак И. И. Ползунову. Барнаул, пл. Свободы. Фото 2021 г.

Любители Алтайского края, местные патриоты, замечательные исследователи, ученые, крупные общественные деятели, ответственные чины администрации активно работали в Обществе, стремились изучить край и поставить его производительные силы на службу обществу. Видно было, что Общество имеет успех, его знают, оно завоевало авторитет со дня основания, а после перехода в Географическое и получения титула императорского возрос и официальный общественный вес. Сбывались слова П. П. Семенова, когда он выступал за создание в Барнауле отдела Географического общества, что периферийные сибирские отделы не только правильно понимают свои задачи, способствуют духовному развитию и разнообразному изучению страны, но и руководят этим изучением. Местное Общество любителей исследования Алтая, как потом и подотдел Географического, были притягательным институтом, в котором не только находили выход своим интересам краеведы, но и нашли приют многие политические ссыльные. Высокий образовательный уровень членов Общества, их объединение влияло на развитие культуры, на состояние общественно-политической атмосферы. Членство в Обществе, выступления на общих собраниях, откры-

тых лекциях, выпуск «Алтайских сборников», печатание годовых отчетов, распространение различных научно-краеведных программ, исследование крестьянской проблемы, организация полевых экспедиций, борьба за сохранение культурного наследства (возрождение музея), публичные выступления в газетах — все это способствовало исследованию различных сторон социально-экономической жизни, внесло значительный вклад в просвещение народных масс, приобщение их к освободительным идеям, к осознанно необходимости общественных перемен.

Эта сторона деятельности Общества зачастую остается в тени при изложении истории края, лишь иногда указывается, что политические ссыльные группировались вокруг Общества попечения о начальном образовании (Очерки истории Алтайской организации КПСС. Барнаул, 1985. гл. 1; Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987, гл. 5). Хочется оттенить тот факт, что высшие руководители Алтайского округа, особенно Курин, Болдырев, Кублицкий-Пиоттух, Михайлов знали о широкой общественной деятельности своих подчиненных, поддерживали, помогали, способствовали им, а иногда и сопротивлялись полицейскому натиску из губернии, «закрывали глаза» на легальную деятельность просветителей. Здесь уже приводились примеры благородного поведения отдельных высоких чиновников. Но, оказывается, целый официальный отдел Главного управления Алтайского округа слыл политически неблагонадежным. Речь идет о Статистическом бюро округа.

Наиболее упорно и плодотворно работал по статистико-экономическому обследованию крестьянского и инородческого населения округа политический ссыльный С. П. Швецов, он постепенно смог доказать необходимость создания данного самостоятельного подразделении в управлении округа. Кабинет утвердил отдел, но Швецов не мог быть его заведующим. В. К. Болдырев уговорил Н. М. Ядринцева, последний согласился, приехал, но, как известно, вскоре скончался. Тогда Болдырев обратился к своему знакомому по работе в Кабинете, теоретику статистики А. А. Чупрову за рекомендацией. В октябре 1894 года тот писал: «Очень рекомендую для заведывания статистикой Д. И. Зверева, полтавского статистика, сибирского уроженца»[1]. Заведующим статистическим отделом стал

[1] См. об этом: М. Д. Зверев. Заимка в лесу. Алма-Ата, 1986.

Дмитрий Иванович Зверев, находившийся под негласным наблюдением. Сотрудников было мало, задачи обширные, поэтому он широко привлекал грамотных людей на местах, имел корреспондентов, поддерживал краеведов, особенно успешно опирался на членов Общества. Зачастую он не разделял дела Общества и отдела, сотрудники работали по обследованию переселенцев по одним программам и опросным листам. Само статистическое отделение было создано главным образом для собирания сведений, необходимых при землеустройстве в округе, и после издания закона 1899 года об окончательном отмежевании кабинетских земель его роль возросла и сливалась с деятельностью вновь созданного штата землеустроительных партий. К этому времени Д. И. Зверев разработал программу предварительного исследования, в которой выдвинул три основных пункта: 1) описание территории данного района; 2) исследование землевладения и землепользования; 3) обследование экономического положения населения[1].

В. К. Болдырев

Как видно, проблематика далеко выходит за рамки статистического бюро. Поэтому Зверев говорит, что наемные сотрудники статотдела навряд ли сделают данный объем при загруженности их основной работой, ввиду важности и обширности новых исследований. Отсюда привлечение наличных культурных сил, политических ссыльных, опальной интеллигенции: Швецов, Шерр, Овсянкин, В. Т. Шерстобитов, П. Ф. Тринитатский. (Жандармы доносили в 1896 году: «Статистическое бюро Главного управления Алтайского округа состоит исключительно из лиц, состоящих под негласным надзором полиции и секретными наблюдениями, во главе со Зве-

[1] См. его рапорт: ГААК. Ф. 4. Оп. 6. Д. 728; см. его личное дело там же: Оп. 1. Д. 273.

ревым Д. И.». И очень важно, что он поощрял творческий подход в исследованиях, старался публиковать отчеты, сочинения, сводные статистические данные. Статистики отдела под его руководством, особенно с участием Н. Б. Шерра, составили несколько «Сельскохозяйственных обзоров Алтайского округа» за 1896–1904 годы. Издали три монографии с участием С. П. Швецова и П. М. Юхнева, «Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде», сам Зверев подготовил выпуски по Барнаульской волости, Бийской и Шубенской.

Дмитрий Иванович был на хорошем счету, успешно продвигался по лестнице чинов, получал премии, награды. Заподозрить его было трудно, жандармы доносили: «Зверев Д. И. пользуется расположением начальника округа». Однако Кабинет в 1908 году счел необходимым закрыть статистическое бюро; Зверев был оставлен в управлении с окладом зав. статотделом по 3000 руб. в год — с декабря 1910 года. В управлении его использовали главным образом по делам лесничества, в качестве чиновника по обследованию земель, по составлению ежегодных сводных отчетов округа. Он часто выезжал в длительные командировки. Например, с мая до середины июля 1913 года обследовал Колыванское, Чарышское, Бийское лесничества, Улалинское, Телецкое, Лебедское, а с конца июля до начала октября вновь колесил по Горному Алтаю. С июля по сентябрь 1914 года ревизовал Онгудайское, Чарышское, Бухтарминское лесничества, с мая по сентябрь 1915 года был командирован в Гогульское и Верхтомское лесничества.

В июне 1915 года Д. И. Зверев был произведен в надворные советники, все годы он одновременно состоял почетным мировым судьей Барнаульского округа и по этим делам ездил в Змеиногорск и в другие места урегулировать нелегкие проблемы. Весь январь 1917 года провел по делам на оз. Чаны.

Трудно, конечно, уловить мотивы жандармерии, у них был свой подход к поднадзорным, к политическим ссыльным, свои критерии их благонадежности. Например, несомненно, что С. П. Швецов участвовал в предварительных собраниях активистов по созданию Общества, способствовал разработке будущего устава, наверняка обсуждал и корректировал Пояснительную записку к уставу — не без его участия создавалось Общество, но в списке учредителей его нет. Однако он принят в числе первых 23 в действительные члены на

первом собрании учредителей, вместе с ним — ссыльные Н. Б. Шерр, П. В. Орнатский. И вот общее собрание 19 января 1892 года принимает по баллотировке новых членов — Истомина, Шестакова, Билля, Ешина Л. П. Но после фамилии Ешина написано: «по заявлению г. исправника не может считаться действительным членом». То есть Ешин был принят: протоколы утверждались на следующем собрании после его прочтения, но полиция возразила против этого ссыльного. На каких основаниях? Кто он?

Леонид Петрович Ешин родился в 1857 году; будучи студентом-юристом Харьковского университета, вступил в организацию «Народная воля» и в 1887 году проходил по «Делу 21-го» — Лопатинскому. Так он попал в Алтайский округ, в Барнаул, затем в Бийск. В 1901 году смог вернуться в Европейскую часть, но в 1912 году возвратился, с тремя детьми, в Барнаул, поступил в землеустроители. Вот почему господин исправник был против избрания Ешина в действительные члены Общества. Но это был замечательный человек, как и большинство членов Общества. Характеристика его А. М. Топоровым полностью увязывается с представлениями о деятелях Общества того времени, вот она: «Во всем облике его я впервые увидел истинно передового и глубоко порядочного русского интеллигента. Не только по причине образованности (хотя он очень многое знал) и не только по причине воспитания (хотя он необыкновенно был деликатен и мягок), но прежде всего потому, что отличали его прямота, желание добра, внутренняя честность. Меньше всего человек думал о личном преуспеянии, но всегда хотел быть полезным своему народу». Такие люди не были угодны самодержавию, оно препятствовало их общественной деятельности. Топоров пишет далее: «Вижу теперь, что был он отчасти прекраснодушен, в чем-то наивен, но в то же время деятелен, тверд, предан идее». В конце концов, к беднякам его не отнесешь, он происходил, как говорили тогда, из хорошей семьи, был по-настоящему талантлив, имел связи в столицах, владел профессией, которая могла бы принести ему немалый доход. И ничем решительно не поступился, чтобы облегчить участь свою и своей семьи. До конца сохранил гордую самостоятельность мысли, верность своим воззрениям — долгу перед страной и народом, как он его понимал». Жил Л. П. Ешин на улице Никитской, 145; очень желательно установить мемориальную доску в честь славного народовольца, одного из первых членов нашего филиала Географического общества.

Членами Общества были Н. М. Зобнин, И. Е. Овсянкин — это студенты Казанского университета, исключенные из его стен и сосланные в ссылку по делу университетских волнений 1887 года, за участие в которых был исключен из университета и сослан в свою первую ссылку В. И. Ленин. Неоднократно здесь упоминались имена других ссыльных, членов Общества — А. Е. Дудоладова, Г. Б. Бантова, Б. М. Быкова, Головачева. Так, в июне 1895 года был принят на службу регистратором статистического отдела Б. М. Быков. Вот его, кажется, «благополучная» биография.

Борис Михайлович Быков родился 2 октября 1868 года, дворянин[1], в марте 1895 года получил «свидетельство», что прослушал курс восьми семестров Петербургского университета, вернулся в Барнаул и поступил в Статистический отдел. Через два года назначен статистиком. Но все это наемные должности, а когда 29 февраля 1900 года он был принят на службу производителем землеустроительных работ в штат Кабинета по Алтайскому округу, то пошла служба «государственная», на него завели формуляр, он вновь попал в поле зрения жандармерии. Через два месяца его определили в партию Выдрина, но в мае последний получил официальную бумагу из Министерства императорского двора, что необходимо «отобрать» подписку от Быкова о непринадлежности его к тайным обществам. 3 июня Быков дал такую подписку. Он добросовестно исполнял службу, очень активно участвовал в работе Общества (действительный член с 4 мая 1900 года), много работал с Выдриным и Овчинниковым по программе Общества о подворном описании землеустройства переселенцев в Тутальской волости. Но полиция не обошла его своим вниманием: в «деле» сохранился рапорт И. П. Выдрина, который вел тогда работы в деревне Слюдянка (ныне Усть-Калманского района), что Быков арестован. Что произошло? 21 апреля 1904 года к Быкову в дом, при его уходе на работу, заскочил приятель — ссыльный А. Я. Сулин, попросил пристроить ящик со старыми ружейными патронами на хранение. Они были хорошо знакомы, он разрешил, а сам ушел на службу. В тот же день арестовали Сулина и тут же пришли с обыском в дом Быкова. Странное дело: зачем, спрашивается, недальнему соседу прятать стреляные гильзы у знакомца? Причем А. Я. Сулин, завзятый старый охотник, имел фор-

[1] Личное дело: ГААК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 23.

мальные права охотника. Видимо, это была самая обыкновенная провокация. Сидел Б. М. Быков в тюрьме по 2 сентября. Заведующий землеустроительной частью П. М. Соболев (член-учредитель Общества) запрашивал неоднократно 2-е отделение МВД Томской губернии, был отказ до 24 августа 1905 года, к службе его не допускали. В эти месяцы Борис Михайлович решил сочетаться браком с Ольгой Александровной, баронессой, дочерью генерал-майора фон Будберга. И Соболев, и Ростовский дали разрешение, но только 2 сентября состоялось венчание в Одигитриевской церкви. Однако местное начальство Быкова ценило, и в 1913 году он стал коллежским асессором. В июне 1914 года землеустроительные чины были сокращены, Быков получил вперед двухгодичный оклад (1400 руб., жалование же у него было 2200 руб. годовых), и его одновременно перевели на должность помощника заведующего Чертежной округа.

Лишь на единицах деятельных членов Алтайского отдела Географического общества удалось здесь остановиться, назвать имя-отчество, но их было значительно больше — десятки и десятки, преданных краю, науке, Обществу, просветительству, просто добросовестных членов Общества, сотни. Четверть столетия — достаточный срок для выработки программы жизни даже для молодого человека, тем более для объединенного коллектива. Но Общество любителей исследования Алтая, кажется, не имело периода «прорезки зубов», оно сразу появилось с разработанной собственной программой и собственным уставом. Созрели социально-экономические условия для объединения прогрессивной интеллигенции, «висел в воздухе» и социальный заказ на разработку насущных проблем, имелись кадры — необходим был «возмутитель». Им оказался Сергей Порфирьевич Швецов. Здесь приходилось оговаривать, что в краеведческой литературе он считается организатором Общества, приходилось указывать на список учредителей, в котором его имени не проставлено, и на то, почему так произошло.

К концу жизни С. П. Швецов создал интереснейшую работу, своеобразные воспоминания, но имеющие одновременно и научно-проблемное значение, под названием «Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири»[1]. Он записал: «В 1891 году в Барнауле, по инициативе М. В. и С. П. Швецовых и при их ближайшем

[1] Каторга и ссылка. Кн. 40, 47, 48. М., 1928

участии, было организовано Общество любителей исследования Алтая. Это первое в Западной Сибири научное общество, не пользовавшееся никакими казенными субсидиями». Так оно и было. Хотя в протоколах и в других «делах» Общества не удалось наткнуться на официальное и прямое подтверждение приоритета Швецова, но М. Азадовский в статье «С. П. Швецов (Материалы для биобиблиографического словаря сибирских краеведов)», начинает список его работ с двух разработок — «Объяснительная записка Общества любителей исследования Алтая» и «Краткая программа для собирания сведений о природе и населении Алтая», т. е. именно Швецов был автором основополагающих документов Общества. Швецов был тем человеком, который собрал достаточно разносторонние известия об Алтайском округе, о Сибири, о прошлой истории и современных условиях жизни сибиряков. Уже тогда, поселившись в Барнауле в 1880-е годы, он разработал круг проблем, интересных для краеведов-интеллигентов, оказавшихся не по своей воле в Сибири: 1) община — земельная и податная, ее формы; 2) артель, ее виды, распространение; 3) переселение в Сибирь, причины, значение для страны; 4) уголовная ссылка как фактор местной жизни; 5) туземные народности, их правовое и экономическое положение, их настоящее и будущее. Это не учебная программа, это круг интересов для реализации возможностей политических ссыльных оказать свои посильные услуги в деле познания далекой российской окраины; этими проблемами можно было заинтересовать и местные культурные силы. Сам Сергей Порфирьевич к тому времени написал уже ряд статей. В одном только 1887 году он опросил, обследовал 428 семей переселенцев, пришел к выводу, что средняя переселенческая семья является на место без копейки и должна начинать новоселье с батрачества. Большинство уже в пути терпит нужду и лишения, добирающиеся сухим путем почти всю дорогу делают пешком, везя на подводе только ребят да кое-какие пожитки.

Привлекательность подобных разработок, а особенно их исполнение, не могли не интересовать местных краеведов: речь шла об изучении края не только с природно-географической стороны или даже экономико-географической, здесь в центр познания ставился человек в его настоящем и прошлом, в его бытовом, правовом и в хозяйственном отношениях. В этом отличие от программы «областников». «Правильнее сказать, — писал Швецов, — внимание привлекал

почти исключительно человек, — ему, а не внешней природе, была посвящена главнейшая масса выполненного политическими ссыльными громадного, сложного и тяжелого труда — изучения старины». В Барнауле с 1888 года он же и возглавлял эту работу. Первые два года Швецов усиленно знакомился с архивными источниками Алтайского округа, затем в течение трех лет он с благословения Н. И. Журина и при его поддержке организовал серию крупных статистических обследований арендного хозяйства горного округа и с 1894 года руководил сплошным подворно-статистическим обследованием хозяйства алтайских крестьян, туземцев, а также исследованием водворенных переселенцев. Этим же занималось и возникшее Общество. Подобными работами он доказал необходимость создания при Главном управлении округа специального Статистического отдела. Позже, в 1922 году, Швецов вспоминал: «Алтайская статистика того времени по обследованию народной жизни Алтайского округа была организована его главным управлением не только по моей инициативе, но мною непосредственно. Тем не менее, я, как политический ссыльный, состоящий под надзором полиции, не мог официально выступать в качестве ее руководителя: обязанности заведующего должен был нести на себе кто-то другой».

С. П. Швецов

Известно, что В. К. Болдырев договорился с Н. М. Ядринцевым. Последний в конце мая 1894 года прибыл в Барнаул. С. П. Швецов встретился с ним, чтобы передать дела бюро, но Ядринцев его удивил. Вот как вспоминал Швецов его ответ: «Вы — статистик, ведете уже не первый год статистические работы в Сибири и здесь, на Алтае. Вы знаете дело и любите его, вы затеяли обследование Алтая — вы его должны вести. Вам удалось здесь провести дело, перед которым мы, сибиряки, должны были отступить... Я беру на себя, как заведующего, всю официальную сторону, так сказать, все представительство по делам алтайской статистики, а вы — всю работу по самым исследованиям, и в эту область я вмешиваться не намерен...»

Вскоре после неожиданной смерти Ядринцева Швецову пришлось тянуть «статистический хомут» (выражение Ядринцева). Однако когда заведующим отделом был назначен Д. И. Зверев, Швецов был недоволен и вскоре выехал из Барнаула. Позже он объяснил это так: «В 1896 г. под влиянием полицейских давлений руководство статистическими исследованиями переходит к местному уроженцу Дм. Ив. Звереву, я же перебираюсь в Омск, продолжая исследования района». Руководящее положение он занимал при организации Обществом однодневной переписи Барнаула, в 1897–1901 годах проводил обследование горной части Алтайского округа, а в 1901–1903 годах работал в стоверстной полосе, проданной округом для проведения железнодорожной линии. Все эти годы он состоял статистиком Алтайского округа, хотя уже жил в Омске, а первые годы нового столетия — в Томске (ул. Магистральная, № 1). В ГААК в шестой описи 4-го фонда хранится много «дел» с документами С. П. Швецова и о нем. Здесь справки об образовании статистического отдела, рапорт Д. И. Зверева по донесению статистики Швецова об экономическо-бытовом описании инородческого населения Горного Алтая; здесь переписка о выделении средств от имени Кабинета в 1901 году (сумма 1970 рублей) для экспедиции Швецова в Кузнецкий округ. Мы узнаем, например, что в 1903 году он имел жалование как статистик в 1625 рублей (Н. Б. Шерр — 975), а жил в Томске уже по ул. Нечаевской, д. 54.

С Алтайским подотделом он никогда связей не порывал, иногда приезжал на общие собрания; для экспедиции 1900 года Общество выделило ему ведро спирта[1]. Деятельное участие он принимал и в работе Западно-Сибирского отдела Географического общества, он был почетным членом и этого отдела, и нашего Общества. Известно, что Швецов много экспонатов передал в Алтайский и в Омский музеи.

Сергей Порфирьевич Швецов (1858–1930) еще 17-летним юношей примкнул к революционным организациям, уходит «в народ», его арестовывают, ссылку он проводит вместе с В. Г. Короленко (попадает в герои его очерков), с 1880 года — в Сибири. С 1888 по 1896 живет в Барнауле. Вместе с И. Е. Овсянкиным организует Сибирский союз эсеров, разрабатывает программу партии. В конце 1905 года

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 23. Л. 70; на это ушло 16 руб. 90 коп.

оказывается в списках «черной сотни» и покидает Томск. В России он быстро написал небольшую книгу «Сибирь, кто в ней живет и как живет: Беседы о сибирских „вольных землях“ и переселении на них» (СПб., 1909. 64 с., карта). Книга, надо понимать, помогла многим крестьянам России, которые надумали переселиться в Сибирь. Швецов без ложного украшательства, просто, доступно рассказывает, что такое Сибирь, какая территория понимается под этим именем, что это огромный регион с разнообразными климатическими условиями. Он описывает коренное население, чем они занимались, когда русские пришли сюда. Особенно подробно и обстоятельно объясняет, что земли в Сибири вовсе не «вольные», они давно заняты, принадлежат разным ведомствам — казне, казачьему войску, Кабинету е. и. в., аборигенам (инородцам), и даже частные есть владения. Много места уделяет описанию общины, как распределяются наделы, какова система податного сыска. Довольно детально дает картину кабинетского землевладения в Алтайском округе и специальных законов о землепользовании в округе: отвод переселенцам участков, оброчные статьи, возможности приписки, обеспеченность старожилов и переселенцев землею. Кроме того, он приводит юридические нормы и практические работы при переселении. Эта книга Шевцова — своеобразная настольная книга потенциального переселенца.

Последним политическим делом С. П. Швецова была эпопея Учредительного собрания. По настоянию старых народников он был избран депутатом, а 5 января 1918 года от их имени открыл Учредительное собрание. При советской власти отошел от политической деятельности, но был активным членом ленинградского отделения Общества политических ссыльных и каторжан, активистом Географического общества СССР. Он работает в различных советских учреждениях, в 1918 году организовал экспедицию на Белое озеро для исследования промыслов, в последующие годы руководил экономическими работами Северной научно-промышленной экспедиции. Во второй половине 1920-х годов руководил статистико-экономическим отрядом Казахстанской экспедиции АН СССР.

В апреле 1927 года, в связи с юбилеем Алтайского отдела, С. П. Швецов обратился с горячим приветом к «родному Обществу». Он верит в прогресс и науку. Это своеобразное завещание основоположника общества и, наверное, последнее публичное сношение с ним: «Душевно желаю процветания, энергии, бодрости. Знать и на-

учиться понимать окружающее — одна из наших главнейших задач. Без этого нельзя правильно ступить шагу. Знание несокрушимая сила. Шире и глубже черпайте из этого источника, все остальное приложится»[1]. На такой завет предшественника продолжателям начатого под его влиянием в «сумерках» 1890 года дела он, несомненно, имел право. Последние документы о С. П. Швецове, появившиеся уже после его смерти, есть в ГААК — доклад о нем Г. Д. Няшина на заседании совета Алтайского географического общества от 26 июня 1930 года, сообщение для Общества политкаторжан в Ленинграде, а также письмо к его второй супруге, Екатерине Васильевне, от 17 июля, что-де Сергей Порфирьевич еще в 1929 году обещал передать свою библиотеку в Алтайское географическое общество[2].

Сергей Порфирьевич Швецов — большая фигура в алтаеведении. Народник, политический ссыльный, сибирский революционер, общественный и политический деятель, создатель партии эсеров в Сибири, инициатор и один из организаторов нашего филиала, крупнейший исследователь Сибири и Алтайского края, пламенный алтайский краевед, активист Русского географического общества, научный сотрудник советских научных учреждений. Автор многочисленных статей, очерков, обзоров (М. К. Азадовский приводит неполные 223 библиографические позиции). Имя С. П. Швецова должно быть выведено из молчаливого признания и достойно увековечено мемориальной стелой в Барнауле.

Обобщая свои изыскания, М. Азадовский приходит к заключению, что С. П. Швецов не создал цельной исчерпывающей монографии: «Свои огромные знания и колоссальный опыт он разбросал на десятки, сотни статей, заметок, очерков; он раскидал их на неподдающееся еще пока учету огромное богатство неизвестных передовиц, корреспонденций, фельетонов. Пусть так, — но в своей совокупности все эти многочисленные швецовские описания составляют как бы единый целостный краеведческий opus».

В тексте неоднократно встречались имена политических ссыльных, поднадзорных лиц, о которых можно говорить много, но можно убедиться, что Общество было довольно прогрессивным учреждением и смогло объединять работу краеведов в недемократических условиях самодержавной России.

[1] НАГО СССР. Ф. 1. 1927. Оп. 3. Д. 2. Л. 35.

[2] См.: ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 31.

Началась Первая мировая война. Барнаул не остался в стороне, здесь разместили воинские части, сюда эвакуировали часть производств, сюда прибыли беженцы из западных областей России и из Прибалтики. В октябре 1914 года музей (т. е. Алтайский подотдел Географического общества) был занят штабами 55 и 56 бригад Государственного ополчения. На заседании совета подотдела 24 октября дебатировался вопрос: кто же теперь будет ремонтировать здание, а директор лесопильного завода потребовал немедленно вывезти книги (производство срочно расширялось по заказу военного ведомства). Решили упаковать книги в ящики и занести в музей. Наконец на заседании 2 ноября утрясли проблему размещения штабов: через городского голову оформили сдачу помещения за 100 рублей в месяц, без отопления.

Надо заметить, что в годы войны совет подотдела собирался довольно регулярно, рассматривались разнообразные вопросы, деятельность Географического общества не затухала, в том числе и научная. Следует отдать должное одному из решений совета: собирать все документы, заметки, фотоснимки, что относятся к нынешней войне, письма солдат с фронта и пр., чтобы сохранить для потомков основные документы этого периода истории. Заседания совета проходили 24 февраля 1915 года, 29 апреля, 19 сентября. В тот день заседание было торжественным, отмечалось 80-летие Г. Потанина, почетного члена Алтайского подотдела с 8 ноября 1911 года; решено было открыть в музее этнографический отдел и назвать его именем, в зале поместить его портрет, послать ему поздравительную телеграмму. Решено было часть экспонатов музея, пробы золота, самородки платины, археологические ценные предметы передать на хранение в сейфы кассы управления Алтайского округа. В конце 1914 года был получен очерк «Колонизация и поземельное устройство Кондомского края» от производителя работ Ю. Бялецкого, его рассмотрели на заседании совета. Очерк довольно обширный, занимает 45 машинописных страниц, носит историко-экономический характер. О серьезности содержания говорит план: 1. Краткое описание Кондомского края; 2. Коренное население края; 3. Колонизация края; 4. Характеристика колонизационных работ; 5. Землеустройство Кондомского края; 6. Заключение. Работа землеустроителя не утратила своего значения и в настоящее время, особенно с точки зрения описания подсобных местных промыслов.

Нельзя не остановиться на дружеских связях нашего подотдела в трудные годы войны с крупным ученым, профессором Харьковского университета П. П. Сушкиным. Еще в январе 1914 года он уведомил подотдел, что летом проведет экспедицию в юго-восточный Алтай, и просил организовать ему бесплатно отсылку его энтомологических сборов. Он обещал по приезде в Барнаул помочь разместить энтомологические коллекции Барнаульского музея, дать консультацию, определить экспонаты. Совет подотдела выслал ему 30 ярлыков для посылок (от имени подотдела — бесплатная почта). Через год, в апреле 1915, П. П. Сушкин вновь обратился в подотдел за помощью. На этот раз, как говорится, просьб целый короб: он просил дать ему право (лицензию) на отстрел птиц на территории Алтайского округа; передать на время экспедиции полевое снаряжение подотдела; и особенно — выхлопотать ему открытый лист через весь округ до Кош-Агача. Алтайский подотдел (через В. П. Михайлова) все сделал для ученого[1].

Трудности военного времени вынуждали совет подотдела искать средства разными путями, так с 1 мая 1916 года одна комната на втором этаже (18 на 8 аршин) была сдана через городскую управу за 360 рублей в год для помещения в ней музея наглядных пособий. Одно из последних заседаний совета подотдела состоялось 7 ноября 1916 года. Рассматривался ряд мелких дел. Была утверждена выдача зарплаты военнопленному Иосифу Мазач, австрийцу, за установку витрины, за изготовление полок для экспонатов и книг. Он же ремонтировал кое-что на метеостанции. В ноябре же секретарь подотдела Монюшко уволил Куклина от должности смотрителя метеостанции, и последний жаловался об этом председателю подотдела Михайлову.

В «делах» Общества сохранился список членов подотдела на 1 января 1915 года. Документ интереснейший, так как он продлен за 1918 год (т. е. видно «движение» членства). В записях за 1922 год, например, пометки, что Н. С. Гуляев умер в 1918 году, Выдрин умер в 1922 году, кто-то выбыл и т. п. Настоящий список дает возможность проследить, кроме факта членства, преемственность от дореволюционного к советскому времени и непрерывность существования и работы самого Географического общества.

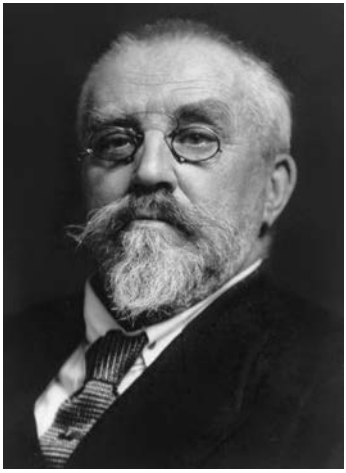
[1] См. ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 50. Л. 131, 137.

Несколько слов об издательской деятельности подотдела. За годы существования Общества любителей исследования Алтая было издано четыре выпуска «Алтайского сборника», а подготовлено пять (пятый вышел в 1903 году). Всего, таким образом, было налицо семь книг (том 2 в двух книгах и том 4 в двух книгах). Аккуратно готовились очередные тома, содержание статей рассматривалось на заседаниях совета. Теперь подотдел пользовался правом издания без предварительной цензуры, как общество Императорское. Однако получилось так, что в «трудные», «тяжелые» годы 1904, 1905, 1906 — не удалось выпустить уже готовые сборники, и три очередных тома вышли одновременно в 1907 году. Они залежались в типографии из-за неуплаты, отпечатаны тиражом по 300 экземпляров и теперь представляют библиографическую редкость. Для историографии вообще и для алтаеведения в особенности они представляют большую историческую и культурную ценность.

Три крупные статьи составляли содержание «Алтайского сборника», т. 6: В. И. Верещагин, «По Восточному Алтаю. Дневник путешествия в 1905 году», П. Игнатов, «Исследование Телецкого озера на Алтае летом 1901 года», И. И. Тыжнов «Из истории горнозаводского населения на Алтае». Кроме того, статья Верещагина и крупное исследование Тыжнова были сверстаны отдельными оттисками. Следующий 7-й том «Алтайского сборника» заключает в себе одну работу — монографическое описание с. Чистюньки.

Одновременно получили из типографии 8-й том «Алтайского сборника», он заключал в себе монографию Н. Я. Овчинникова «К вопросу о поземельном устройстве в Алтайском округе». Книга большая, 138 страниц текста и Примечания из четырех типов таблиц, которые еле уместились на таком же количестве страниц (без нумерации). Эта книга — продолжение исполнения намеченной программы описания (монографического, как рекомендовал совет Общества) поземельного устройства алтайского крестьянства, в первую очередь — переселенцев[1].

[1] В фонде 81, д. 51, л. 16–40 об., сохранилась чистовая рукопись Н. Овчинникова «Краткий очерк крестьянского хозяйства в Барнаульской волости Барнаульского уезда». Очень интересное исследование по сплошной переписи 1897 и 1898 годов, сделанное по рекомендации и программе Общества любителей исследования Алтая. Очень желательно ее опубликовать.



Г. Э. Иоганзен

Можно заметить, что том 7 «Алтайского сборника» обошелся для подотдела в 181 руб. 56 коп. (300 экз.), а том 8 — в 425 руб. 85 коп. (300 экз.), первый пустили в продажу по 1 руб. за экз., а второй — по 1 руб. 50 коп.

В следующем 1908 году вышел 9-й том, он заключал три статьи известных краеведов: И. Тыжнов, «Краткая записка о состоянии Белокурихинского минерального источника в 1905 г.»; Н. Богатырев, «Об ореховом и зверином промыслах Кумандинских инородцев Бийского уезда»; путевые заметки В. И. Верещагина «От Барнаула до Монголии».

Несколько подробнее о томе 10; он вышел в свет в 1910 году. Здесь известная статья В. И. Верещагина «Поездка по Алтаю летом 1908 года», тут же приложения к статье с выкладками метеорологических наблюдений. Затем помещена статья известного зоолога-консерватора из Зоологического музея Томского университета Г. Э. Иоганзена. Статья небольшая, но имеет любопытную историю. Герман Эдуардович Иоганзен (1866–1930) — сибиряк, родился в Омске, с 1921 года — профессор зоологии и сравнительной анатомии Томского университета. Неоднократно бывал в Алтайском округе, хорошо его изучил, прошел его вдоль и поперек: в 1895 и 1897 годах, в 1902 году совершил маршрут через Кулунду от Бурлы к Бель-Агачской степи до Семипалатинска, в 1909 году изучил Барабинскую низменность, особенно тщательно — орнитофауну озера Чаны, а с 1910 года первым в Сибири приступил к кольцеванию птиц. Поэтому не случайно к нему обратился любитель-орнитолог Александр Иванович Лавров, псаломщик из села Луговского. Он собрал коллекцию птиц из окрестностей сел В. Бехтемир, Новенского, Луговского и др., написал статью «Орнитологические сборы». В письме Г. Э. Иоганзену он просит определить птиц, принять его в члены Алтайского подотдела, а статью поместить в сборнике. Иоганзен сообщает в совет подотдела, который решил, что из сборов Лаврова будут изготовлены чучела (Иоганзен нанял супругу своего сотрудника препаратора

Сольского — по 10 коп. за шкурку). В музей подотдела поступили 284 экземпляра[1].

Две следующие статьи — П. П. Пилипенко «Алтайский метеорит 1904 года» и инженера, члена подотдела В. Н. Мамонтова «На поисках Алтайского метеорита» — рассказывают как о геохимическом составе алтайского метеорита, упавшего 9 мая 1904 года недалеко от д. Камышенки (ныне Усть-Пристанский район), так и о попытках найти его новые фрагменты, предпринятых В. Н. Мамонтовым летом 1908 года по просьбе Академии наук и Кабинета. Здесь приводились свидетельства Д. И. Зверева. Об этом природном явлении недостаточно известно современным наблюдателям, а при помощи новейших приборов возможно возобновить поиски «камышенского метеорита». В том же томе помещен «Список высот некоторых пунктов Кузнецкого уезда» А. Выдрина и небольшая статья Н. Овчинникова о писаных камнях в Томском уезде. Хотя Томская писаница известна в литературе, но статья Овчинникова может привлечь современных археологов многими деталями (приложено 6 таблиц рисунков, карта, общее фото), непосредственным ведомственным свидетельством о состоянии писаного камня заинтересованного наблюдателя, а не туриста.

АЛТАЙСКІЙ

СБОРНИКЪ

Изданіе Алтайскаго Отдѣ-отдѣла Западно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ VIII.

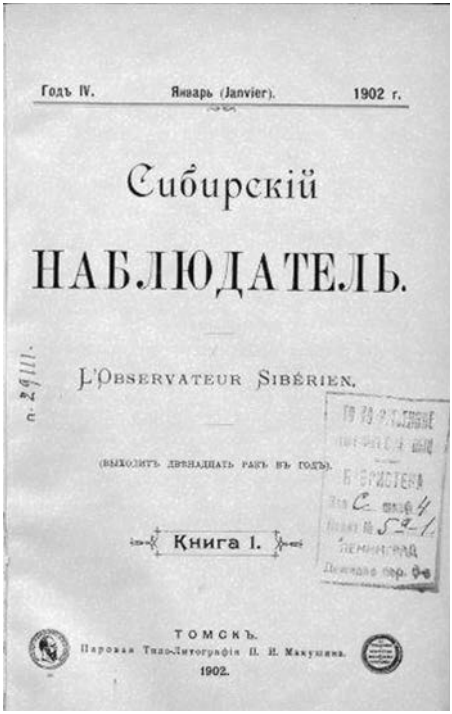
Н. ОВЧИННИКОВЪ. Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ въ Алтайскомъ округѣ. (Введеніе. Единицы, которыми отмѣчается надѣлъ; составъ этихъ единицъ. О составѣ и размѣрѣ надѣловъ въ Томскомъ уѣздѣ. Приложенія: таблицы I, II, III, IV).

БАРНАУЛЪ.
Типо-Литографія Главнаго Управленія Алтайскаго округа.
1907.

«Алтайский сборник, т. VIII, 1907 г.«

Том 11 «Алтайского сборника» (Барнаул, 1912) заключает литературно-этнографический очерк Г. Гребенщикова «Река Уба и Убинские люди», о котором уже приходилось говорить. В этом томе, кроме того, опубликованы данные высот местности на Алтае, вычисленные Г. К. Тюменцевым по данным В. В. Верещагина, а также список известных поселков алтайских инородцев. Есть здесь статья

[1] Уплатили 28 руб. 40 коп. — см.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 38. Л. 25, 36, 72.


Год IV. Январь (Janvier). 1902 г.

Сибирскій

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга I.

ТОМСКЪ.
Паровая Типо-Литография П. И. Макушина.
1902.

Журнал «Сибирский наблюдатель», 1902 г.

Я. Бирюкова «Сибирские заговоры», написанная по рукописям, хранящимся в библиотеке подотдела. Готовились новые статьи для очередных выпусков, но издать следующий, 12-й, том удалось лишь в 1930 году.

Публикаторская деятельность членов Общества не ограничивалась только выпуском «Алтайских сборников». Их статьи печатались в изданиях других отделов Географического общества, особенно в Омске, в Семипалатинске, да и в центральных. Несколько примеров здесь приводилось. Появились статьи в негеографических сборниках. Так, в историко-статистическом сборнике по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа «Алтай» (Томск, 1890, под ред. П. А. Голубева) была помещена статья Ив. Овсянкина «Колонизация и переселенческое дело» (с. 327–360). В сборнике «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды» (СПб., 1908, ред. И. С. Мельник) напечатана статья А. Каугдана «Земельный вопрос и переселение» (с. 79–140). В 1903–1904 годах была опубликована в журнале «Сибирский наблюдатель» (Томск, издатель В. А. Долгоруков) большая статья (настоящая книга) действительного члена Общества Г. Б. Баитова под общим названием «Очерки муниципального Барнаула» в № 3, март 1904, выделена специальная глава «Частные Общества в Барнауле», здесь речь идет и об Алтайском подотделе Географического общества.

Как известно, Главное управление Алтайского округа печатало за свой счет ряд книг членов Общества, сделанных по заказу, на основе исследований по программе Общества, но нужных для админи-

страции. Это уже известные книги Выдрина и Ростовского. Назовем также книгу членов Общества Н. С. Гуляева и П. А. Ивачева «Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае», а также отдельные выпуски книги С. П. Швецова и П. М. Юхнева «Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе» и ряд других.

Издательская деятельность занимала большое место в жизни подотдела, статьи для сборников подвергались тщательному обсуждению. Много усилий уходило на поиски средств на типографию. С переходом в Географическое общество не стало легче.

Уже приходилось указывать на благосклонное отношение администрации округа и Кабинета к своим служащим членам Общества. Так, например, совету подотдела неоднократно напоминали о долге за печатную продукцию для Общества за 1901–1905 годы в сумме 428 руб. 95 коп. Потом, в начале 1907 года, все-таки выдали очередные номера сборника и вновь сделали пометку «долг», а это 607 руб. 41 коп.[1] В конце 1910 года помощник (заместитель) начальника округа Л. Л. Маслов сообщал в Кабинет о долге за подотделом в 3000 рублей, куда включал и стоимость подготовленных 11-го и 12-го томов сборника[2]. В декабре 1911 года Управление в очередной раз отсрочило долг.

Как ни было трудно материально, но совет подотдела не шел на компромиссы принципиального, уставного порядка. В марте 1913 года поступило выгодное предложение от газеты «Голос Алтая» издать совместно с Обществом (может быть, из-за привилегии безцензурного права) брошюру С. И. Иванова «Совещание под председательством гр. Игнатьева по вопросу об открытии в Западной Сибири высшего сельскохозяйственного учебного заведения». Известно, что как подотдел, так и вообще общественность округа хлопотали об открытии сельхозинститута в Барнауле, уже и дело переходило в практическую плоскость (в годы гражданской войны инициативу перехватил Омск), но тем не менее совет записал: «По принципиальным соображениям не признано удобным печатать в издании подотдела труд, участия в котором никто из членов подотдела не принимал, а потому постановлено рукопись возвратить и предложение отклонить».

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 40. Л. 160 об.

[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 41. Л. 8.

Члены Общества занимались и научной библиографией. В 1-м выпуске «Алтайского сборника» была библиографическая подборка, а в январе 1905 года Д. И. Зверев взял обязательство разработать новую библиографию. Каждая новая книжка алтайских краеведов — это еще одна разгаданная тайна, это научная информация об обширном Алтайском крае, написанная доступным для широких масс языком. Проблемы, которые рассматривались в их книгах, были современными и даже злободневными.

Начало издательской деятельности Общества было восторженно отмечено сибирской общественностью. Газета «Сибирский вестник» (Томск) в январе 1895 года (№ 4 и 5) поместила большой отзыв на 1-й том «Алтайского сборника», автор рецензии «Н. Ар.» писал, что «первый выпуск не оставляет желать ничего лучшего. Мы от души желаем молодому, но энергичному обществу любителей исследования Алтая и на последующее время полного процветания, развития и укрепления его деятельности, не ограничивающейся изданием только одного такого удачного выпуска «Алтайского сборника», а целых десятков, сотен. Да здравствует и в нашей суровой Сибири наука и частная общественная инициатива!»

Увы…

Увы, потому что с изданием 11-го тома выпуски «Алтайского сборника» прекратились. Верно, очередные тома были готовы, в октябре 1912 года на заседании совета был утвержден состав следующего, 12-го тома, принято решение «о помещении в нем Тарских актов И. И. Тыжнова» (речь идет об исторических документах, собранных Тыжновым в архивах г. Тары). Для сборника была подготовлена статья Н. Н. Богатырева «Южная часть бассейна р. Лебедь и ее население», ряд других статей. Но 12-й том сборника с совершенно другим содержанием увидел свет лишь в 1930 году.

К моменту революции Общество существовало полную четверть столетия, было сделано очень много дел, и оценивать результаты необходимо с точки зрения реализации уставных задач. Цели общества сводились к исполнению трех задач — собирать, исследовать (обрабатывать) и распространять географические, исторические, экономические, статистические, этнографические сведения об Алтайском округе. Они выполнялись успешно. Общество любителей исследования Алтая, а затем подотдел Географического решили самую важнейшую проблему — были объединены краеведы, объеди-

нены научные возможности местной интеллигенции, формировался свой научный потенциал. Местные деятели правильно понимали роль Общества. В период первого десятилетия объединения совет Общества оценивал результаты своей деятельности как «очень скромные». Однако, — говорилось на юбилейном собрании, — принимая во внимание незначительность местных интеллигентных сил, отсутствие высших учебных заведений, ученых, удаленность от научных учреждений, надо признать, что Общество — это «единственный центр, куда интеллигентная мысль могла бы нести результаты своих работ по изучению края и где исследователь его мог бы встретить самый радушный прием». В искренности этих слов можно убедиться, следя историю Общества: оно доказало свою жизнеспособность, оно доказало, что среди местного общества находятся лица, для которых дорого знание и которые готовы служить и денежными средствами, и личным трудом.

Объединение местных научных сил дало хорошие результаты, была не только довольно детально изучена проблема положения переселенцев в новых местах водворения, но решалась задача более широкая: изучение природно-климатических, почвенных и иных особенностей с целью дать рекомендации по рациональному использованию производительных сил в условиях более или менее свободного буржуазного развития. Политика царского Кабинета, в руках которого оставалась собственность и на землю, и на недра, мешала свободному капиталистическому (частно-крестьянскому) предпринимательству. Лучшие умы предлагали приемлемые нормы крестьянского землепользования, исходя из научно обоснованных почвенно-климатических возможностей. Однако это значило допустить самих крестьян к распоряжению землей, что было невозможно в условиях самодержавия.

Члены Общества сделали многое для организации экспедиций в целях общегеографического изучения Алтайского края, а В. И. Верещагин приступил к созданию обобщающего труда (выйдет уже при советской власти). Большие заслуги имело Общество в деле исторического, археологического, этнографического изучения, социально-экономических исследований разных сторон жизни населения.

И, конечно, мы должны особенно отметить заботу Общества о реализации личных научных интересов каждого члена, большую издательскую работу, привлечение молодых кадров к полезному де-

лу. Надо иметь в виду и организацию благотворительства, общее просвещение трудящихся, возрождение музея и библиотеки. Отсутствие в Сибири государственных научных учреждений, крайне ограниченное высшее образование — все это невольно перекладывало деятельность на общественные объединения краеведов. Алтайский подотдел справлялся с подобной задачей: он взял в руки метеорологические наблюдения, возбудил дело с сейсмической станцией, организовывал местные всеобщие переписи населения, а также специальные (школьные, санитарные), ставил картографические работы, создавал публичные лектории, музеи, библиотеки, устраивал выставки, участвовал в иногородних выставках, создал библиографию края. Отдел являлся местом сосредоточения почти всех экспедиционных работ (центральное Географическое общество, Томский университет, Центральная обсерватория, статистические отделы губерний и даже военно-топографические отделы обязательно сносились с подотделом). И хотя, как можно заметить, алтайские географы и краеведы очень ревниво отстаивали свободу научной деятельности, особенно организационную автономию, они тем не менее исполняли напрямую заказ кабинетской администрации, а объективно также выполняли социальный заказ не только торговой и промышленной буржуазии, но и крестьянских масс.

До создания Общества Алтайский округ изучался приезжими учеными, отдельными путешественниками, экспедициями центральных организаций, иностранными учеными, и результаты их изысканий уходили из края, возвращались сюда лишь опосредованно, в виде научных изданий. Исследования были в основном чисто академические. Изучение же края местными силами носили сугубо практический, даже узкопрофессиональный характер, необходимый лишь для использования в горном производстве. Работали отдельные краеведы, но они не могли решить всех проблем, их исследования зачастую носили личностный характер, основывались на энтузиазме. С возникновением же общественно-научного объединения географов алтайское краеведение стало носить довольно широкий характер, образованные люди получили организационный центр, который ставил цель разностороннего изучения местного края. Закрывая досоветскую историю деятельности организованной части алтайских географов, должно констатировать, что дело изучения Алтайского края оказалось в руках местных научных сил.

Часть вторая

Общественно-научное объединение алтайских краеведов

Глава 3

Продолжатели. 1918–1954

Географическое общество в годы политических перемен: борьба за выживание • Приезд П. К. Козлова в Барнаул (январь 1921) и его влияние на оживление научной деятельности • Первая губернская краеведческая конференция, 25–27 февраля 1925 • Обслуживание практических нужд советского строительства • Алтайское Государственное географическое общество в системе Общества изучения Сибири и ее производительных сил • Огосударствление общественной жизни, разобщение краеведов, их судьбы

Начальные месяцы 1917 года в России ознаменовались большими потрясениями, этот и последующие годы обозначили коренную перемену в общественном развитии человечества. К тому времени Алтайское географическое общество насчитывало 26 лет существования...

Две революции, гражданская война, иностранная военная интервенция (а перед тем — три года войны империалистической), разрушение производительных сил, расстроенная экономика и общественная жизнь не могли не сказаться отрицательно на состоянии культуры, науки, просвещения. Однако новая Россия и ее вождь В. И. Ленин в первые же месяцы уделяют много внимания научному исследованию страны, совершенствованию структуры производительных сил. Уже 12 апреля 1918 года на заседании Совнаркома обсуждалось предложение Академии наук работать по учету естественных богатств Советской России, а несколько дней спустя В. И. Ленин составляет «Набросок плана научно-технических работ». Он выдвигает перед Российской академией наук задачу составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема страны и намечает основные положения этого плана, предусматривающие создание крупной машинной индустрии и электрификацию.

Не прекращало работ Географическое общество. В отчете секретаря РГО «Русское географическое общество в 1918–1922 гг.» (см. Известия РГО, т. 4, вып. 2) отмечалось, что «правительство в лице Народного комиссариата по просвещению и его центральных и местных органов в первый же особо трудный момент пришло на помощь обществу и продолжает ему оказывать полную и неизменную поддержку и содействие до настоящего времени». Новое Географическое общество не только опиралось в работе на ученых центра, но и продолжало руководить периферийными отделами. Была сохранена организационно-уставная преемственность.

В архивных папках Алтайского подотдела нет совершенно ни одного документа, относящегося к 1917 году. Есть документы октября–ноября 1916, а затем – с февраля 1918. Чем это объяснить? По-видимому, бурные события, необычайность политической и общественной жизни, резкие колебания в Барнауле исключали совместные собрания членов подотдела. Опять же: почему? Наоборот, общественно-политическая жизнь бурлила, свобода высказывания мнений, создания объединений существовала явочным порядком, без запретов.

Позиции буржуазного Временного правительства были слабыми, агитация за власть Советам имела успех, и 6 декабря 1917 года власть перешла в руки Военно-революционного комитета при Барнаульском городском Совете и мирно утвердилась во всем крае.

Но Алтайский подотдел действовал и в 1917 году, об этом говорит кассовый отчет за 1916, 1917 годы и составленная смета на 1918 год. Она обсуждалась на экстренном общем собрании членов подотдела 25 февраля 1918 года. На нем присутствовало всего 11 действительных членов. Их стоит перечислить, именно они возобновили работу Географического общества в новых условиях общественной жизни: В. А. Буштедт, В. И. Верещагин, Е. Г. Родд, Н. Н. Соколов, Д. И. Зверев, А. Ф. Барсуков, В. П. Монюшко, А. П. Велижанин, А. П. Борзов, Е. М. Калашников, М. О. Курский. Считай, все – старейшие деятели, но среди них нет основателей Общества.

Они избрали председателем собрания Буштедта, секретарем Соколова. И сразу обсудили прием новых членов Общества, ими стали: К. А. Иванов, Ф. И. Мерзликин, А. В. Алентова, И. Г. Зобачев, В. И. Экшибаров, А. И. Шумин, И. Н. Серышев, С. И. Исаков, А. Н. Дюмин, О. Н. Беднякова, В. Е. Буторин. Учитывая, что были еще старые

члены, которые не могли присутствовать на собрании, и, пополнив число членов, собрание посчитало себя правомочным решать дела, после чего обсудили кассовый отчет за 1916 и 1917 годы и рассмотрели смету на 1918 год. Зобачев указал, что смета весьма скромная, к пополнению средств рекомендовал привлечь кооперативные союзы, а также Горную Алтайскую думу, поскольку Горный Алтай всегда был объектом исследования. Делопроизводитель Куклин предлагал для пополнения сметы продать дубликаты книг из библиотеки, но председатель возразил. Лучше передать лишние книги возникающим союзам, привлечь их на свою сторону, а они могут внести средства на развитие краеведения, народных музеев. Так и решили.

В ходе собрания произошло избрание новых членов в подотдел. Весьма любопытная ситуация: выходит, на собрании присутствовало достаточно много людей, одиннадцать из них заранее заявили о своем желании вступить в Общество, другие — а их набралось еще 10 человек — влились в его состав также сознательно и добровольно, когда убедились, что Общество есть серьезная и демократичная организация. Вот эти члены: Рыбаков, Казанский, Ершов, Островзоров, Шалаев, Моцартов, Журавлев, Нечаев, Понкратов, Г. М. Пушкарев.

Был избран новый состав совета подотдела, а также обсудили предложение о том, чтобы образовать при музее секции по направлениям научной работы. Одновременно был избран заведующий музеем (он же консерватор), им стал М. И. Палкин. Он окончил Московский университет по естественно-историческому факультету и интересуется музейным делом — так его характеризовали.

Новое собрание наметили на 26 февраля.

Данным собранием начинается эпоха деятельности Алтайского филиала Географического общества в советское время. Не могу не напомнить, что многие из вновь вступивших в Общество членов, в наиболее переломное время связавших свои имена с борьбой за переустройство жизни, были крупными писателями, революционерами, деятелями культуры. Некоторые пережили общественные и жизненные потрясения, некоторые стали жертвами гражданской войны или последующего террора. Иванов, Зобачев, Серышев, Исаков, Беднякова, Казанский, Ершов, Понкратов, Пушкарев — о них будет речь впереди. Как новые, так и старые деятели были полны желания продолжать дело просветителей, служить интересам науки, культуры. Причем, как будет видно, они теперь не таились, не ино-

сказательно, а прямо заявляли о служении новой родине, освобожденному народу.

Работа закипела. Только за три месяца советской власти, с момента возобновления работы подотдела (6 марта) до контрреволюционного переворота и временного свержения власти Советов в середине июня 1918 года, состоялось 10 заседаний членов подотдела. Собирались силы, принимались новые члены, вступали новые люди в Общество, намечались хорошие планы исследовательской деятельности, налаживалось сотрудничество с новыми органами власти, вырабатывались новые организационные формы и структуры самого подотдела, возникли новые формы членства в Обществе. Члены избранного совета называли себя «новым правлением», «новым советом». На том первом заседании избранные в совет старые деятели Верещагин и Зверев попросили перевести их в кандидаты, а на следующем заседании 14 марта секретарем подотдела был избран И. Н. Серышев. Он был членом правления и секретарем Культурно-просветительного союза.

На одном из заседаний, 21 марта (3 апреля) 1918 г., он поднял вопрос о приеме в члены Географического общества учреждений и организаций на правах членов Общества, «с правом единого голоса», с уплатой членских взносов в 5 рублей (как и индивидуальный член). Его предложение обсудили и одобрили принимать «разные общественные организации и учреждения с правом одного голоса для каждого члена-коллектива»[1]. Так впервые появилось выражение «коллективный (юридический) член» Общества, существующее до сих пор.

Им же было разработано обращение «Гражданин» к массам трудящихся с призывом содействовать в работе Географического общества». Его необходимо воспроизвести полностью.

Гражданин.

Барнаульский подотдел Географического общества, располагающий богатым музеем, оживил свою деятельность в связи с вступлением в его члены кооперативов и культурников. Новое правление из 8 человек (из них 3 входят от Культурно-просветительного Союза и 1 от Алтайского кредитного союза), энергично принявшись за работу, решило демократизировать музей, сделав его доступным

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 56. Л. 7.

для широкой публики, а богатую библиотеку обратив в публичную. Для осуществления своих планов музей нуждается в средствах и активных членах. В виду вышеизложенного сим имею предложить Вам вступить членом в географическое Общество: членский взнос 5 руб. в год.

Взнос принимаю я. Пожертвования в географическое общество также я принимаю.

Секретарь Географического общества

Иннокентий Серышев[1].

Текст обращения напечатан на машинке, на четвертушке листа, плотно, в 0,5 интервала. На данном сохранившемся экземпляре подпись: «Артемий Ильич Ершов». Он — писатель, тогда секретарь Алтайского союза кооперативов — коллективного члена подотдела. Культурно-просветительский союз внес 3000 руб., Алтайский кредитный союз внес 2000 руб., Черепановский союз сельских кооператоров внес 1000 руб. Личные пожертвования внес юрист А. А. Брежитский и акцизный служащий Н. М. Балахнин (по 3 тыс. руб. каждый). К осени в Общество вступили другие кооперативы.

Новый совет предполагал открыть филиалы или создать самостоятельные отделы Географического общества в Камне, Бийске, Змеиногорске. Там создавались народные музеи, и они должны стать опорой Общества. Новые деятели, захваченные раскрепощением общественного сознания, увлеченные возникающими коллективистскими формами общественной жизни, свободой по созданию различных культурных ассоциаций, предполагали превратить культурно-библиотечные отделы в волостях и в уездах (при волсоветах) в подотделы Алтайского географического общества[2] и всюду создать музеи: «Общество, идя навстречу требованиям жизни, решило определенно выступить на благородный путь популяризации и демократизации научного знания, разработать музейное дело в крае, открыть волостные музеи; выпустить брошюру к положению музейного дела в Алтайском крае и обратиться к населению за помощью». Музей в Барнауле был открыт для публики. Особую роль он сыграл в распространении краеведческих знаний при организации лекций и практических занятий для многочисленных кур-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 53. Л. 31.

[2] Там же. Л. 39 об.

сов, которые устраивали органы народного образования и культсоюзы весной 1918 года.

Популярную брошюру о музейной работе, о научной систематизации отделов, сборе материалов написали Д. Монюшко и В. Буштедт, ее обсудили и в мае 1918 года отпечатали (15 тыс. экз.). Новый совет (правление) Общества выступило с инициативой о создании Сельскохозяйственного института в Барнауле, выделили комиссию для разработки проекта (В. Е. Буторин, Е. Г. Родд, Н. Н. Соколов).

Очень интересными были два заседания совета в апреле. 7 (20) апреля представитель Бийского народного университета, приват-доцент Московского университета Борис Федорович Добрынин сделал доклад о географии. Как специалиста, его слушали внимательно. Во-первых, Добрынин заявил, что на географию существуют два взгляда — как на собирание сведений и как на науку; ныне география определяется как наука о ландшафтах. Характерной же чертой ландшафта является рельеф и растительность ландшафта. «Алтайский край в смысле его рельефа не изучен, и то, что сделано, недостаточно и неверно. Вот одной из задач Географического общества и является изучение рельефа края», — так секретарь подотдела И. Серышев записал высказывания ученого.

Итак, Алтайский край не изучен в географическом отношении.

Во-вторых — и здесь очень важны для нас новые позиции ученых и всего Общества: «...В географическом отношении ведь никто (даже Сапожников) ничего не сделал. Поэтому надо осуществить летние экскурсии. Докладчик разрабатывает проект летних работ — летних экскурсий. Экскурсанты, едучи на летние работы, будут, с одной стороны, делать оборы разных материалов и наблюдения человеческой жизни, а с другой стороны, вести культурно-просветительскую работу, проникая туда, куда культурник и не проникнет: мы должны нести населению знания, опираясь на сознательные элементы населения; необходимо нести знания народу; а народ, поняв пользу науки, в свою очередь поможет ей. Следует позаботиться, чтобы завоевания Революции не пропали зря»[1].

Эту последнюю задачу — передать знания лично каждого краеведа народу и новой власти для осуществления практического строительства — члены Общества приняли. В Алтайском подотделе чут-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 56. Л. 13 об. — 17 об.

ко уловили переломность исторического момента не только в политике.

Обсуждая доклад, совет одобрил предложение Добрынина, что экспедиционные группы выедут из Бийска, будут состоять из членов Бийского народного университета. Е. Г. Родд взялся разработать для них инструкцию по сбору материалов. Товарищ Д. И. Зверев (слово «товарищ» впервые встретилось в протокольной записи, обычно еще и весной 1918 года на заседаниях говорилось «господин», если это не официальное лицо от советской власти) высказался, что следовало бы для экспедиции подготовить почву. Что он имел в виду? Хороший практик Д. И. Зверев знал, что приват-доцент Московского университета заброшен сюда судьбой случайно, не знает местных условий и, видимо, не понимает текущего момента. Добрынин представлял себе экспедицию идеально, как в «доброе старое время». Что означало «подготовить почву»? Это значит «добыть порох как разменную ходячую монету на Алтае и заготовить припасы, а также нескольких лиц заранее командировать в некоторые пункты на пути следования экспедиции: без подготовки отправлять экспедицию нельзя», — так объяснял Зверев.

Совет подотдела не ограничился обсуждением программы Добрынина. Культпросветсоюз направил просьбу о порохе в губисполком. 26 апреля за подписью секретаря губернской продовольственной управы Н. Милюкова (видный деятель «первой» советской власти) пришел ответ, что такого количества пороху они не могут дать и вообще — что это за охотники? Был выделен один пуд[1]. Не обнаружена пока сама просьба, неясно, говорится ли там, что порох для обмена в экспедиции, или просто это формальная просьба выделить 40 пудов. Запрос сорока пудов пороха в то время, когда контрреволюция поднимала голову, не мог не вызвать подозрения.

Необходимо рассмотреть взаимоотношения между советской властью и Географическим обществом. Как видно по документам, органы Советов (горнаробраз и губнаробраз) искали взаимопонимания с интеллигенцией вообще и с Географическим обществом в частности. Заведующий отделом народного образования губиспол-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 53. Л. 12. Не обнаружена пока сама просьба — говорится ли там об экспедициях, что порох для обмена, или просто формальная просьба выделить 40 пудов. Это любопытно, было бы видно отношение Советов (Н. Малюкова) к нуждам научной экспедиции.

кома К. А. Иванов первым вступил в Общество на первом же собрании. Заведующий отделом народного образования Барнаульского городского Совета Д. Г. Сулим (подпоручик, известный деятель «первой» советской власти, затем начальник штаба красногвардейского отряда Сухова—Сулима) в том же марте пригласил подотдел делегировать в горотдел своего представителя для участия в работе. Подобное приглашение было и из губнаробраза, были просьбы направить лекторов для учительских курсов. В. И. Верещагина «делегировали» на курсы, а Екшибарова, Зверева и Борзова — в совет наробраза.

Верно, были у подотдела и недоразумения с Советами. Так, еще на первом заседании было решено, что заведующий музеем Палкин должен поселиться в музее вместо Бедняковой, которая до того была заведующей и этим музеем, и музеем наглядных пособий (от Барнаульской управы). Направили в жилищную комиссию Совета просьбу предоставить квартиру Бедняковой; Палкин квартирует «далеко», на Алтайских улицах, а ему постоянно надо быть в музее; «кроме того, у учительницы Бедняковой в амбаре сено, опасно...» Это письмо подписали Зобачев и Серышев. Жилкомиссия в ответе просила Географическое общество «позаботиться в подыскании квартиры Бедняковой». 30 апреля подотдел направил вновь письмо, в котором говорилось, что «Совет есть официальный орган, он и должен найти квартиру. Проживание Бедняковой мешает работе музея. Кроме того, надо убрать и биржу труда из музея». (Биржа труда поселилась там с мировой войны.) В мае Буштедт направил еще одну просьбу, на сей раз она звучала так: «В отдел Управления Российской Федеративной Советской Республики по Алтайской губернии, прошу Вашего распоряжения восстановить забор по правой меже, около 23 саж., на переданном участке Алтайскому подотделу». Письмо вернулось из Совета за тремя подписями «Отказать в просьбе», а Буштедт милостиво наложил резолюцию «принять к сведению». Есть и другие документы, в которых заметно недопонимание условий и обстановки у руководителей подотдела. На самой деле молодой человек Палкин уже имел квартиру, а учительница Беднякова много сделала не только для народного образования, но и для Алтайского подотдела — кратко говорилось об этом в предыдущей главе — и для музея тоже, она член подотдела. Более того, 2 мая 1917 года Барнаул основательно выгорел, найти квартиру было почти не-

возможно. Эта дискриминация, дело с забором, другие заявления — все это как-то настораживает в приятии позиций тогдашних руководителей подотдела. Но особенно вызывает недоумение поведение совета подотдела по поводу предложений губнаробраза о наделении подотдела функциями и ответственностью одного из органов по руководству народным образованием, просвещением.

23 мая 1918 года губнаробраз направил письмо в подотдел за подписью заведующего Иванова.

«В Барнаульское географическое общество.

Губернский отдел народного образования заинтересован в постановке музейного дела в губернии. Думается, что географическое общество, все время рвущееся расширить свою работу, пойдет навстречу Губернскому отделу в постановке музейного дела, сделавшись центром. Учитывая декреты комиссариата по народному просвещению о национализации музеев и охране национальных естественно-исторических ценностей, губернский отдел полагает, что надо вопросы подобного рода разрешить в корне, и поэтому предлагает поставить на повестку для заседания следующее.

1. Общество должно быть преобразовано в общегубернское, ему возможно дать самые широкие полномочия по учету естественно-исторических ценностей Алтайской губернии, право реквизиции и т. д. при условии тесного контакта с Советом народного образования.

2. Немедленно открытие музея центрального, преобразовав в таковой имеющийся.

3. Вывеска должна быть такова: Алтайский центральный естественно-исторический музей Российской Федеративной Советской Республики.

Учителя естественники и географы средних учебных заведений и вообще естественное образование в губернии должно быть предметом внимательного отношения со стороны Общества.

5. Возможно пока авансировать, а затем по смете регулярно уже субсидировать. Смета должна быть составлена в пределах очевидности приблизительно тысяч в 25»[1].

Предложения настолько глубокие и интересные, что, право, не грех и в наше время их предложить и обсудить. Новая народная советская власть предлагала старому научному обществу интелли-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 53. Л. 53. Машинописный подлинник, штамп, выходной № 264, подписи.

гентов стать одним из центров просвещения, тем более, что Географическое общество «рвалось расширить свою работу». Надо заметить, как губнаробраз деликатно обращается, формулирует предложения, не декретирует. Подобные предложения для творческой интеллигенции не были неожиданной новостью. За несколько дней перед тем, 18 мая в губернской газете «Голос труда» было опубликовано постановление ГубОНО и губсовета «Об охране произведений искусства». Союз художников «уполномочивался» произвести учет художественных ценностей в губернии, чтобы сохранить и пользоваться всем народом национальными ценностями[1]. Обращаю внимание — самодеятельный творческий союз художников становился субъектом и гарантом культурного движения. Теперь подобное предлагалось научному обществу. Вот как отразилось в «говорящих» документах это любопытное предложение.

9 (22) мая 1916 года состоялось 9-е заседание подотдела. На нем присутствовали Буштедт, Зобачев, Серышев, Соколов, Верещагин, Палкин, Парфенов и «представитель Совдепа т. Иванов»[2]. Доклад сделал Иванов. Он говорил, что губнаробраз заинтересован в развитии музейного дела, что издан декрет о национализации музеев. Губнаробраз обратил внимание, что в Алтайском географическом обществе налажена работа, действует музей, имеются достаточные научные силы. Поэтому губнаробраз высказывает пожелание, чтобы:

«1) Это Географическое общество преобразовалось в более широкую научную организацию, в союз естествоиспытателей.

2) Чтобы оно скорее привело в порядок музей, сделав его достоянием народа.

3) Чтобы оно следило за преподаванием естественных наук в учебных заведениях.

4) Чтобы все учителя обязательно вошли членами в этот союз.

5) Чтобы этот музей имел вывеску Федеративной Российской Республики.

---

[1] См. Культурное строительство на Алтае: 1917–1941. Документы и материалы. Барнаул, 1980. 358 с. С. 31–32.

[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 56. Л. 19 об.–23. Указанный П. С. Парфенов пришел с «представителем Совдепа», но записан как член подотдела. Однако до этого в списках он не встречался. П. С. Парфенов — местный уроженец, учитель, делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири, соратник В. К. Блюхера. Репрессирован в 1937 году.

6) Чтобы раскинуть по всей губернии сеть районных и волостных музеев. В случае приема такой программы т. Иванов обещает субсидию тысяч в 20–25 для работы по музейному делу в пределах губернии и в губернском масштабе, но никак не менее», — так записал в протоколе существо дела секретарь Серышев.

Не открывая пока дискуссии (по протоколу Серышева), прошу прочитать еще раз «условия» т. Иванова: разумно? неразумно? претензии? требования? диктат? Нет, я бы сказал — поиск. На самом деле, советская власть только становится, здесь, в Алтайской губернии губнаробраз узнал о существовании научного общества, предлагает сотрудничество.

Какова реакция?

По 1-му: преобразовывать в «союз» не надо, так как оно является частью существующего Русского Географического общества, которое продолжает функционировать. Отлично! «Но, не уничтожая и не закрывая Общество, расширять его деятельность — это желательно и возможно в смысле преобразования его из подотдела в отдел с открытием в уездах своих подотделов». Отлично паки!

По 2-му: музей уже демократизировал свою деятельность, распространил влияние на всю губернию, оказывает содействие сельским и районным музеям — как о том объявлено в газете «Алтайский луч». Так, хорошо, хотя об этом, как заметил т. Иванов, он не знал. Секретарь Серышев ему это объяснил.

По 3-му: желательно, чтобы естественные науки были подняты в учебных программах «на должную высоту», но контроль и надзор Общество осуществлять не может, это дело власти. «Насилием и приказами наука не внедряется, тем более в свободном государстве и со стороны ученого общества, а *культурно-научную помощь* отделу по народному образованию Географическое общество окажет». И здесь все правильно.

По 4-му: «Насильно загонять педагогов в члены Общества оно не может, да и не имеет права, да это и бесполезно, но оно высказывает и будет высказывать свое убеждение, что каждый настоящий педагог не может не интересоваться делами *единственного* в крае *научного учреждения*, что это долг каждого культурного человека, а тем более — учителя и воспитателя молодежи». Отличная формулировка и для нашего времени.

По 5-му. Все хорошо до сих пор, «переговоры» шли с успехом, хотя в протоколе довольно резко звучит часть объяснений. Но вот 5-й пункт переписываю полностью: «По пятому пункту предложений т. Иванова члены совета энергично отстаивали свое право на музей, ибо музей принадлежит нераздельно Географическому обществу и отнять его, конечно, можно силою власти, но добровольно отдать его *кому бы то ни было* Общество не может, ибо это равнялось бы самоубийству. Общество без музея — одна фикция. Т. Иванов уверяет, что он не говорил об отнятии от Общества музея, а лишь о перемене вывески, на что ему ответили, что 1) всякий поймет, что перемена вывески означает и перемену Общества, и раз на вывеске мы позволим им согласиться написать „Музей Федеративной Советской Республики", то и ребенку современному ясно будет, что и распоряжаться в музее может только Советская Республика, а не совет Географического общества, а 2) если речь идет о том, чтобы и Общество именовалось вместо прежнего „Императорское" нынешним „Советским", то против этого никто не возражает, ибо это и фактически и юридически вытекает из положения власти, и что даже наш долг повелевает заменить наименование». (Согласитесь, странно себя вели деятели Общества; чтобы музей стал советским они категорически возражают, а перемена наименования самого общества в советское у них не вызывает возражений, более того — их долг признать советскую власть…)

По 6-му: согласны полностью, но нужны средства, а их в Обществе нет. И. Г. Зобачев в конце заседания высказал ту мысль, что Географическое общество должно сохранить свою самостоятельность и гибкость организации, но, работая в полном контакте с губнаробразом, оно имеет право на поддержку такового как во всех своих мероприятиях, так и в финансовом отношении. Секретарь заканчивает протокол следующим положением: «Т. Иванов ясно и определенно заявляет, что раз его план разделяется в общих своих чертах советом Общества, то он обещает субсидировать Общество суммою в 20–25 тысяч».

Предложения губнаробраза не удалось провести в жизнь, через день по всей Сибири начался мятеж чехословацкого корпуса, началась жестокая гражданская война, погиб первый комиссар просвещения Д. Сулим, первый комиссар К. А. Иванов, погиб комиссар Н. Малюков…

Но неприятие руководителями подотдела пятого пункта о признании музея советским сохранилось на долгие годы, и все время впоследствии говорилось о якобы узурпации советской властью музея и Общества. Эта тяжба все 1920-е годы осложняла отношения с органами советской власти после ее восстановления. Так было.

Приведу отрывок из отчета за 1918 год, который был утвержден на общем собрании 16 марта 1919 года. Записано: «Всю первую половину года подотделу пришлось провести под страхом быть разгромленным или упраздненным. И действительно, накануне своего падения советская власть в лице гр. Иванова — представителя губернского отдела народного образования — попыталась, обещая субсидию не менее 20–25 тыс. руб. для развития музейного дела в губернии, подчинить подотдел своей власти, переименовав его в Общество естествоиспытателей, национализировать музей и водрузить на нем вывеску Федеративной республики. Отвечая на поставленные гр. Ивановым вопросы и предложения, совет развил перед ними задачи подотдела и музея и высказал тезисы, легшие в основу всей работы подотдела в истекшем году…» Как видно, составители отчета покривили душой. Новая государственная власть оказывала покровительство и материальную помощь в развертывании краеведческого движения от имени Общества, а не от имени органов власти. Такого до революции не было. В то время насчитывался 121 член Общества, и руководители подотдела исказили дух и факты «первой» советской власти. Под отчетом стоят подписи: А. Велижанин, Н. Соколов, Е. Родд, В. Верещагин, Б. Семенов — и В. Верещагиной как секретаря[1].

На свое очередное, десятое заседание совет подотдела собрался через десять дней после контрреволюционного переворота и прихода к власти в Сибири правительства меньшевиков и эсеров. За председателя был Е. Г. Родд, присутствовали И. Зобачев, И. Серышев, Н. Соколов, М. Палкин и С. П. Бояршинов. Обсуждали сообщение Палкина о подарках отдельных вещей музею, о рассылке книг, о том, что он продал 100 брошюр «К положению музейного дела в Алтайском крае» на 20 рублей, что получено 100 руб. за квартиру в музее (видимо, от Бедняковой). На заседании было предложено уволить Куклина (за ним грехи тянулись еще с 1914 года) с метеостанции, а И. Зобачев должен принять меры к удалению Куклина из по-

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 57. Л. 5–12.

мещения метеостанции, сдачи им инвентаря. На должность наблюдателя был утвержден С. П. Бояршинов — при готовой квартире получал 37 руб., за сейсмическую станцию 35 руб., за сторожа 13 руб., и он же утверждался библиотекарем и письмоводителем — 130 руб. Однако уже в ноябре был принят на должность зав. метеостанцией А. Ф. Березовский, а в январе 1919 года делопроизводителем назначили В. И. Верещагину, она же вела секретарские обязанности.

С июня 1918 года до конца ноября 1919 года регулярно проходили заседания совета (правления) подотдела. За это время было принято много новых членов, заброшенных в Сибирь интеллигентов, ученых, офицеров, особенно много представителей от различных кооперативных союзов, членами-коллективами стали многие организации. Как видно по документам, шла энергичная деятельность.

Так, например, решили вновь пересмотреть Устав. В частности, Б. Семенов предлагал считать почетным членом не того, кто внес 100 рублей, а кто с большой пользой поработал для Общества, а меценатов считать пожизненными членами. 6 ноября 1918 года он же предложил избрать почетными членами за научные труды В. И. Верещагина и Е. Г. Родда. И. Серышев советовал допускать на заседания совета подотдела представителей членов-коллективов с правом решающего голоса. Отклонили. И. Зобачев предложил создать два органа: совет и правление, совет для обсуждения научных вопросов, а правление — хозяйственных. Серышев поддержал, но пришли к компромиссному решению: проводить заседания совета один раз по науке, а второй — по хозяйственным делам. В марте 1919 года И. Серышев высказался за превращение подотдела в самостоятельный отдел. Как секретарь и член правления Культурно-просветительного союза он много работал по созданию библиотек в уездах и в волостях, в Бийске, в Камне было намечено открыть музеи, возникли краеведческие кружки и общества по изучению родного края. Чтобы объединить их деятельность, должен быть центральный отдел, а на местах нужно создать подотделы Общества. Он обосновывал реорганизацию еще и тем, что в уездах подотделы будут получать хорошую материальную и денежную поддержку земств и кооперативов, а подотделы будут часть средств отчислять в центральный отдел на поддержку культурных мероприятий.

Нельзя не видеть, что все эти предложения первоначально исходили от первого советского губнаробраза. После обсуждения при-

шли к выводу, что подотдел пока не обладает научными силами и материальными средствами для самостоятельного отдела, он и теперь вполне автономен, но решили позже создать комиссию для детальной проработки предложения Серышева[1].

Любопытным было обсуждение предложения об организации «Архива войны». В г. Омске (там находилось центральное правительство белогвардейцев) был создан «Архив войны» для сбора документов и материалов по текущим событиям в Сибири и России. Подотдел формально отнесся к проблеме: поскольку существует организация, то пусть она создаст свое отделение в Барнауле. Довольно странное решение, имея в виду, что с начала Первой мировой войны подотдел по своей инициативе призвал к сбору всего, что относилось к войне. (Выходит так: теперь не наша инициатива — не нам и делать?!) Но так было в марте 1919 года, а в июле была создана секция «Архива войны». Более того, по просьбе Е. Г. Родда подотдел обратился к властям — «передать им часть оружия, отобранного при подавлении беспорядков, так как некоторые его экземпляры представляют большой интерес своей оригинальностью и своеобразным производством». Из Омска пришло согласие «о передаче в музей части оружия и документов, отобранных при подавлении беспорядков, в особенности имеющих характер редких или оригинальности (образцы пик, кинжалов, пушек)...»[2]. Вот уже в сентябре 1919 года генерал-майор Биснек, военный комендант по Алтайской губернии, передал образцы оружия и обещал «в будущем при доставлении чего-либо оригинального отрядами, ведущими борьбу с бандами, мною будет подотделу сообщаться»[3]. Так появилась первая коллекция партизанского оружия в Алтайском краевом краеведческом музее.

В эти годы гражданской войны деятельность подотдела еще более оживилась в связи с сообщением, что в Омске, в столице «Колчакии», в мае 1919 года «на территории, освобожденной от большевиков создан Временный совет Русского географического общества», председателем его избран А. И. Осипов. Возникли новые связи, надежды, что Омское правительство будет субсидировать Общество. Решено разработать экспедицию в открытую вблизи с. Черный

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 56. Л. 49.
[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 58. Л. 11.
[3] Там же. Д. 57. Л. 168.

Ануй пещеру, В. И. Верещагину предложили разработать смету. Позже Верещагин отказался от поездки, но три экспедиции разработал и осуществил Б. С. Семенов — профессорский стипендиат и ассистент Казанского университета. Он ездил и в Черный Ануй, и по Оби, и по Кузбассу на средства Культурно-просветительского союза. Но поскольку ему не было 35 лет, чтобы дело не сорвалось (он должен был служить в армии), подотдел просил военное ведомство дать ему отсрочку хотя бы до сентября 1919 года[1].

(Кстати, к «защите» подотдела прибегали, и не раз, другие лица; были сохранены, например, вещи и коллекции приват-доцента Петроградского университета, члена Челябинского общества изучения местного края, прапорщика К. Л. Френкеля, активиста Алтайского подотдела в 1918–1919 годах, позже профессора Иркутского университета).

В июне 1919 года пришло сообщение, что 10 тыс. рублей Омское правительство перечислило для подотдела, но из-за «формальностей» денег не дают. В трудное время периода гражданской войны, воспользовавшись притоком образованных людей, подотдел пытался наладить работу метеостанции и сейсмической станции. Так, в Барнауле оказался профессор Омского политехникума Всеволод Александрович Малеев. «Он принял на себя все труды, начиная от труда каменщика и слесаря, по установке сейсмографа, и с августа сейсмическая станция считается открытой»[2]. Однако должного ухода не было, подвал заливало водой, часовщик Розен осмотрел осенью 1919 года сейсмограф (бесплатно), а Екатеринбургская обсерватория настояла на закрытии сейсмической станции. Велели снять приборы, укупорить и перенести в сухое место.

Конец ноября 1919 года, 26 числа идет очередное заседание совета подотдела, правительству Колчака осталось жить несколько дней. На заседании В. И. Верещагин заявил, что он нашел для детского сада другую комнату, и детсад арендовать комнату в музее не будет (комнаты сдавались для получения финансовой поддержки). Тогда же председатель общества эсперантистов выделил для Общества 150 руб. и передал один пуд керосина для метеостанции. Он же предложил устроить в музее выставку изделий военнопленных.

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 57. Л. 66. Просьба за подписью И. Серышева.
[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.

Действительно, время было тяжелое, многого не удалось выполнить, и причина этого кроется, как говорилось в отчете, «не в упадке энергии и сознания долга перед подотделом, не в отсутствии сил и средств у него, а в тех создавшихся условиях, которые делали невозможной какую бы то ни было научную работу, клонящуюся к развитию деятельности Общества, делали невозможным распространение знаний среди населения и любви к изучению им Алтайского края». Совет отмечал, что большинство старых работников Общества «вынуждены временно уехать», и только с их возвращением деятельность Общества вновь возродится. С этим нельзя не согласиться, но так ли бедно было Общество «культурными силами» в рассматриваемое время? Уже назывался ряд товарищей, ученых, общественных деятелей — членов Общества 1918 и 1919 годов (не говоря о «старых» членах, дореволюционных). Присовокупим сюда еще некоторых. Это Александр Францевич Веронский — деятель просвещения, библиограф, автор обзоров; П. Е. Семьянов — учитель, автор ряда статей по этнографии алтайцев, активный общественный деятель. Его личный фонд в ГААК (д. 132, 32 ед. хр.) сохранил рукописи по археологии, особенно по древним рудокопам, о древних курганах, там же ряд географических статей, по экономике последних лет горного округа, собраны статистические сведения по пчеловодству и по истории кооперации. Он активнейший участник первой российской революции, сохранились документы того времени, как краевед, П. Е. Семьянов ждет еще интерпретатора. Вл. Вл. Суриков — учитель, директор реального училища; Ю. В. Ревердатто — кандидат юридических наук, офицер; Серышева Варвара Николаевна — инструктор культурно-просветительного союза; Л. П. Кинс — с 3-го курса Бестужевских курсов; Людвиг Людвигович Коровай — помощник начальника контроля Алтайской железной дороги; П. Розанов — секретарь Барнаульского общества эсперантистов; А. Н. Окороков — зав. лесничеством; В. М. Зарубин — казначей 5-го батальона; П. С. Романовский, офицер; В. А. Вольский, полковник; А. Ф. Барсуков — член ревизионной комиссии…

Несколько слов о других. Глеб Михайлович Пушкарев еще реалистом ходил в экспедиции Верещагина, участник революционных событий, писатель.

Степан Ильич Исаков, родился в Славгородском уезде, служил волостным писарем. Литератор, в эти годы в Барнауле был редакто-

ром журнала «Сибирский рассвет», тогда же издал сборник рассказов «Там, в горных долинах». Отличный краевед, он знал алтайскую деревню, природу края, о чем и писал.

Иван Григорьевич Зобачев — революционер, большевик-подпольщик, еще в конце 1916 года в Алтайском кооперативном союзе стал создавать группу для издания сборника «Сибирский рассвет». Этот сборник и Литературное объединение при кооперативном союзе служили легальным прикрытием демократических элементов в период колчаковщины; Зобачев много сделал для выживания творческой интеллигенции. Впоследствии он был редактором «Красного Алтая» и создателем многих документальных сборников, был «покровителем» литераторов. (К слову, тогда здесь же выжил А. С. Новиков-Прибой.)

Артемий Ильич Ершов родился в 1887 году в Омске, был учеником слесаря, принимал участие в нелегальных политических кружках, окончил учительскую семинарию, работал учителем. С 1917 года в Барнауле становится секретарем Алтайского союза кооператоров и до 30-х годов работает в кооперации. Писатель, 6 марта 1918-го первым в этом году подал заявление о вступлении в Географическое общество, тогда же вышел в Барнауле сборник его рассказов «В поисках родины». Охотно поддерживал начинания И. Серышева.

Павел Григорьевич Низовой (Тупиков) родился в 1882 году в крестьянской семье, стал наемным рабочим. Обучался в университете Шанявского в Москве. В рассматриваемые годы оказался в Барнауле и принял участие в организации сборника «Сибирский рассвет», но, преследуемый контрреволюцией, скрылся в Телецкое лесничество. Об этих годах вскоре создал повесть «В горах Алтая» и сборник рассказов «В горных долинах» — о партизанском движении. Впоследствии этот писатель признавался: «Самая лучшая глава вписана в мою жизнь Алтаем...»

Одним из деятельнейших сотрудников Алтайского подотдела эпохи 1917–1919 годов был, несомненно, Иннокентий Николаевич Серышев. Родился он около 1682 года, окончил реальное училище, затем Томский технологический институт. В годы начавшейся реакции он оказался в селе Верх-Жилино в сане священника и учителя церковно-приходской школы. Здесь приводились многочисленные примеры активности Серышева, он горел желанием изучить Алтай-

ский край «вдоль и поперек», готов был усыпать его очагами народного просвещения — краеведческими музеями. Он разработал продуманную программу краеведческой деятельности, особенно среди учителей и школьников, вовлек в ее осуществление различные кооперативные союзы. Расширил общественную значимость Алтайского подотдела, разработав условия вступления в него коллективных членов. Они должны быть равноправными, иметь представителя в совете. Его идеи нашли поддержку в губернском отделе народного образования периода «первой» советской власти. Но и в период «демократической контрреволюции» и колчаковщины земство вынуждено было считаться с уже начавшейся массовой работой.

Так, в мае 1919 года отдел народного образования Алтайской земской управы (заведующий — член подотдела П. А. Казанский) просил подотдел разработать и обосновать необходимость развития музейного дела в губернии, на это дело управа может выделить до 50 тыс. рублей. В подотделе подготовили текст[1], он полностью соотносится с предложениями мая 1918 года, хотя уклон сделан на внешкольное воспитание. Проект адресовали различным ведомствам Омского правительства. По политическим убеждениям Серышев был просто гуманистом, он, кажется, заметил и определил только один переворот — свержение самодержавия. Сразу после Февральской революции он покинул Верх-Жилино и появился в Барнауле, включился в работу Культурно-просветительского союза. Просвещение — дело всей его жизни. Он не заметил, похоже, перехода к Советам и сразу после возобновления работы Общества вступил в него, стал секретарем, развернул свою программу и работу. Он, наверное, не заметил и контрреволюционного переворота мая—июня 1918 года. В октябре 1918 года он дает распоряжение консерватору музея М. Н. Палкину ехать в Камень-на-Оби, там собрали порядочно экспонатов, особенно палеонтологических находок, планировали открыть музей, надо им помочь, научно оформить экспозиции. Он сообщает Палкину, что получил разрешение военного начальства на выезд. Оповестил об этом Каменский уездный отдел народного образования. Оказалось, пока Палкин собирался, встала Обь, пароходы больше не ходят, и он спешит уведомить Каменское земское начальство: «Уважаемые товарищи — к вам был направлен Палкин...»

[1] См.: Ф. 81. Оп. 1. Д. 57. Л. 117–126.

За «товарищей» в те дни жестоко расправлялись, а Серышев и этого не заметил: он хлопочет, чтобы в Камне был создан подотдел Общества, потому что только весной к ним можно приехать, ибо на лошадей у Общества нет средств, хлопочет, что надо привлекать кооперативы к культурнической работе[1].

Он создает общество эсперантистов, ведет различную переписку; закупил (как деятель Культурно-просветительского союза, но ведь надо было убедить правление, объяснить, на что тратятся деньги) за 6 тыс. руб. гербарий, собранный экспедицией Казанского университета, и передал его в Алтайское географическое общество. Он получил письмо от американца русского происхождения Жозефа Херренса, перевел его с английского и передает в подотдел. Американец желал бы получить большой участок земли для разведения скота и производства сельскохозяйственных продуктов, просит описать ему условия, климат, земли. Серышев обращается к знатокам-краеведам с просьбой подготовить ответ. Все время в хлопотах, корреспондирует в газетах, все дни в устройстве каких-то дел. После сентября 1919 года нет больше подписей Серышева под документами. В «деле» № 54 хранятся списки членов подотдела с 1911 по 1921 год с отметкой об уплате взносов. На листе 18 под № 196 стоит его фамилия с отметкой, что в 1918 году он «присутствовал», а за 1919 год и этой отметки нет.

Под № 195 записана его супруга Серышева Варвара Николаевна, которая «присутствует» (с этой отметкой на годовых собраниях) и оплатила взносы не только за 1919, но и за 1920, и за 1921 годы. Признаться, я предполагал, что его, как и Френкеля, как и Сурикова, как и Семенова (о нем хлопотал Серышев), забрали в белую армию, угнали с собой при отступлении после падения Омска. Вполне обычное дело, но только в конце 1980 года, после выхода в свет книги А. М. Топорова «Я — учитель», удалось узнать о судьбе этого замечательного человека, самобытного философа, гуманиста, алтайского краеведа, просветителя и деятеля культуры. В 1915 году, когда два алтайских просветителя впервые встретились в Верх-Жилино, Топоров передает свое впечатление: «Передо мною стоял высокий стройный человек лет тридцати трех с тонким, одухотворенным лицом и умными светлыми глазами. Был он коротко подстри-

[1] См.: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 53. Л. 51–52.

жен, на шее — воротник из голландского полотна, на шелковой рясе — хризолитовая звездочка, на ней — все те же буквы Esperanto».

Лишь в 1960-е годы возобновилась их переписка. «Надвинулась колчаковщина, а он, судя по всему, мало что понял. Во всяком случае, в самое неподходящее время отправился в Японию — за бумагой для культурно-просветительского союза. Ехал один, без жены, не думал, значит, остаться, вышло так, что больше на родину не вернулся». Позже в Австралию к нему приехала Варвара Николаевна. «О судьбы русские! — горько воскликнет Адриан Митрофанович. — Но не поразительны ли трудолюбие, жизнестойкость, энергия этого человека? Горько сознавать, что они потеряны для большой науки...» Топоров пишет, что Серышев оставил много сочинений исторического плана, в том числе в Русском институте Колумбийского университета хранится его автобиография в пяти томах.

Имя И. Н. Серышева до сих пор неизвестно широким кругам краеведов. Нашему филиалу необходимо продумать форму увековечения его имени.

К середине февраля 1919 года под ударами 26-й дивизии Красной Армии и партизанских полков белогвардейцы и интервенты на территории Западной Сибири были разгромлены, и была восстановлена советская власть.

Отдельные члены подотдела, его руководители считали, что с возвращением советской власти нет надежды на возрождение духовной деятельности. «Совет подотдела полагал, — как вскоре они объяснялись в обращении к Западно-Сибирскому отделу, — что Географическое общество прекратило свое существование, вследствие этого совет подотдела считал себя распущенным». Тем более, что «после последнего политического переворота, совершившегося в Барнауле 10 декабря прошлого года, музей и библиотека подотдела были реквизированы советской властью и переданы в ведение отдела народного образования». Однако осведомившись, что декрета, упразднявшего Географического общество, не было и что отделы его в Омске и в Томске продолжают функционировать, активисты открыли заседание. Действительно, протокол № 1 от 28 апреля 1920 года сохранился. Тогда собрались и «решили считать Барнаульский подотдел Русского географического общества продолжающим свое существование» пять человек: А. П. Велижанин, В. И. Верещагин, Е. Г. Родд, Л. Л. Коровай, М. П. Палкин. А на заседании 7 мая ре-

шено было «всех членов, принятых до переворота, числить действительными членами».

Из сохранившихся документов, переписки, протоколов видно, что совет подотдела волновала проблема взаимоотношений с губнаробразом. Однако следует заметить, что картина вырисовывается неприятная, противоречивая. Совет подотдела «встал в позу» к губнаробразу, и трения продолжались много лет вперед. Во втором письме в Западно-Сибирский отдел в июне 1920 года совет подотдела извещал, что почти все члены совета подотдела зачислены служащими музейной секции губнаробраза, и просил разъяснить, на основании какого устава действует Русское географическое общество. Жаловались, что поскольку они на службе наробраза — «то возникают коллизии, кому подотдел подчиняется», и спрашивали, возможно ли возвращение музея в ведение подотдела. Запросили и центральное Географическое общество. Наконец 1 сентября 1920 года пришла инструкция из Наркомпроса за № 1665 за подписью председателя научного отдела Тер-Оганесова. В ней говорилось, что отделы Общества подведомственны Народному комиссариату просвещения, но что разделение отделов или изъятие у них библиотек, музеев недопустимо без их разрешения. Особо оговаривалась (документ поступил и в губнаробраз) «просьба оказать отделам Географического общества всемерное содействие при их научной работе, столь важной для Советской России вообще и в частности для местного края»[1]. Извещение давало возможность урегулировать недоразумения, в том числе относительно здания музея.

7 сентября заседал совет. А. П. Велижанин доложил об очередных «переговорах» с губнаробразом. Решено было ждать ответа коллегии, а в случае отказа — обратиться в исполком губернского Совета, в Наркомпрос и в Сибирский отдел народного образования. Но губнаробраз в очередной раз отказывается возвращать музей и библиотеку; конфликт затягивается.

В январе 1921 года вдруг началось большое оживление в деятельности подотдела, связанное с инспекционной поездкой в Барнаул почетного члена Русского географического общества П. К. Козлова. Возникли угасшие было надежды.

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

П. К. Козлов был послан центральным Географическим обществом специально для восстановления утраченных связей с сибирскими отделами, а также по установлению контактов между местными властями и отделами Географического общества — в Петроград, надо понимать, доходили жалобы не только из Барнаула. В личном фонде П. К. Козлова в НАГО СССР сохранился исходный мандат, где указаны цели его поездки. Кажется, есть необходимость привести документ полностью, поскольку в официальной истории Общества, а также в биографических книгах о Козлове говорится только, что «поездка содействовала восстановлению непосредственной связи совета общества с этими отделами и оживлению их деятельности»[1].

Документ имеет печатный угловой штамп научного отдела Наркомпроса и круглую печать, от 1 декабря 1920 года.

МАНДАТ

Народный комиссариат по Просвещению уполномочивает путешественника по Центральной Азии и Тибету, почетного члена Русского географического общества Петра Кузьмича Козлова отправиться в Сибирь с целью установить связь с отделами и подотделами Географического общества в городах: Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске и Троицко-Савске; обревизовать их научную деятельность и по возможности установить контакт между отделами народного образования Сибири и отделами Русского географического Общества для плодотворной совместной работы на пользу просвещения Советской России.

Прошу все советские учреждения оказывать путешественнику П. К. Козлову всемерное содействие и в его далекой и сложной поездке, и при исполнении возложенной на него ответственной задачи.

Наркомпрос А. Луначарский

За председателя Коллегии народного совета Д. Артемьев

Управляющий делами Н. Белянкин[2].

Как видно, полномочия П. К. Козлова четко определены, они довольно широкие и ответственные: 1) установление прерванных связей, 2) ревизия научной деятельности отделов, 3) «по возмож-

[1] Географическое общество Союза ССР. 1917–1967. М., 1968, с. 21; в специальной статье «Козлов» в Сибирской советской энциклопедии (т. 2, стб. 794) нет упоминания об этой поездке.

[2] НАГО СССР. Ф. 18. Оп. 12. № 45. Л. 9. Подлинник

ности» — нормализация взаимоотношений между отделами и местными властями. Со всеми задачами ученый справился, но для Алтайского подотдела особенно важен был третий пункт.

П. К. Козлов

11 января 1921 года П. К. Козлов оказался уже в Барнауле, и состоялось заседание совета Алтайского подотдела. В своей речи он не только познакомил присутствующих с положением дел в нейтральном Географическом обществе, но и дал характеристику многим местным отделам. Он убедил, что отношение советской власти к Обществу «очень благоприятное», что Наркомпрос (а в первые годы советской власти вся наука, сама Академия, вся культура относились к ведомству Наркомпроса) «оказывает широкую поддержку Обществу», особенно финансовую, хотя издательская деятельность затруднена[1]. Председатель А. П. Велижанин приветствовал присутствие Козлова и обрисовал ему плачевное положение Алтайского подотдела «за последнее время после переворота», имеется в виду восстановление советской власти 10 декабря 1919 года, что музей и библиотеку «после переворота» (Велижанин неоднократно употребляет этот термин) губнаробраз взял в свое ведение. Как в других отделах? П. К. Козлов рассказал, что он уже встречался с заведующим Сибнаробразом тов. Чудиновым в Новониколаевске и тот уверил, что, например, в Иркутске музей отделен от Общества и это «только в интересах дела, так как наробраз имеет больше средств сохранить музеи и научные коллекции». Со своей стороны Козлов напоминает, что центральное Географическое общество музея не имеет, заграничные географические общества музеев не имеют. Он убеждал, что «Географические общества могут существовать и без музеев», но хранителями музеев должны быть лица, которые собирали научные коллекции. И подобную просьбу он будет отстаивать в своих переговорах в губнаробразе.

[1] См.: ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–60.

На заседании шли жаркие споры по отношению к наробразу и к проблеме принадлежности музея. В протоколе записано, что за оставление музея за Обществом голосовали члены совета; Г. С. Судейкин и другие — за губнаробразом. А. П. Велижанин настоял просить П. К. Козлова в переговорах «обратить внимание губнаробраза на незаконные его действия в смысле отчуждения музея и библиотеки, а равно и помещения от Общества». Упорные и настойчивые требования старого совета подотдела вызвали дискуссию среди членов Общества, поэтому было решено созвать общее собрание. Просили П. К. Козлова сделать доклад «Монголо-Сычуанская экспедиция и мертвый город Хара-Хото» и произвести выборы.

Сложилась весьма любопытная ситуация. Приезд П. К. Козлова явился своеобразным катализатором в размежевании позиций в Алтайском географическом обществе и своеобразным ускорителем перехода к конструктивному ведению дел внутри Общества и отношений с губнаробразом, т. е. фактически с советской властью.

И вновь приходят новые силы, новые люди ищут объединения. И вновь «протокол № 1» общего собрания от 16 января 1921 года. Теперь собралось 14 членов и приняли 29 новых. «Ввиду того, что Общество не функционировало почти два года (? — *А. С.*), считать Общество как бы (!) вновь (!) образовавшимся и правомочным». В чем дело, что за странные записи? Здесь приходилось приводить сведения о работе и совета, и самого подотдела в 1919 и в 1920 годах. Общество работало. Прошлый председатель А. П. Велижанин «доложил, что в силу отсутствия из центра сведений об отношениях между Географическим обществом и Губнаробразом. Алтайский подотдел вынужден был временно прекратиться». Явно Андрей Петрович кривит душой: «бумаги» имелись и из Западно-Сибирского отдела, и из Наркомпроса; старый совет был чем-то недоволен и не представил собранию формального отчета, поэтому новый совет считал, что Общество «почти два года» не работало. Ну что ж, избрали нового председателя, им стал Б. С. Семенов. Приняты новые члены, среди них Вас. Ник. Козлов — зав. санпросветом Губздрава, Ник. Фед. Блюдухо — зав. минералогическим отделом музея, Влад. Евг. Родд — сотрудник Центральной библиотеки, Алекс. Алекс. Ляпустин — зав. Губархивом, Екат. Конст. Баева-Семенова — энтомолог, Ф. И. Семенов — этнограф, Гр. Сем. Судейкин — зав. музеем, Лев Исидорович Купферштейн — фармацевт.

Председатель Б. С. Семенов поблагодарил собрание. «Он твердо убежден, что наука, внесенная в массы, победит те темные силы страны, которые мешают ее свободному развитию и осуществлению счастливой жизни. Разработка научных вопросов, изучение края, его природы, богатств и способов пользования ими, популяризация этих вопросов путем печатания трудов, чтения лекций и докладов — вот та краткая программа, к выполнению которой при тесном сотрудничестве с членами Общества он будет стремиться. Далее он выражает уверенность, что советская власть, с уважением относясь к науке, учитывая все значение ее, даст все возможности для автономного развития Общества и окажет самую широкую материальную и моральную поддержку».

В те «бурные» дни января состоялось несколько заседаний совета подотдела с участием П. К. Козлова, прошли его лекции перед трудящимися города, он встречался с руководством губнаробраза. И вот 22 января 1921 года состоялось «экстренное» заседание совета. П. К. Козлов и Б. С. Семенов доложили о переговорах. Оказалось, как заявил Семенов, в губнаробразе (заведующий т. Клейнштейн) не знают, что такое Географическое общество, а со стороны подотдела шли одни претензии. П. К. Козлов «добавляет», что т. Клейнштейн просил его собрать вот это заседание, чтобы подотдел выработал план своей работы и ознакомил с ним коллегию Губнаробраза. Петр Кузьмич посоветовал подработать проект устава Общества и представить в Губнаробраз, они, сказал он, «поймут». Одновременно необходимо подготовить смету и планы экспедиций. Со своей стороны он обещал финансовую помощь центрального Географического общества.

Так и было сделано. Составили устав[1], разработали смету, определили шесть экспедиций с расходами в 3 532 300 рублей, и уже 23 февраля на 8-м заседании совета рассматривали результаты взаимоотношений с Губнаробразом. Л. Л. Коровай доложил, что большая коллегия Губнаробраза рассмотрела все документы подотдела. Они не согласны возвращать музей, но не против предоставления музея для научных работ членов подотдела и включения в коллегию музея представителей Общества (т. е. они будут на зарплате, как и предлагал П. К. Козлов). Совет подотдела решил обратиться с вопросом о музее в другие органы власти.

[1] Черновая обработка см.: ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 2. Л. 55–56.

Всего две недели провел в Барнауле П. К. Козлов[1], но, как признавалось в годовом отчете (общее собрание 26 марта 1922 года), деятельность подотдела «оживилась»: 2 марта 1921 года на заседании совета решено представить общему собранию предложение об избрании его почетным председателем Алтайского подотдела. В характеристике особо оговаривалась «его неутомимая деятельность по восстановлению провинциальных организаций Русского географического общества вообще и Алтайского подотдела в частности». Совет обратился к П. К. Козлову с просьбой пополнить библиотеку рядом изданий из центра и передали ему список[2]. Кроме того, просили утвердить смету в 5 млн рублей, однако П. К. Козлов сообщил вскоре телеграммой из Иркутска, что центральное Географическое общество дает 1 млн. (Следует заметить, что и этого миллиона подотдел не смог получить; Губнаробраз тогда выделил из своих средств лишь 100 тыс.)

Но важнейшая проблема — возвращение музея для Общества — не была решена. Как отмечалось в отчете за 1921 год, вскоре после отъезда Козлова «начался ряд осложнений, препятствовавших работе в музее некоторых членов отдела, и затем произошло даже совершенное их удаление из состава сотрудников музея, вследствие чего им приходилось устраиваться на службу и уделять отделу только досуги. Отдел вновь обрекался влачить свое существование. Совет отдела стойко выдержал все эти невзгоды и продолжал функционировать, надеясь, что в конце концов Центр не может же оставаться глухим к весьма острым нуждам местных научных обществ краеведения и придет на помощь им». Нельзя не посочувствовать, но что же теперь произошло? Оказывается, председатель подотдела Б. С. Семенов был назначен профессором сельскохозяйственного института в Омске и уехал, а прежние руководители возобновили хлопоты с новой энергией.

И вот в июле, пользуясь поездкой Ф. И. Семенова в Петроград и в Москву, просят его выяснить: 1) правовое положение Общества;

---

[1] Как говорил Козлов своим новым друзьям и записал в книге отзывов музея, он был в Барнауле «с 10 по 22 января 1921» и «мысленно желал быть всегда среди самых горячих работников Алтайского подотдела Русского географического общества... Буду искренне счастлив, если своим приездом внес свежую струю в жизнь и деятельность местного кружка географов».

[2] Список см.: НАГО СССР. Ф. 18. Оп. 2. № 134. Л. 1–2. В нем рукою Козлова внесены библиографические уточнения.

2) взаимоотношения отделов с отделами Наркомпроса; 3) права отделов на создание ими музеев и основания этих прав и некоторые другие проблемы. Нельзя не заметить неприятия советом уже отрегулированных отношений и имеющихся документов, в частности инструктивного письма научного отдела Наркомпроса за № 1665 от августа 1920 года. «Вам, как члену подотдела, близко стоящему к делу, — записал совет в памятку, — известно положение Алтайского отдела, фактическое изъятие музея из его ведения, устранение всех деятелей Общества из музея (Верещагина, Родда и др.), известно отношение Губнаробраза к подотделу, лишение кредитов, штатов, невыдача Губиздатом трудов подотдела, поэтому совет просит Вас довести до сведения Русского географического общества. Желательно получить официальный документ». Не все здесь верно. Известно, что еще 2 марта 1921 года в коллегию музея утвердили Б. М. Быкова и Л. И. Купферштейна (т. е. они включены в зарплату), что и книги они уже свободно печатают (в частности, 1-й том трудов — «Сфагны Алтая» Б. Семенова), но их надо выкупать и т. п. Документы архива, лежащие рядом, в «одной папке», говорят за то, что совет игнорировал (сознательно?) факты или противодействовал компромиссному решению проблем. Так, в декабре А. П. Велижанин, ставший вновь после Б. Семенова председателем, был делегатом конференции краеведческих научных обществ в Москве, слушал Луначарского, решал дела Общества. Но, вернувшись в Барнаул, вдруг пишет письмо в Семипалатинский подотдел: на каких условиях их губнаробраз вернул музей, откуда берут источники и т. п. В конце января 1922 года получил письмо от председателя Семипалатинского подотдела протоиерея Бориса Герасимова: «Многоуважаемый Андрей Петрович! Я слышал, что музей и библиотеку у Вашего подотдела отобрали. Это самоуправство местных сатрапов. С нами здесь проделали такую же штуку в 1920 г., но мы принесли жалобу центральному Географическому обществу, оно снеслось с Москвой и последняя приказала нашему ГубОНО все нам вернуть обратно. Кредиты мы получаем от ГубОНО. Прилагаю копию предложения научного отдела Наркомпроса от 17 августа 1920 № 1665 — к сведению. Требуйте возвращения незаконно изъятых у Вашего подотдела музея и библиотеки...» Переписка с Семипалатинском шла интенсивная.

На заседании № 6 совета 10 мая 1922 года заведующий музеем Л. Л. Коровай докладывал, что научная работа в музее не ведется,

нет научных сил, но «можно совместно работать музею и Географическому обществу». Ему возразили: «чтобы научная работа велась, надо чтобы музей перешел в заведывание Географического общества, а это в том случае, если будут средства...»[1]. Совет подотдела повел дело несколько по-другому — кажется, по примеру Семипалатинска; решили запросить из жилотдела Горкомхоза справку — когда и кто национализировал музей, отпустили для получения справки 100 тыс. рублей, поручили М. Н. Палкину. Палкин же пока нашел документ о передаче дома и усадьбы от Кабинета е. и. в. в собственность Общества. (Сняли копию и поместили в сейф.) Но он же доложил, что «хотя в комхозе нет бумаги, что здание № 50 музея в списках национализированных, это, по словам т. Храпова, значения не имеет, т[ак] к[ак] составлялось несколько списков и они сами в них разобраться не могут, но, во всяком случае, дом определенно национализирован, и для официального выяснения этого вопроса надо идти официальным путем».

Так было в июле. Но вот 30 августа П. А. Дрозжилов сообщил, что он случайно встретил П. М. Юхнева и тот подтвердил, что он поддержит требование Общества, если подготовить хороший обоснованный доклад на заседание ЭКОСО. В сентябре Велижанин и Дрозжилов составили доклад[2], он рассматривался на заседании Губплана.

Плановая комиссия губернского Совета постановила — либо создать один совместный совет от Географического общества, губнаробраза и политпросвета, либо передать музей в Географическое общество по договору (аренда?). Как решит ЭКОСО. В октябре 1922 года экономический отдел решил: предложить ГубОНО представить в губисполком план реорганизации управления музеем и приведения в порядок библиотеки. 20 октября представитель Политпросвета т. Караваев доложил совету подотдела, что управлять музеем будет совет из 7 членов: 1 представитель политпросвета, зав. музеем, 2 научных сотрудника и 3 члена совета подотдела (к ним 3 кандидата)[3]. Кажется громоздко. Но тут же решили, что если ставки зарплаты будут достаточно высокими, то на должность заведующего пригласят достойное лицо (от имени совета подотдела), два

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
[2] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 8. Л. 30 и след.
[3] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 5. Л. 16 об.

научных сотрудника определены еще с марта 1921 года, остальные трое сотрудников от совета подотдела. То есть фактически управление музеем (музей) переходит в ведение Общества. И вот уже 10 ноября 1922 года на 20-м заседании совета подотдела было объявлено, что губисполком утвердил план реорганизации управления музеем, — и повели речь о том, кого избрать.

Кажется, многолетнее недоразумение было урегулировано. Все последующие документы за 1923 год говорят о нормальной деятельности: составляются планы работы, смета, отчеты, и они представляются в Политпросвет на утверждение формально, все решает совет подотдела. Как вдруг 18 декабря 1923 года на 55-м заседании А. П. Велижанин вновь предложил вернуть музей Обществу. Но его никто не поддержал, единодушно отклонили такое недальновидное требование[1]. И не случайно даже в отчете за 1925–1926 год сказано (выходит, все это долгое время надо было убеждать в правильности случившегося): «С конца ноября 1922 года музеем стал управлять совет: один от губполитпросвета (контроль), шесть от Географического общества — и научная работа в музее вновь возобновилась». С ноября 1923 года переименован в Государственный музей[2].

Нельзя не заметить, что четыре с лишним года тяжбы с губнаробразом не могли не влиять на научную и просветительскую деятельность Общества. Вместе с тем тяга интеллигенции, образованных людей, патриотов к общественной деятельности, к полезной работе для народа, к служению новому общественному строю проявлялась повсеместно. Географическое общество, его прошлые заслуги, возможность заняться изучением родного края и поставить его производительные силы на службу всему обществу — это привлекало в Общество новых членов, представителей новых социальных слоев. Новый прилив членства связан с приездом в Барнаул П. К. Козлова. Его лекции собирали до 500 слушателей. Скажем, в те дни вступили в члены Алтайского подотдела приват-доцент Томского университета Борис Влад. Тронов, студент Алекс. Влад. Тро-

[1] Там же, л. 48. Мне кажется, понятие автономии Общества у старого руководства было одностороннее, и с момента создания Общества в 1891 году они никому не представляли «в обязательном порядке» планов работы и «обязательных» отчетов. Это зависело только от доброго желания совета подотдела. Не здесь ли камень преткновения? Не здесь ли смутное, не ясное еще ни для кого внутреннее сопротивление огосударствлению общественной жизни?

[2] Там же. Д. 7. Л. 25.

нов, студенты Томского университета В. А. Плотников — все по рекомендации Велижанина, В. Н. Козлова, Б. Семенова. Стали членами Общества художник М. И. Трусов, В. Е. Добычин — участник экспедиции Б. Семенова. Причем художник Трусов предложил вылепить рельефную карту Алтая, если ему окажут помощь. В мае 1921 года подал заявление в члены Общества с «желанием работать в области этнографии» Леонид Алексеевич Сары-сэп Конзычаков — заведующий подотделом губпросвета по национальным меньшинствам. Стал членом Общества рабочий типографии Александр Федорович Астахов. В 1922–1923 годах вступили в члены Алтайского отдела преподаватель средней школы Ник. Мих. Вторых, врач Сергей Мих. Залесский, орнитолог Петр Мих. Залесский, Иван Мих. Залесский, Мих. Герас. Паромонов, аптекарь Е. С. Евсеев, врач М. М. Ларин, Вд. Дм. Богословский, Абрам Давидович Любарский, инженер Алексей Ионович Юферов, будущий историк-исследователь Циркунов, Глеб Андреевич Велижанин. Все новые члены активно включались в работу, делали доклады, помогали музею, составляли программы для школ. Они смотрели на Общество как на научное объединение, способное оказать влияние на развитие культуры, просвещения, на их личную научную и общественную деятельность.

Так, например, заведующий Алтайской секцией нацменьшинств Алтайского губревкома Л. Сары-сэп обратился в Алтайский подотдел с просьбой создать учебники по истории алтайцев. Он указывал, что имеется до 40 школ, где ведется преподавание на алтайском языке, но «учителя не знают истории Алтая и алтайцев, поэтому таковая и не преподается, несмотря на то, что она очень бы интересовала учащихся, развивала бы в них любовь к своей родине и порождала бы в их как губка впитывающих и крепко запечатлевающих душах стремление тщательнее изучать таковую». Мы, — пишет Сары-сэп, — хотим знать свою историю, и чтобы не говорили про нас, как когда-то про русских, что велико незнание России внутри России»[1]. Об этом говорит также и заявление о вступлении в Общество К. Е. Багаева. Он писал: «Барнаульский отдел Русского географического общества — члена профсоюза Всемедиксантруд лекпома К. Е. Багаева, проживающего по 2-й Алтайской улице, дом № 51. Ин-

[1] ГААК. Ф. Р-140. Д. 1. Л. 54. Совет подотдела откликнулся на просьбу. Поскольку учебников не было, то 8 июня 1921 года просили Выдрина, Семенова, Ляпустина создать учебник родиноведения Алтая (там же, д. 2, л. 28).

тересуясь работой Географического общества и желая сам принять посильное участие в его работе, прошу принять меня в члены Общества на общих основаниях. Рекомендовать меня может член Общества доктор А. П. Велижанин, который знает меня много лет. Лекпом К. Е. Багаев. 4. УП.23. Барнаул». Резолюция: «Рекомендующие Велижанин, Быков (подписи)» и приписка: «принят единогласно»[1].

Действительно пришли новые люди. Лекарский помощник (санитарный фельдшер) Константин Еремеевич Багаев осенью 1903 года появился в Барнауле, приехал из России на заработки, легально помогал группе РСДРП, примыкал к ней, открыто выписывал «Правду» в 1912 году[2]. Имея легальную «крышу» профсоюза медработников, выступал связующим звеном по восстановлению комитета РСДРП после очередного ареста его членов. Неоднократно пользовался связями и покровительством кадета А. П. Велижанина, своего начальника. (К сожалению, и тот и другой впоследствии были репрессированы.)

Всю первую половину 1920-х годов Алтайский подотдел «металcя», искал «точку опоры» своей работы, много сил уходило на разрешение различных компромиссов с наробразом, не хватало средств на организацию экспедиций, трудно было организовать выпуск научных работ. Сложная и тяжелая работа по консолидации сил носила противоречивый характер. Читая и анализируя сохранившиеся документы тех лет, ловишь себя на мысли, что совет подотдела почему-то не воспользовался (не сумел, не хотел, не смог?) перепиской с Главнаукой и Центральным советом Географического общества, не понимал законов советской власти о культуре, об образовании; кажется, они ждали, что кто-то отрегулирует их взаимоотношения с новыми властями, кто-то даст точную инструкцию, кто-то «зажимает» их инициативу. Совет не доверял многим предложениям центра, другим обществам, относился настороженно даже к предложениям научных связей.

Еще в бытность П. К. Козлова в Барнауле он пригласил представителя от подотдела на съезд научных обществ в Томск. Был избран Б. С. Семенов. На заседании совета 23 февраля 1921 года он сделал доклад о результатах командировки. Семенов доложил, что съезд по исследованию Сибири отложили, перенесли на 10 марта,

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 4. Л. 44, подлинник.

[2] См: К. Е. Багаев. Всю жизнь... (Воспоминания коммуниста). Ставрополь, 1969.

а он имел частные беседы с профессором Сапожниковым и другими учеными. Из бесед он вынес «тяжелые впечатления». Сапожников пояснил, что экспедиции теперь будут подразделяться на три категории, и в зависимости от значимости их будет идти финансирование. К первой категории относятся так называемые «ударные» экспедиции, они ставят ударные задачи, разрешающие чисто практические цели. Выяснилось, что все экспедиции университета будут «ударными», ассигнования пойдут только для них. Например, экспедиция профессора Сапожникова займется изучением лугов Алтая, экспедиция профессора Поспелова займется вопросами электрификации. Академическая наука, горько заметил Б. Семенов, «зашла в тупик». «Уже одно, что вдохновитель университета заслуженный профессор Сапожников своей экспедиции дает задание обследовать луга, каковую работу может сделать любой студент университета 3-го курса, говорит само за себя...»[1].

Самым тяжелым ударом были слухи, что «создано будет центральное учреждение, которому наверное передадут монополию на исследование Сибири, т. е. предполагается воскресить Институт исследования Сибири, так бесславно, хотя и вовремя, умерший». Семенов безнадежно закончил свой доклад: «Если эти ожидания оправдаются, то дело изучения Сибири надолго умрет, так как предполагается не разрешать ни одной экспедиции без предварительного рассмотрения их в названном учреждении»[2]. Через четыре года та-

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 2. Л. 18

[2] Об Институте исследования Сибири см.: Сиб. сов. энцикл., т. 2, с. 280; а также: ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 53. Л. 55, 58, 60, 98. Скепсис Б. Семенова по поводу монополизации исследований края вышестоящими (сторонними) учреждениями при недоверии к местным научным краеведческим силам вполне объясним как современными, так и прошлыми примерами. Еще в октябре 1918 года, когда обсуждалась программа и предложения по созданию Института исследования Сибири, подотдел обратил внимание, что Институт полностью предполагает сосредоточить за собой всю научно-исследовательскую работу. Руководители совета подотдела были недовольны политикой централизации, и тогда же Семенов, Суриков и Ланк «вынесли пожелание, чтобы все дела касательно Географического общества не решались помимо совета», хотя, скажем, Серышев был склонен вести дела и переговоры с Институтом. Институт возник по инициативе Вейнберга, Сапожникова, Поспелова. Он сделался центром интеллигентных сил, недовольных приходом советской власти, и летом 1920 года Сибревком его закрыл. Теперь, весной 1921 года, Б. Семенов застает фактически ту же ситуацию в руководстве научной деятельностью, что и при белогвардейском режиме. Он был возмущен.

кое единое учреждение было создано. Но все-таки выход был найден.

Так, на съезде исследователей Сибири утвердили две алтайских экспедиции — археологическую и этнографическую (руководители Г. Вагин и Ф. И. Семенов) — и зоологическую (руководитель А. П. Велижанин), а другие экспедиции просили утвердить того же Б. Семенова (он уже был в Омске) от имени Западно-Сибирского отдела, археолог же Вагин имел поручение от Московского археологического института. Так, например, прошла экспедиция школьников г. Барнаула под руководством членов Общества А. М. Красноусова, А. В. Анохина, А. Г. Парамонова. Они изучали район Чемала—Куюма—Каракольских озер и дальних окрестностей. Условия экспедиции были тяжелыми, питание недостаточное, не хватало обуви, школьники 7–9 классов некоторые переходы в 40 км делали босиком, недоставало научного оборудования. Экспедиция тем не менее собрала гербарий горной флоры до 300 видов и насекомых — передали в земельный отдел. Был снят топографический план Каракольских озер, проводили метеорологические наблюдения. В нескольких селах произвели этнографические сборы и антропологические обследования алтайцев (среди участников экспедиции были школьники-алтайцы). Результаты были доложены на собрании Общества.

Но многое не осуществилось, начался переход к новой экономической политике, внедрялся хозрасчет, возникающие было отделы стали разваливаться, «кредитов не дали» — жаловались на заседаниях подотдела. Даже существующий от имени государства губернский музей не имеет кредитов, живет на те крохи, что случайно находит Губнаробраз[1]. Или вот сочинение Б. Семенова «Сфагны Алтая» (в виде 1-го выпуска «Трудов Алтайского подотдела»), заказанное на средства ГубОНО, 434 экз. Госиздат отпечатал, но не выдал бесплатно, как было до нэпа, а только за указанную цену. «Застрял» к тому времени и тот миллион, что выхлопотал Козлов из центра для подотдела. Задержали на этом же основании «Очерки Алтая» В. И. Верещагина (2-й выпуск «Трудов»), поскольку требовалось 15 пудов бумаги хорошего качества, а Губиздат политпросвета отказал. Подотдел запросил бумагу в Сибгосиздате. Подготовлены были сочинения других членов подотдела — Велижанина, Родда,

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 1. Л. 119.

Дрозжилова, Блюдухо, братьев Троновых («Восхождение на Белуху» и «Иссследования в Южном Алтае»), К. Г. Филиппова[1]. Как будто дело двигалось, читались на общих собраниях лекции, «но на деле вышло иное, — вынуждены признать в годовом отчете за 1921 год, — проект, смета и экспедиции — все пошло насмарку».

Работа несколько ожила после поездки А. П. Велижанина в Москву, на первую Всероссийскую конференцию научных обществ и учреждений по изучению местного края. Она проходила о 12 по 20 декабря 1921 года. Па съезд приехали представители от 126 учреждений и обществ. Основной доклад сделал нарком А. В. Луначарский. Он обрисовал перед делегатами безрадостную картину состояния научной работы на местах. Русская революция, пробудившая дремавшие народные творческие силы и вызвавшая последние к усиленной деятельности в различных областях социалистического строительства, проявилась также и в сильном развитии научной и научно-организационной деятельности. Особенно это сказалось в провинции, где начиная с 1918 года возникает целый ряд научных и научно-художественных обществ и учреждений, преследующих цели изучения местного края с самых различных точек зрения. Однако отсутствие специалистов и опытных работников по многим отраслям краеведения, с одной стороны, с другой стороны — тяжелое экономическое и продовольственное положение, сильно тормозили и тормозят деятельность этих обществ и учреждений. Не хватает научного оборудования, члены обществ и сотрудники научных учреждений голодают, нет опытных руководителей, нет средств для издания трудов. Все представители с мест говорят об этом. А. В. Луначарский нацелил делегатов на ту мысль В. И. Ленина, что гражданская война победоносно окончена и теперь мы приступаем к планомерному строительству России. Основанием же работы и возрождения должны стать живые, творческие силы страны. Нельзя представить, говорил нарком, чтобы без культурных сил можно было решить какие-либо проблемы. Особенно велика роль местных научных кадров, краеведов, ибо мы «задыхаемся от отсутствия точных фактов с мест», надо чтобы «научная мысль освежила светочем эту работу...» — так А. П. Велижанин передавал содержание доклада[2].

[1] Там же. Л. 147.

[2] См.: ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 и след.; Д. 8. Л. 126.

Сама конференция, ставшая съездом краеведов России, заложила основы объединения краеведческих движений и местных краеведов. В Москве было создано Центральное бюро краеведения, председателем избран русский ученый Д. Н. Анучин (ум. в июле 1923). В марте 1922 года Велижанин докладывал о съезде, и совет подотдела разработал новый план экскурсий, чтения лекций, работы музея. Но заметного сдвига не произошло. По-прежнему совет подотдела интриговал по поводу здания музея, работы самого музея, его отделов, возвращения библиотеки. Дело выглядит неприятно, совет фактически не признает назначения директора музея со стороны Губнаробраза. Совет подотдела, например, без согласования с музеем назначает собрания в его помещении, директор выговаривает Обществу. Совет обвиняет заведующего метеостанцией Е. П. Березовского, что он якобы прочел плохую лекцию в сельскохозяйственном обществе, что якобы Березовский «предсказал» засуху на конец 20-х годов, обвинили его в некомпетентности. Много усилий потратил совет подотдела на переписку с Центральным бюро краеведения и с Томском — чтобы признали Верещагина, Родда и Быкова как ученых, поставили их на учет, выдали «академический паек», улучшили квартирные условия. На них были составлены специальные карточки (анкеты)[1].

За 1922 год было сделано несколько публичных докладов, так, например, Б. М. Быков неоднократно выступал с диапозитивами с обзором «Река Лебедь и Башкаус»; Березовский обобщил сведения о метеонаблюдениях за 80 лет; П. А. Казанский подготовил статью по проблеме об освещении Сибири и Алтая в современных учебниках географии.

Уходил в историю 1922 год, кажется, наиболее тяжелый для Сибири, Алтайской губернии: только с этого года здесь вводилась новая экономическая политика, постепенно сокращались крестьянские бунты. Тяжелым он был и для алтайского краеведения. Введение хозрасчета сняло обещанные кредиты, все задумки повисли в воздухе. Очень неопределенным было руководство культурой, научной деятельностью со стороны государства. В Новониколаевске при Сибнаробразе создается филиал по исследованию Сибири в рамках Главнауки (Научный комитет Наркомпроса), он пытался разрабаты-

[1] См.: ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 1. Л. 102; Д. 5. Л. 3; Л. 120 об.

вать научно-исследовательские экспедиции, составлял обширные планы по регулированию краеведческих исследований в губерниях Сибири, ему перешли в подотчет местные музеи. С введением новых хозяйственно-экономических отношений финансирование прекратили, филиал ликвидировали (реальных дел и не было). Алтайский подотдел в отчете за 1922 год в центральное Географическое общество все еще жаловался, что «Губнаробраз после переворота 10 декабря 1919 года... отобрал музей, библиотеку... что Наробраз их не слушает...». «Работать не можем», — заключалось в отчете. Это настоящий вопль отчаяния алтайских краеведов, крик души, боль по утраченным иллюзиям возрождения общественного краеведения[1].

В 1923 году происходит оживление в работе подотдела, это связано с урегулированием дела относительно музея, участия совета подотдела в его руководстве. В январе Велижанин и братья Залесские представили проекты своих экспедиций по краю: на озеро Чаны, в верховья Барнаулки — через Губнаробраз им выделили средства. Летом была повторена экспедиция школьников в Горный Алтай. По предложению Верещагина создали спиртовые коллекции частей горной флоры, поврежденных тлями (с самими вредителями), около 30 видов — и отправили в Академию наук. Было собрано несколько тысяч насекомых, собирали птичьи шкурки. Впервые было осуществлено практическое задание: по программе губернского агронома описали два селения по сельскохозяйственной тематике. Кроме того, провели опрос 100 человек по антропологической схеме, создали 200 рисунков предметов материальной культуры алтайцев. (Сообщение об экспедициях помещено в «Сибирском педагогическом журнале», 1924, кн. 3.) С января стали поступать средства Наркомпроса на выплату зарплаты сотрудникам отдела (т. е. музея) — секретарю, сторожу, поломойке. В том году состоялись два общих собрания и 34 заседания совета. Организационное оживление заметное, улучшилась работа по систематизации отделов музея. Были поездки Б. Быкова в Ханхаринские пещеры, Велижанина с сыном, В. Вейсмонтом и А. И. Лихачевым — в верховья Барнаулки. Были интересные лекции Березовского об изменении поясного времени, члена Общества Б. В. Волжского «Путевые впечатления по Кир-

[1] Его текст на машинке, через 0,5 интервала, синим цветом, двусторонний, подписи председателя Велижанина, секретаря Быкова — см. ГНАГО СССР. Ф. 1918 г. Оп. 1. Д. 20. Л. 4 и след.

гизскому краю» и довольно практический доклад В. Е. Буторина «Об опытах применения удобрения в Алтайской губернии и о сортовых хлебах». Еще более серьезное и жизненное сообщение было заслушано на общем собрании, его сделал С. И. Муромцев — «О финансовом и экономическом положении Алтайской губернии».

Очень важным моментом того года был учет членов Общества. Если волна 1921 и 1922 годов привела в Общество свыше 150 новых членов, то новая регистрация к концу 1923 дала лишь 51. Несомненно, это говорило о более серьезном подходе совета к вступающим в Общество, об ответственном отношении к мероприятиям, их содержанию. С фактическим переходом музея в ведение совета подотдела стал меняться и его статус. Губполитпросвет потребовал представить устав Общества. В феврале Велижанину поручили пересмотреть текст устава, который подготовили еще в 1921 году. Одновременно пришло указание из центрального Географического общества и Бюро краеведения о создании нового устава и организации местного бюро. Совет согласился и разработал устав местного бюро краеведения. Такая серьезная работа свидетельствовала о стабилизации организационных основ и признании местного краеведения как серьезного общественного движения.

Об этом свидетельствует текст нового устава Алтайского географического общества и помещение его в «Бюллетене НКВД», № 12, июнь 1923. Он значительно отличался от присланного. Первый параграф устава центрального Общества гласил: «Русское географическое общество имеет целью собирать, обрабатывать и распространять в России географические, этнографические и статистические сведения вообще и в особенности о самой России, а также распространять достоверные сведения о России и других странах, объединяя лиц, научно работающих в упомянутых областях знания на всем протяжении РСФСР и отдельных автономных республик, входящих в ее состав» (Географическое общество Союза ССР. М., 1968. С. 23). Узкие задачи старого Общества — собирать, обрабатывать, распространять знания — не удовлетворяли алтайских краеведов и в досоветское время, тем более не могли служить ориентиром теперь, в условиях всеобщей социализации. В новом уставе утверждалось, что Алтайский отдел есть самостоятельное Общество. Записано так: «1. Общество именуется: Алтайский отдел Русского географического Общества, составляет часть Русского географического общест-

ва и пользуется всеми правами, присвоенными названному Обществу». Там же сказано, что Алтайский отдел исполняет поручения Центрального общества, «касающиеся задач Общества, представляет Обществу сведения, относящиеся к специальному кругу его занятий и пользуется поддержкой и содействием Общества во всех своих ученых предприятиях»[1]. Можно заметить, что составители Устава не отрывают себя от Центрального общества, но и не подчиняют себя ему напрямую; средства теперь поступают от Наркомпроса. Зависимость от последнего вовсе отсутствует, но как часть прославленного Географического общества Алтайский отдел пользуется всеми его правами.

Какую задачу ставит Алтайский отдел? «Общество имеет целью объединение в Алтайской губернии и сопредельных местностях лиц, научно работающих в области краеведения, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам Общества в общественной среде». Формулировка задач значительно усилена и усложнена в сравнении с предыдущими уставами. Теперь члены Общества не отказываются от «научных разработок» различных проблем местного края, и, что самое главное, — задачи свои видят в работе на пользу «общественной среды». Можно говорить об идеологизации деятельности, не придавая, правда, специального политического оттенка этой терминологии. Но нельзя не признать постепенного переключения внимания Общества в сторону обслуживания практических нужд советского строительства. И не случайно Алтайское общество встретило поддержку Сибревкома: в январе 1923 года в Барнауле был заведующий Сибнаробразом Д. Чудинов (см. его запись в Книге почетных посетителей краевого музея, л. 6). Он много беседовал с сотрудниками, посетил музей и нашел его, как он записал, в очень хорошем состоянии, «несмотря на общие тяжелые условия». Д. Чудинов заметил, что поддержание музея в рабочем состоянии «доказывает исключительную преданность и любовь к делу тех работников, которые выносят теперь музей на своих плечах». Он обещал «самую искреннюю поддержку» алтайским краеведам[2].

Еще в середине года, когда по неоднократным жалобам Алтайского подотдела центральные органы переписывались о проблеме

[1] НАГО СССР. Ф. 1-1916. Оп. 1. Д. № 2. Л. 86 и след.

[2] См. его запись в Книге почетных посетителей краевого музея, л. 6.

возвращения музея Обществу, появился доклад центрального Географического общества Академцентру Наркомпроса. Там говорилось, что общества на основе экспедиционных работ создают музеи и библиотеки, их изъятие нежелательно, это отрицательно сказывается на объединении краеведческих сил, что видно по Барнаульскому отделу[1]. Но не случайно в конце года было отклонено требование Велижанина вновь бороться за музей (о чем говорилось ранее). Разработанная смета на 1923 год исполнялась с учетом поступающих средств, по золотому исчислению. Наркомпрос платил зарплату нескольким сотрудникам, был создан коллектив препараторов, которые сделали уже 22 хороших чучела. Губнаробраз выделил 15 тыс. рублей дензнаками на экспедицию. Члены Общества убедились, что Политпросвет привел библиотеку в порядок, она хранится в Губархиве, стали составляться каталоги. Поэтому, как писали они в отчете в центральное Общество, «у нас стала создаваться новая библиотека»[2]. Алтайский отдел Географического общества прекратил препирательства о музее. 19 декабря 1923 года был зарегистрирован устав Алтайского отдела[3].

Очень хотелось бы наименовать 1923 год переходным годом к нормальной (без острых потрясений) краеведческой деятельности, к нормальной научной работе. Об этом свидетельствует последнее в том году 55-е заседание совета от 18 декабря. На нем обсуждалась повестка будущей 5-й сессии Центрального бюро краеведения. Бюро разослало просьбу высказаться предварительно об организации массовой краеведческой работы. На заседании с горячей речью выступил старейший краевед Е. Г. Родд. Он перечислил все возможные формы исследования местного края и оформления результатов, среди них: экскурсионный способ изучения, подготовка изданий, разработка собранного материала и организация коллекций, остановился также на проблеме необходимых средств для подобных работ. 28 декабря секретарь Б. Быков составил докладную записку для Бюро, где изложил мотивы и предложения Алтайского совета Общества об усилении научности краеведческого движения.

---

[1] См.: ГААК. Ф. Р-140. Д. 7. Л. 297.

[2] См.: НАГО СССР. Ф. 1. Оп. 1., Д. 3. Л. 48 и след.

[3] См.: ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–5 (Устав). Л. 7 — удостоверение о регистрации начальником административного отдела Алтгубисполкома Палькиным

...Любопытную таблицу изученности Сибири к периоду революции (на 1917–1918 гг.) создал профессор Борис Петрович Вейнберг. Он работал в Сибири с 1909 по 1924 годы, участвовал в организации и деятельности различных краеведческих обществ, таких как Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, Института исследования Сибири, Томского общества естествоиспытателей. Он неоднократно бывал в Алтайском округе по обследованию ледников, организации геомагнитных изучений, создал сводку магнитных определений Сибири с 1820 по 1918 годы. Его таблица помещена в Сибирской советской энциклопедии (т. 3, стб. 705). Она показывает исследованность (в процентах) территории Сибири по различным отраслям знаний.

Отрасли знаний	Хорошо	Посредственно	Не исследовано
Картография	2	7	71
Геология	2	22	76
Судоходные реки	13	21	66
Почвы	13	11	16
Флора	9	25	66
Фауна	2	12	86
Населенность	33	15	52

Данные свидетельствуют, что изученность Сибири к моменту установления советской власти была весьма и весьма слабой. Однако мы должны оговориться, что если вычленить Алтайский край, т. е. взять его самостоятельно, то процент изученности его территории значительно возрастет. Алтайский горный округ привлекал внимание многих ученых, исследование его относительно других территорий было достаточным. Но с точки зрения применения научных результатов к практическим нуждам хозяйства знаний, конечно, недоставало. Задача комплексного изучения края оставалась острой, необходимой. Продолжатели дела учредителей и предшественников с дореволюционного времени унаследовали традицию бескорыстного служения Родине, народу, отдачи всех сил делу просвещения, развитию передовых научно-географических идей, гуманизации знаний в Алтайской губернии. За время 1917 и к началу 1920 годов политическая власть четырежды переменялась, но можно заметить, что члены подотдела остались верны духу Общества, выработался определенный коллективный подход к восприятию

действительности; принадлежность к Обществу спасало каждого от опрометчивых сиюминутных перемен, переворотов; «скорлупа» Общества и, до какой-то степени, замкнутость, корпоративность давали возможность сохранить общие идеалы и личное кредо его членов. Можно понять известную ершистость совета подотдела весной 1910-го, затем 1920–1922 годов — отказ подчиниться требованиям Губнаробраза по национализации музея, библиотеки, метеостанции и сопротивление, как, им казалось, переносу процесса огосударствления на их личные научные интересы. Они были в своеобразной оппозиции, и только после инспекционной поездки П. К. Козлова в Барнаул, после решений Всероссийской конференции краеведных научных обществ в 1921 году и некоторых дальнейших мер осуществился их переход на службу социалистическим интересам новой России.

Поэтому в новом 1924 году одним из первых решений Общества стало утверждение новых почетных членов отдела. Хороший пример здорового развития Общества. Заслуженные и активные члены Общества Казанский, Березовский, Сурин, Буторин, Любарский, Быков и другие еще в марте 1921 года выдвинули В. И. Верещагина и Е. Г. Родда в почетные члены. Но организационные отношения в подотделе тогда были неустойчивыми. Теперь они представили новое предложение об избрании Верещагина «как многолетнего исследователя горного Алтая», а Родда «как давнего исследователя энтомологии Алтайского края». 12 февраля 1924 года В. И. Верещагин благодарил коллег и обещал «и впредь по мере сил продолжать свою скромную работу по собиранию материалов для изучения ставшего для меня родным Алтайского края». Был избран почетным членом профессор П. Н. Крылов, давно сотрудничавший с Алтайским отделом. Почетным членом тогда же был утвержден и В. В. Сапожников. 13 апреля он прислал письмо с благодарностью за избрание, а 16 мая пришло новое письмо. Вот его текст: «Многоуважаемый Андрей Петрович! За несколько дней до 20-го апреля я опять свалился с повторной пневмонией, поэтому не присутствовал и на собственном юбилее. После него ректор университета вручил мне диплом на звание почетного члена Алтайского отдела. Горжусь этим исключительным вниманием и еще раз прошу Вас передать мою искреннюю благодарность Алтайскому отделу Русского Геогр. Общества. Оказав мне внимание за исследовательскую работу, я надеюсь, Алтайский

отдел не откажется оказать мне и некоторое содействие при моем переезде на юг Алтайской губернии ближайшим летом для поправления здоровья. Хотя я нахожусь сейчас в постели, но по свидетельству врачей могу выехать на пароходе в самом начале июня н. ст. В Барнаул около 6–10 июня я надеюсь прибыть с двумя спутницами и очень рассчитываю, что члены Отдела помогут остановиться в Барнауле до поезда, а также гарантируют мне места на железной дороге до Рубцовки, откуда я перееду (уже при местном содействии) в Колыванский завод. О времени приезда телеграфирую»[1]. Письмо написано рукою, видимо, одной из будущих «спутниц», но подпись В. В. Сапожникова. На заседании совета 28 мая было поручено А. П. Велижанину (его ученику и сотруднику по путешествии в Монгольский Алтай) и В. И. Верещагину встретить Сапожникова, обеспечить все просимое, приобрести билеты. Неутомимый исследователь Алтая (впервые в Барнауле Василий Васильевич прочитал лекцию в зале Горного училища в 1896 году) под конец жизни решил хоть один раз отдохнуть на Алтае же, однако 12 августа В. В. Сапожников скончался, и 17 декабря 1924 года было устроено заседание памяти ученого.

Мало что удалось сделать и в 1924 году, сотрудникам отдела Наркомпрос выделил лишь 37 рублей в месяц, поэтому работа велась в основном вокруг музея. В феврале 1923 года, в связи с переходом на хозрасчет, была введена плата за посещение, и резко упал приток публики. Если за 1922 год было 40 639 посетителей, то за 1923 всего 10 016 человек, а за 1924 — 15 903 посещений. «За неимением средств на организацию экспедиций, — сообщалось уполномоченному Наркомпроса по Сибири в июне 1924 года, — деятельность Отдела выражается в пополнении естественно-исторических коллекций, в сообщениях на различные краеведческие темы на очередных заседаниях». Так, например, на заседании 20 февраля обсуждался циркуляр ВЦИК о порядке учета и охраны памятников природы, старины и искусства, совет создал комиссию[2]. На самом деле это был декрет ВЦИК РСФСР от 7 января 1924 года «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». Позже к нему была разработана инструкция. Кроме охраны памятников истории и искусства, декрет «не допускал» самочинную рубку деревьев, ис-

[1] См.: ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 7. Л. 78–78 об.

[2] Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. М., 1973, с. 38.

требление всякого рода лесонасаждений и растений, нарушение и изменение планов и историко-художественного пейзажа в парках и садах, находящихся в ведении музеев, а также запрещались рубка насаждений и охота, эксплуатация недр земли и мелиорационные работы — в местностях, подлежащих научной охране. Этим декретом воспользовались деятели Географического общества. Был разработан список памятников, подлежащих охране, и вынесен на утверждение губисполкома. Каждому памятнику давались обоснования. Так, например, включена в список б. Дмитриевская церковь как памятник зодчества начала прошлого столетия, а также Демидовский столб вместе со снятыми с него медными плитами. История плит закончилась плачевно, их увезли в Новониколаевск и сдали в утиль[1]. Но комиссия предложила, кроме памятников архитектуры, взять под охрану и объекты природы — насаждения елей в Кислянской лесной даче. К проблеме охраны памятников культуры и природы местное Географическое общество возвращалось неоднократно. В частности, в «Алтайском сборнике», т. XII, был опубликован «Список наиболее выдающихся памятников Барнаула, составленный в марте 1928 комиссией Алтайского отдела Русского географического общества», но это лишь часть общего списка.

Всего за 1924 год — хотя и не было полевых экспедиций — состоялось 7 докладов и 11 научных сообщений, была разработана анкета и программа фенологических наблюдений, разослано 800 опросных листов. За короткое время вернулось 155 ответов. (В деле № 14 сохранилось 173 анкетных листа.) Деятели Общества уделили большое внимание школьному краеведению, помогли методической комиссии ГубОНО составить программу и руководство к изучению своей местности — для 3-го класса школы. Решено было создать сборник по краеведению в помощь учителям. Губернский отдел народного образования обратился в Географическое общество за помощью подобрать в архиве документы по истории Барнаула и края, «чтобы иметь этот материал всегда под руками». В чем причина запроса? Дело в том, что в конце 1924 — начале 1925 года местный архив перебазировали в Новониколаевск (он становился центром единого края, губернии упразднялись), но по школьным программам вводилось в обязательном порядке изучение родного края,

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 7. Л. 173. Д. 12. Л. 79–103. См. об этом: Сергеев А. Д. Память эпохи. Барнаул, 1982. С. 124.

города. Заведующий отделом социалистического воспитания молодежи т. Гроза беспокоился, что «в ГубОНО нет особо сведущих лиц, которые могли бы взять на себя эту обязанность, и просил Общество помочь в подборе документов». Все это говорит о росте авторитета Общества, о его признании, о том, что оно «вписалось» в структуру советских учреждений.

Об общественной значимости Алтайского отдела говорит также и то, что созданное в Барнауле научное общество вошло составной частью, как секция, в Географическое[1], а 17 декабре 1924 года состоялось «соединенное заседание» членов Алтайского отдела и Научного общества врачей — по инициативе нашего отдела[2].

Можно думать, что Алтайское географическое общество играло известную роль и в рамках всего Географического общества, ибо в 1924 году насчитывалось лишь 15 периферийных организаций Географического общества по всему Союзу ССР[3]. Руководителями отдела в тот год были следующие активисты: А. П. Велижанин, 48 лет, главный врач губбольницы; П. М. Залесский, 28 лет, заместитель заведующего отделом местных средств ГорФО; Е. Г. Родд, 52 года, заведующий станцией защиты растений; В. И. Верещагин, 50 лет, преподаватель рабфака; Н. И. Таскин, 45 лет, учитель, заведующий школой; М. А. Сурин, 73 года, заведующий государственным музеем; М. Н. Палкин, 48 лет, помощник лесничего; Е. И. Покровский, 32 года, заведующий лесным отделом; Ф. Н. Харкевич, 48 лет, заведующий архивом и библиотекой губисполкома, учитель географии школы рабочей молодежи; Б. М. Быков, 55 лет, статистик. Им и их соратникам (всего членами Общества в те годы состояло от 40 до 50 человек) пришлось тогда разрабатывать новые подходы в краеведческой деятельности, самим осознать новое понимание краеведения, искать новые формы организации научно-краеведческой работы. Краеведение должно стать массовым явлением, руководители (и творцы) краеведческого движения неумолимо должны были прийти к мысли о необходимости поставить перед краеведением практические задачи содействия росту материальной и духовной культуры народа. Восприятию таких задач им особенно помогла 2-я всесоюз-

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 7. Л. 187.

[2] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 12. Л. 138.

[3] См.: Географическое общество Союза ССР. М., 1968. С. 25.

ная конференция по краеведению в декабре 1924 года. Делегатом от Алтайского отдела был М. Н. Вторых.

Как и на первой конференции, основной доклад сделал А. В. Луначарский. Говоря о размахе краеведческого движения, он призывал местных деятелей крепить связь краеведов с советской общественностью, с государственными органами и вовлекать в краеведческую работу трудящиеся кассы. К середине 1920-х годов, собственно говоря, в изданиях Центрального бюро краеведения, да и вообще среди ученых выработался определенный взгляд на краеведение не только как на способ изучения мира, но и как на метод вовлечения широких масс в активную общественно-полезную деятельность. Одними учеными краеведение рассматривалось как «метод синтетического изучения какой-либо определенной, выделяемой по административным, политическим или хозяйственным признакам относительно небольшой территории», и этот взгляд преобладал. Другие сводили понятие краеведения к более ограниченным представлениям, утверждая, что, например, география и краеведение совпадают, поэтому-де краеведение есть не что иное, как «малая география», «малое страноведение». Поэтому крупнейший ученый Л. С. Берг тогда же назвал краеведение «географией родного края»[1].

На годичном собрании Алтайского географического общества 15 февраля 1925 года Н. М. Вторых докладывал о работе Второй краеведческой конференции. Он определил задачи советского краеведения так: «Всесоюзная конференция в декабре 1924 года выдвинула вперед и подчеркнула как особо важное и настоятельно-необходимое три момента в краеведческой работе: 1) практический уклон в сторону содействия хозяйственному и культурному развитию страны; 2) привлечение к этой работе широких народных масс и 3) тесную связь с советской общественностью и государственностью»[2]. Поэтому, говорил И. М. Вторых, «признано, что эти положения революционизируют краеведение и переносят в другую плоскость, придав ему производственный уклон». Члены Алтайского отдела восприняли данные положения как утилитарные, «мелкие». А как же наука? Свежи были в памяти рассказы Б. С. Семенова о его поезд-

[1] См. статью Л. С. Берга «Предмет и задачи краеведения» в сборнике «Как изучить свой край». Л., 1925.

[2] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 7. Л. 180; см.: Вопросы краеведения, 1925, т. 4.

ке в Томск, о том, что наука ставит «ударные задачи» чисто хозяйственного значения.

На конференции были, конечно, и другие высказывания, которые пытались определить краеведение как науку. По определению профессора Линкевича, главные положения краеведения сводятся к следующему (как их пересказывал Н. М. Вторых). 1. Краеведение не есть какая-либо новая дисциплина, но метод синтетического изучения какой-либо территории. 2. Краеведение опирается на широкие кадры исследователей. 3. Краеведение не следует смешивать с общенаучной работой, с которой, однако, оно тесно связано. 4. Краеведение должно быть тесно связано с научными, общественными и хозяйственными организациями. 5. В задачи краеведения входит широкая популяризаторская работа»[1]. Вместе с тем делегат успокоил любителей «чистой» науки и привел слова наркома, что нельзя относиться отрицательно к той исследовательской работе, которая «носит чисто научный теоретический интерес (например, исследования в области фольклора, языка и пр.)».

Вторая всесоюзная конференция, таким образом, рассматривала теоретические определения понятия краеведения и очертила круг задач советского краеведения. То есть как бы завершался процесс начального становления советского краеведения, начатый первой конференцией декабря 1921 года; некоторые ученые выделяют эти годы в «первый этап» истории советского краеведения[2].

Для алтайского краеведческого движения вторая половина 1924 — начальные месяцы 1925 года действительно были ознаменованы рядом мероприятий, которые консолидировали местные научные силы, объединили краеведов. Так, уже на заседании совета

---

[1] ГААК. Р. Р-140. Оп. 1. Д. 7. Л. 3. Нельзя не видеть смешения различных понятий в данном определении, но важно, что в те годы широкое общественное движение подталкивало ученых дать законченное теоретическое обоснование этому явлению, выработать терминологию, включить краеведение в ряд уже существующих наук или научных дисциплин. В третьем издании Большой советской энциклопедии, т. 13, с. 311, зафиксировано такое определение: «Краеведение — комплекс естественных и общественных исследований. Краеведение изучает природу, население, хозяйство, историю и культуру родного края. Комплексное краеведение изучает все эти направления во взаимосвязи, отраслевое — отдельные разделы: географическое краеведение, историческое, этнографическое, топонимическое. Развивается краеведение, связанное с задачами охраны природы, памятников культуры и др.» (авторы К. Ф. Строев, Ю. К. Ефремов).

[2] См.: Историческое краеведение. М.: Просвещение, 1969. С. 8

Общества 22 октября был утвержден краеведческий сборник и создана комиссия по созыву первой губернской краеведческой конференции. Оргкомитет разработал положение, составил смету расходов, определил «ближайшие задачи» конференции, наметил список тем — по циклам (т. е. будущим секциям конференции). Работа шла активно, была поддержана не только отделом народного образования, но и губисполкомом. Уже к 9 декабря оргбюро краеведческой конференции от имени Алтайского отдела Географического общества обратилось в президиум губисполкома с просьбой утвердить созыв конференции. Задачи определялись так: «1. Объединение местных сил, работающих и могущих работать в области изучении края. 2. Ознакомление их с целями и методами краеведческой работы. 3. Выяснение основных моментов краеведческой работы в условии современного состояния наших знаний о крае. 4. Пропаганда целей краеведения среди широких масс населения через школу и политпросветучреждения»[1]. В данной формулировке обращает на себя внимание 3-й пункт: руководители краеведческого движения собирались еще «выяснить» отношение к современной жизни. Но на самой конференции в докладе председателя Оргбюро А. М. Красноусова уже без всяких экивоков признана формула 2-й Всесоюзной конференции: «Краеведение, в прошлом преследовавшее главным образом интересы „чистой науки“, в наше время приобретает огромное *производственное* значение… Краеведение вырастает в науку, имеющую колоссальные перспективы, большой размах и огромное *практическое* значение… В дальнейшем влияние изучения края на местное *экономическое* и культурное строительство будет еще значительное…»

Можно было ожидать, что предложение будет встречено доброжелательно, и уже 16 декабря на своем 59-м заседании президиум Алтайского губисполкома вынес решение о созыве конференции и о выделении «требуемых средств» в сумме 664 рубля 50 копеек.

Первая губернская краеведческая конференция проходила с 24 по 27 февраля 1925 года в Барнауле. Участвовало 140 человек со всех концов края. Три дня шли пленарные заседания, было прочитано 29 докладов. Работали секции: ботаники, почвоведения, климатологии и геологии, зоологии, экономики, истории и этнографии, обще-

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

го краеведения. Кроме докладов по отдельным научным дисциплинам, были доклады практического, прикладного содержания (например, «О состоянии животноводства и его перспектива»), общего характера («Охрана памятников искусства и старины»), из истории края («Выдающиеся научные и общественные деятели края»). Но очень важно, что на пленарных заседаниях стояли доклады и сообщения по методике краеведческой работы и методологии научной деятельности. Так, доклад П. М. Залесского «Задачи исследования края и значение любительского научного труда» вызвал неоднозначное отношение делегатов. В своем докладе «О второй краеведческой конференции» Н. М. Вторых довел до сведения активистов новые задачи советского краеведения. А. Г. Парамонов назвал свой доклад «Организация и методы краеведческой работы». Перечислив методы работы, организационные формы краеведения, он призывал «культурных работников» вовлекать в краеведческое движение всех интересующихся вопросами изучения края.

Наиболее обобщающим по данному направлению докладом было выступление А. Н. Красноусова. Хотя его доклад имел конкретный адрес обращения — «Краеведение и школа», хотя он останавливался на «новых задачах» именно школьного краеведения, говоря о краеведении в педагогическом процессе, об организации краеведения в школе, но в нем также поднимались проблемы краеведения как широкого общественного движения, понимания социалистического характера современности, связи краеведения с революционной перестройкой всего общества. Так, он утверждал, что «наряду с изучением памятников природы и старины, этнографических особенностей населения, диалектологии, фольклора, краевед начинает интересоваться сельским хозяйством в его современном состоянии, кустарным производством, обменом, статистикой и другими группами общественного производительного труда». Фигуру учителя он выдвигал на передний край нового движения, ибо учитель готовит будущее страны: «Становясь краеведом и воспитывая краеведов, учитель закладывает фундамент социалистического хозяйствования». Основное внимание, подчеркивал Красноусов, учитель (краевед) должен уделять изучению родного края, должен связывать воедино школу с жизнью: «Работа школы немыслима без увязки с теми задачами, которые вытекают из экономических и культурных потребностей населения данной местности». Очень актуаль-

но звучат его советы и для современного краеведческого движения: «Но учитель не может всю краеведческую работу связывать исключительно со школьными целями. Изучение края имеет свою самостоятельную ценность в областном и государственном масштабах».

Наверняка можно говорить, что к середине 1920-х годов алтайские краеведы перешли на позиции «признания» советской власти (стоит отметить, что высказывания о «первом прочтении» задач краеведения, новые методические посылки звучали, как правило, в докладах и статьях молодых членов Общества, не отягощенных групповым эгоизмом внешнеполитической автономии прошлого этапа развития Общества). Алтайское географическое общество нашло себя в сфере новых общественных отношений, новых атрибутов государственной власти. В результате конференции алтайские краеведы были организационно объединены, было создано местное Бюро краеведения, и они все вместе вошли в большую семью советских сибирских краеведческих организаций[1].

В последующее время, т. е. во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов, краеведение переживает подъем, оно становится массовым. Организуются краеведческие ячейки в селах, при школах рабочей и сельской молодежи, кооперативные общества создают библиотеки. Особенно успешно работают секции школьного краеведения, курсы для учителей с постановкой лекций и докладов на краеведческие темы, открываются местные музеи, ленинские комнаты. Борьба за ликвидацию безграмотности, первые достижения «культурной революции», повсеместное создание школ 1-й ступени, введение специальных программ «Наш город», «Наш край» в школах, лозунги «смычки» города и деревни, хозрасчетные отношения внутри территорий, поиски возможностей для развития местной экономики, местного хозяйства — породили широкую волну по изучению края, его истории, выявлению природных богатств, развитию производительных сил. Заканчивается процесс восстановления народного хозяйства, успешно внедряемые новые экономические отношения и создание относительно самостоятельных политико-административных единиц — округов, районов, автономных областей и национально-административных районов — вынуждают государственные органы, местные Советы заниматься плановым (обяза-

[1] См. сохранившуюся резолюцию краеведческой конференции: ГААК. Ф. Р-12. Оп. 1. от. д. 408.

тельным) государственным регулированием краеведно-исследовательской работы. Окрисполкомы поддерживают создание новых общественно-научных организаций и структур, служащие становятся членами этих обществ, кооперативов, поддерживается музейная деятельность, местное издательство. Советские органы охотно прибегают к консультациям общественных организаций, Окрплан часто заказывает темы для разработки.

Незаметно, но довольно споро и ускоренно происходит переплетение интересов и даже форм работы общественных организаций и отдельных государственных органов (культурно-просветительских, образования, местного хозяйства, плановой комиссии, архивов, библиотек). Местная научная краеведческая деятельность, не только «низовая», но и Алтайского географического общества, постепенно начала переключаться на обслуживание практических нужд советского социалистического строительства. К тому подталкивали и объективные организационные формы краеведческого движения: Алтайский отдел Географического общества стал теперь фактически Барнаульским окружным (в те годы в нем было от 40 до 50 членов), уже с 1926 года он официально именуется Алтайским государственным географическим обществом[1]. С 1928 года само Географическое общество СССР объявило себя бесфилиальным[2], местные отделы стали полностью самостоятельными единицами. Более того, как известно, местные краеведные объединения входили в Центральное бюро краеведения при Главнауке Наркомпроса, работало местное Бюро краеведения. Далее, с 1929 года прошла реорганизация государственных краеведческих музеев[3], хотя последние годы наш отдел существовал как музей (или музей при Обществе?).

Невольно напрашивалась необходимость какого-то объединяющего центра для раздробленных множественных краеведческих организаций, прежние связи, хотя бы в рамках губернии, исчезали. Яркий пример тому — выход в 1925 году книги «Очерки Алтайского края», в ней нет описаний Славгородского и Каменского округов, нет Горно-Алтайской автономной области — они уже вынесены за пределы прежних административных границ. С этого же года все окру-

[1] Наименование изменилось повсеместно официально. См.: Географическое общество Союза ССР. М.: Мысль, 1968. С. 28.

[2] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 35. Л. 36.

[3] См. там же, л. 63, протокол о реорганизации.

га стали самостоятельны (т. е. Барнаульский, Рубцовский, Бийский). Нужда в организационном объединении и в методико-плановом руководстве разросшейся новой краеведческой сети в Сибири, особенно в связи с созданием государственно-административной единицы Сибирского края (вместо сибирских губерний) была крайне необходимой. Поэтому создание в 1925 году в Новосибирске (центр Сибирского края) Общества по изучению производительных сил Сибири сразу привлекло внимание. Оно стало государственно-общественным учреждением, и в 1926 году ему были утверждены официальные полномочия центральной краеведческой организации всей Сибири. И вот уже 15 августа 1930 года состоялось общее собрание Алтайского Государственного географического общества (Барнаульского окружного) об объединении с Обществом изучения Сибири и ее производительных сил на правах его отделения[1].

Кажется, необходимо сделать отступление. Как читатель может убедиться по другим изданиям, во второй половине двадцатых и первых тридцатых годах краеведение как в Союзе, так и в Алтайском крае было массовым, что заслуживает особого изучения и создания специальной книги. Движение было народным, местным, самостоятельным, самодеятельным, общественным. Одновременно существовали параллельные организации, в 1928 году возникло Общество изучения Бийского округа и Рубцовское общество краеведения; вскоре после революции в Бийске, Камне, Змеиногорске появились краеведческие музеи; в конце 1920-х годов Бийское общество организовало ячейки в районах и краеведческие кружки в школах, — все это требует самостоятельного изучения и написания отдельной истории. Деятельность Алтайского государственного географического общества тех лет составляет часть общекраеведческого движения, зачастую признается организующим и научно-методическим центром, своеобразным образцом для других местных обществ. Тем не менее мы вынуждены рассматривать его действия лишь в пределах Барнаульского округа — формальной единицы того времени, а общую историю краеведческого движения всего края предстоит создавать.

Итак, 1925 год. Вскоре после губернской краеведческой конференции вышли из печати «Очерки Алтайского края». Книга готови-

[1] Там же. Д. 40. Л. 28.

лась давно, предполагалось, что это будет либо очередной выпуск «Алтайского сборника», либо «Труды» Алтайского отдела Географического общества. Менялись статьи, менялись авторы, менялось направление издания. Географическое общество одно не могло выпустить книгу, не было денег, не было бумаги. Некоторые авторы «отозвали» свои статьи из портфеля — это братья Троновы, В. И. Верещагин, который сдал работы в Сибкрайиздат. Однако губисполком пошел навстречу, и «Очерки» вышли под титулом Алтайского географического общества и методического бюро ГубОНО в количестве 3000 экземпляров. Редакцию осуществили Б. М. Быков, А. П. Велижанин и А. М. Красноусов. В «Очерках» встретились и старейшие краеведы, старейшие члены Общества, и молодые, недавние члены, и была создана замечательная книга. Первые три статьи носят характер общего обзора края: «К истории Алтайского края» П. М. Юхнева (с. 3–25), «Географический очерк Алтайского края (Алтайской губернии)» Ф. Харкеевича (с. 26–42), «Экономический обзор Алтайского края» С. Новицкого (с. 43–64). Каждая статья имеет подзаголовки, они содержательны и дают, хотя и краткое, но не обрывочное представление о крае; они «обзорны» в хорошем научно-популярном понятии этого термина. Так, например, статья Новицкого содержит четыре параграфа: «Общая характеристика» — «Сельское хозяйство» — «Обрабатывающая промышленность» — «Торговля». А к статье Харкеевича в конце книги приложены шестнадцать страниц краткого описания 41-го района по состоянию на 1924 год: площадь сельхозугодий, количество жителей и т. п. Затем под двумя титулами — «Из жизни природы Алтайского края» (с. 65) и «Хозяйство» (с. 117) — помещены небольшие специальные статьи, рассказывающие о растительном и животном мире, об отдельных отраслях сельского хозяйства. Эти статьи не только носят научно-информационный характер, но и дают обзор современного состояния рассматриваемой проблемы. А такая, например, статья, как «О птицах Алтайской губернии» А. П. Велижанина (с. 95–107), построена в ключе очерка его экспедиции 1923 года в верховья реки Барнаулки. На с. 170–183 помещена статья А. Шапошникова «Кооперация». Это очень интересная, деловая, целенаправленная статья (пропаганда реального кооперативного движения в ленинском понимании социалистической кооперации), очень нужная тогда, но особенно актуальная в наше время, здесь дана и история кооперации, и состо-

яние ее к 1924 году. В сборнике опубликован доклад А. Красноусова «Краеведение и школа» (с. 186–189), а также методические рекомендации Н. Новикова «Об организации сельскохозяйственного музея» (с. 190–192).

Хотя книга, как указывается в предисловии, предназначена для школ, поскольку составители «знают, в каком тяжелом положении находится учитель, который должен дать детям сведения о крае — воспитать из них будущих краеведов», мы, однако, смело можем поставить ее рядом (учитывая аудиторию назначения) с книгой «Алтай» 1890 года под редакцией П. А. Голубева. Она появилась спустя 35 лет после первого блестящего очерка края, однако от нее минуло уже свыше 65 лет, но ничего подобного в краеведческих изданиях больше не было. Это несомненная недоработка нашего теперешнего Общества; это же ближайшая задача для заполнения пробела в краеведении.

В течение года был подготовлен второй выпуск «Очерков Алтайского края», он состоял в основном из статей первой конференции краеведов. Было намечено издать 800 экземпляров, из них 500 заказал отдел народного образования. Но внешняя ситуация изменилась: губерния была ликвидирована, а Барнаульский окрисполком быстро подготовил и издал «Статистическое описание Барнаульского округа». Это, конечно, хорошо, но издание «Очерков» пришлось свернуть. Еще год спустя Общество подготовило сборник «Барнаул в прошлом и настоящем», который впоследствии был заменен книгой Г. Д. Няшина «Некоторые моменты истории Барнаула».

Сфера деятельности Общества в связи с новым административным окружным делением резко сузилась, а с 1931 года, с ликвидацией округов — районы непосредственно сносились с краевым центром Новосибирском, — так что организаторская работа сводилась к заседаниям, научным докладам, лекциям, к музейной деятельности и к проведению тех экспедиций, которые утверждались в краевом центре. Объединяющим методическим (и теоретическим) центром служило Центральное бюро краеведения в Москве, а организационным, финансовым, руководящим, а также и научно-методическим органом стало Общество изучения Сибири и ее производительных сил.

Утверждение одного Сибирского края и Новосибирска как его административного центра по необходимости вызывало возникно-

вение здесь какого-то центра, объединяющего научно-краеведческие исследовательские организации. Ученые сибирских городов уже неоднократно предпринимали попытки создать центр, и 6 января 1925 года было основано Общество изучения Сибири и ее производительных сил. 4 мая административный отдел Сибревкома утвердил предложение инициативной группы ученых, и уже 19 мая состоялось общее собрание активистов Общества[1]. Был сформирован совет как руководящий орган, а само Общество первоначально подразделялась на три секции: социально-экономическая, малых народностей, естественно-научная. Сначала Общество, как и любое другое, ставило ограниченные задачи — изучение экономики Сибири, разрешение культурно-хозяйственных проблем аборигенов, учет научных работ (своих), развитие издательской деятельности. Однако вскоре первый съезд Советов Сибири придал этому Обществу официальный статус научного подразделения и поручил ему провести первый краевой научно-исследовательский съезд.

Первый научно-исследовательский съезд Сибирского края состоялся в декабре 1926 года в Новосибирске, Сибкрайсполком отпустил на его работу 10 тыс. рублей. Научно-исследовательский съезд носил очень общий характер, он явился собирателем научных сил Сибири, наметил как общие, так и детальные проблемы и задачи изучения Сибири, развития ее производительных сил. Съезд явился важным событием для сибирского краеведения. От Алтайского географического общества делегатами на съезде были П. А. Казанский и В. И. Верещагин. Работало несколько секций, они носили прикладной характер, как и доклады на них: недра, поверхность, связь, человек и музейно-архивная деятельность. На заседаниях были подведены итоги изучения Сибири, намечены задачи с точки зрения социалистического строительства, индустриализации края. Результатом непосредственной работы съезда явились пять томов его «Трудов», они были изданы. Официальным итогом стало изменение задач Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Сибкрайисполком утвердил решение съезда сосредоточить в Обществе функции ассоциации краеведческих и научно-исследовательских организаций. Отсюда определялись задачи: изучение экономики и производительных сил Сибири; учет, объединение и коорди-

[1] ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–17.

нирование в краевом масштабе (т. е. всей Сибири!) исследовательской деятельности государственных научных учреждений, общественных организаций и отдельных лиц; планирование их деятельности; изучение народонаселения и культуры Сибири; содействие наиболее рациональному использованию естественных богатств Сибири в интересах развития народного хозяйства; распространение научных сведений о Сибири. Обществу передавалось финансирование основных работ, материальная помощь научно-исследовательским центрам. Поэтому в состав возникшей краеведческой ассоциации вошли научные общества, музеи, обсерватории, озерные и другие станции, краеведческие бюро, научно-методические отделы школьного краеведения. Усложнилась структура совета Общества, в нем стало шесть отделов (а внутри — секции). Скажем, экономический отдел разделялся на секции: сельскохозяйственную, торговли и промышленности, транспортную, колонизации, пушного промысла, зарубежного Востока[1].

Общество организовало ряд совещаний и научно-исследовательских работ по сибирскому Северу, по строительству Урало-Кузнецкого комбината, по проблемам гидроресурсов. За 1926–1930 гг. Общество провело 72 экспедиции в районы Сибири, из них лишь в 1929 году — 26, в том числе по экономическому изучению района будущей ГЭС на р. Бии, по обследованию перспектив мараловодства в Горном Алтае, выявлению возможности использования лекарственных растений в Бийском округе, по изучению ледников Алтая. Иначе говоря, видно, что чисто местные краеведные интересы в рамках Общества зазвучали шире, содержание работ вышло за рамки узких интересов краеведческого актива местного Общества, поскольку к исследованиям привлекались крупные ученые. В 1928 году была создана экспедиция для исследования водоемов по Оби, от Бийска до Томска — за нее отвечала Сибирская научная рыбохозяйственная станция (руководители В. И. Башмаков, А. Я. Башмакова, Л. Л. Афа-

[1] ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–3. Общесибирский съезд способствовал не только консолидации сибиреведов, но и переходу основных сил ученых на позиции советской власти. Год спустя ректор Томского университета говорил, что научные работники «сжились» с советской властью, что между ними «установилось взаимное понимание… идет совместная контактная работа». В «Сибирской советской энциклопедии» (т. 2, стб. 985) это положение оценивалось так: «Лишь за последнее время марксистско-ленинский метод в краеведческой работе Сибири стал завоевывать руководящую роль».

насьев). В том же году работала экспедиция по исследованию лугов по р. Алей, финансировалась Обществом изучения Сибири, но отвечало Алтайское географическое общество и музей (руководители М. Г. Мозжухин и А. И. Овчинников). В том же 1929 году по решению совета Общества Союз совхозов сельскохозяйственной кооперации организовал экспедицию для исследования крестьянского хозяйства в Чистюньском районе (руководитель т. Нуянзин). В 1930 году Алтайский край, как и другие районы Сибири, был обследован геодезическими отрядами для рекогносцировки пунктов триангуляции под руководством начальника работ Ал. Ал. Фролова[1]. Тогда же работала геологическая поисково-разведочная партия по изысканию известкового туфа в районе р. Старая Ажинка Бийского округа, закончившаяся очень успешно[2]. Много других дел было сделано под началом Общества, и Алтайское географическое общество входило в него составной частью, слилось с ним, став его отделением[3].

В 1930 году в Обществе изучения Сибири и ее производительных сил состояло 12 научно-исследовательских учреждений, 16 научно-краеведческих ячеек, имелось шесть окружных отделений и числилось 450 индивидуальных членов. Намечались новые перспективы. Однако в том же году состоялась IV Всероссийская краеведческая конференция, она постановила создать единую краеведческую сеть на местах, объединить массовое краеведческое движение. В начале 1931 года Государственное географическое общество СССР, в свою очередь, приняло новый устав, а 12 апреля 1931 года президиум Сибкрайисполкома принял постановление о закрытии Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Вместо него был утвержден Научно-исследовательский институт краеведения. К нему перешла разработка научно-исследовательских (методических) форм массовой краеведческой деятельности, он стал консультативным отделом Сибкрайисполкома в системе научных учреждений. Таким образом, развитие государственного планового хозяйства, усиление роли Академии наук вызвали к жизни целую сеть на-

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 40, Л. 8–16.

[2] ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 204.

[3] См. протокол общего собрания: ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 40. Л. 28, а также: ГАНО. Ф. Р-217. Д. 191.

учно-исследовательских (отраслевых) институтов, и это обусловило ликвидацию Общества изучения Сибири[1].

На его базе было создано Сибирское бюро краеведения, теперь уже Западно-Сибирское, работало 40 районных бюро на местах, в Барнауле сформировалось единое Краеведческое общество. Основой его осталось Алтайское государственное географическое общество. Общество осуществляло задания советских и хозяйственных организаций и Центрального Бюро Краеведения. Основной и «ударной» задачей краеведческих обществ начала 30-х годов становятся поиски и учет местных полезных ископаемых. Значительное число месторождений глины, песка, торфа, известняка, кварцитов, а также растительного сырья найдены силами краеведов. Большое значение имело изучение охотничьей фауны. Государственные плановые органы непосредственно включали краеведческие темы (разделы, проблемы) в структуру своей сферы, в государственные планы, влияли на финансирование, организацию краеведческого движения. Школьное краеведение вошло составной частью в государственные учебные программы. Краеведческая работа к середине 1930-х годов вступила в новые формы своего развития, хотя и существовало еще Центральное бюро краеведения, не прекращало работы Географическое общество, но на самом деле наступила децентрализация, фактическое разобщение организационных форм территориальных краеведных (и научных) обществ.

Остановимся на отдельных мероприятиях, заседаниях, экспедициях, издательской деятельности Алтайского географического общества.

В 1926 году прошло 20 заседаний совета Общества, состоялись два общих собрания и четыре заседания с научными докладами. Выступали Верещагин, Вторых, Залесский, Анохин, Велижанин, ученый Панфилов и др. В 1927 году состоялись 34 заседания совета, проходили заседания отдельных комиссий, особенно комиссии по охране памятников старины; на общих собраниях и заседаниях выступали Няшин, Семенов, Казанский, Велижанин, Быков. Так же активно шла работа и в последующие годы. Вновь организуются экспедиции — в 1925, 1926 и в 1927 годах В. И. Верещагин совершил поездки в район Рудного Алтая, особенно детально изучаются Нарым-

[1] ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 228.

ский край, Катон-Карагай, гребень хребта Холзун. Он вновь привозит сотни листов гербария. Большие экспедиции совершает И. М. Залесский в верховьях Чарыша, Змеиногорском районе, в Горной Колывани. Производят экспедиции Велижанин, Семенов, Казанский. Большие архивные изыскания делает Г. Д. Няшин, он вступил в Общество в 1924 году и вскоре стал руководителем архива.

Значительно улучшается работа музея. Так, 4 июня 1925 года состоялась лекция профессора С. И. Руденко (из Ленинграда) «Восточный Алтай и теленгиты», а 5 августа научный сотрудник Института археологической технологии (из состава экспедиции Руденко) М. П. Грязнов унифицировал коллекцию по археологии. «Коллекция безвозмездным трудом специалиста приведена в надлежащий вид», — так записали в отчетном докладе[1].

В ноябре 1927 года состоялось открытие сельскохозяйственного и лесного отделов в музее. Заместитель председателя Общества В. М. Пушкарев произнес торжественное слово, осмотр лесного отдела сопровождал К. П. Перетолчев, а В. Е. Буторин — сельскохозяйственного отдела Тот день — 13 ноября — стал заметным событием; состоялся публичный смотр работы музея, руководители отделов делали обзорные лекции: по отделу революции пояснения давал Циркунов, по отделу ботаники — Верещагин, по историческому (специально по машине Ползунова) и по изделиям Колыванской шлифовальной фабрики — Казанский[2]. Своеобразный итог этому серьезному собранию подвел председатель окрисполкома т. Базовский. В своей речи он дал политическую оценку событию, указал, что музей имеет особо важное значение теперь, когда происходит переустройство хозяйства на одной шестой части суши земного шара. Необходимо изучать особенности каждого округа, особенно в сельскохозяйственном отношении как в стране земледельческой: составить план переустройства хозяйства и в полеводстве, и в животноводстве. Отсюда поднимается роль музея в показе достижений сельского хозяйства, его новых форм организации.

---

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 7. Л. 165; данный факт отмечен потому, что, скажем, Руденко за лекцию взял 10 рублей. Об экспедиции в низовья Чулышмана и о первых раскопках Пазырыкских курганов автору книги неоднократно рассказывал в 1950-х гг. сам М. П. Грязнов

[2] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 27. Л. 2–7; Д. 3. Л. 18–18 об.

Большую помощь Общество оказывало школьным учителям. П. М. Залесский разработал программы орнитологических наблюдений и анкету, ее отпечатали и разослали. М. Н. Вторых подготовил «Инструкцию» по собиранию особенностей народных говоров в Алтайском крае. Эту программу отпечатали также в 1928 году. В 1930 году получили брошюру Центрального бюро краеведения «Монографическое изучение фабрик и заводов», в ней излагались цели и задачи, а также программа изучения советских предприятий, давались методические указания. Предполагалось создать многотомное издание по истории фабрик и заводов. Совет Общества воспользовался этим предложением и направил в Алейск, где приступили к строительству первого в Сибири сахарного завода, письмо, в котором просил дать в музей экспонаты, сохранить документы первенца социалистической индустриализации в крае[1].

Вместе с тем совет Общества решил для Алтайского края, ввиду его особенностей, разработать программу по обследованию новой советской деревни. Опыт уже был, и живы были его организаторы (Б. Быков, секретарь Общества). Программа называлась «К вопросу о монографическом обследовании деревни»[2]. Ее составители сразу оговаривали задачу: «Совершающийся перелом в крестьянском хозяйстве властно диктует необходимость всестороннего и детального изучения крестьянской жизни в целом. Оно должно охватить как прошлое, так и настоящее, изобразить ее материальный быт, экономику, духовную культуру». Программа, как видно, была составлена в 1929 году, когда еще колхозная жизнь не преобладала и когда еще не утвердили строительство сахарного завода в Алейске, а было предположение построить его в деревне Чесноковке. Отсюда в программе имеются вопросы по описанию колхозов (очень общими фразами) пока еще на равных с другими хозяйствами, например: «Классификация хозяйств по размерам посева», «Животноводство у единоличников и в колхозах», «Кооперация», «Землепользование у единоличников и колхозов»; остальные вопросы относятся к описанию села как такового и его населения — быт, труд, культура.

Совет Общества решил детально изучить два села: Чесноковку и Павловское. Почему? Чесноковка расположена в 17 верстах от Барнаула, по переписи 1926 года насчитывала 504 двора, она стала

[1] Там же. Д. 31. Л. 19–22.

[2] См. ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2.

узловым пунктом железной дороги, а в ближайшем будущем здесь будет построен свекло-сахарный завод. Поэтому «зафиксировать в монографии ее облик накануне ее индустриализации представляет огромный интерес». И наоборот, село Павловское — это было промышленное село, был сереброзавод, теперь же здесь 1247 дворов, оно раздробилось на новые земельные общества, выделились выселки, возникли коммуны и сельхозартель. В ближайшем будущем через Павловск должна пройти Южно-Сибирская железная дорога (Кулунда—Барнаул). Программа составлена от имени Алтайского отделения Общества изучения Сибири, и на изучение, командировки, написание (по 10—12 листов), а затем и на издание монографий, как подсчитали, потребуется не менее 3 тыс. рублей. К сожалению, в архивных делах пока не удалось обнаружить дальнейшую судьбу этого решения Общества, хотя подготовительная работа носила деловой характер, имела реальные обоснования.

П. А. Казанский предпринял в 1927 году удачную попытку в очерковых зарисовках представить жизнь села немецких колонистов. Он совершил поездку к «кулундинским немцам», под Благовещенку, в поселки Гляден, Казанский, о результатах экспедиции докладывал на общем собрании, а затем опубликовал свой очерк в «Алтайском сборнике», т. XII. Немцы-колонисты поселились здесь в начале XX столетия, выехали они из Херсонской области, жили четырьмя поселками, составлявшими огромный четырехугольник: по углам поселки, внутри поля, пашни. Гляден-1 — крупное село, с широкой улицей, обсаженной тополями в четыре ряда, дома саманные, заборов не существует, в этом поселке хозяйства индивидуальные, крепкие, зажиточные, есть кооператив (магазин). Поселок Гляден-2 отличается от первого; здесь в 1926 году образовалось машинное товарищество, у них есть трактор, они создали ТОЗ.

Кроме этнографического описания, Казанцев очень интересовался формой организации труда — «как устроились в Сибири люди другой, высшей по сравнению с нашей культуры». Он узнал, что уставом ТОЗ предусмотрены всевозможные комбинации между количеством рабочей силы, рабочего скота и количеством едоков в хозяйствах членов товарищества. «Несоответствия между производством и потреблением в каждом вошедшем в товарищество хозяйстве разрешаются путем тех или иных компенсаций, не обижающих ни товарищество, ни члена его» (как мы теперь говорим — определяет-

ся «КТУ»). Есть общественный амбар, страхфонд и т. п. Поля устроены, введен девятипольный севооборот с травосеянием. «Словом, — завершает свои наблюдения Казанский, — товарищество находится, по-видимому, на прямой дороге от первичного сельскохозяйственного кооператива к коммуне, двигаясь к этой намеченной цели с немецкой выдержкой и последовательностью». Теперь на этих землях немецкий колхоз им. XX партсъезда[1].

Можно определенно говорить, что тематика и направленность работ Общества во второй половине 1920-х годов стала меняться. До сих пор она во многом предопределялась интересами активистов, зависела от сложившихся традиций. «В Алтайском отделении Русского географического общества господствовало орнитологическое направление», — свидетельствовала в 1930 году Сибирская советская энциклопедия (т. II, стб. 985). Такая традиция разрушалась. Работа стала планироваться по указаниям окружной плановой комиссии, по заданиям Бюро краеведения, а самое главное — низовые общества намечали работы, исходя из общих проблем социалистического советского строительства в своих районах, округах. В январе 1927 года барнаульский Окрплан запросил Общество составить 5-летний перспективный план научно-исследовательских работ в округе, исходя, как они просили, «из тех направлений, кои являются предметом Ваших занятий»[2]. План был составлен, он носил значительное наименование: «План научно-исследовательских работ по изучению производительных сил Барнаульского округа». При его формировании учитывались и личные научные интересы, и общественная необходимость. Были приняты во внимание, во-первых, «основные задачи, поставленные перед краеведческими учреждениями современным историческим моментом, т. е. расширение и углубление содействия хозяйственному и культурному преобразованию страны и вовлечение в краеведческое движение широких кругов трудящихся, особенно рабочих и крестьян». Во-вторых, учитывалась «ощущаемая хозяйственными и заготовительны-

[1] Необходимо оговориться, что вместе с Казанским был П. С. Парфенов с братом-подростком. Уже упоминалось здесь, что в мае 1918 года, когда обсуждалось предложение Губнаробраза, на заседании был член общества П. Парфенов. В 1927 г. он приезжал к родителям в д. Семеновку, а работал преподавателем высшего кооперативного института в Москве. Репрессирован в 1937 году

[2] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 21. Л. 8; план: Л. 160–167.

ми организациями Барнаула и тяготеющих к нему районов потребность в строительных материалах разного рода, в топливе и в объектах экспорта». А также, в-третьих, предусматривалась «необходимость уловить и изучить памятники народного творчества и быта, особенно остатки отживших и первые проявления новых хозяйственных и культурных форм».

Поскольку ядром Краеведческого общества было Алтайское географическое общество, то совет наметил свои направления, куда записали: организацию метеорологических наблюдений, собирание фольклорного материала, продолжение фенологических наблюдений, организацию ботанического обследования выгонов, изучение месторождений торфа, включили организацию контингента постоянных сотрудников-корреспондентов Географического общества, не забыли участие в работе музея, а также издание очередного «Алтайского сборника»[1]. В связи с такой постановкой планировалась организация поисковых экспедиций, закладывались расчеты на финансовое обеспечение, материальную экипировку. Плановая комиссия несколько раз возвращала план на доработку, были сношения с Обществом изучения Сибири[2], с руководством научно-исследовательского бюро Сибкрайпланкомиссии. Готовились другие отдельные планы, справки, скажем, по исследованию «малых» полезных ископаемых, по изучению торфяников. Конечно, опыта составления перспективных планов не было, поэтому неудивительно, что 29 сентября 1927 года из Новосибирска пришло разъяснение за подписью председателя правления Общества изучения Сибири и ее производительных сил Г. И. Черемных и секретаря правления И. М. Залесского, что план надо уточнить, пункты расшифровать, что надо говорить за свое учреждение, а не за другие ведомства. Тогда некоторые проблемы, темы, экспедиции были переданы в Сибсовнархоз (экспедиция по обследованию ареала бадана), в Томский университет (по выявлению запасов водной энергии и по магнитным измерениям). Центральное бюро краеведения известило, что для работы по изучению системы бассейна р. Катуни они снаряжают экспедицию КЕПС — т. е. была создана Алтайская экспедиция по изуче-

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 3.

[2] См., например: ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 164 — «Учетные карточки экспедиций и планы летних работ Барнаульского (Алтайского) отделения Общества изучения Сибири», 1929 год, л. 1–14.

нию производительных сил при АН СССР[1] (). Такой сводный план и хотел иметь Окрплан.

Многое было претворено в жизнь. Окрплан особое внимание уделил изучению местных ресурсов. Членам Общества К. П. Перетолчеву и С. Н. Давидовичу выделили 102 рубля для изучения песков в Барнаульском округе, в 1928 году Б. С. Семенову ассигновали 200 рублей на изучение Кислянского торфяника в «ботаническом отношении», затем были даны деньги на обследование торфяника вблизи деревни Миронской Чумышского района, у с. Бобровка, в Петровской лесной даче, у села Полковниково. Заключение Семенова Окрплан направил в Научно-исследовательский институт торфа в Москве. Наряду с научным обоснованием происхождения болот и торфа им были даны практические рекомендации по использованию торфа урочища Барсучиха. В Государственном архиве Алтайского края накопилось много источников по этой проблеме[2], здесь карты, таблицы, расчеты, история изучения. А в «Алтайском сборнике», т. XII, Борис Сергеевич Семенов поместил статью «Кислянинский торфяник Барнаульского округа» (с. 74–86), но в ней нет топографических и других планов; указывается, что карты и таблицы находятся в делах Барнаульского Окрплана.

В результате многолетних исследований установлено, что Кислянский торфяник — согра Барсучиха — находится в 3 верстах от д. Кислухи в сторону д. Кунгуровой и Речкуновой, входит в Коксуйский бор. Согра простирается на 16 км, площадь торфяника составляет 1536 га при глубине около 3 м, а запасы определяются в 45 млн. куб. м сырца. Это может дать около 17 млн т сухого торфа при 4700–4800 калорий теплотворной способности. Ученый дал заключение, как возник торфяник. Он образовался на месте старицы Оби из осок и мхов из рода гипнов и относится к типу низовых торфяников, которые характеризуются повышенной зольностью и меньшей теплотворной способностью. Возникает проблема — выгодна ли его разработка? Опыт был. В 1913 году лесоинженерный отдел Алтайского округа проводил здесь каналы, осушил часть болот, почва уплотнилась. Затем в 1920 году Алтайский совнархоз направил сюда инженера Л. А. Черкасова, который произвел съемку, а в 1921 году хозрасчетная артель уже добывала торф. Качество хорошее. Поэ-

[1] Там же. Д. 193. Л. 1–83.

[2] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 32. Д. 42.

тому Семенов смело рекомендовал: «Поверхность торфяника чиста; вся восточная часть осушена и в настоящее время без особых затрат можно приступить к добыче торфа путем организации артелей». (Не вдаваясь в обсуждение, почему дело заглохло, нельзя не признать, что в наше время сведения Б. С. Семенова о естественно-природной ситуации того времени могли бы послужить некоторым специалистам-экологам исходной базой сравнительного научного анализа и прогнозирования возможных новых изменений.)

Большое оживление в работе Алтайского географического общества возникло в связи с празднованием 35-летия создания Общества любителей исследования Алтая и 25-летия вхождения в Русское географическое общество. Торжественное собрание состоялось 10 апреля 1927 года. Председательствовал один из старейших деятелей Общества В. М. Пушкарев, секретарем собрания был Б. М. Быков. Пушкарев представил рассказ о главнейших моментах деятельности сначала Общества любителей исследования Алтая, а потом отдела географического.

Подготовка к юбилею, как видно по документам, началась задолго, еще в марте 1925 года П. М. Юхнев представил в совет Общества записку, в которой перечислил основателей Общества и старейших деятелей, не живущих теперь в крае. Среди них он назвал С. П. Швецова (в Ленинграде), И. Е. Овсянкина (в Благовещенске), И. И. Тыжнова, Н. Я. Овчинникова (в Ленинграде), Виктора Андреевича Буштедта (в Новониколаевске), Клавдия Николаевича Миротворцева (профессор Иркутского университета), Ивана Ивановича Бушуева, учителя из Усть-Чарышской пристани, А. Ф. Кублицкого-Пиоттуха (в Москве), А. М. Головачева (в Томске). И, конечно, сам П. М. Юхнев, старейший деятель, теперь заместитель председателя Барнаульской окружной плановой комиссии. Несколько лет назад, как уже говорилось, он оказал услугу Обществу — подсказал выход из щепетильной ситуации «узурпации» наробразом Общества и «формулу признания». 27 марта 1927 года он вновь напоминает Б. М. Быкову, секретарю отдела, чтобы не забыли пригласить основателей[1]. А на юбилей он вместе с другими, «когда-либо жившими и работавшими на Алтае, отмечая с чувством глубокого уважения пройденный отделом путь» подписал и прислал трогательное при-

[1] ГААК, Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 7. Л. 26–27; Д. 21, Л. 106; в то время он уже перебрался в Новосибирск.

ветствие. Под ним стояло 17 подписей: Е. Родд (за несколько дней перед юбилеем он уехал из Барнаула), А. Петров, Ив. Залесский, Г. Пушкарев, Полетаев, Богоявленский, М. Зверев, Веронская, В. Полетаев. Они напомнили, что «в сумерках 1890 года, в городе, бедном культурными силами, зародился отдел под скромным названием Общества любителей исследования Алтая», которое для многих явилось своеобразным «лучом света». (Но вот какая странность — в «деле» № 28 есть личное заявление П. М. Юхнева от 27 февраля 1928 года: «Прошу принять меня в члены Общества», адрес: Барнаул, Никитина, 32, и рекомендации Харкевича и Быкова. Неужели заявление о новом членстве только потому, что он вновь вернулся в Барнаул? Сомнительно.)

Приветствия поступили от С. П. Швецова, Миротворцева, Овчинникова, Тыжнова — все славные имена, большие деятели нашего Общества. Поздравления прислали музеи, отделы Географического общества, Центральное бюро краеведения, местные органы власти, местные краеведы. Наиболее общая (и заслуженная) оценка деятельности Алтайского географического общества дана в посланиях Академии наук СССР и центрального Географического общества. «Академия наук СССР, вспоминая вместе со всеми русскими географами 25-летнюю деятельность Алтайского отдела и его выдающиеся заслуги перед географической наукой и в деле познания далекого Алтая, шлет ему искренние свои поздравления и пожелания дальнейшей столь же блестящей деятельности на славу науки и пользу родного края и всего нашего Союза»[1]. Председатель Русского географического общества Ю. Шокальский и ученый секретарь В. Комаров в телеграмме отмечали: «Русское географическое общество гордится, что Алтайский отдел всегда высоко держал знамя научной работы и работы по изучению своего края».

О том, что работа не только оживилась, но и вошла в нормальное состояние, говорит подготовка и выпуск очередного, XII тома «Алтайского сборника». Возрождение собственного печатного органа свидетельствовало о несомненном авторитете Алтайского географического общества. Книга Б. С. Семенова «Сфагны Алтая», «Очерки Алтайского края» и книга Г. Д. Няшина «Некоторые моменты истории г. Барнаула» рассматривались в Обществе как очередные тома сборников, которые по каким-то причинам не получили

[1] НАГО СССР. Ф. 11-1927. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.

номеров от Губполитпросвета (и ЛИТО) и потому вышли самостоятельными книгами. И вот — XII том. Он появился в 1930 году под совместной «шапкой»: издание Общества и Барнаульского естественно-исторического музея, в количестве 600 экземпляров, стоимостью одного экземпляра в 2 рубля.

В номере семь статей прежних и новых авторов: Е. П. Березовский, «Климат и гидрография Алтайского края» (с. 3–17); А. П. Велижанин, «Заметки из поездки в верховья речки Барнаулки» (с. 18–29); В. И. Верещагин, «Список растений окрестностей Барнаула» (с. 30–57); Г. А. Велижанин, «Заметки по орнитофауне Барнаульского, Рубцовского и Славгородского округов» (с. 58–60); П. Казанский, «У кулундинских немцев» (с. 61–66); Г. Д. Няшин, «Материалы Барнаульского архива о докторе Геблере» (с. 67–73); Б. С. Семенов, «Кислянский торфяник Барнаульского округа» (с. 74–86). Однако, поскольку это не просто сборник статей, но именно печатный орган Общества, то далее помещен официальный материал, сведения о работе Общества, хроника его жизни. Здесь мы находим «Краткий отчет тридцатипятилетней деятельности Краеведческого общества в Барнауле (1891–1926 гг.)», автор — ученый секретарь Б. Быков, его же «Государственный музей в Барнауле», затем «Отчет деятельности АО РГО за 1926–27 г.» П. Казанского и Б. Быкова, «Отчет о деятельности АО РГО за 1927–28 год» А. Велижанина и Б. Быкова. На с. 98 помещен перечень отделов «Государственного музея в Барнауле», на с. 99 перепечатана статья Г. Няшина из газеты «Красный Алтай» от 31 мая 1928 года «Охрана памятников в Барнауле» и тут же помещен список наиболее выдающихся памятников Барнаула, составленный в марте 1928 комиссией Алтайского отдела Русского географического общества. На с. 101–102 опубликован «Список изданий Краеведческого общества в Барнауле», здесь всего 27 наименований, начиная с «Краткой программы» 1892 года. В примечании сказано, что Краеведческое общество преемственно имело следующие названия: «Общество любителей исследования Алтая» — «Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества» — «Алтайский отдел Русского географического общества» — «Алтайское географическое общество» и теперь — «Краеведческое общество». Кажется, очень важно напомнить об этом признании преемственности истории нашего Алтайского филиала.

На последней странице помещен анонс о подготовке к печати «Алтайского сборника», т. 13, с перечислением авторов и статей, но, как известно, он не был издан[1]. (Оживлению краеведческой работы способствовало привлечение видных краеведов к созданию учебников на краеведческой основе и пособий для массовой краеведческой работы, готовящихся к печати как Сибнаробразом и Обществом изучения Сибири, так и Центральным бюро краеведения. В рассматриваемые годы следует отметить попытки барнаульского учителя И. Размазина создать наглядные пособия-коллекции, книгу члена Общества Г. Пушкарева «Сибирская новь» (хрестоматию по истории революционного движения), его же книгу (совместно с Г. Весборгом) «Сибирь в художественной литературе», участие Верещагина, Черных, Залесского и др. в различных сибирских журналах. Особого разговора заслуживает участие членов Общества в создании Сибирской советской энциклопедии с публикацией в ней статей о краеведении, об Алтайском крае, об исследованиях края.

В сентябре 1929 года в помещении музея состоялось заседание членов Общества, на котором старейший член Общества Пантелеймон Константинович Казаринов рассказал активистам о создании первого тома Энциклопедии[2]. Вовлечение Сибири в плановое социалистическое строительство, говорил он, изменение общественных отношений и быта населения поставили новые проблемы в изучении края. Каждый работник сталкивается с острой потребностью в реальных знаниях о той территории, где он работает, нуждается в справочном материале. Широкие массы вовлечены в строительство новой жизни, выросла грамотность населения, имеется полная возможность привлечь трудящихся к всестороннему изучению производительных сил, естественных богатств, экономики, особенностей быта, этнографии. Возникла нужда в специальной литературе, поэтому еще 23 октября 1926 года в Новосибирске состоялось собрание научных и общественных деятелей, и было создано организа-

[1] В 1990 году координационный совет Алтайской краевой краеведческой ассоциации решил возобновить издание «Алтайских сборников» и продолжить их нумерацию. С этой целью А. Д. Сергеев предпринял попытку воссоздать т. XIII с тем содержанием, что было тогда объявлено, чтобы современный сборник пошел в печать уже как т. XIV.

[2] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 38. Л. 11–12.

ционное бюро будущей Сибирской энциклопедии. В апреле 1927 года Сибкрайисполком создал редакционную коллегию[1].

В постановлении указывалось, что издание следует рассматривать как «существенно-организующий момент в дальнейшем развитии и распространении знаний о Сибири» и как способ «облегчить практическую работу всех звеньев советского аппарата, культурных учреждений и хозяйственных организаций». Сибкрайисполком оказал основную организационную и материальную помощь, без чего издание не было бы осуществлено. Работа шла трудно. Сам П. К. Казаринов был редактором по отделу «Культурное строительство», куда входили проблемы научно-исследовательской работы, а также краеведения. «Прежде всего пришлось столкнуться с неудовлетворительным состоянием наших современных краеведческих знаний — многие прежние работы явно устарели или не могли быть использованы в силу чуждой классовой установки. Кадры научных работников, которых можно было привлечь к сотрудничеству, оказались относительно невелики. Во многих случаях авторы статей и заметок вынуждены были заниматься исследовательской работой и шли за справками в архивы и книгохранилища к сырым и необработанным материалам, а редакция обращалась к различного рода анкетам, статистическим сводкам учреждений, просмотру музейных собраний и т. д.». Поэтому выпуск первого тома задержался на полтора года и вышел только осенью.

Оказалось, в первом томе, кроме П. К. Казаринова, приняли участие и опубликовали статьи другие члены Алтайского Географического общества, в частности А. В. Анохин — по проблемам этнографии, В. И. Верещагин, Г. А. Вяткин — по литературному движению, А. Девизоров из Славгорода и К. Я. Ермаков из Бийска — по районированию, И. М. и П. М. Залесские, М. Д. Зверев и О. Н. Зверева — по зоологии и ботанике, П. А. Казанский — по народному образованию и районированию, К. Н. Миротворцев — по проблемам демографии, И. С. Вусинов из Барнаула — по экономике деревни, Г. Д. Нящин — по научно-исследовательским темам, Г. М. Пушкарев — литература, печать, С. П. Швецов, В. И. Шемелев, Ю. Циркунов — профдвижение, П. М. Юхнев — по проблемам районирования края. Еще

[1] Основные документы см.: ГАНО, ф. Р-998 — Редакция Сибирский советский энциклопедии, здесь всего 128 ед. хранения, 1927–1937 гг.

бóльшим ожидается приток авторов из Алтайского общества для последующих томов.

Казаринов поддерживал постоянную связь с барнаульцами, он входил в состав «общей редакции», стал ученым секретарем редакции. В первом томе «от редакции» говорилось: «Редакция учитывает, что в осуществлении этого крайне трудного и первого опыта краевой энциклопедии имеются, быть может, значительные недочеты и промахи, но все же надеется, что понесенный труд и напряжение издательских средств на издание принесет значительную пользу в деле хозяйственного и культурного строительства обширного края, призванного сыграть в силу природных своих богатств и географического положения весьма видную роль в деле социалистического строительства СССР». На самом деле переоценить значение сведений невозможно. Издание Сибирской советской энциклопедии — неоценимая услуга краеведению. Так, например, в первом томе относительно Алтайского края помещены слова (статьи, заметки): Ажи, Ак-Алаха, Ак-Кем, Аккемское озеро, Ак-Тру, Акутиха, Аламбай, Алаха, Алей, Алейская, Алтай (эта статья с разделами: 1. Орография и геологическое строение. II. Ледники. III, Гидрография. IV. Климат. V. Почвы. VI. Полезные ископаемые. VII, Растительность. VIII. Животный мир. IX. Население. X. Туризм и пути сообщения — и множество других). Огромная масса фактов была включена в научный оборот, и хотя материалов по Сибири, Алтайскому краю собрано до того не так уж мало, они были разбросаны по различным изданиям и почти недоступны массовому читателю.

Создание Энциклопедии стало большим культурным достижением, этим изданием проблемы собственно культурного развития Сибири, истории культуры были поставлены и решены впервые. В содержание отдела «Культурное строительство» входили такие виды духовного развития, как народное просвещение, научно-исследовательская работа, искусство и литература, печать и библиография. Работа по участию в Сибирской советской энциклопедии поднимала научный авторитет Алтайского географического общества, отдельных его членов[1].

[1] Есть полный смысл выделить из Энциклопедии алтайский материал, т. е. статьи, относящиеся к Алтайскому краю, и издать заново отдельным томом. Сюда же включить и те статьи, что были сверстаны в IV том, а также оставшиеся в рукописи V тома (от буквы «О» до «Я»). Современный читатель получит не только полное

А. П. Велижанин

Несколько слов об активистах тех лет. Продолжал плодотворно работать Андрей Петрович Велижанин, он родился в Барнауле в 1875 году, сын преподавателя окружного (горного) училища. Он поступил в Томскую духовную семинарию, а после — на медицинский факультет Томского университета. Но в 1899 году был исключен из университета в числе других за протест против репрессивных мер по отношению к студентам в России. В 1904 году Велижанин закончил университет. В декабре 1898 года Андрей Петрович в Барнаульском горном училище слушал публичную лекцию В. В. Сапожникова «Зачем растениям нужен свет» («Зачем растения цветут?») и это, возможно, определило его уклон к естествоиспытательству. В 1902 году, будучи уже учеником Сапожникова в университете, он принимал участие в его экспедиции в Семиречье. Маршрут охватил не менее 2 тыс. верст караванных переходов и продолжался пять месяцев. Велижанин многому научился за эти месяцы, поскольку руководитель не держал помощников при себе (было три студента-медика, геолог и учитель из г. Верного), а они работали на самостоятельных маршрутах, на различных участках зоны экспедиции, отдельными партиями. О таком методе научного руководства Велижанин рассказывал на вечере памяти Сапожникова в декабре 1924 года[1].

представление о состоянии историографии к середине 1930-х годов, но и в оборот поступит много новых сведений. Вслед за таким однотомником возникает задача создания современной энциклопедии Алтайского края. Алтайская краеведческая ассоциация могла бы выдвинуть эту проблему.

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 12. Л. 138.

В 1905 году А. П. Велижанин вступил в партию кадетов и состоял в ней по 1917 год. В Барнаул вернулся в 1911 году и поселился здесь на постоянное жительство, сразу же вступив в члены Алтайского подотдела Географического общества. В следующем году избирается членом совета, включается в активную работу по перестройке музея, становится основным создателем орнитологического отдела, сам изготавливает хорошие чучела птиц. С этой целью он совершил несколько плодотворных экспедиций и поездок в Кулундинскую степь в 1913 году, в верховья Иртыша; досконально изучил в орнитологическом отношении окрестности Барнаула, в канун мировой войны летом 1914 года — вновь исколесил Кулундинскую степь (на свои средства). За эти годы он изготовил для Барнаульского музея около сотни чучел, целую коллекцию. Среди них редкие виды: пеликан, фламинго, дрофа-красотка и особенно гусь-пискулька. Уже тогда он отличался тщательностью отработки результатов экспедиций, достоверностью описаний, анализом количественных измерений, чем обратил на себя внимание научной общественности. Г. И. Поляков написал специальную статью «Сборы Велижанина в бассейне Верхнего Иртыша» (Орнитологический вестник, 1914).

Летом 1919 года был мобилизован в эпидемгоспиталь сибирской армии Колчака, но с января 1920 по октябрь 1921 год уже служил в эпидемотряде 26-й дивизии Красной Армии, которая квартировала в Алтайской губернии, был врачом 448-го эпидемгоспиталя. С уходом 26-й дивизии на восток, Велижанин работал главным санитарным врачом Алтайской губернской больницы, в 1925 году — врачом скорой помощи, заведующим.

Уже упоминалось о том, что в 1918–1920 годах, а затем в 1922–1924 и 1927–1929 годах Андрей Петрович возглавлял Алтайский отдел Географического общества, с 1920 года вновь встал во главе орнитологического отдела музея и создал около 50 художественно исполненных чучел, которые долгие годы составляли основное богатство отдела. В 1921 году был делегатом первой Всероссийской краеведческой конференции. Из экспедиции в верховья Барнаулки в 1923 году он привез 300 экз. птиц. (В экспедиции был вместе с сыном, Глебом Андреевичем, который в 1925 году окончил вечернюю школу для взрослых повышенного типа и уже работал препаратором в музее; в марте 1925 года совет Алтайского географического общества дал ему рекомендацию перед Алтайским ГубОНО — для коман-

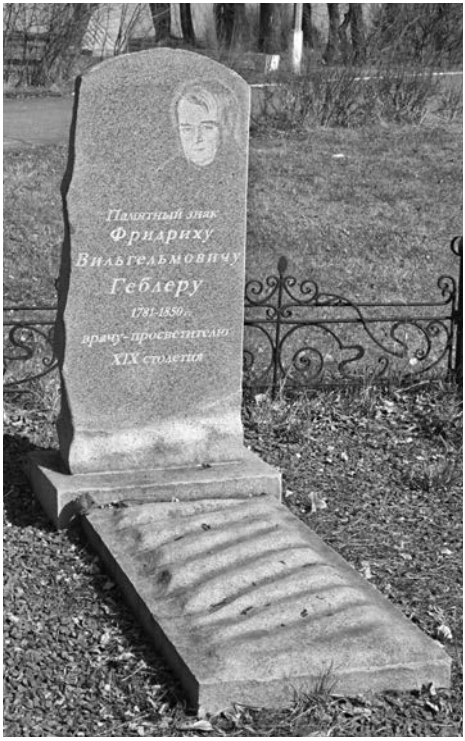
дирования в вуз. Впоследствии Глеб Андреевич с успехом окончил университет и вернулся в Барнаул.)

А. П. Велижанин участвовал в Карской экспедиции. 14 ноября 1926 года он сделал хорошее сообщение-отчет «От Омска до Обской губы с Карской экспедицией». На этом заседании присутствовало 223 человека. Особый интерес к рассказу Велижанина проявили деловые люди, нэпманы, руководители хозяйственных отделов. Кроме своих личных — научных — наблюдений, он особое внимание уделил экономической стороне проблемы Карской экспедиции. Пути Карской экспедиции выводят на мировой рынок относительно малоценное сырье Сибири и Казахстана. К началу навигации экспортные товары, заготовляемые сибирскими и казахскими хозяйственными органами, концентрируются и грузятся на речные суда на базах: в Камне-на-Оби, в Новосибирске, в Томске, Могочино, в Омске, Таре, Усть-Ишиме. По Оби их отправляют в порт перегрузки на иностранные суда — Новый Порт в Обской губе.

Велижании вместе с грузом прошел Самарово, Кондинское, Березов, Мужи, Обдорск и вышел в Обскую губу. Возможность ежегодных посещений Обской губы морскими судами европейских стран стала очевидной, экспорт-импорт возрастет, и это вызовет к жизни лесоэкспортную промышленность, вызовет интенсификацию рыбных и охотничьих промыслов, приведет к открытию и использованию новых, еще не исследованных естественных богатств, тяготеющих к водному пути через устья Оби и Енисея. Возникнут новые населенные пункты. Правда, были опасения, что суда из Европы не пробьются сквозь льды, но они прошли в Карское море. Было недоверие, что будут слишком большие накладные расходы, но возросший оборот позволяет выгодно вести обмен. Так, например, вывоз леса через Ленинград обходился в 151 рубль (за стандарт), а через реки и морской путь в 69 рублей, кожсырье — 91 и 82, масло пихтовое — 137 и 105. Перспективы Карской экспедиции будут возрастать.

Заслуги Андрея Петровича Велижанина перед алтайским краеведением несомненны, но пока мало известно о его научных достижениях, его статьи разбросаны по специальным узким журналам, и собрать их есть задача сотрудников нашего филиала. В Сибирской советской энциклопедии, т. I, стб. 454, о нем биографическая справка. (он и его сын были расстреляны).

Во второй половине 1920-х годов заметное влияние на работу Общества имел Григорий Дмитриевич Няшин (1871–1943). Он окончил Московский университет и до революции служил в судебных органах в городах Сибири. Здесь уже упоминалось о судьбе одного из первых членов Общества Л. П. Ешине, так вот Няшин выступал защитником на процессе социал-демократов в Бийске в 1909 году, по которому тот проходил. После революции работал в Алтайгубархиве, вел историю, географию в школе рабочей молодежи, в техникуме, в Общество вступил в 1924 году. Григорий Дмитриевич подхватил эстафету предшественника по работе в архиве — Николая Степановича Гуляева, он также много работал с документами, систематизировал их, делал выписки, неоднократно выступал с докладами на общих собраниях членов Общества и на заседаниях совета. Имел десятки статей в газете «Красный Алтай». С его приходом в Обществе была создана комиссия по охране памятников старины и природы. Он подготовил доклад к 76-летию со дня смерти Ф. Геблера, была установлена переписка с его внуком Н. Геблером. От него поступила литография портрета Ф. Геблера для алтайского музея. Одновременно комиссия возбудила перед отделом коммунального хозяйства вопрос о приведении в порядок могил известных деятелей на Нагорном кладбище. 28 мая 1930 года комиссия осмотрела отремонтированное надгробие на могиле Геблера, П. Казанский сделал снимок. По настоянию Комиссии была сохранена плита с могилы Марии



Современный памятник В. Ф. Геблеру на бывшем Нагорном кладбище в Барнауле. Фото 2012 г.

Г. Д. Няшин

Качки (1794), ее перенесли во двор музея еще в 1929 году.

В 1926 году вышла повесть А. Караваевой «Золотой клюв». Г. Няшин несколько раз выступал перед краеведами с докладами «Исторические основы повести А. Караваевой, «Заметки архивиста по повести А. Караваевой»[1]. Он представил новые документы из истории края, в частности о первом начальнике заводов Л. Г. Беэре, о «венгерской науки штейгере Симоне Качке». Его сведения ценны и теперь, так, например, он приводит оклады служащих и называет, что учитель Барнаульской школы в 1752 году получал 18 рублей (годовых). Иначе говоря, школа появилась несколько раньше. (Точных документов и до сих пор нет.) В те же годы выдвинул предложение отметить в 1930 году 200-летие со дня основания Барнаула, писал по этому поводу статьи, запросы в горисполком. Городские власти не решились отмечать этот юбилей. Г. Д. Няшин написал книгу по истории Барнаула и просил Общество субсидировать. Но денег свободных не было. Тогда на заседании совета 26 июня 1929 года он попросил ссуду в 150 рублей для издания брошюры «Некоторые моменты истории Барнаула» — на 6 месяцев (протокол № 24, п. 5). Совет выделил, хотя А. П. Велижанин был против. Книга вышла, но Няшину пришлось ее распространять лично (500 экз.)[2].

---

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 22. Л. 11–20.

[2] Неисповедимы людские судьбы… Кажется, краеведы более или менее знакомы с Г. Д. Няшиным, его фонд в ГААК доступен (ф. Д-136, здесь 25 дел, и он пополняется). Но вот в апреле 1990 года, будучи на учредительном съезде краеведов России в Челябинске, мы разговорились с В. Ф. Гришаевым, и он поведал, что встречался с племянником Няшина. Племянник подарил книгу дяди, но предварительно приклеил на титул фото Г. Д. Няшина. С чего бы это? Я рассказал, как Няшин выпустил книгу и что традиция эта идет от него. Еще в 1950-х годах мне давали читать его брошюру в краевой библиотеке, тот экземпляр принадлежал лично Г. Д. Няшину, на нем есть его экслибрис, над фамилией автора приклеено фото 3×4 см, да и переплет сделан им же. Вот исходные данные: 9 (с. 182): Н 999, инвентарный № 459199. Данный экземпляр надо сохранить как раритет. О сыне Г. Д. Няшина, Льве — см.: Гришаев В. Тропою памяти. Барнаул, 1987, с. 222–229; о нем же художественная повесть О. Берггольц «Пимокаты с Алтайских», Л., 1988.

Книга Г. Д. Няшина «Некоторые моменты истории Барнаула» носит подзаголовок «Материалы Барнаульского окружного архивного бюро» и содержит 24 страницы. Текст распадается на три главы: Барнаул в XVIII веке — Барнаул в XIX веке — Барнаул в XX веке (с. 21–23). Действительно, сведений из истории города в этой небольшой книге очень много, особенно хотелось отметить обилие имен (лиц, деятелей), связанных с Барнаулом, на которые ссылается исследователь. Это делает его повествование предметным, оживленным. Правда, своим категорическим обоснованием топонима «Барнаул» он ввел в заблуждение некоторых легковерных читателей, а заявлением об основании Барнаула якобы в 1730 году до сих пор пользуются не только экскурсоводы, но и городские власти. То и другое не находит подтверждения у современных исследователей.

Однако активная работа Няшина по сохранению памятников истории кое-кому пришлась не по душе. Вскоре после его статьи в «Красном Алтае» о необходимости бережного отношения к памятникам как к свидетельствам исторического прошлого народа появилась клеветническая статья о его жизни в годы белогвардейщины. Некто Евг. Попов в газете спрашивал, почему это вдруг Г. Няшин так много печется о прошлых памятниках, о прошлой жизни, не лучше ли спросить, как он работал в годы гражданской войны в судебных органах, и т. д. и т. п. Поневоле Няшину пришлось отвечать (10 февраля 1930 г.). Подобное, как мы знаем, бралось на заметку и позже не прошло бесследно… Авторитет Г. Д. Няшина среди краеведов был высокий, в декабре 1928 года Алтайское географическое общество делегировало его на съезд научных работников в Новосибирск, а в 1930–1931 году он был секретарем и казначеем Общества. П. М. Юхнев тогда же стал председателем правления, А. П. Велижанин — заместителем.

После Октябрьской революции был принят в члены Географического общества Порфирий Алексеевич Казанский, он родился в 1885 году в с. Каревском Томского уезда в семье канцелярского служащего. Окончил юридический факультет Томского университета лишь в 1911 году, хотя поступил на учебу вовремя, в конце 1903 года он был посажен в тюрьму, превентивно — за участие в студенческой демонстрации. Некоторое время работал в контрольной палате в Москве, в Управлении контроля Сибирской железной дороги, а затем вновь вернулся в университет. Получив диплом, пе-

реехал в Барнаул. Женился на Платониде Яковлевне, учительнице, и окунулся с головой в литературно-просветительскую деятельность того бурного предреволюционного времени. Литературным творчеством он начал заниматься, как говорят, с детства, с 1906 года уже печатается в газетах и сибирских журналах: «Сибирская жизнь», «Молодая Сибирь», «Сибирский Рассвет» и особенно «Жизнь Алтая». В Барнауле он активно сотрудничает с Г. Гребенщиковым, с издателем и членом Общества В. М. Вершининым, С. Исаковым, А. М. Топоровым и многими другими просветителями и краеведами. Особенно плодотворно Казанский выступает с критическими заметками, фельетонами, статьями, стишками о неурядицах жизни, о бессилии городских властей по благоустройству Барнаула, о произволе хозяев предприятий. Это темы краеведческие, местные и, казалось бы, поверхностные. Но изучение «дна», познание «мелочей жизни» давало Порфирию Алексеевичу возможность не только облечь их в литературно-образные формы, но и познать глубинные нужды людей, народа. И если в предреволюционные годы он сильно язвил жизнь под псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий», то после Октября вошел в нее сборниками «Песни борьбы и надежды» (Барнаул, 1917) и «Родному краю» (Барнаул, 1918). И когда на первом собрании Алтайского подотдела Географического общества 25 февраля 1918 года, именно в середине заседания, прервав его ход, приняли несколько человек в Общество, и среди них П. А. Казанского, было уже известно его приветствие Октябрю:

Сбылась былая небылица,
Пришла великая волна.
Сибирь — вчерашняя темница,
Сибирь — свободная страна!

...Пришли белогвардейцы. П. А. Казанский, член партии меньшиков с 1906 года, был включен в органы местного самоуправления, стал заведующим ГубОНО. Здесь уже упоминалось, что он старался проводить как раз ту просветительскую политику, что намечена была при первой советской власти, весной 1918 года на встрече зав. ГубОНО Иванова с членами Географического общества. После восстановления Советов Казанский остался работать в народном образовании, преподавал географию на рабфаке, в школах взрослой молодежи, в техникумах. На заседаниях Общества он неоднократно

выступал по проблемам преподавания географии, о необходимости местного учебного пособия. Владея эсперанто, он привлек далеких соратников, ему прислали различные разработки, и в 1922 году он написал и издал книгу «Конспективный курс географии для взрослых учащихся». И хотя в 1923 году он формально вышел из партии меньшевиков, его отстранили от должности учителя. «Из учреждений ОНО уволен за принадлежность к партии меньшевиков», — писал он в анкете в 1925 году»[1].

Перешел служить в кооперативные и кредитные учреждения, полностью отдался краеведению. В конце 1920-х годов он был председателем редакционной комиссии Алтайского отделения Общества изучения Сибири и ее производительных сил, т. е. редактором Алтайского краеведческого общества. Он много сделал для изучения Алтайского края, в деле пропаганды прошлой истории, раскрытия природных возможностей для современного индустриального развития. О таком понимании краеведения он говорил на первой губернской краеведческой конференции в феврале 1925 года в докладе «О замечательных людях науки, искусства и культуры Алтая». Правильно понимая марксистскую диалектику, он утверждал, что «большие люди», «герои» выдвигаются народом из того класса, который выходит на историческую арену в тот или иной период, и отражают его нужды. В Алтайском крае таких людей выдвигало развитие горного производства. Он с горечью воспринимает запустение горного дела, но не надеется, что с нэпом его возродят иностранные концессии. В статье «На бывших и будущих рудниках» описывает состояние Змеиногорска: «Мохом поросшие, прогнившие крыши. Гнилые, разваливающиеся крылечки… Шахты сгнили, штольни завалились…» Но он верит в возрождение былой горняцкой славы, если приложить новые усилия в изучении минеральных богатств.

В середине 1920-х годов многие краеведы собирались на квартире заведующего Барнаульским отделением Сибкрайиздата В. Н. Никонова, об этом пишет А. М. Топоров. Среди них выделялся П. А. Казанский: «Был он маленький человечек с бледным лицом и пискливым голосом, но на литературных диспутах с особым вниманием слушали его остроумные речи». Но в этом маленьком теле был жив

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 18. Л. 76–77.

бодрый дух пламенного патриота, краеведа. В поэме «Сибирь» из книги «Родному краю» он восклицал:

Я сын своей страны. Я сын родных метелей,
Чернеющей тайгой окутанных равнин,
Поникших ветками, одетых снегом елей,
Растрепанных берез, трепещущих осин.
Я сын моих равнин, как океан безбрежных,
Что тысячами верст легли из края в край,
От ледяных полей, от тундр угрюмых, снежных,
Туда, где высится сверкающий Алтай.
Я чувствую тебя, Сибирь моя родная.
Понятна мне твоя суровая краса;
Ее не затемнят, иной красой блистая,
В душе сибиряка иные небеса.

Наступали 1930-е годы, уже Г. Няшин вынужден оправдываться, уже В. Верещагина «попросили» из Барнаула, а Казанского мы застали в школе села Тюменцева, откуда его, как «врага народа», забирают в небытие[1]. Нельзя спорить с А. Топоровым, когда он говорит, что «Порфирий Алексеевич Казанский — писатель сложного пути, он ошибался, не был политическим прозорливцем, но запомнился он мне как человек честный, любящий и свой народ, и свой край», поэтому руководству Алтайского филиала Географического общества надо обдумать способ увековечения памяти этого замечательного краеведа, работавшего в нашем Обществе в самое трудное первое советское десятилетие. В Сибирской советской энциклопедии Порфирию Алексеевичу Казанскому посвящена небольшая статья (т. II, стб. 449).

В рассматриваемые годы продолжал плодотворно работать в области краеведения Виктор Иванович Верещагин. В 1919, 1925, 1926 и в 1927 годах он совершил длительные экспедиции, экскурсии, поездки, походы в основном в юго-западный Алтай: Нарымский хребет, Риддерск, Проходной белок, Зыряновский рудник, р. Хамир, Катон-Карагай, Бухтарма. Усиленно изучал окрестности Барнаула в ботаническом отношении. В марте 1928 года профессор П. Н. Крылов, с кем очень тесно был связан Виктор Иванович, писал: «В. И. Ве-

[1] См. статью И. Гущина «Обжалованию подлежит» — Алтайская правда, 16, 17 сент. 1988 — и статью П. Петренко в альманахе «Алтай», № 3, 1989.

рещагин сделал на Алтае и в прилежащих к нему местах (преимущественно на свои средства) 17 экспедиций продолжительностью в среднем 2,5 месяца каждая, изъездив в общей сложности по меньшей мере 20 000 верст пути преимущественно по горным верховым тропам. Им было собрано на Алтае около 2000 видов растений, включая, кроме высших, некоторые споровые растения. Из этого числа свыше 50 видов новых для Алтая и 5 видов совсем неизвестных ранее, новых для науки, из родов болотник, астрагал, филлостикта, овсяница, крашенинниковия». Результаты активных научных поисков не замедлили сказаться, в 1920-е годы он опубликовал около 20 научных статей в журналах и выпустил книгу «Очерки Алтая». Кстати говоря, это стало возможным с созданием Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Он был делегатом 1-го краевого Сибирского научно-исследовательского съезда, стал членом совета (правления) Общества, играл заметную роль в формировании «политики» Алтайского географического общества. Но жизнь (быт, основная работа по профессии) не была легкой. Уже говорилось, что из-за конфликта с ГубОНО его удалили из состава сотрудников музея (потом, правда, вернули). Виктор Иванович работал в 4-й средней школе (школа II ступени), преподавал на рабфаке Барнаульского отделения Томского университета, по совместительству работал в музее и заведующим ботаническим отделом губернских мастерских наглядных пособий. Ему (для него) пришлось в трудные голодные годы первой половины 1920-х годов хлопотать об академическом пайке, ему пришлось защищать даже право на жилье, всюду необходимы были различные справки, бумаги, характеристики, подтверждения…

Но Виктор Иванович «выдерживает характер»: научная работа и педагогическая деятельность определяют его жизненное кредо. Как ученый, он весь собранный во время экспедиций материал обрабатывал сам, делал этикетки, дневниковые описания, отчеты, денежные сметы, составлял инвентарные списки. Гербарные папки его рук безукоризненны. Как педагог, Виктор Иванович горячо, с жаром, увлекательно объяснял своим слушателям мельчайшие, особенно «тонкие» специальные научные термины, положения с доступной простотой, понятной и неподготовленному слушателю. «Сухая», «формальная» ботаника становилась увлекательной, живой наукой. В. И. Верещагин отдавал все свои силы и знания делу народ-

ного образования, изучению природных ресурсов Алтайского края, использованию их в социалистическом строительстве.

Видимо, обстановка конца 1920-х — начала 1930-х годов не могла не влиять отрицательно на жизнь таких людей, как Верещагин. Он, исследователь, ученый, учитель (педагог), не фрондировал, но и для него были обязательными анкеты, по которым измерялась лояльность. В ГААК часть этих анкет сохранилась: ф. Р-140, д. 12, л. 16 — 1924 год; д. 18, л. 10 — 1925 год; д. 36, л. 19 — 1929 год... 28 марта 1926 года на заседании совета (протокол № 20) Г. Д. Няшин передает просьбу В. И. Верещагина о выдаче ему удостоверения о его работе в Обществе и в музее (характеристику!) и, «если совет найдет возможным» (просит Верещагин), возбудить ходатайство о назначении ему персональной пенсии. Совет на заседании 11 апреля подготовил характеристику, где, например, указывается, что Верещагин лишь с 1923 года получал «вознаграждение» за работу в музее от 14 до 22 рублей, и подчеркивается, что пенсия «даст ему возможность продолжить научную работу, *не обременяя себя отыскиванием средств для существования*, особенно учитывая его пошатнувшееся здоровье»[1].

Наконец, в ноябре 1928 года Виктор Иванович просит вывести его из состава совета Общества изучения Сибири и ее производительных сил по «хронической болезни». Но «конец» наступает в 1933 году, когда к Верещагиным пришли «представители» и «посоветовали» без лишнего шума (конечно, без предъявления законных обоснований, как вспоминала И. В. Верещагина в беседе с автором) покинуть Барнаул. В. И. Верещагин с семьей переселился на восток, в Красноярские Столбы... Небольшая статья о Верещагине опубликована в Сибирской советской энциклопедии, т. I, стб. 458.

Все подобные гонения на алтайских краеведов не были единичными, не были случайными. Казалось, наоборот, вторая полови-

[1] Совет, конечно, возбудил хлопоты, но печальный опыт уже имелся, об этом стоит рассказать. В 1924 году совет Алтайского географического общества обсуждал просьбу К. И. Выдриной, вдовы И. П. Выдрина, о назначении ей пенсии за мужа. Она не способна работать и воспитывает двух детей. Заслуги И. П. Выдрина уже перед советской властью большие, и он около 30 лет посвятил краю. Совет дал отличную характеристику научных заслуг Выдрина, и местный исполком назначил вдове 10 рублей пенсии, однако Наркомзем в июле 1925 года отказал, и эти 10 рублей перестали платить, вдова осталась без средств — см.: ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 20. Само Общество в свое время выплачивало пенсию вдове Н. С. Гуляева.

на 20-х — первые годы 30-х заполнены бурным краеведческим строительством, переносом руководства на места, созданием широкой сети кружков, секций, краеведческих обществ, бюро. Научный поиск, издательская инициатива, музейная работа, наконец, финансирование — все это создавало возможности дальнейшего развития научного, государственного, школьного и общественного краеведения. Центральное бюро краеведения еще в 1926 году признавало, что краеведение «разлилось широкой волной», «пустило глубокие корни». Окрепнув, краеведение стало расти и шириться, «изменения произошли главным образом в сторону положительную»[1]. Теория и практика краеведческого движения шли в общем нарастающем потоке культурной революции первых советских лет. «Широта и глубина исследований из года в год нарастали, что позволяло надеяться на еще более крупные результаты. Однако этого не случилось»[2]. Что произошло? Можно привести небольшой абзац из предисловия к II тому Сибирской советской энциклопедии «От редакции», который, собственно, фиксирует состояние того времени (том подписан в марте 1931 года): «Обострение классовой борьбы и новые формы проявления активности классового врага и его агентуры выявили целый ряд так называемых специалистов, которые, работая в краевых советских учреждениях, в той или инок степени оказались причастны к составлению первой краеведческой энциклопедии. Это потребовало *радикальнейшего* (выделение мое. — *А. С.*) пересмотра авторского (! — *А. С.*) и редакционного коллективов и привлечения новых сил, главным образом, за счет краевого партийно-общественного актива» (который, как оказалось, уже заражен сталинизмом).

Мы знаем теперь, к чему приводил «радикальнейший» пересмотр старых кадров. Репрессии особенно коснулись местных интеллигентных сил, а это — в основном краеведы, патриоты, ученые, активные общественники. «Материалы по ним грубо фальсифицировались, — отмечается в сообщении комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и начала 1950-х годов. — Ни «блоков», ни «центров» в действительности не суще-

[1] См. листовку «Краеведческая перепись», издание ЦБК, Ленинград, Гублит, 3000 экз. Листовка без даты, но в Барнауле она зафиксирована 12 декабря 1926 г. ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 21. Л. 58–69 об.

[2] Историография советской Сибири. Новосибирск, 1968. С. 149.

ствовало. Их создавали искусственно. Проходившие по политическим процессам лица в судебном порядке реабилитированы, восстановлены в партии» («Правда», 6 июня 1990, с. 2). Президиум Верховного Совета СССР 16 января 1989 года признал незаконными решения несудебных органов, а граждан, репрессированных по этим решениям, — реабилитированными. К июню 1990 года «общее число тех, кому возвращено доброе имя, составляет более двух миллионов». Некоторые имена алтайских краеведов мы выясняем. Но мы должны полностью присоединиться к рекомендациям 2-й Всесоюзной конференции по историческому краеведению (Пенза, апрель 1989), в которых сказано: «Конференция считает необходимым продолжать исследования, связанные с историей краеведения, особенно трагического периода 30-х годов. Рассказать широкой общественности о незаконно репрессированных краеведах. Приступить к подготовке издания биобиблиографического словаря. Обратиться в общество „Мемориал“ по увековечению памяти выдающихся краеведов, ставших жертвами сталинского террора». Созданная 27 декабря 1989 года Алтайская краевая краеведческая ассоциация поставила целью заполнить этот пробел в алтайском краеведении.

Глава 4

Преемники. 1955–1978

Состояние центрального Географического общества и попытки восстановления Алтайского отдела • Алтайские краеведы продолжают работать • Создание Алтайского (г. Бийск) отдела Географического общества СССР, 1955; его общественная и научная деятельность • Образование Горно-Алтайского отдела, барнаульская инициативная группа (1971) и создание Барнаульского отдела, 1976 • Разработка первых региональных программ • Объединение научных сил: организация Алтайского филиала, 1978

Слово «состояние» не очень удачно определяет тему первого раздела данной главы: здесь нет возможности и необходимости переписывать полную историю Географического общества СССР, но нельзя и обойтись при изложении истории местного отдела без учета состояния всего Общества, особенно в 1930–1940-е годы. Алтайские краеведы, общественное краеведение Алтайского горного округа, появившись сто лет назад, развивались самостоятельно, с учетом сложившихся к тому времени других форм общественного движения. Все было ко времени. Почувствовали, что движение начинает идти по кругу, и решили искать покровительства Русского географического общества, обговорив перед П. П. Семеновым самостоятельный устав (хотя и в рамках центрального Общества). В начале 1920-х годов центральное Общество вдохнуло новую жизнь в Алтайский отдел, но, как полагали старые члены совета, отделение в итоге оказалось привязанным к местным органам власти. Влияния центрального Общества не было. Наоборот, возникли различные объединения, которые децентрализовали краеведческое движение, а потом Общество изучения Сибири было закрыто, Центральное бюро краеведения приказало долго жить, центральное Гео-

графическое общество стало государственным (с 1926 года) и бесфилиальным, перестало уделять внимание местным организациям. Сильно отрицательно сказались многочисленные административно-территориальные изменения. Совет Общества с тревогой обращался к местной интеллигенции, к учительству: «До последнего административного переустройства Сибири Барнаул был центром обширного Алтайского округа, а затем Алтайской губернии. В настоящее время, с образованием округов, значение Барнаула как центра значительного по территории края в сильной степени убавилось, и вместе с этим прервалась связь Алтайского отдела Русского географического общества с городами, входившими ранее в Алтайскую губернию. Стремясь к восстановлению этой связи, совет просит быть посредником между отделом и местными исследователями, когда встретится надобность произвести какие-либо наблюдения и т. п.»[1]. Местных активистов-интеллигентов разогнали, оклеветали... Движение захлебнулось. Но к концу 1930-х годов, после образования административно-территориальной единицы Алтайского края (сентябрь 1937), краеведы оживили свою деятельность, стали искать пути восстановления организации Географического общества и связи с ним. Однако поддержка центра оказалась малодейственной, на долгие два десятилетия алтайские географы были лишены непосредственного участия в работе Географического общества СССР. Основную долю «вины» за это следует возложить на центральный ученый совет.

Объяснимся. Для этого необходимо хотя бы фрагментарно «пролистать» хронику Общества[2].

В 1933 году на первом съезде географов состоялся доклад Я. С. Эдельштейна «Задачи и роль Географического общества и его филиалов в деле географического познания СССР». В резолюции по этому докладу сказано: «Съезд считает необходимым организацию Всесоюзного географического общества как основной планирующей и руководящей общественной географической организации с существованием географических обществ союзных республик, филиалов и отделений в автономных республиках, областях и краях.

[1] ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 3. Л. 7; о территориальных изменениях см.: Справочник административно-территориальных изменений на Алтае 1917–1980. Барнаул, 1987, с. 8–25.

[2] См. книгу: Географическое общество Союза ССР. 1917–1967. М.: Мысль, 1968.

Общество своей активной задачей должно иметь всестороннее географическое изучение Союза, исходя из плана построения социализма» (с. 36)[1]. На съезде «выяснилась и та ответственная почетная роль, какая выпадает в наших условиях на долю добровольных научно-исследовательских общественных организаций, каковым является Государственное географическое общество» (с. 39). Можно видеть, как изменились акценты в содержании работы Общества, как оно уже было втянуто в обслуживание нужд государства. Было задумано создать новое общество (регистрация его началась вскоре), оно должно было исполнять функции основной планирующей и руководящей силы для общественных организаций. Новое общество брало на себя перед государством «почетную и ответственную роль». До сих пор Географическое общество видело перед собой задачу и цель «в образовании, разрабатывании отечественной географии» и определенных научных дисциплин. Результаты же научных изысканий может (и должно) использовать государство, общество. Такое взаимовлияние наиболее целесообразно.

Май 1937 года. Почетный председатель Общества Ю. М. Шокальский делает доклад, в котором эти два положения объединяются: «Единственная забота общества и всего его коллектива членов — принести возможно большую научную и практическую пользу с наименьшими затратами, во славу и пользу нашего Союза» (с. 43). Все-таки впереди интересы государства, а не науки. И этот крен не мог не привести к логическому завершению огосударствления мышления, подчиненного государству взгляда на Общество.

30 января 1941 года на общем собрании председатель Географического общества Л. С. Берг заявил: «В настоящее время основу деятельности общества составляют посильное содействие нуждам народного хозяйства и пропаганда географических знаний, а не организация экспедиций». Так сузилась роль Общества по вине его самого, согласно предписанным ему самоограничениям. Причем далее уверенный в своей правоте председатель объясняет причину этого и еще раз утверждает примат политики, государства: «Причины понятны. В дореволюционное время весьма видная роль в экспедиционном изучении нашего отечества принадлежала Географическому обществу, в советское же время возник целый ряд учреждений, как

[1] Здесь и далее указываются страницы книги «Географическое общество Союза ССР. 1917–1967. М.: Мысль, 1968.

в центре, так и на периферии, специально занимающихся исследовательской деятельностью, например Арктический институт, Институт географии Академии наук, Географо-экономический институт и многие другие».

Правда, председатель несколько смягчает впечатление, пояснив: «Тем не менее Общество, понятно, никогда не отказывалось и не отказывается от экспедиционной деятельности и, как мы видели, за советское время провело ряд экспедиций, причем некоторые из них имели очень широкий масштаб» (с. 52). Понятно, что и организационное строение было изменено.

16 апреля 1938 года Президиум Верховного Совета СССР, идя навстречу пожеланиям общественности, постановил передать Географическое общество из системы Наркомпроса в систему Академии наук СССР. Это правильно, хорошо. Одновременно оно преобразовалось во Всесоюзное географическое общество. «В этом решении отразилось возросшее значение деятельности общества» (с. 45). 15 ноября Президиум АН СССР создал Оргкомитет для реорганизации географических обществ с целью придания им характера массовых научно-общественных организаций. Оргкомитет должен установить связь между обществами, содействовать организации новых обществ, руководить их деятельностью, созвать съезд и разработать новый устав. Задачи свои он исполнял, и в марте 1941 года его функции перешли к президиуму и ученому совету Общества. Устав был утвержден в августе 1945 года, а первый съезд Географического общества состоялся 27 января 1947 года. Кстати, в основной резолюции съезда о дальнейшем развитии Общества специально записано: «Принять меры по возобновлению экспедиционной деятельности общества», усилению издательской деятельности, широкой пропаганде географических знаний (с. 63–64). Иначе говоря, за прошедшее десятилетие постепенно создавалось современное Географическое общество.

Итоги этих преобразований подвел, закрепил и развил дальше, в новых условиях, Второй съезд Общества. Он проходил 3–10 февраля 1955 года. Именно этот съезд «решил организационные вопросы». Вместе с тем — и это основное — съезд «вернул» Обществу его функции. Съезд признал, что основным направлением деятельности Общества должна быть концентрация всех сил советской географической общественности для решения теоретических и практиче-

ских географических проблем, улучшения в стране географического образования и пропаганды географических знаний (с. 78). О росте авторитета Общества свидетельствует и возросший численный его состав: если на начало 1941 года действительных членов во всей стране было всего 896 человек, то в 1947 — более 3 тысяч, а на начало 1950 года — 4244 человека (с. 52, 65, 71).

Что оставалось делать краеведам Алтайского края? Сам край только становился на ноги, и в 1938 и в 1939 годы все еще действовал Оргкомитет по формированию административных структур. Существовал музей, да и тот, как писал своим друзьям вернувшийся через пять лет В. И. Верещагин, влачил жалкое существование, дышал на ладан. Школьное краеведение не прерывало своей активности, вскоре после закрытия Бюро краеведения была создана Краевая детская экскурсионно-туристская станция. За 1939/1940 учебный год «станция организовала целый ряд походов и экскурсий по историческим местам гражданской войны, эстафетный поход по пути следования отряда Петра Сухова, по изучению окрестностей г. Барнаула, по изучению местных рек и водоемов»[1]. Как уже говорилось, в ГААК с начала 30-х годов уже не поступало документов из Географического общества, косвенные свидетельства можно извлечь из фонда краевого музея (ф. Р-288), из Научного архива Географического общества СССР.

Небольшое число членов Географического общества продолжало поддерживать связи с центральным советом. В ноябре 1939 года член Общества, учитель из с. Сорокино, Ефим Назарович Данильченко отправил очередное письмо в Ленинград, он пишет секретарю: «Уважаемый товарищ Лариков Г. Р.! Я уже сообщал Вам...», т. е. действительно переписка старая. Е. Н. Данильченко говорит, что в силу необходимости, из-за климатических и семейных условий, он переменил профессию геолога, потом три месяца работал при Среднеазиатском аэрогеодезическом предприятии, но «пришлось снова возвратиться к старой квалификации преподавателя географии средней школы». Кроме того он сообщает, что «тот год» был богат — он путешествовал в Заполярье, был в Крыму... В письме недомолвки, они знали, конечно, о чем речь, и вот Данильченко в Сорокино и предполагает летом 1940 года поехать на Телецкое озеро, «Здесь

[1] Культурное строительство на Алтае. 1917–1941: документы и материалы / сост. П. А. Бородкин и др. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1980. С. 358. -С. 309.

очень богатая природа». Одновременно он жалуется, что нет географической литературы, хотел бы подписаться на журнал «География в школе», а самое главное: «Не существует Всесоюзного географического общества. Прошу выслать указания или инструкцию с чего начать». Сообщает адрес: Алтайский край, станция Алтайская Томской ж. д., с. Сорокино, Ленинградская, 41; 25.IX.39»[1]. Секретарь организационного комитета Г. Р. Лариков ответил: «1. В ближайшие 2–3 недели вышлю Вам утвержденный СНК СССР устав нашего общества и письмо к краевым организациям Алтайского края. Будем просить Вас протолкнуть вопрос о создании в Барнауле Алтайской краевой организации отдела Всесоюзного географического общества. С этим работы будет много». Но, видимо, дело не продвинулось, как хотелось. Инициатива же с мест прекратилась.

17 февраля (видимо, 1941 г.) было составлено письмо-просьба в «Государственное Географическое общество» от инициативной группы из Барнаула в Москву. Два момента называют недоумение: активисты именуют Общество по старому — Государственное, т. е. они не знают, что с апреля 1938 года оно именуется Всесоюзным географическим. Однако, зная, что Общество создается заново, они адресуются в Москву, а не в Ленинград. Тем не менее содержание письма таково: «При Алтайском краевом музее (г. Барнаул) имеется инициативная группа, желающая организовать отдел или подотдел Русского (третья оговорка. — *А. С.*). Географического общества, необходимость в котором давно назрела. Просим Вас оказать нам необходимое содействие, которое должно выразиться в высылке устава, основных положений и указаний». Подписи под письмом распределились так: директор музея — Марков, далее инициативная группа — Вл. Туболь (краевая станция юных техников и натуралистов), директор краевой детской экскурсионно-туристической станции Грибков, Васин от музея, Олиферович и еще одна неразборчивая фамилия — В. Вед… (там же, л. 5). Что же им ответил ученый секретарь Г. Р. Лариков? «Директору музея г. Барнаула т. Маркову. Нами получено письмо (без даты и пр.) — о создании отдела ВГО…» Он говорит, что необходимо получить «санкцию» крайкома и крайисполкома, создать организационное собрание, обсудить устав, составить протокол — и все это прислать к ним. У самого Ларикова в письме тоже нет да-

[1] НАГО СССР. Ф. 1-1956. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.

ты, но судя по тому, что он не секретарь оргкомитета, а ученый секретарь Общества (это произошло в марте 1941), то ответ им дан в апреле–мае 1941.

А тут война, дело вновь застряло. Не вспоминает Лариков и об энтузиасте из Сорокино.

Но закваска у алтайских краеведов оказалась крепкой, из разных мест, но примерно в те же годы они хлопочут о возрождении Общества. Этому способствовала и общественная обстановка, пропаганда в печати, правительственные постановления о передаче Географического общества в систему АН СССР. Еще 10 сентября 1937 года в центральной «Правде» появилась передовая статья «Отлично знать географию». Опубликованная в начале учебного года, статья отмечала недостатки в преподавании географии в учебных заведениях. Но там же критиковалась и деятельность Географического общества, особенно в слабости массовой пропаганды научно-географических знаний, отмечался упадок интереса советской общественности к краеведению. (Все абсолютно верно, но теперь мы знаем, почему «упал» этот интерес.) В разгар возросшего интереса общественности к возвращению отделений Общества, а именно 25 мая 1940 года в той же «Правде» появилась новая передовая «Любить свой край». С пафосом в ней говорилось: «Познать свой край, свой район, его историю, его богатства, знать, что таится в недрах родной земли, познать природу и не только познать, а научиться ее использовать на благо человечества, на благо социалистическому обществу — какое благородное и благодатное занятие, какой могучий источник знаний, прекрасное средство воспитания в молодежи наблюдательности и находчивости... Имя этому — краеведение». Прекрасные положения, не утратившие своего значения до сих пор.

В Обществе шла перерегистрация. Сохранились две регистрационных карточки за 1941 год из Алтайского края[1], точнее — из Горно-Алтайского (Ойротского) Географического общества. Первый обладатель карточки — Ялбаков Николай Васильевич, 1915 года рождения, окончил Томский университет, преподаватель биологии школы № 8 г. Ойрот-Туры, работает уже четыре года, беспартийный, домашний адрес — Партизанская, 24. Второй — Хацкель Самуил Моисеевич, 1909 года рождения, окончил Ленинградский универси-

[1] См.: НАГО СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 241–244.

тет, пед. стаж 8 лет, работает преподавателем педагогического училища, беспартийный. Как член Географического общества работает по проблемам географии шестой год. Адрес — ул. Ленина, 58. Эти две карточки (и два повторных экземпляра) помечены почтовым штемпелем 22.04.41. На адресе получатель — «Президент профессор Берг Л. С.». Карточки эти не случайные: весной 1941 года было создано Горно-Алтайское областное отделение Географического общества. Об этом сообщалось в газете «Советская Ойротия», в заметке за подписью Н. Архипов. Сказано, что в члены Общества «на сегодняшний день» принято шесть человек, областное отделение создано «по инициативе преподавателей географии», затем излагаются задачи областного отделения Всесоюзного географического общества.

Видимо, мы имеем формальное право говорить о возрождении ячейки Общества в крае, причем с преемственностью его членов, хотя и разрозненных. Мы можем заявить, что было воссоздано и общекраевое отделение. Как известно, в годы войны АН СССР в основном перебазировалась в Казань. Активисты краевого музея провели соответствующую работу, т. е. собрание и пр., и вот в Казань пришла телеграмма: «Казань, Академия наук СССР. Из Барнаула, Географическое общество. — Санкционируйте возобновление деятельности Алтайского отделения географического общества. — Директор Алтайского музея Манилов». Резолюция: «Ответить телеграммой о согласии» — подпись, а затем приписка другой рукой: «т. Силиной (? — *А. С.*). Повторите эту телеграмму в Ленинград Геогр. О-во. б. у. 42», подпись[1]. Таким образом, документально зафиксирован факт нового создания Алтайского краевого отдела Географического общества, вскоре после образования Алтайского края.

Почти повсеместно война разметала не только кадры, но и организации, из-за чего в послевоенные годы не так скоро восстанавливалась система отношений. Новосибирский отдел, например, был создан перед войной и существовал, в 1945 возобновлен Красноярский, в 1948 году возобновил свою работу Омский (б. Западно-Сибирский) отдел, был создан Томский, в 1960 году создан Кузнецкий отдел (Кемеровская область).

В те же годы как раз требовалось от ученого совета повторить удачный и блестящий пример поездок П. К. Козлова по периферий-

[1] НАГО СССР. Ф. 1-1956. Оп. 1. Д. 34. Л. 4, телеграфный подлинник.

ным отделам и послать инспектора-вояжера в большинство регионов страны. Дело и в том, что перед войной формировалась новая структура Общества, по новому уставу, на принципах так называемого демократического централизма подчинения. Это требовало разъяснения. По Конституции СССР 1936 года создавалась новая, строго иерархическая сеть государственных административно-территориальных образований. Что делать и как делать, если, скажем, Барнаул из райцентра сразу превратился в краевой центр? Нелегко было в таких условиях местным активистам. Из нынешних лет можно упрекнуть центральное Географическое общество в формальном восприятии своего времени и обстоятельств. Отсюда, кстати, большая наша благодарность сохранившимся тогда активным краеведам за то, что они сами в который уже раз взялись за возрождение организованного общественного краеведения и Алтайского отдела Общества.

«Живое» краеведение полностью сохранило свою жизненную силу и притягательный интерес в школах. Сотни учителей-энтузиастов, любителей Алтайского края, привили любовь к родному краю молодому поколению.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов в краевом институте усовершенствования учителей при кабинете географии сложился актив краеведов. Заведующая кабинетом Родионова и заведующая кабинетом русского языка и литературы О. Кахновская, учительница географии Нина Михайловна Пузикова, руководители народного образования В. Котельников, Г. С. Попов старались развить краеведческую работу, создавали кружки, планировали методическую учебу, помогали в организации туристских походов. В. Котельников понимал, что «воспитание любви к Родине начинается с воспитания любви к близкому, окружающему, к родной семье, школе, колхозу, селу, городу, району, краю; к родным полям, лугам, лесам, рекам, горам; к людям, которые своим трудом ведут и строят хозяйство, обеспечивающее удовлетворение потребностей общества...» — и лучше всего этого можно добиться в краеведческой работе, изучая родной край. Так, в школе № 12 г. Барнаула в краеведческом кружке занималось постоянно 50–60 учащихся, но летом в поход могли собраться лишь 15–17 человек. Дело сложное для того времени. В 1948 году они добирались до Телецкого озера несколько дней. Н. М. Пузикова, например, писала: «Чтобы попасть в Турачак, нужно в Бийске выйти

(! — *А. С.*) на Турачакский тракт, где часто проезжают (! — *А. С.*) машины до Карабинки или до самого (! — *А. С.*) Турачака». Они могут проехать и мимо. А там, конечно, пешком до Телецкого (Из опыта краеведческой работы школ Алтайского края. Барнаул, 1949, с. 20). Машины попутные, обыкновенные грузовики, их надо было «ловить». Группа школьников, никакой ни от кого гарантии. Надо быть подлинным энтузиастом, чтобы рискнуть на такой поход.

В семилетней школе № 13 юные краеведы, изучая край, подготовили доклады о замечательных людях края. Игорь Шульгин — о краеведе Н. С. Гуляеве, Женя Андрюков и Саша Осколков — о сказителе Л. Г. Тулицине, Володя Соловьев — о Н. Улагашеве. В селе Быстрый Исток краевед учитель Н. Г. Сидоркин организовал кружок по составлению истории районного центра, ученица Лена Сундеева (впоследствии учительница истории) собрала много документов у старожилов, был основан школьный музей.

Успешным было движение юных историков-краеведов. А. П. Уманский в брошюре «Как провести поход по памятным местам гражданской войны» приводил примеры тех лет. Юные краеведы Шебалинской школы во главе с И. М. Качеевым проделали многодневный поход имени 40-летия Великого Октября. Их путь — Шебалино, Онгудай, Чибит и Улаган. Большой поход совершили учащиеся старших классов Усть-Канской средней школы по пути отряда П. Ф. Сухова. Группа комсомольцев 112-й школы г. Рубцовска, руководимая учителем А. В. Мерзликиным, совершила поход по маршруту Рубцовск — ст. Мамонтово — Тишинка — Сросты — Вострово — Малышев Лог — Титовка. Учащиеся Бобровской средней школы под руководством учителя-краеведа А. Д. Сергеева совершили большой четырехнедельный поход на Верхней Оби, прошли пешком свыше 300 км, сфотографировали все историко-революционные памятники. Тогда удалось открыть свыше 10 памятников археологии и собрать небольшую коллекцию древних вещей. Такие же походы совершили старшеклассники Журавлихинской школы Краюшкинского района, учащиеся 5-й средней школы Славгорода и Тягунской семилетней школы Сорокинского района (см.: Как провести поход по памятным местам гражданской войны. Барнаул, б. г.).

В 1947 году по инициативе крупных ученых было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, теперь общество «Знание». Сразу же в Барнауле было со-

здано отделение краевого бюро, а при нем — краеведческая секция. Лекции и доклады на краеведческие темы заняли ведущие место. Местные краеведы — сотрудники музея, архивов, преподаватели вузов, учителя разрабатывали темы лекций и представили около 40 текстов. Деятельность краеведческой секции Алтайского края нашла большое одобрение и поддержку центрального руководства. Управление по делам культурно-просветительских учреждений при Совете министров РСФСР в документах отмечало, что «среди массовых лекций по истории СССР с каждым годом все больше читается лекций на историко-краеведческие темы. Это следует расценивать как весьма положительное явление в практике лекционной работы». В качестве примеров для подражания названы лекторы Л. Г. Исаков, П. А. Бородкин, а также Н. Я. Савельев, опубликовавший «в Инструктивно-методическом бюллетене (1951, № 1) статью «Краеведение и лекционная пропаганда», в которой ставит перед лекторами своего края вопрос о необходимости расширения краеведческой тематики и дает практические указания об использовании краеведческого материала в лекционной работе». Было отмечено, что «анализ содержания лекций (указанных лекторов. — *А. С.*) заслуживает несомненно положительной оценки как продукт серьезной и кропотливой работы, отличающейся необходимой идейно-политической целеустремленностью и выполненной с использованием первоисточников (летописей, архивных документов и пр.)».

Только что названные краеведы, а также Г. Раппопорт, Н. Ерошкевич, А. Рясик, М. Юдалевич, Н. Камбалов и другие активисты к началу 1950-х годов разработали три цикла лекций по краеведению. (Стоит напомнить, что еще активисты Общества любителей исследования Алтая создали циклы лекций и читали их регулярно, а после губернской краеведческой конференции 1925 года члены Общества лекции были обновлены.) Цикл 1 — «История Алтайского края» из 4 лекций, цикл 2 — «Алтайский край — один из крупнейших промышленных районов Сибири» из 5, цикл 3 — «Алтайский край — жемчужина и гордость колхозной Сибири, край высокосортных яровых пшениц, край маслоделия и тонкорунного овцеводства» из 6 лекций. Среди них, например, лекция «Пространства и природные богатства Алтайского края», «Климатические и почвенные особенности Алтайского края», «Использование подземных вод для орошения степных и лесостепных районов Алтайского края».

В 1953 году был издан «Инструктивно-методический бюллетень» № 30, специально по «вопросам краеведения», и в нем опубликованы лекции цикла «По родному краю» (Барнаул, 1953; 10,2 уч.-изд. л., 2000 экз.). Таким образом, сразу после войны было воссоздано общественное краеведение, краеведческая секция Краевого бюро была формальным организационным объединением алтайских краеведов, а собрания краеведов в музее в первой половине 1950-х годов были фактическим объединением краеведческих сил. Вокруг сотрудников краевого музея вновь возникла группа активистов, любителей Алтайского края, патриотов. Притягательной фигурой продолжал оставаться Виктор Иванович Верещагин. Он преподавал в сельхозтехникуме, некоторое время в сельхозинституте, состоял бессменным (на общественных началах, как мы теперь говорим) научным консультантом краевого музея. За многолетнюю научную, педагогическую и культурно-просветительскую деятельность ему присудили ученую степень кандидата биологических наук (по совокупности работ, без официальной защиты диссертации), а также присвоили ученое звание доцента.

Собрания носили устоявшееся название «Заседания группы краеведов-исследователей при Алтайском краевом музее». В архиве автора сохранились тезисы доклада В. Г. Филова «Пугачевцы на Колывано-Воскресенских заводах» к заседанию группы 29 ноября 1953 года, перепечатанные Н. Я. Савельевым и им заверенные, и тезисы самого Н. Я. Савельева «Документы исследовании Забайкалья П. К. Фроловым» — к заседанию группы 13 декабря 1953 года, им подписанные. В 1953, 1954, 1955 годах в музее проходили групповые беседы, где краеведы обменивались своими новыми находками, делились впечатлениями от поездок в районы края, вели дискуссии, обсуждали некоторые проблемы. Кроме Верещагина, здесь были Н. Ерошкевич, Н. Камбалов, Н. Савельев, А. Рясик, П. Бородкин, А. Уманский, Г. Раппопорт, В. Филов и другие активисты. С Н. Я. Савельевым я был знаком с 1950 года, но на эти краеведческие собрания меня привел мой институтский учитель А. П. Уманский.

Эти люди подготовили пособие для краеведов «Краеведческая работа в сельских культурно-просветительских учреждениях» (Барнаул, 1952; 3000 экз.). Н. А. Камбалов представил примерную тематику изучения природных богатств своего района в краеведческом кружке. Н. Я. Савельев дал рекомендации по изучению дореволюци-

онной истории края в краеведческих кружках. В статье он говорит: «В наше время каждый культурный человек должен хорошо знать историю своей родины, своего края. Чтобы помочь в этом колхозникам, учителя школ, прежде всего преподаватели истории и работники культурно-просветительных учреждений, должны возглавить изучение истории своего края, района», — призыв, уместный и сегодня. А. П. Уманский, тогда инспектор Управления культуры крайисполкома по делам музеев и охране памятников истории, подготовил статью «Как производить разведки археологических памятников». Он полагал, что «краеведы-любители, обладая минимумом специальных знаний и навыков, могут оказать большую помощь науке участием в деле охраны, учета и первичного изучения археологических памятников». Иначе говоря, как собрания в музее, так и издание подобных брошюр сводилось к возрождению краеведческого движения. Трудящиеся призывались изучать свой край, создавать краеведческие уголки, музеи. «В задачу краеведческих кружков входит также дача сведений правлениям колхозов, сельским Советам, исполкомам районных Советов, ближайшим музеям обо всех своих наиболее интересных наблюдениях, открытиях и находках» (с. 6).

Тогда же вышла брошюра «Алтайский краевой музей» (Барнаул, 1954; 10 тыс. экз.), в которой кратко рассказывалось об истории музея, роли Географического общества, В. И. Верещагина в его формировании. Как теперь я понимаю, среди этих краеведов в то время двое были членами Географического общества, это В. И. Верещагин и Н. Я. Савельев, но они смогли возродить традиции Общества по изданию краеведческих сборников. Вышло два выпуска «Краеведческих записок» краевого музея (в. 1 — 1956; в. 2 — 1959, каждый в 1500 экз.). В них как раз нашли место те материалы, что обсуждались на собраниях краеведческого актива музея. В «Краеведческих записках» отражены темы о природных богатствах края, растительного и животного мира, водных ресурсах, истории. Член Географического общества А. М. Топоров в статье «Минеральные воды Алтая» уделил внимание минеральным источникам горько-соленых озер равнинной части края и особенно — минеральным подземным водам Кулундинской степи. В. И. Верещагин опубликовал статью «Ядовитые и вредные растения Алтайского края». Это большая статья (с. 159–242) вышла уже после его смерти (10 октября 1956 г.), но, как он полагал, статья «в известной степени восполнит пробел

в краеведческой литературе» в том плане, что до сих пор не было ни справочника, ни списка ядовитых и вредных растений. В работе описаны 238 растений. В «Записках» помещены статьи историков и краеведов П. Бородкина, В. Филова, Н. Савельева, Н. Ерошкевича, Г. Саранцева, В. Завалишина, Б. Белышева, С. Кукие, И. Верещагиной, Ф. Бояринцева и др.

Выход этих двух краеведческих сборников — большое достижение краеведов, можно теперь, ретроспективно, говорить, что алтайское краеведение на новом этапе развития получило основательную научную поддержку, были собраны и объединены разрозненные до того кадры краеведов.

Предшествующее десятилетие, несмотря на все превратности политической жизни, гонения и репрессии, не снесло нашу культуру и науку, здоровые, живые силы были сохранены. И когда появилась возможность развернуть загнанный вовнутрь интеллектуальный потенциал, местные патриоты не упустили эту возможность: на повестку дня выдвигалась проблема их организационного оформления.

Так и произошло.

В начале 1950-х годов в Барнауле и в Бийске началось формальное объединительное движение. К 1955 году в Барнауле насчитывалось 11 членов Географического общества, в Бийске — 10 (по сведениям М. Ф. Розена). 20 июля 1955 года М. Ф. Розен направил письмо ученому секретарю Е. Е. Воронову. Он объяснял, что есть возможность создать отдел Географического общества, просил совета, где организовать центр — в Барнауле или в Бийске. В Бийске есть географический факультет учительского института. Это известного рода база роста. «Лучше бы в Барнауле, как в краевом центре, — писал М. Ф. Розен, — но я живу в Бийске, легче организовать здесь»[1]. Вскоре в Ленинграде получили письмо А. С. Крюкова, который также советовался об организации отдела. Ему рекомендовали связаться с М. Ф. Розеном. В те же дни ноября 1955 года Н. Я. Савельев извещал ученого секретаря, что-де членские билеты получены, но никак не оформляется отдел. Переписка шла разносторонняя. Наконец в ноябре в Ленинград пришел официальный ответ крайкома КПСС (за подписью секретаря Ф. Лебедева) о согласии создать Ал-

[1] НАГО СССР. Ф. 1-1956. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.

тайский отдел Географического общества СССР, не возражали также против центра в Бийске (там же, л. 11). 21 ноября 1955 года Михаил Федорович Розен получил официальное подтверждение из Ленинграда, что его «уполномочивают созвать собрание и создать отдел» (там же, л. 12).

7 июня 1989 года по моей просьбе Михаил Федорович прислал воспоминания об организации отдела, специально для данной книги. М. Ф. Розен (1902–1989), естественник по образованию, с 1942 по 1952 год жил и работал в Змеиногорске, в рудоуправлении, затем его перевели в Бийск. «В начале 1954 года в свой отпуск я находился в Ленинграде и часто бывал в Географическом обществе. С ученым секретарем Общества я беседовал об Алтае, который к тому времени я в какой-то степени уже знал. Возник вопрос о желательности создания Алтайского отдела Географического общества. В то время, как оказалось, я был единственным действительным членом Географического общества на весь Алтайский край. Я согласился помочь в организации Алтайского отдела и получил от президиума Общества соответствующие полномочия. Для того чтобы создать отдел, надо было найти достаточное число лиц, желающих работать в Географическом обществе, и оформить их через Ленинград действительными членами Общества. Этим я занимался в 1954 г. И почти до конца 1955 г. заниматься этим приходилось урывками и в свой отпуск, т[ак] к[ак] большую часть времени я проводил на разведочных работах. Предполагалось, что Алтайский отдел общества будет в центре края в Барнауле; я ездил в Барнаул, но моя попытка создать там отдел не увенчалась успехом. В те годы в Барнауле не нашлось лиц, которые взялись бы за организацию отдела, и там не было базы для его развития. Тогда я решил попытаться создать отдел в Бийске, опирался на преподавателей Бийского и Горно-Алтайского пединститутов, преподавателей Бийского Лесного техникума, сотрудников Бийского краеведческого музея и геологических экспедиций».

На организацию отдела Географического общества в Бийске, а не в краевом центре, надо было получить согласие крайкома КПСС и президиума Географического общества СССР. Согласие это было получено, и в конце 1955 г. в Бийске в здании пединститута было проведено первое организационное заседание действительных членов Географического общества, на котором было принято реше-

ние основать в г. Бийске Алтайский отдел Географического общества, были избраны совет отдела и ревизионная комиссия.

Большую помощь в организации Алтайского отдела мне оказал В. М. Остроумов, он стал ученым секретарем отдела, а я его председателем», — так спустя 35 лет М. Ф. Розен вспомнил обстоятельства создания Алтайского отдела Географического общества.

На первом организационном собрании в докладе говорилось об истории создания Географического общества, что оно здесь существовало с 1902 года, а в начале 1930-х — распалось. «В настоящее время, в связи с новыми задачами, вставшими перед народным хозяйством Алтая, отдел географического общества найдет очень широкое поле деятельности. Физико-географы, экономисты-географы, почвоведы, геологи, геоботаники, зоогеографы, климатологи, геодезисты, а также практические деятели могли бы оказать большую услугу в деле дальнейшего изучения края, выявления его природных богатств». Собрание очень правильно ориентировало своих членов на решение практических нужд социалистического строительства. То есть и теперь, спустя годы и десятилетия, даже без опоры на старых членов, без прямого преемствования, передачи традиции (мы помнили, что М. Ф. Розен не смог найти тот актив, который существовал при краевом музее, хотя вообще краевой музей был всегда базой Общества, а там и тогда были и старые, и «новые» члены), так сказать, «самостоятельно» действовали в духе славных традиций. Перед новыми членами, перед новым краевым Обществом, как понимали организаторы свою роль, предстояла «интересная работа в области дальнейшего всестороннего изучения обширной территории края. Особенно тщательному исследованию должна быть подвергнута его горная часть с высокогорными областями, покрытыми ледниками, горными тундрами, альпийскими лугами, лесами». Собственно говоря, на собрании перечислялись разнообразные задачи популяризации географических знаний, по организации краеведческой работы, особенно обращалось внимание на учительский потенциал: «Преподаватели географии и биологии школ, особенно отдаленных районов края, работая в обществе, могли бы помочь в организации фенологических наблюдений и сборе различных материалов по природным ресурсам своего района».

Выступавшие говорили, что в крае имеется немало людей, занимающихся исследовательской, преподавательской и практиче-

ской краеведческой деятельностью, которые могли бы внести серьезный вклад в работу Алтайского отдела Общества. Перед вновь организованным отделом ставилась задача объединения научных сил края: «Алтайский отдел Всесоюзного географического общества должен стать активным местным научным центром географической работы и популяризации географических знаний среди населения». Можно признать, что по мере сил новый отдел выполнял провозглашенные задачи. В первый год существования (т. е. 1956) отдел насчитывал 30 действительных членов, об этом сообщалось в годовом отчете в центральное Географическое общество. Кстати заметить, что председателем совета был Я. К. Башлаков, а секретарем В. М. Остроумов[1].

Создание отдела в Бийске расценивалось как «возобновление» деятельности старого Алтайского отдела, как его возрождение, как исторически преемственный отдел. Об этом говорилось в первом печатном «Отчете» (см.: Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР, в. 1, 1961, с. 83). В статье Э. А. Ирисова и А. М. Малолетко в 1969 году также подчеркивалось, что «вновь географическое общество возобновило свою деятельность в Алтайском крае в конце 1955, когда был создан Алтайский отдел. В Организации Алтайского отдела Географического общества нельзя не отметить инициативу большого знатока Алтая Михаила Федоровича Розена»[2]. В том же номере 10 в статье Т. М. Питтер признано: «В 1961 г. вышел первый выпуск „Известий Алтайского отдела Географического общества Союза ССР“ — печатного органа воссозданного в 1955 г. краеведческого общества» (с. 115), и далее автор перечисляет печатную продукцию Общества любителей исследования Алтая, Алтайского подотдела, Алтайского государственного географического общества и Алтайского отдела, «с которыми имеют преемственность краеведческие общества советского периода». Никак нельзя отрицать преемственности традиций организации Географического общества в Алтайском крае, однако годы от середины 1930-х до середины 1950-х необходимо выделять в особый период истории алтайского общественного краеведения.

Ближайшие годы шла, как всегда у новорожденного учреждения, каждодневная кропотливая работа по осуществлению воз-

[1] ГАНО СССР. Ф. 1, 1959. Оп. 1. Д. 34. Л. 15–17.

[2] Известия АО ГО СССР. Вып. 10. С. 110.

можностей Общества, признания его в государственных и общественных организациях, почти каждый месяц происходили различные заседания, обсуждения докладов. Специалисты распределились по комиссиям — фенологической; по составлению географического словаря; школьной географии, краеведения и туризма; геоморфологической; охраны природы. Большие усилия потребовались по созданию сети фенологических наблюдений, был утвержден штамп для бесплатной (без марок) пересылки фенологических писем. В 1958 году А. П. Кучин составил «Программу основных фенологических наблюдений для Алтайского края», она была издана и разослана по сотням адресатов-любителей, по школам края. Он вел переписку, систематизацию, разработал картотеку. С ним делились наблюдениями члены Общества из различных мест края, краеведы и ученые И. В. Верещагина, Г. В. Васильченко, Н. П. Смирнов, А. И. Дмитриева, Ф. Е. Красикова, М. П. Чехлов, П. П. Шорохов, Я. Я. Демшин, Т. А. Пеньшина, С. И. Хомченко (из г. Ленинск-Кузнецкого). Алексей Петрович Кучин написал много статей и книг о природных условиях края.

При отделе в Бийске вновь стала создаваться библиотека научной и краеведческой литературы. Из Ленинграда М. Ф. Розен смог получить довольно значительное количество книг и создать основу библиотеки.

Особенно большим достижением вновь созданного отдела явилась научная конференция под общим названием «Природа и природные ресурсы Алтайского края», она состоялась 16–19 февраля 1959 года. Как оказалось, это была первая конференция на указанную тему, затем последовали продолжения. Проблема стала популярной, велась большая подготовительная деятельность, конференцию поддержал местный совнархоз. Четыре дня продолжались заседания, читались доклады. Для провинциального Бийска конференция стала большим научным событием: ее открытие состоялось официально, в городском драмтеатре, при переполненном зале. Тематические доклады шли по секциям, собрания происходили в педагогическом институте, в лесном техникуме (техникум механической обработки древесины), в клубе геологической экспедиции и в Доме политпросвещения.

В докладах и научных сообщениях была широко представлена как разносторонняя, так и обобщенная характеристика природных

условий края, путей дальнейшего использования его ресурсов. Нашли отражение научные проблемы и рекомендации для улучшения хозяйствования. Можно назвать сообщения Ф. С. Бояринцева «Пути дальнейшего использования освоения и окультуривания засоленных почв Западной Сибири», С. Н. Селякова «Засоление почв Алтайского края», Я. Г. Баркана «Улучшение комплексных солонцовых почв края для возделывания кормовых культур», Н. А. Мурашова «Роль безотвальной вспашки в окультуривании средних и высокостолбчатых солонцов Северной Кулунды». В них звучала тревога в связи с безмерным вовлечением в сельскохозяйственный оборот новых земель, без учета практики. Вместе с тем в таких докладах, как «Геоботаническое районирование Горного Алтая» и «Пути формирования растительного покрова Алтая» доктор биологических наук А. В. Куминова напоминала, что «зеленые растения — одно из основных условий развития и существования на земле жизни во всем ее многообразном проявлении. Это пока единственная «энергетическая установка», способная использовать неисчерпаемые запасы солнечной энергии и переводить ее в формы, необходимые для развития жизни. Изучая растительный покров, нужно также помнить, что он является мощной естественной производительной силой, а слагающие его звенья имеют разнообразное применение в народном хозяйстве. Исследования должны быть направлены как на изучение свойств отдельных растений и растительных сообществ, так и на изучение условий среды и выявление факторов, наиболее благоприятствующих лучшему развитию растений и усилению качеств, представляющих наибольший практический интерес».

В части других докладов давались рекомендации бережного отношения к земле, восстановления ее плодородной силы. Это доклады М. М. Шубина «Природные кормовые угодья Алтайского края и их улучшение», И. Н. Шебалина «Перспективные дикорастущие многолетние кормовые травы Алтая», Н. В. Логутенко «Опыт травосеяния на низинных лугах Горного Алтая», Ф. Я. Поповича «Природные растительные ресурсы Алтайского края и их использование в народном хозяйстве», А. П. Трубецкой «Динамика органического вещества в травопольном свекловичном севообороте Бийской лесостепи» и ряд других. Ряд докладов был посвящен орнитофауне, акклиматизации нужных зверей, биологическим проблемам и гидроклиматическим условиям как края в целом, так и Горного Алтая в част-

ности. Это доклады Д. И. Абрамовича, М. В. Тронова, Б. Ф. Белышева, А. П. Кучина, А. С. Крюкова, Б. Г. Иоганзена и др.

Конференция показала большой интерес к проблемам Алтайского края исследователей из Барнаула, Томска, Новосибирска, Новокузнецка, Красноярска, т. е. ученых Сибири. Творческие связи налаживались с экспедициями Западно-Сибирского геологического управления, с Горным научно-техническим обществом. Было решено издать результаты конференции, подготовить рекомендации, открыть в дальнейшем широкую научную дискуссию. Алтайский край второй половины 50-х годов привлекал внимание многих специалистов-природоведов, экологов, работников сельского хозяйства. Освоение целинных и залежных земель выдвигало много новых проблем. Однако встретились препятствия. М. Ф. Розен объяснял: «К 1960 г. были подготовлены для издания труды конференции в объеме 20–25 п. л., все было набрано, и мною просмотрена последняя корректура. Однако на издание книги поступил запрет. Книга содержала ряд статей по вопросам луговодства и травосеяния, и это погубило все издание. В тот момент появилось веяние невыгодности луговодства, луга по повелению свыше распахивались. Так, по прихоти невежд, ценный материал был загублен». Мягко, конечно, сказано: были загублены земли края, его черноземы, наступала деградация сельскохозяйственного производства.

Несмотря на неудачу с изданием материалов, конференция получила большой отклик[1]. Алтайский отдел был включен в Бюро сибирских и дальневосточных филиалов и отделов Географического общества СССР. Бюро было создано в сентябре 1959 года во время Первого совещания географов Сибири и Дальнего Востока в Иркутске, созванном Географическим обществом при содействии СО АН СССР. (На совещании особому обсуждению подверглись проблемы, рассмотренные и на конференции в Бийске: развитие производительных сил Сибири, хозяйственное использование и восстановление природных ресурсов, природное районирование Сибири и др.). Бюро координировало организационно-научную работу трех филиалов и 17 отделов Общества, созданных к концу 50-х годов на территории Сибири и Дальнего Востока. Однако Бюро сибирских организаций общества отнюдь не было повторением Общества изучения

[1] Были изданы тезисы: Природа и природные ресурсы Алтайского края. Бийск, 1959. 8,4 уч.-изд. л., 300 экз.

Сибири и ее производительных сил, это было скорее научно-координационное творческое объединение, совет ученых[1]. Включенный в орбиту сибирских отделов Общества, Алтайский отдел приобрел «устойчивость», утвердил себя как самостоятельное научное подразделение географов и краеведов. Доказательством хорошо организованного движения и профессионализации в руководстве Алтайского отдела явилось создание постоянного издательского органа — выход первой книжки «Известий Алтайского отдела Географического общества Союза ССР» в 1961 году, а также популярного сборника «Как изучать свой край» (Горно-Алтайск, 1960; 89 с., 5000 экз. Сборник был утвержден на заседании совета отдела 25 ноября 1959 года).

Авторы сборника (ответственный редактор кандидат географических наук С. А. Дубинский) ставили своей задачей оказать помощь учителям в организации краеведческой работы в школах края и в пионерских лагерях. Уже упоминалось, что краеведческое движение в школах не затухало, оно носило массовый характер, но надо было помочь руководителям в придании научной направленности их деятельности. Создатели книги правильно указали, что «причиной, побудившей к составлению данного сборника, является отсутствие руководств по организации краеведческой работы применительно к условиям края». В книге помещены статьи об археологических памятниках и важнейших этапах исторического развития края, дана общая характеристика природы, практические (научные) советы и указания о том, как организовать работу по изучению геологического строения, рельефа, климата, почвенно-растительного покрова, животного мира и экономики. Сильной стороной каждой статьи были не только практические советы, но и научная обоснованность рекомендаций, широта взглядов при освещении конкретных проблей. Это достигнуто тем, что в авторский коллектив были подобраны специалисты высокого уровня. Среди них научный сотрудник Бийского краеведческого музея Б. Х. Кадиков, кандидат исторических наук Р. А. Мальков, кандидат географических наук А. М. Свисткова, председатель отдела геолог М. Ф. Розен, кандидат географических наук доцент Я. К. Башлаков, старший преподаватель Бийского педагогического института В. М. Остроумов, доктор биологических наук

[1] См.: Сочава В. Б., Воробьев В. В. Опыт координации работ сибирских и дальневосточных организаций Географического общества СССР. Известия ВГО. Т. 96, Вып. 2. 1964. С. 140–144.

А. В. Куминова, кандидат биологических наук Б. Ф. Белышев, заведующий фенологической комиссией А. П. Кучин, старший преподаватель Бийского педагогического института Э. Ф. Шпурре. Сборник помог многим краеведам, как говорят, «найти себя», заняться всесторонним и комплексным изучением Алтайского края.

Ответственным редактором печатного органа «Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР» выступил М. Ф. Розен. Первый выпуск появился в феврале 1962 года, объем 6,17 уч.-изд. л., тираж 1000 экз., цена 43 коп. Создание собственного органа (вышло всего 13 номеров) является большой заслугой воссозданного отдела Географического общества. Одной из основных задач Общества является научно-просветительская деятельность, и на всех этапах истории важной составляющей была публикация научных работ его членов. Необходимо напомнить содержание первого выпуска «Известий». Статьи: Р. А. Мальков, «К вопросу о роли миграции населения в освоении юго-востока Западной Сибири в XVIII–XIX вв.» (с. 3–10); А. Ф. Куракин, «Формирование Алтайского хозяйственного комплекса и его развитие в семилетке» (с. 11–20); М. Ф. Розен «Географическая изученность Горного Алтая» (с. 21–33); А. С. Крюков, «Физико-географическое содержание терминов „Горный Алтай“ и „Рудный Алтай“» (с. 35–38); Я. К. Башлаков, «О колебаниях летнего стока ледниковых рек Алтая» (с. 39–45); Я. Я. Демшин, «Снежникн Приобского плато» (с. 47–51); В. М. Остроумов, «Почвы долины р. Бии» (с. 53–63); Н. Н. Егоров, «Из наблюдений над позвоночными ленточных боров» (с. 65–74); А. П. Кучин, «Материалы фенологических наблюдений по Алтайскому краю» (с. 75–79). Затем идет раздел «Хроника»: М. Ф. Розен «Выдающийся исследователь Алтая В. В. Сапожников. К столетию со дня рождения» (с. 81–83): В. М. Остроумов «Отчет о деятельности Алтайского отдела Географического общества Союза ССР» (с. 83–84). В дальнейшем все другие номера «Известий» выходили тиражом в 500 экземпляров; только выпуск 13 был издан в двух частях (две книги) в количестве 600 экземпляров, а № 12 — 2000 экземпляров.

В первом годовом отчете отдела для центрального Географического общества отмечалось, что инициатива создания отдела принадлежит М. Ф. Розену. Он же был председателем отдела и первым редактором «Известий». Вскоре, однако, в следующем 1962 году Михаил Федорович выходит на пенсию и уезжает из Бийска, он по-

селился в Ленинграде. Но Алтайский край продолжал быть основным «полем» его исследовательской деятельности, и до конца своих дней (5 ноября 1989) он оставался алтайским краеведом, не порывал связей с отделом, интенсивно переписывался с учеными Барнаула, Томска, Бийска, десятки его статей и заметок печатались в краевых газетах, в тезисах к конференциям Общества, в научных сборниках. Статьи посвящены географии, истории географических открытий, картографии и топонимике Алтая и Сибири, истории первоначального геологического и горнорудного освоения юга Западной Сибири, отдельным проблемам геологии. Особые заслуги он имеет перед краевой библиографией. В первом номере «Известий» была опубликована его солидная статья о географической изученности Горного Алтая. Поскольку эта статья историографического плана, то автор сразу дает периодизацию процесса исследований Горного Алтая: первый этап с XVII столетия до упадка горного дела на Алтае, т. е. до второй половины XIX столетия; второй этап — с конца XIX столетия до советского времени; соответственно третий этап — с 1917 года. Теперь, говорит автор, «изучением Алтая занимаются коллективы многих научных учреждений страны… Однако, несмотря на то, что изучению Горного Алтая уделено очень много внимания, его производительные силы пока еще сравнительно в небольшой степени участвуют в народном хозяйстве Союза. Исследователям предстоит весьма значительная работа по быстрейшему вовлечению в хозяйство страны гидроэнергетических ресурсов Алтая и более полному использованию его недр, а также по разработке мероприятий более рационального использования почв, растительности и животного мира». Иначе говоря, М. Ф. Розен не только обозначает временны́е периоды процесса изученности территории Алтая и дает к ним список литературы, но прямо определяет некоторые темы, связанные с дальнейшим изучением его природы и природных ресурсов, выделяет структурные узлы проблем, дает им характеристику по наличной литературе. Итоги изучения Алтая он описывает по следующим разделам и видам исследований: геологические и геоморфологические (1), гидрогеологические (2), климата (3), гидроресурсов (4), лимнологические (5), современного оледенения (6), почвенного покрова (7), растительности (8), зоогеографические (9). Сделав краткий обзор проблем по степени и важности их изучения, М. Ф. Розен приходит к выводу, что «накопившийся к на-

стоящему времени обширный научный материал позволяет провести достаточно обоснованное физико-географическое районирование и составить описание выделенных природных районов». В статье приведен список из 82 книг и работ.

В том же 1961 году вышла отдельная книга Розена «История исследования природы Горного Алтая» (Горно-Алтайск, 95 с., 1000 экз., надзаголовок: Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы), книга посвящена «светлой памяти» супруги Лидии Константиновны. Книга разбита на две части, в первой изложена история изучения Горного Алтая (с. 7–62), во второй — рассмотрена литература по теме. Значительно изменена структура, расширены разделы и виды исследований, их свыше 15, но, что очень важно, список литературы составлен по библиографическим разделам, включено 620 наименований.

В выпуске 7 «Известий» (1966 г.) М. Ф. Розен поместил специализированную библиографическую статью «Обзор литературы по геоморфологии и кайнозойской истории Алтая» (с. 47–85). Обзор дается по восьми разделам этой важной проблемы: стратиграфия, неотектоника, современные геоморфологические процессы и др. Сложные геологические процессы, происходившие на территории Алтая, говорит автор, неоднократно повторялись, накладывались одни на другие, чем чрезвычайно затрудняли их изучение. «Поэтому взгляды, излагаемые исследователями, не всегда находят еще общее признание, и в публикуемом обзоре литературы обращается внимание на дискуссионность некоторых выводов». В текстовом обзоре он останавливается на этих проблемах. В список включено 300 работ по истории изучения третичного и четвертичного периодов. И несмотря на то, что «очень многие вопросы кайнозойской истории Алтая еще требуют своего разрешения», данная библиография давала в руки исследователей обобщенные сведения, являлась хорошим справочным материалом. В следующем номере «Известий» (вып. 8, 1967) он опубликовал новую статью «История изучения гидроресурсов Горного Алтая (краткий обзор литературы)». Было видно, что эти статьи являются подготовительными для обобщающей книги по библиографии изучения природы Алтайского края. И, наконец, в выпуске 12 «Известий» (1970 год) помещена его большая работа «Очерки и библиография исследований природы Алтая». В этой работе, наоборот, основное внимание уделено библиографии, а очер-

ки истории изучения даны краткие, по основным периодам (с. 5–30). Значительно больше внимания, против прежних публикаций, уделено материалам картографии и топонимики, изучению населения и экономики, истории, этнографии и археологии, туризму, краеведению и истории изучения Алтая. Здесь уже представлено свыше 2300 наименований.

Составление библиографии занимало почти все время Михаила Федоровича, он без конца рылся в Публичной библиотеке, днями просиживал в Научной библиотеке центрального Географического общества, друзья присылали ему журнальные и газетные статьи об Алтайском крае. Большую часть литературы он просмотрел заново. «Книга задумана, — признается автор в Предисловии, — как библиографический указатель. Однако приведенные в ней списки не являются исчерпывающими, в них, вероятно, имеются пропуски. Тем не менее автор надеется, что пользование ими поможет читателям ознакомиться с обширной естественно-географической литературой по Алтаю». Трудно переоценить титанический труд М. Ф. Розена: все, кто хоть как-то наметил познакомиться. с Алтаем (по проблемам истории, природы, человека) не могут миновать его библиографических сочинений. Именно сочинений, ибо Михаил Федорович дает не только *список* литературы, не только интерпретирует ее, но и дает обзорные очерки тем и содержания книг, а также по многим проблемам высказывает личное мнение специалиста. Создав специальную библиографию по истории исследования природы Алтая, М. Ф. Розен формировал общую, единую библиографию Алтайского края. В последние годы жизни он создал библиографию периода феодализма, она была подготовлена к печати. Дело чести краеведов края — ее опубликовать.

В 1970 году М. Ф. Розен был избран почетным членом Алтайского отдела, его заслуги перед Алтайским филиалом значительны, и имя этого замечательного краеведа должно быть занесено на мраморную Доску почетных членов.

В декабре 1963 года состоялась очередная отчетно-выборная конференция Алтайского отдела (она собралась в г. Горно-Алтайске). Был обсужден доклад о работе Общества, принят план новых работ, избран новый председатель, им стал В. М. Остроумов, заместителем стал Г. И. Панаев, директор Бийского музея, секретарем Эргард Фридриходич Шпурре. Надо отметить, что к тому времени в Обществе со-

стояло несколько более 60 человек, но при Бийском отделе имелось не более 25 членов, а в Горно-Алтайском подотделе — 27, остальные в Барнауле и в других городах Сибири. Поэтому еще в 1958 году возник Горно-Алтайский подотдел в составе Алтайского отдела, председателем его был А. С. Крюков, секретарем В. С. Федотов. На собрании декабря 1963 года председателем Горно-Алтайского подотдела избран Н. Г. Селедцов, секретарем А. Н. Тупотилова. Общее собрание правильно решило привлечь в число новых членов Общества учителей, развернуть пропаганду географических знаний среди населения, а также активизировать издательскую деятельность. В план работы была включена подготовка второй научной конференции по теме «Природа и природные ресурсы Алтайского края».

В том же месяце в Бийске состоялась представительная научно-техническая конференция под общим названием «Новые данные по геологии и полезным ископаемым Алтайского края». Основным организатором конференции выступило Горное научно-техническое общество. Из 39 представленных докладов десять были сделаны членами Алтайского отдела, среди них О. М. Адаменко, А. М. Малолетко, П. М. Бондаренко, Ф. Б. Бакшт, П. Е. Казаков. Их выступления были посвящены изложению новых данных по стратиграфии, тектонике и петрографии изверженных пород Алтайского края. Рассказывалось о новых месторождениях и проявлениях нерудного и рудного сырья, выделялись закономерности их образования и размещения. Так, например, Петр Михайлович Бондаренко докладывал о новых данных по ртутному оруденению Акташского рудного узла, а Петр Егорович Казаков — о перспективности ртутного оруденения в районах южного Салаира.

Основное внимание, конечно, уделялось работе с действительными членами. На заседаниях совета отдела и в секциях ставились научные доклады и сообщения. Скажем, состоялись обсуждения докладов Я. К. Башлакова «Физико-географические условия формирования стока рек бассейна р. Катуни»; Борис Хатмиевич Кадиков выступал неоднократно по итогам археологических раскопок близ оз. Уткуль (автор данной книги в сезон 1957 года работал с группой сельских школьников в составе экспедиции Б. Х. Кадикова); А. М. Малолетко докладывал в 1963 году проблему «Происхождение боровых лощин Кулунды». Несколько заседаний прошло по обсуждению книги А. В. Куминовой «Растительный покров Алтая», а также рукописи

учебного пособия для местных школ «География Алтайского края». Пособие написали члены Общества А. С. Крюков и М. Н. Сидоренко. (Пособие было издано краевым книжным издательством). Председатель отдела Василий Михайлович Остроумов разработал своеобразную инструкцию-памятку «Охрана природы родного края» для учета и паспортизации объектов природы. Здесь даны 11 типов паспортов для разных памятников природы и археологии. После принятия закона СССР об охране природы была необходимость учета количества и качества природных ресурсов. «Природа Алтайского края, — писал автор, — сказочно богата, красна и разнообразна. Обширная территория края имеет ярко выраженную смену природных зон. На территории края наблюдаются все переходы от идеально равнинного до высокогорного рельефа. Здесь можно встретить и высочайшие горные вершины с вечными снегами и ледниками, и полупустынные сухие степи обширных равнин. Все природные зоны нашей страны, за исключением песчаных пустынь и влажных субтропиков, представлены на территории нашего края». Брошюра-инструкция В. М. Остроумова издавалась дважды, в 1961 году, 3000 экземпляров, и в 1964. Как и книга «Как изучать свои край», она оказалась полезным пособием для краеведов.

Для Алтайского отдела Географического общества периода деятельности 1950–1960-х годов характерно отсутствие самостоятельных экспедиционных полевых работ; это объяснялось недостатком средств. Поэтому если программы, темы экспедиций и полевых поездок разрабатывались и утверждались и отделе, то осуществлялись они действительными членами Общества на материальные и финансовые средства тех организации, где они работали — за счет музея, геологических партий, пединститута, общества охраны природы. Отсюда поиски научного сотрудничества, привлечение средств на издательскую деятельность «со стороны», проведение совместных научных конференций с Горным научно-техническим обществом, с Западно-Сибирским геологическим управлением, Алтайским совнархозом, местными Советами, учебными институтами. Однако это говорит об активизации работы совета отдела: в работе секций отдела и Горно-Алтайского подотдела стали принимать участие геологи и геофизики, геоморфологи, географы-учителя, метеорологи, биогеографы, врачи, работавшие по проблемам медицинской географии, краеведы-любители.

Руководители отдела искали все возможные формы и виды сотрудничества, и в этом отношении нельзя не приветствовать участие действительных членов Общества в организации Горно-Алтайского общественного научно-исследовательского института, в 1961 году. Этот общественный институт по развитию производительных сил Горно-Алтайской области ставил задачу «координировать научные работы, объединить усилия науки и практики для быстрейшего развития экономики и культуры области и всех производительных сил Горного Алтая»[1]. На самом деле, как отмечали создатели института, ежегодно для изучения производительных сил Горного Алтая приезжают многочисленные экспедиции геологов, биологов, инженеров, экономистов, историков. Однако каждая экспедиция имеет свои обособленные задачи, и работают они разобщенно. При таких условиях все эти научные силы недостаточно помогают решению комплексных научных и практических проблем области. В области, несмотря на огромные социально-экономические преобразования, происшедшие за годы советской власти, производительные силы развиты относительно слабо, а ее природные и трудовые ресурсы используется недостаточно. (Проблемам развития производительных сил Горно-Алтайской автономной области целиком посвящен выпуск № 2 «Известий» Алтайского отдела.)

Следует напомнить, что объединение усилий всех изучающих Алтайскнй край является сквозной задачей для алтайского общественного краеведения. Именно для того и возникло первое самостоятельное общество любителей исследования Алтая, чтобы результаты исследований не исчезали за пределами края; именно поэтому было создано и работало Общество изучения Сибири и ее производительных сил в середине 1920-х годов[2]; именно поэтому возник и Общественный институт по изучению Горного Алтая. Очень жаль, что возглавившие его партийно-государственные кадры не смогли объединить усилия общественности и он «тихо» растворил-

[1] Труды первой научной конференции ОНИИ по изучению развития производительных сил Горного Алтая. 1–4 июня 1961 г. Горно-Алтайск, 1961. С. 18.

[2] Правда, отмечать всех изучающих край Обществу изучения Сибири не удавалось. В феврале 1928 года правление Алтайского географического общества сообщало в Новосибирск, что регистрировать проходящие экспедиции нет возможности. «Например, о возвращении экспедиции А. П. Самойловича мы узнали только потому, что один из участников — Л. П. Потапов, барнаулец, на некоторое время здесь остановился и приходил в музей» — см.: ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

ся в государственных структурах. Тем не менее не случайно в декабре 1969 года на конференции краеведов края была создана краевая краеведческая ассоциация: проблема объединения общественного краеведения актуальна до сих пор.

Во второй половине 1960-х годов в Алтайском отделе Географического общества играли заметную роль и проявили большую активность такие члены, как Федор Борисович Бакшт, Эдуард Андреевич Ирисов, Борис Хатмиевич Кадиков, Иван Матвеевич Кочеев, Алексей Петрович Кучин, Алексей Михайлович Малолетко, Александр Михайлович Маринин, Юрий Владимирович Никифоров, Василий Михайлович Остроумов, Геннадий Иванович Панаев, Николай Григорьевич Селедцов, Наталья Александровна Цехановская, Эдгард Фридрихович Шпурре. Их усилиями, а также усилиями других краеведов продолжало развиваться Географическое общество, проводились крупные общественные мероприятия. В конце декабря 1963 года на конференции отдела был создан оргкомитет второй научной конференции по проблеме «Природа и природные ресурсы Алтайского края» под председательством кандидата географических наук А. М. Малолетко из Томского университета. При его активнейшем участии конференция состоялась 22–24 декабря 1965 года. Работали секции: геологическая, физической географии, биогеографии и почвоведения, медицинской географии, экономической географии, краеведения и туризма. Конференция дала рекомендации по освоению минерального сырья, солонцов и засоленных почв, воспроизводству природных ресурсов края. Рекомендовано было восстановить Алтайский государственный заповедник на Телецком озере. Выпуск № 5 «Известий» отдела посвящен этой конференции.

Алексей Михайлович Малолетко сосредоточил усилия на издательской деятельности отдела, он стал фактическим редактором и ответственным за выпуск «Известий». Некоторые номера «Известий» имеют рубрики, в них помещаются основные статьи (или доклады на конференциях, на общих собраниях), есть раздел «Краткие сообщения», в четырех выпусках помещена «Хроника» (данный раздел в первую очередь указывает, что «Известия» являются органом Алтайского отдела), появляется раздел «Критика и библиография». «Известия» готовы были превратиться в регулярный, ежегодный орган Алтайского отдела Географического общества. (Выход «Известий» Алтайского отдела был замечен и отмечен в официальном справочнике

«Географическое общество Союза ССР», с. 248 (№ 33), с. 229 (№ 1), с. 123, однако начальным годом выпуска обозначен 1963-й, а не 1961-й, как это есть на самом деле; в 1963 году вышло три выпуска: № 2, 3, 4. Библиографию изданий Алтайского отдела см. в статье Тамары Михайловны Питтер: «Известия», вып. 10, 1969, с. 118.) В 1970 году вышло две части (в двух книгах) выпуска № 13 с самостоятельным наименованием «Природа и природные ресурсы Алтая и Кузбасса». Здесь помещены материалы третьей научной конференции, и только в надзаголовке указано, что это «Известия» Алтайского отдела, вып. 13. Далее по не зависящим от отдела причинам «Известия» более не выходили.

На страницах номеров «Известий» нашли приют самая разнообразная проблематика и широкий круг авторов. Остановимся на отдельных статьях и проблемах, поднятых в номерах. Очень любопытной представляются две статьи в 9-м выпуске — «Вопросы экономического районирования Алтайского края» (А. Ф. Куракин, Ю. К. Усачев, Л. Н. Ложкина) и «К экономико-географической характеристике юго-восточного (Бийского) округа Алтайского края» (А. Ф. Куракин, Ю. К. Усачев). Экономическим районированием усиленно занимались в 1920-е годы в связи с поисками оптимальных административных единиц. Некоторые члены нашего Общества, такие как Б. Быков, П. Юхнев, приложили к решению этого вопроса свои таланты. Но только к середине века были разработаны методологические критерии внутриобластного экономического районирования. Отдельный административный район не может стать экономическим, он стишком «узок» для размещения производства, планирования, создания строительных, автотранспортных предприятий, снабженческих и других организаций. Нужна группа районов, компактно расположенных, но с организующим промышленным центром-городом. Авторы выделили на территории края семь экономических округов: Западно-Кулундинский (Славгород), Восточно-Кулундинский (Камень), Рубцовско-Алейский, Северо-восточный (Барнаул, Новоалтайск), Юго-восточный (Бийск), Предгорный (Змеиногорск), Горный (Горно-Алтайск). В статьях даются подробные характеристики необходимости и жизнеспособности внутрикраевых экономических округов. Внутрихозяйственные пропорции должны учитываться при планировании хозяйства. Теперь, в 1990-е годы, при осуществлении экономической самостоятельности низовых территорий, после принятия закона о местном самоуправлении и

при наступающем рыночном хозяйстве, возникают новые проблемы внутрикраевого экономического районирования. Изучение данной проблемы может помочь хозяйственным органам.

В том же номере есть статья Д. И. Абрамовича «Гидроклиматические условия Алтайского края и их народнохозяйственное значение». Напомнив, что «Алтайский край известен и далеко за его пределами как богатейшая житница пшеницы и других зерновых культур», автор замечает, что «только сухостью климата степной зоны края можно объяснить наличие здесь солеосадочных озер крупного промышленного значения». Ничего нового в этом, конечно, нет, но, сделав расчеты, сравнения, поместив таблицы, он заключает: «В климате края отмечаются некоторые изменения, в частности, повышение средней годовой температуры». По данным за 100 лет четко выражается тенденция повышения — по Барнаулу более чем на 2 градуса. «Естественно, что такое повышение среднегодовой температуры должно привести к повышению сухости климата». Отмечается уменьшение водности озер, понижение уровня грунтовых вод, уменьшаются влагозапасы в зоне аэрации, растет использование подземных вод. Можно ожидать уменьшения летних осадков. Рассматриваются различные составляющие проблемы. «Гидроклнматические условия степной зоны края, — приходит к выводу Д. И. Абрамович, — требуют решительных мер по организации орошаемого клина до наступления сухих лет, то есть в ближайшие 2–3 года». Предупреждение для хозяйственников, кажется, не дошло.

В связи с этим стоит напомнить очень верное положение Т. М. Питтер, автора библиографии изданий Алтайского отдела, что подобные «публикации, являющиеся серьезным вкладом в географическую литературу и литературу по смежным наукам, изданы, как правило, небольшими тиражами, и многие стали уже библиографической редкостью. Между тем использование их в ряде случаев необходимо при серьезных исследованиях. Однако поиски первоисточников затруднены отсутствием библиографических указателей» (в связи с подготовкой к столетию Алтайского филиала автор данной книги выдвинул перед ученым советом предложение о создании полноценной библиографии изданий нашего Общества за 100 лет, но не нашел поддержки).

О «серьезности» публикаций в «Известиях», о необходимости их учета говорят и имеющиеся там статьи, научные заметки по про-

блемам историко-краеведческой тематики (археология, этнография, топонимика, фольклор и смежные дисциплины). Так, в вып. № 10 есть статья А. П. Уманского «Итоги археологических исследований на территории Алтайского края за 50 лет советской власти». В ней, в частности, идет речь об исследованиях тогдашнего члена Алтайского отдела Б. Х. Кадикова: «Большой заслугой его является выявление и частичное исследование группы памятников верхнего палеолита (сопка Урожайная, Усть-Майма, Усть-Сема и др.). Он открыл также ряд неолитических стоянок в предгорьях Алтая, раскопал могильники этого времени на оз. Иткуль, в Усть-Ише. Благодаря этим раскопкам впервые получен действительно массовый и весьма оригинальный материал, без учета которого невозможны какие-либо построения по истории Алтая в глубокой древности». Но знают ли о таком большой вкладе все интересующиеся, если тираж издания всего 500 экземпляров? В выпуске № 6 есть интереснейшие рассуждения С. С. Каташа «О тематической группировке и некоторых идейно-художественных особенностях Алтайского эпоса». Или, скажем, в выпуске № 13 помещено сообщение «А. И. Кулибин — историограф Колывано-Воскресенского округа», в котором говорится, что обнаружена рукопись А. Кулибина «Описание Колывано-Воскресенских заводов по 1833 год», часть 2-я, которая не была опубликована в свое время (1-я часть помещена в «Горном журнале», 1836 г.). Рукопись интересна историкам техники, экономистам, социологам, алтайским краеведам, в ней — огромный пласт новых исторических сведений. Но для краеведов эти сведения оказались фактически недоступными.

Анализ статей «Известий», количественный их состав свидетельствует, что основная часть их посвящена проблемам Горного Алтая. Хорошо, что этот регион подвергся детальному рассмотрению, исследованиям. Но это говорит за то, что научные силы отдела несколько ограничили тематику своей деятельности. Видимо, интересы небольшой группы активистов отдела преобладали, нельзя не видеть, что большая часть членов отдела тяготела к Горно-Алтайску, входила в Горно-Алтайский подотдел[1].

И как результат разработки темы Горного Алтая за эти два десятилетия явилась монография «Горный Алтай», она издана Алтай-

[1] «Известия». Вып. 4. С. 70–71; Вып. 10. С. 113–114.

ским отделом совместно с Томским отделом и университетом в 1971 году (объем 13,1 уч.-изд. л., 30 000 экз.). Авторский коллектив работал под руководством В. С. Ревякина, а главным рецензентом выступил А. М. Малолетко. Монография дает популярный очерк природы, хозяйства и населения Горного Алтая в пределах Горно-Алтайской автономной области. Книга — не энциклопедический справочник, но тем не менее в каждой статье приведены последние данные к моменту издания. Все описания даны и по личным наблюдениям. Как и в других книгах, дающих общих обзор региона, в ней представлены следующие главы: Строение поверхности. — Геологический очерк. — Климат. — Реки и озера. — Снега и льды. — Почвы и растительность. — Животный мир. — Типы местности и физико-географическое районирование. — Население. — Экономика. — Туристские маршруты. Книга оказалась необходимой и исследователям, и краеведам, и туристам-любителям (последовало второе издание). Однако нельзя не сделать одного замечания: насколько серьезны, глубоки и одновременно популярны перечисленные главы-очерки, настолько эклектична и плохо организована вступительная статья «Из истории освоения». Вводная статья самая обширная, но истории освоения и исследования Горного Алтая читатель здесь не найдет. В статье масса исторических ошибок, курьезных ляпов, нет исторических оценок исследований и исследователей, история изучения региона дана без периодизации, нет систематизации истории проблем.

Особые усилия А. М. Малолетко приложил к организации очередной, третьей научной конференции «Природа и природные ресурсы Алтая и Кузбасса» (10–13 февраля 1971, Бийск). Как видно, объектом исследований стал и Кузбасс, смежный с Алтаем географический район. Заранее к конференции было подано 136 докладов и сообщений, поэтому были созданы две секции — географическая и геологическая. Пленарное заседание продолжалось один день, на нем были выслушаны доклады представителей той и другой секции. Заседание географической секции вели сопредседатели — Л. Н. Ивановский (Иркутск) и А. Д. Сергеев (Барнаул). Тем самым было выказано доверие группе из Барнаула. 13 февраля проходило отчетно-выборное собрание отдела, впервые в ученый совет ввели представителей из Барнаула (И. В. Верещагина, Ю. И. Винокурова, А. Д. Сергеева).

Во второй половине 1960-х годов в Барнауле стало расти число членов Общества, к тому времени по спискам числилось 7 человек. С ними, однако, никто не работал, некоторые состояли в Обществе формально, совет отдела в Бийске не проявлял интереса ни к «вербовке» новых членов, ни к сплочению их или объединению на основе какой-либо программы или какого-то организационного объединения (подотдела, как это было в Горно-Алтайске).

Вступив в апреле 1964 года в Общество, А. Д. Сергеев в Барнауле попытался вовлечь в его члены туристский актив; вскоре оформились Н. Д. Кунаева, Н. И. Лаук, В. А. Смолин (все со станции юных туристов), а также активисты взрослого клуба туристов, среди них Б. В. Сопов, А. И. Осколков, Г. Б. Кондратенко, Ю. М. Костенко, а также А. П. Уманский, Д. Г. Горбунов, О. Н. Малов, Г. В. Душинская. В том же году, еще будучи в Томске, вступил в Общество студент-географ Ю. И. Винокуров, а приехав на работу в Барнаул, примкнул к активистам и стал агитировать сотрудников родственных организаций (он тогда работал в Алтайгипросельхозстрое, затем в Алтайгипроводхозе), среди них были Г. В. Коробкова, О. В. Эбелинг, Р. И. Оконечникова, Ю. Н. Акуленко, затем В. С. Арефьев, В. В. Севастьянов, Ф. С. Бояринцев, А. С. Оберт. И. В. Верещагина держала связь с Г. В. Васильченко, Г. И. Бочаровой, В. И. Коробовым.

Связи между этими людьми были товарищескими. И вот, побывав на третьей конференции и на собрании Общества (к тому времени не все были его членами), барнаульцы «объединились», провели совещание и решили создать единую группу в Барнауле. Эту инициативу поддержал авторитетнейший член совета отдела А. М. Малолетко. Так возникла барнаульская инициативная группа. Намечались задачи иметь центр для связи с отделом, наладить плодотворный обмен информацией, включиться в научно-пропагандистскую работу Географического общества.

Фактическое объединение барнаульских членов Географического общества в группу состоялось на собрании членов Общества 2 апреля 1971 года, в присутствии представителя совета отдела А. М. Малолетко. Он информировал о работе V съезда Географического общества Союза ССР, об издательских планах отдела, готовящихся научных сборниках.

Съезд Общества поручил обоим отделам «сосредоточить силы географической общественности на осуществлении запросов совет-

ского общества, исследованиях по претворению в жизнь нового пятилетнего плана, прежде всего по использованию природных ресурсов, рациональной территориальной организации производительных сил, по комплексному развитию хозяйства республик и экономических районов». Докладчик подчеркнул, что съезд обратил особое внимание на «необходимость систематического рассмотрения актуальных вопросов охраны природы и рационального использования и воспроизводства природных ресурсов». Эти рекомендации были положены в основу деятельности возникшей группы. Особым пунктом собрания обговаривалась подготовка к четвертой научной конференции «Природа и природные ресурсы», намеченной на конец 1974-го или даже на 1975 год. Барнаульская группа, говорил Малолетко, должна сыграть ведущую роль в предстоящей конференции, здесь уже достаточно опытных сил и научных работников. Собрание постановило создать Барнаульскую группу членов Географического общества в рамках Алтайского (г. Бийск) отдела. Председателем группы избран А. Д. Сергеев, секретарем Н. Д. Кунаева, в состав неофициального совета группы вошли И. В. Верещагина и Ю. И. Винокуров. Перед тем активисты неоднократно собирались (центром явилось помещение краевой станции юных туристов, ул. Чернышевского, 82), обсуждали планы, возможности. Поэтому на собрании 2 апреля было принято решение созвать конференцию по озеленению городов Сибири (отв. И. В. Верещагина — от имени опытной станции садоводства), конференцию «Краеведение, этнография и археология» (отв. А. Д. Сергеев и А. П. Уманский), конференцию «Водные ресурсы Алтайского края» (отв. Ю. И. Винокуров и Г. В. Коробкова). И. В. Верещагина просила помочь ей издать наследие ее отца В. И. Верещагина — рукопись «Материалы для ботанических экскурсий в Алтайском крае». А. М. Малолетко обещал всяческое содействие от имени отдела (под этим грифом и должна быть издана брошюра), ответственным за издание назначили А. Д. Сергеева. Это первое собрание внеуставного формирования (по новому Уставу подотделы были упразднены, но никто не подсказал оформить сразу отдел, хотя в Барнауле тогда были фактические и формальные права: отдел мог быть создан в любом населенном пункте при наличии не менее 25 уже существующих членов) показало, что сложилось ядро единомышленников, имеются возможности проводить крупные мероприятия, что дело ставится серьезно (уже были

юридические члены), что группа фактически сразу стала выполнять роль нового отдела.

Началась активная повседневная работа на общественных началах. В официальных организациях проблемы решались от имени Алтайского отдела, но за нашей ответственностью. В некоторых случаях отношение к инициативам было отрицательным, несерьёзным. Надо было делом доказать свое существование. Приведу два примера. Как докладывал на собрании А. М. Малолетко, на организацию конференции «Краеведение, этнография и археология Алтая» было получено согласие от соорганизатора — Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Извещение о конференции было разработано исходя из этого. 9 апреля 1971 года пришлось институту напомнить, попросить его подтвердить согласие, так как надо было начинать рассылку извещений. В частности, говорилось, что «если институт не согласен принять участие в качестве соорганизатора, то совет ГО снимет ваш гриф с текста обращения и из книги тезисов»[1]. 20 апреля пришлось решительно заявить: «Уважаемая Екатерина Григорьевна (Е. Г. Мутуева, директор института), очень жаль, что Вы до сих пор не ответили на предложение Алтайского отдела Географического общества о совместном проведении конференции по этнографии и краеведению. Не имея никакого ответа, мы сняли название Вашего института с извещения, хотя, конечно, оставляем двери открытыми для участия в конференции». Действительно «двери остались открытыми»: еще и 14 января 1972 года просили назначить от института ответственного в редсовет и присылать тезисы, но, тем не менее, институт не принял участия в конференции (она состоялась 1 февраля 1973 года, были изданы тезисы). Рождающемуся отделу несомненно импонировало бы размещение на грифе издания имя такого института, также, как нам казалось, не уронило бы и его авторитета в соседстве с Географическим обществом.

В те же дни апреля 1971 года уже были готовы сдать в печать брошюру В. И. Верещагина. Требовалась рецензия. Решили запросить краевой институт усовершенствования учителей, уповая, что книга «будет служить отличным руководством для учителей биологии, природоведения, географии в деле организации экскурсий в

[1] См.: Текущий архив Алтайского филиала Географического общества (ТААФ), дело «Барнаульская группа, 1971–1975».

природу». Предполагалось, что институт закажет «лишние» экземпляры для школ, вырастет тираж, издание может окупиться. (Все та же старая проблема безденежья: начиная с Общества любителей исследования Алтая, обстоятельства не меняются, история повторяется.) Однако пришлось обойтись без института учителей, книга вышла в феврале 1972 года, под нашим грифом, но всего 500 экз. Разве группа отказалась от сотрудничества? Вскоре группа начала объединять различные силы для формального провозглашения Барнаульского отдела, и 29 марта 1974 года направили письмо директору института усовершенствования учителей В. Г. Козлову: «Уважаемый Владимир Григорьевич, прошу направить Вашего представителя на заседание рабочего комитета Географического общества 2 апреля, в 16 часов. Чернышевского, 82». Увы (хотя кабинет директора института и штаб-квартира группы «смотрели» друг на друга через Социалистический проспект).

Хозяйственные организации, напротив, охотно помогали группе. Первым крупным мероприятием стала научно-практическая конференция по проблеме «Озеленение городов и населенных пунктов Сибири». И. В. Верещагина обеспечила научное руководство подготовкой докладов, разработкой рекомендаций со стороны опытной станции садоводства, руководство группы смогло подключить управление коммунхоза и Общество охраны природы к вопросу приема и размещения иногородних участников. Содействие оказал и горисполком, заседания проходили в лектории краевой ВДНХ. Заранее удалось отпечатать приглашения, программу, а также регистрационный лист для каждого делегата. Присутствовало свыше 150 человек от всех районов Алтайского края (по вызову Общества охраны природы и коммунхоза), а также целые депутации от Красноярского края, Омской, Томской, Новосибирской, Кемеровской областей Сибири, из Московской, Кокчетавской и Восточно-Казахстанской областей. Пленарные заседания вели директор станции садоводства И. П. Калинина, председатель Барнаульского горисполкома А. И. Мельников и председатель Барнаульской группы А. Д. Сергеев. Вступительную речь произнес председатель группы Географического общества, как главного организатора конференции. Заслушано было 29 докладов.

Конференция и ее рекомендации вызвали широкий отклик и имели практические результаты. Выступающие В. И. Цикунова,

Н. Т. Пуховец, И. В. Верещагина из Алтайского края, З. Я. Иванова из Новосибирска, Н. Н. Акезин из Кемерова, В. Г. Морякина из Томска и др. говорили о необходимости сохранения в чистоте природной среды, о системе мероприятий, обеспечивающих здоровые условия труда и отдыха наших людей, в которых большое значение имеет проведение озеленительных работ. Конференция рекомендовала разработать для каждого города и населенного пункта план озеленения. К слову сказать, называлась цифра зеленой площади тех лет по Барнаулу — всего 7 кв. м зелени на одного горожанина, тогда как в Омске было уже 18 кв. м, а в Таллине — 120. И чему удивляться, упрекали ораторы горисполком, если далеко не все частные домовладельцы имеют на своей усадьбе положенные деревья и кустарники, если нет на предприятиях мастеров-озеленителей, если строители не пересаживают снесенные ими деревья, а службы озеленения и архитектуры озабочены другими ведомственными делами. Поэтому, полагала конференция, работы по озеленению должны проводиться систематически, а не быть кратковременной кампанией нескольких весенних дней.

Конференция прошла успешно, имела большой резонанс. Это первая подобная конференция, вторую решили провести в Омске. Было предложено организовать учебную группу цветоводов-озеленителей при ГПТУ, а специалистам станции садоводства создать для них учебник. (Учебник был создан: Верещагина И. В. Цветы в Сибири. Барнаул, 1972.) Материалы этой конференции были изданы отдельной книгой — «Озеленение городов и других населенных пунктов Западной Сибири», Барнаул, 1975. 119 с., 600 экз. Газета «Алтайская правда» посвятила конференции целую полосу (см. номер от 3 декабря 1971). Особенно радовало устроителей конференции то, что ее рекомендации имели реальный выход в практику; процитирую из газеты: «Горисполкому следует тщательнее заниматься всем комплексом проблем. Слов нет, он издал отличные постановления. Настоящего же контроля за ними нет. Надо и райисполкомы слушать об этом, а райисполкомам — предприятия и организации. Да и то, что до сих пор рекомендации конференции не стали предметом серьезного обсуждения, тоже говорит не в пользу органов советской власти города».

За месяц до официального оформления группы была разработана программа еще одной научно-технической конференции по

теме «Водные ресурсы Алтайского края». На ее обсуждение выдвигались две проблемы: 1. Ресурсы подземных и поверхностных вод (методика изучения, запасы подземных вод, режимные наблюдения, химизм грунтовых и подземных вод, режим рек и озер, расчеты стока по малым водотокам, водная эрозия); 2. Использование подземных и поверхностных вод (водоснабжение, орошение, обводнение, осушение, рыбоводство, гидротехническое строительство на малых водотоках, бальнеология). Конференцию готовили члены группы Ю. И. Винокуров и Г. В. Коробкова, привлечены Сельскохозяйственное НТО и Общество охраны природы. В ходе подготовки было уточнено название программы — «Водные ресурсы Алтайского края и их комплексное использование», что глубже ориентировало на жизненные аспекты рассматриваемых проблем и привлекло к конференции многие хозяйственные организации, такие как Алтайгипросельхозстрой, сельскохозяйственные опытные станции, гидрометеостанции, рыбхозы, изыскательские организации, отделы местных Советов. Под новым названием перед конференцией вышел сборник статей.

Казалось бы, почему возник такой живой интерес к водным ресурсам края, если он территориально находится в бассейне Верхней Оби, имеет множество малых и больших рек, запасы ледников, т. е. достаточно воды? Ее здесь больше раза в полтора-два, чем в соседней Павлодарской области и всей Западной Сибири (за вычетом севера). Но так обстоит дело только на первый взгляд. Расположены источники крайне неравномерно. Известно, как еще в начале XVIII столетия пытливый сибирский краевед С. У. Ремезов в объяснении Чертежной книги Сибири двояко характеризовал водность нашего края. Что он «верх досязати выше облак… во основании главою всех великих рек Иртыша, Оби, Енисею… в наличии многих рек». Но в то же время: «Славный Алтай Камень… безводно искони богом создан». И если в начале 70-х годов водоснабжение еще не вызывало особых тревог в предгорьях Салаира, в долине Оби, в Горном Алтае, то в Кулунде, в районах Алейской степи, в Приобском плато нехватка воды, и особенно качественной, уже тогда влияла отрицательно на развитие не только сельского хозяйства, но и ряда других отраслей, на жилищное строительство, на быт населения.

Пленарное заседание открылось 16 февраля 1972 года в Актовом зале Барнаульского педагогического института речью заме-

стителя председателя Алтайского крайисполкома Ю. А. Романенко. На конференции выступали ведущие специалисты водохозяйственных ведомств и научных организаций. Отмечалось, что в связи с промышленным строительством, ростом городов, интенсификацией сельскохозяйственного производства растет потребление воды. Только промышленность расходовала в те годы 432 млн кубометров воды ежегодно, а на нужды сельского хозяйства требовалось около 90 млн кубометров. К середине 70-х годов, по прогнозам, расходы должны были возрасти вдвое. Конференция рекомендовала принять энергичные меры по разумному использованию поверхностных и подземных вод. Но тогда только около 40% используемой воды подвергалось очистке, и в крае действовало не более 60 очистных сооружений. В докладах Ю. И. Винокурова, В. Г. Бородавко, М. И. Рыжковского, В. В. Артамохиной, Л. В. Воронина и других специалистов-гидрогеологов говорилось о ресурсах подземных вод и их использовании для снабжения питьевой водой населения степной зоны края и для орошения. Схемой генерального плана предусмотрено было строительство трех групповых водопроводов — Чарышского, Родинского и Благовещенского, общей производительностью 103 тыс. кубометров в сутки, протяженность магистральных водоводов должна была достичь 2700 км. Тогда площадь обводняемой зоны, в которой находятся 543 населенных пункта, составит 4276 тыс. га. Только к Чарышскому водоводу намечено подключить 142 села. Кроме того намечено строительство Кулундинской оросительной системы с водозабором из Оби в районе Камня. Должны быть построены Златополинский и Новотроицкий экспериментальные орошаемые участки на 20 тыс. гектаров. В докладах поднимались проблемы лиманного орошения, противоэрозионных мероприятий, развития прудового хозяйства, строительства долголетних орошаемых культурных пастбищ, водоснабжения Барнаульского промышленного района. Для этих целей было предложено открыть в Барнауле филиал Сибирского НИИ гидротехники и мелиорации (центр в г. Красноярске), что в 1974 г. и было сделано. Оценивая результаты конференции, «Алтайская правда» в большой статье «Голубое богатство» (26 февраля 1972) справедливо писала: «Да, наш край богат водой. Общая протяженность алтайских рек 71 тыс. километров, плюс 131 тыс. гектаров пресноводных озер и 4 тыс. гектаров прудов. Из этих источников утоляют жажду люди, земля, про-

мышленные предприятия. Они дают вам электроэнергию, рыбу. Но давайте задумаемся и предпримем практические шаги с тем, чтобы у следующих поколений не было оснований упрекнуть нас в беспечном расходе голубого богатства». Впоследствии Алтайский филиал ГО проводил новые конференции по водным ресурсам края.

Через год, 1 февраля 1973 года, группа подготовила и провела очередную научную конференцию «Археология, краеведение и этнография Алтая», она проходила в лекционном зале краевой библиотеки. Соорганизатором этой конференции выступил совет краевого общества охраны памятников истории и культуры. Отвечали за подготовку А. Д. Сергеев и Л. П. Булыгина, научными руководителями выступали А. П. Уманский и А. М. Малолетко. До начала конференции вышел сборник тезисов 26 статей и научных сообщений. Живой интерес и дискуссию вызвали помещенная в сборнике статья академика А. П. Окладникова и Н. Д. Оводова «Новый памятник палеолита на Алтае с леваллуазской техникой обработки камня» и выступление на конференции А. М. Малолетко «О геологическом возрасте Улалинской палеолитической стоянки». Улалинская стоянка расположена на юго-восточной окраине г. Горно-Алтайска, в 150 м от ткацкой фабрики, на левом берегу р. Улалинки, притока р. Маймы. Ученый-археолог А. П. Окладников впервые обследовал ее в 1964 году, он обнаружил овальные плоские гальки темного кварцита, грубо оббитые вдоль одного края, типа чопперов. По всем данным, этот памятник древнее всех известных к тому времени палеолитических поселений Сибири, относится к нижнему палеолиту, который определялся по времени примерно в 100 тыс. лет. (Теперь возраст Улалинской стоянки определяют в 600–800 тыс. лет.)

Интересным было выступление члена Общества А. Н. Пораделова о политических ссыльных конца XIX — начала XX столетий как исследователях края. Александр Николаевич — репрессированный профессиональный военный, сам оказавшийся в политическом изгнании в Сибири, подробно говорил об организаторе нашего Общества С. П. Швецове и о других краеведах прошлого. Настоящая конференция носила больше историко-научный характер, чем практический, но обговаривались проблемы участия Общества в подготовке Свода памятников истории и культуры СССР. В частности, было поддержано предложение А. Д. Сергеева обратиться в краевой Совет с просьбой об увековечении памяти выдающихся исследовате-

лей территории, природных богатств и экономических ресурсов Алтайского края и юга Западной Сибири. Благодаря деятельности ученых, местных исследователей и первооткрывателей-землепроходцев были стерты белые пятна в познании этого далекого уголка России, а его богатства поставлены на службу Родины. Освоение юга Западной Сибири есть выдающийся подвиг ряда поколений нашего народа. И мы должны быть благодарны тем первооткрывателям, которые вложили свой труд, талант и жизнь в дело изучения обширного Алтайского края, которые вписали свои имена в историю науки и цивилизации. Позже от имени совета отдела было послано соответствующее предложение, открыты мемориальные доски, но еще много имен остались в забвении. 11 февраля 1973 года «Алтайская правда» поместила небольшой отчет о конференции «Форум археологов и краеведов» (с. 4).

К каждой конференции группа старалась издать тезисы, но издательская деятельность не ограничилась этим. Как уже упоминалось, была подготовлена книга «Материалы для ботанических экскурсий в Алтайском крае». Этот цикл статей В. И. Верещагина публиковался в середине 1920-х годов в журналах «Просвещение Сибири», «Сибирский педагогический журнал» и был совершенно недоступен не только для любителей природы, но и для преподавателей. Теперь статьи собирались в одну книгу, которую И. В. Верещагина дополнила новыми данными, причем внесены были сохранившиеся замечания самого Виктора Ивановича. Книга является руководством для ботанических экскурсий. Теперь эту книгу читаешь с особым чувством, ибо она дает очерк той природы края, которая еще не подверглась опустошительному антропогенному воздействию и экологическим потрясениям. Издание приурочивалось к 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя Алтая, ботаника и краеведа, поэтому надо было дать биографический очерк.

Ирина Викторовна принесла вначале три странички, т. е. просто хронику жизни ученого. В силу природной скромности она объясняла, что ей, дочери, неудобно «расхваливать» отца. Пришлось предложить ей в таком случае расширить образ Верещагина за счет цитирования отзывов о нем других лиц, других ученых, чтобы получилось более полное представление о нем и как об ученом, и как о человеке. Трижды исправлялся и расширялся очерк биографии. На самом деле, возьмем хотя бы такой отрывок: «Кроме Алтая, В. И. Вере-

щагин изучал растительность заповедника „Столбы“ Красноярского края (1933–1936 гг.). Он произвел флористическое обследование заповедника, собрал и определил гербарии высших растений, а также лишайников и мхов, составил список растений заповедника, который красноярский ботаник А. Л. Яворский в рецензии назвал исчерпывающим...» — этакая, на читающий взгляд, командировка научного работника в заповедник. Мы знаем, что означали Столбы для семьи Верещагина. В книге на с. 118–119 приводятся маршруты крупных экспедиций В. И. Верещагина. Здесь, как и во всех его биографиях, путешествия открываются 1904 годом. Однако в «делах» Географического общества мне удалось найти документы, что Виктор Иванович уже в 1901 году совершил на собственные средства экспедицию, «открытый лист» для которой выхлопотало ему Общество любителей исследования Алтая, а в 1902 году подотдел уже выделил ему 100 рублей на новую поездку. Также нет в списке экспедиции 1906 года[1] и экспедиции 1911 года, когда он вновь получил открытый лист от губернатора. Таким образом, было 12 крупных маршрутных путешествий, а не 9, как у И. В. Верещагиной. Надо, конечно, исправить описку, что Виктор Иванович в 1920 году был избран действительным членом Географического общества, на самом деле это произошло еще в прошлом столетии — 4 мая 1900 года на общем собрании членов Общества любителей исследования Алтая, за него было подано 11 шаров из 14, но против не было[2]. Вместе с ним тогда были приняты такие славные деятели как Н. Я. Овчинников (13 шаров) и Б. М. Быков (13 шаров). Двое последних — барнаульцы, их знали давно, а Верещагин всего несколько месяцев как появился в городе. В книге помещен список растений и насекомых, названных в честь ученого, список печатных работ его и о нем. Есть список неопубликованных работ В. И. Верещагина, их 18. Одна из них — «Поездка в южный и юго-западный Алтай летом 1919 года» — была сверстана в «Алтайский сборник», т. XIII, но сборник не увидел свет; работа сохранилась дома у Ирины Викторовны. Координационный совет Алтайской краевой краеведческой ассоциации восстанавливает выпуск № 13 «Алтайского сборника» для издания в первоначальном виде, и Виктор Иванович, образно говоря, продолжает свои путешествия...

[1] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 37.
[2] ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

В мае 1973 года вышла в свет небольшая книга «Как изучать свой край»[1]. Эта книга — своеобразная визитная карточка барнаульской группы членов Географического общества. И хотя в ней нет слов «барнаульская группа», наоборот — в выходных данных записано: «Печатается по решению совета Алтайского отдела», такая книга не могла не быть создана. Ее издание свидетельствовало, что группа целеустремленно работает на благо края, организационно окрепла, обладает научным потенциалом, ведет большую просветительскую работу. Сборник предназначен главным образом для учителей, организаторов краеведческой и туристской работы. В нем содержится ряд заданий, которые помогут изучить родной край — в этом главное предназначение книги. В ней 11 научно-популярных статей, даны также некоторые практические советы. Глубоким содержанием отличается статья Ю. В. Никифорова «Как искать полезные ископаемые» (с. 37–54), в ней он сначала дает краткие сведения о геологии Алтая, описывает отдельные полезные ископаемые и разворачивает общую картину геологического строения недр. И только затем автор предлагает «Некоторые советы участникам геологического похода» — о методах поисков, о полевом снаряжении, об определении минералов по внешним признакам. Он приводит физические свойства наиболее распространенных минералов главнейших металлов.

Как бы ни была овеяна романтикой профессия геолога, Ю. В. Никифоров напоминает: «На участие в геологическом походе по поискам полезных ископаемых не следует смотреть как на увеселительную прогулку. Геологический поход — очень увлекательное, но серьезное и важное дело, требующее большой и тщательной подготовки». Великолепный знаток Алтая, неутомимый путешественник, исследователь и заслуженный краевед Юрий Владимирович передает здесь свой опыт молодежи. Как бы дополнением помешена рядом статья другого специалиста, кандидата геолого-минералогических наук Ф. Б. Бакшта «Цветные камни Алтая». Особенно привлекает таблица размещения цветных камней Алтайского края. В ней представлены виды камней (16) по месторождениям и по зонам края: Колывано-Змеиногорский район, Горно-Алтайская автономная область, предгорные районы и — «прочие». Прочие районы — это не те, где ничего нет, а которые плохо изучены, — важный мотив, чтобы

[1] Барнаул: [1730–1980] / сост. А. Д. Сергеев. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1980. 120 с. С. 88.

возбудить интерес к поискам новых месторождений. В книге есть две «водных» статьи: «Изучение рек края» Г. В. Коробковой и «Наблюдения за грунтовыми водами» Ю. И. Винокурова. Помещена статья А. Я. Бондарева «Наблюдения за численностью диких животных», это оригинальное и новое предложение для юных любителей природы. Обычно говорят об охоте, о рыбной ловле, а здесь — учет дикой фауны. В статье описаны примеры помощи школьников в охотхозяйствах, это приучает бережно относиться к природе родного края.

Очередным достижением издательства группы явился сборник статей «География природно-очаговых болезней Алтайского края» под редакцией кандидата медицинских наук, доцента А. С. Оберта, члена барнаульской группы, создавшего секцию медицинской географии. Сборник издан по плану центрального Географического общества (выходные данные: Л., 1976, 65 с., цена 35 коп., 500 экз.). Секция медицинской географии объединяет специалистов, работающих по проблемам природно-очаговых заболеваний, характерных для разных физико-географических зон. Секция медицинской географии создана в нашем Обществе впервые.

Своеобразной вершиной, высшим достижением Барнаульской группы явились подготовка и проведение 4-й научной конференции по природным ресурсам. Содержание ее было расширено, что отразилось в названии: «Охрана, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов Алтайского края». Четыре года шла нелегкая работа оргкомитета, проблемы которого были обговорены еще на первом собрании группы. Возглавлял рабочую часть оргкомитета Юрий Иванович Винокуров, основная тяжесть «секретарской» работы выпала А. Д. Сергееву. В текущем архиве Алтайского филиала сохранилась папка «дела» по подготовке этой конференции: в ней письма, ответы, запросы, списки, конверты, телеграммы и — автографы. Автографы — наиболее яркие исторические документы, подлинники, нестираемая память. Вот запрос Н. И. Петункина, тогда аспиранта кафедры зоологии ИСХИ, рядом — открытка от А. С. Ендрихинского из Восточно-Казахстанского отдела географического общества, запрос В. М. Самарова, просьба от имени председателя оргкомитета И. Процюка к В. С. Ревякину выступить со специальным докладом. Там же письма профессора Б. Я. Двоскина из Алма-Аты, Ф. И. Корниевского из Киева, Г. Кузнецова из Новосибирска, Г. Г. Собанского из Иогача, телеграммы А. В. Куминовой,

Н. А. Цехановской из Бийска, заказы на доклады от И. В. Верещагиной, заявки от директора ЗСРНИГМИ (он же начальник ЗСУГМС) С. М. Шульмана из Новосибирска — на три доклада для пяти своих сотрудников, от кандидата географических наук Дмитрия Дмитриевича Вышивкина из Москвы, из Биологического института СО АН СССР к. б. н. Э. В. Степанова, от заведующего кафедрой ихтиологии и гидробиологии Томского университета Б. Г. Иоганзена — доктора биологических наук, профессора.

Подготовкой тезисов к конференции были заняты А. С. Оберт, И. П. Гнатченко, Г. Г. Собанский, Г. В. Коробкова, Ю. Н. Акуленко, А. В. Четошникова. Небезынтересно привести один из примеров работы редколлегии — сохранившееся письмо к Г. Г. Собанскому в Иогач: «3 апреля 1974. Уважаемый Генрих Генрихович, высылаю Вам 25 текстов тезисов. Оргкомитет конференции просит Вас внимательно просмотреть тезисы и дать заключение об их пригодности для напечатания. Т. е. Вы должны провести редакторскую правку: зачеркнуть ошибки, выправить неудобные обороты, заменить слова, целые абзацы и пр., как будто Вы окончательно выправляете свою статью. После Вас больше никто их править не будет (хотя мы одновременно дали на просмотр Бондареву А. Я.). После Вас мы пустим их на машинку. Если какие-либо тезисы совершенно непригодны в печать — дайте список отдельно. Если какие-то тезисы можно (и необходимо) развернуть в большие статьи, то также сообщите отдельно. Вообще же никаких отдельных записей по текстам делать не следует, Вы просто-напросто выправляете их в самом тексте. Задерживать не надо, недели, думается, будет достаточно» (ТААФ, д. «Барнаульская группа», папка «Конференция по охране природы», л. 2. Рукописный подлинник под копирку).

Главным редактором выступил Григорий Владимирович Васильченко. Тема конференции оказалась всеобъемлющей, в Извещении намечались следующие крупные блоки проблем: 1) полезные ископаемые, 2) почвенные ресурсы, 3) водные ресурсы, 4) климатические и воздушные ресурсы, 5) биологические ресурсы и вопросы экологии человека, 6) ландшафтные комплексы, 7) природные объекты. Однако тезисы докладов и сообщений комплектовались по другому принципу. К рассмотрению поступило около 170 текстов, в тезисах было опубликовано 159 статей. Они были разделены по типологическим направлениям природоведения. Раздел «Общие во-

просы охраны природы» содержал 26 статей, раздел «Климат» — 10, раздел «Водные ресурсы» — 28, раздел «Почвы» — 15, раздел «Растительность» — 32, раздел «Животный мир» — 37, раздел «Медицинская география» содержал 11 тезисных статей. Весь объем сборника составил 23 уч.-изд. листа (400 с.), тираж — 600 экз. В сборнике собран огромный материал по использованию природных ресурсов и влиянию человека на рельеф, климат, почвы, воды, растительный, животный мир и в целом на ландшафты Алтайского края. На самой конференции отмечалось, что охрана, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов в связи с бурным научно-техническим развитием во всех отраслях народного хозяйства приобретают исключительную актуальность. Пленарные заседания состоялись 26–29 ноября 1975 года в Большом зале Дома союзов. Конференция собрала большое число представителей из многих городов Сибири и европейской части страны, она рассмотрела обширный круг научных и практических проблем природопользования Алтайского края и выявила новые задачи.

Без преувеличения можно сказать, что группа добилась многого: за время, минувшее от первого собрания, она смогла объединить большой коллектив энтузиастов, патриотов края, краеведов, научных работников: к началу 1974 года, после перерегистрации, насчитывалось 70 действительных членов Общества. Начались разговоры о формальном выделении Барнаульского отдела. Первым энтузиастам, создателям Барнаульской группы (отдела) нечего стесняться, за ними факты, т. е. созданные за эти четыре-пять лет книги, сборники тезисов, конференции, собрания, выступления на ТВ. Пусть читатель представит, как много нового приходилось тогда «пробивать», это и теперь трудно, а тогда было неизмеримо труднее. Заслуживает ли такая группа превращения в отдел? Доказала ли она свою общественную дееспособность?

Доказала. Заслуживает.

Группа завоевала своими конкретными делами авторитет самостоятельной организации. Вот факты. 1 марта 1974 года поступила просьба от Алтайской гидрогеологической экспедиции: «Просим включить в пятилетний план работы Географического общества издание тематического сборника „Подземные воды Кулундинско-Барнаульского артезианского бассейна“ — объем 8–10 п. л., ответственный редактор профессор, д. г.-м. н. Рогов Г. М. Главный гидролог

экспедиции, к. г.-м. н. Ю. Акуленко»[1]. В том же «деле» отношение от 20 марта: «Бюро секции охраны диких животных просит включить в план совместных изданий отдела Географического общества и Алтайского отделения Общества охраны природы на 1977–78 гг. сборник в 5–7 п. л. под названием „Охрана, использование, экология диких зверей и птиц Алтайского края“. Председатель секции – А. Я. Бондарев» (это главный охотовед края). Еще. Тогда же поступило письмо от ученого секретаря Восточно-Казахстанского отдела Географического общества, заведующего кафедрой физической географии А. С. Ендрихинского: «Мы приглашаем Вас принять участие в отдельных мероприятиях отдела (региональные конференции, научные исследования на Алтае и др.). Мы предлагаем Вам взаимно и регулярно обмениваться планами мероприятий, научной информацией, проводить координационные совещания». (От этого отдела на последней конференции было 4 доклада.)

15 декабря 1974 года поступило письмо председателя Алтайского отдела Б. Н. Лузгина: «В июле 1975 года намечается проведение конференции «250-летие горнорудного дела на Алтае». В настоящее время завершается составление программы работы конференции, после чего будет принято решение об объеме представляемой для публикаций информации (доклады или тезисы докладов). Доклады по истории геологических исследований на Алтае и его рудной базы в основном намечены. Однако по важному разделу – истории горнорудного дела на Алтае – пока нет подробного плана. Поэтому просим Вас, как председателя Барнаульской группы Алтайского отдела Географического общества и специалиста, занимающегося вопросами истории Алтая, подготовить программу докладов по истории горного дела с привлечением известных Вам специалистов. Учитывая, что время для подготовки конференции весьма ограничено, просим ускорить присылку Ваших предложений, желательно не позднее 15 декабря. Ваш ответ прошу направить по адресу: 654011, г. Новокузнецк Кемеровской обл., пр. Орджоникидзе, 9, Надлеру Юрию Сергеевичу».

В тот же день из Барнаула мы дали заявку на 10 докладов, и в Бийск, и в Новокузнецк (там же, письма от 15.12.1974). (Бийский отдел в первой половине 70-х годов не провел ни одной конференции,

[1] ТААФ. Д. «Барнаульская группа», письмо от 1 марта 1974. № 292.

и настоящая конференция числилась за Новокузнецким отделом. Но конференцию «250 лет горного производства на Алтае» организовал и провел Барнаульский отдел в феврале 1977 года.)

Барнаульская группа с самого начала формировалась как отдел, действительные члены Общества — специалисты по интересам — группировались по секциям. В 1973 году существовали и работали секции физической географии и геоморфологии, экономической географии, геологии и гидрогеологии, гидрологии, метеорологии и фенологии, биогеографии, охраны и воспроизводства природы, медицинской географии, учебной географии, краеведения и туризма с подсекциями: топонимика и транскрипция, история географических знаний, археология и этнография. Был создан лекторий по пропаганде географических знаний. В 1974 году руководители секций уже составляли отчеты о работе, некоторые сохранились в «делах» (от Ю. И. Акуленко, Г. В. Коробковой, И. В. Верещагиной).

Впервые «открыто» заговорили о создании отдела на заседании группы 14 января 1974 года. Сохранился протокол, и сохранился план заседания, составленный Ю. И. Винокуровым. В его личных пометках значится: «4. О возможности организации Барнаульского отдела ГО: а) юридические члены; б) инициативные группы по направлениям, взносы, списки, обмен билетов; в) лидер». В протоколе записано: «Был поднят вопрос о создании самостоятельного отдела в Барнауле либо о перенесении центра Алтайского отдела ГО из Бийска в Барнаул. Решено обсудить этот вопрос 30 января (на общем собрании. — *А. С.*). С этой целью для агитации были разделены учреждения города — на юридических членов»[1].

На очередном заседании 30 января присутствовало 12 человек. В протоколе записано: «По третьему вопросу развернулись обширные прения. Речь шла о создании самостоятельного отдела Географического общества. Для укреплении деятельности барнаульской группы решено распределить ряд учреждений за отдельными членами общества для вовлечения их в юридические члены (список прилагается). Барнаульская группа решила: 1. вступить в ходатайство о создании в Барнауле самостоятельного отдела Географического общества, с тем чтобы впоследствии организовать филиал

[1] ТААФ. Д. «Барнаульская группа», листы: «Заседание Оргкомитета 14 января 1974 г.» (запись Ю. И. Винокурова) и «Протокол № 1» (запись А. Д. Сергеева). Подлинники.

из трех отделов (Горно-Алтайский отдел, Алтайский отдел — Бийск, Барнаульский отдел); 2. создать комиссию в составе трех человек — А. Д. Сергеев, Ю. И. Винокуров, Г. В. Васильченко — для составления соответствующих документов и дать им соответствующие полномочия. Принимаются единогласно. Первое заседание комиссии назначено на 4 февраля».

В Бийске не проявили энтузиазма, наоборот. Получилась парадоксальная ситуация: в Барнауле пока идут одни разговоры, деловые, обоснованные, но еще официально не посылали «бумаг», только готовили их, как вдруг 14 февраля уже получили обширное послание за подписью Б. Н. Лузгина и Н. А. Цехановской. В нем сказано, что ученый секретарь отдела «сообщила» о решении группы создать отдел (а потом — филиал). В письме приводились различные оговорки по этому поводу, приписывались «мысли и соображения», якобы исходящие от группы, чего фактически не было; отмечалось, что только через год должна состояться перевыборная конференция отдела и только там можно решить этот вопрос, что для переизбрания совета отдела должны голосовать $^2/_3$ входящих в него членов; что филиал вообще создавать нельзя; что «Горно-Алтайский отдел близок к ликвидации», потому что он выделился из Алтайского; что отделение Барнаула ослабит «организацию географов Алтая». «Поэтому президиум Алтайского отдела, в случае вашего настоятельного требования о выделении, будет вынужден адресоваться в ученый совет Общества с ходатайством об удовлетворении вашей просьбы на отделение только после проведения общего отчетно-выборного собрания членов отдела в 1975 г.». 27 февраля состоялось новое заседание группы, обсудили это неожиданное письмо из Бийска. Ю. И. Винокуров доложил, что он имел официальную встречу с заместителем председателя крайисполкома. Тов. Процюк поддерживает создание отдела (или филиала), но чтобы в Бийске сохранился свой отдел, переводить не надо. Обсудили ответ для Бийска. Этот ответ и стал первым официальным обращением о создании нового отдела в Алтайском крае. В обращении говорилось: «Большие перспективы орошения Кулундинских степей настоятельно требуют постановки вопросов изучения природных условий и рационального использования равнинной части края. В связи с этим целесообразно объединить самодеятельные научные силы именно в Барнауле. Кроме того, основные силы медико-геогра-

фического направления находятся также в Барнауле. В Барнауле же имеются большие возможности развернуть работу секции учебной географии (совместно с институтом усовершенствования учителей).

Создание университета, близость краевых органов и организаций даст возможность решать более оперативно вопросы работы Географического общества (печать, конференции, телевидение, пропаганда и т. д.). Группа имеет возможность создать несколько сборников и книг». Там же говорилось: «Барнаульская группа не предполагала давать оценку работы Алтайского отдела. Вместе с тем работа нашей группы не дает повода и для некоторых необоснованных „предупреждений", высказанных в Вашем письме. Мы надеемся, что совет (Президиум) правильно учтет сложившуюся обстановку и поддержит создание Барнаульского отдела» (там же, см. листы от 14.02.1974, 14.03.1974). 5 мая 1974 года группа получила официальное решение совета отдела: «Постановили: вопрос о реорганизации Барнаульской группы в Барнаульский отдел включить в повестку дня для общей конференции членов ГО, запланированной на 1 кв. 1975 года в Барнауле» (там же; на заседании совета 27 апреля присутствовали Б. В. Лузгин, Н. А. Цехановская, А. В. Кривчиков, Ф. Б. Бакшт. Получены письменные мнения Б. М. Кривоносова (Новосибирск), Э. А. Ирисова (с. Яйлю)).

Для создания нового отдела не требуется той процедуры, о которой заботился совет Алтайского отдела; на основании действовавшего тогда устава, § 35, «отделы Общества организуются в любом населенном пункте СССР при наличии в нем не менее двадцати пяти членов Общества». Совет волновало другое. В случае выделения барнаульской группы в отдел и укрепления Горно-Алтайского отдела не останется необходимого числа членов в самом Бийском отделе. Известно, что «Алтайский отдел объединяет значительное число действительных членов общества, живущих за пределами Алтайского края, но связанных с ним научной тематикой. В числе их имеются ученые Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Томска, Читы, Новокузнецка»[1], а это, понятно, ненадежное членство. Кроме того, как отмечалось, в первой половине 1970-х годов Бийский отдел потерял притягательность объединяющего центра научных сил и новых предложений, новых реальных дел. Это положение, собст-

[1] Известия. 1969. Вып. 10. С. 110.

венно, признавалось в письме Б. Лузгина и Н. Цехановской, полученном в Барнауле 14 февраля 1974 года. В нем говорилось, в частности, что «утвержденный общим собранием в 1971 г. пятилетний план работы оказался пока еще не выполненным по четырем основным пунктам». Это: конференция «Природа и природные ресурсы Алтая»; проведение двух геологических конференций; издание сборника «Озеленение городов Сибири»; выпуск 15-й книги «Известий». Однако, как известно, конференцию провели барнаульцы и сборник по озеленению городов Сибири издали барнаульцы. Но две геологические конференции, что планировал Бийский отдел, так и не состоялись, а выпуск «Известий» был прекращен не по вине отдела. Все другие плановые мероприятия инициативная группа провела. В письме группа несправедливо упрекалась в неэтичном поведении в издательских делах: «Вместе с тем, — говорилось там, — мы категорически возражаем об использовании имени Алтайского отдела на всех изданиях, по которым не получено одобрения совета или президиума совета отдела и предупреждаем, что при нарушении этого положения президиум будет добиваться строгого наказания виновных по существующему законодательству». Уж чего мы не ожидали, так такого окрика: в самом деле, в последние годы группой было подготовлено и издано несколько материалов, что расширяло влияние Географического общества, говорило о его работоспособности, и вот, оказывается, нельзя внепланово активничать.

Привожу выписку из официально утвержденного «Проекта сводного плана деятельности Географического общества СССР на 1971–1975 гг.»[1] Там зафиксировано: позиция 17 — научно-практическая конференция «Водные ресурсы Алтайского края», на декабрь 1971, от имени Алтайского отдела (с. 14); позиция 23 — научно-практическая конференция «Озеленение городов Сибири», на 1 кв. 1972 (с. 15); позиция 49 — научная конференция по археологии и этнографии Алтайского края, на 1 кв. 1973 (с. 18); позиция 74 — научная конференция «Природа и природные ресурсы Алтая и Кузбасса», на 1 кв. 1975 (с. 22) — все от имени Алтайского отдела, и все организовала и провела барнаульская группа. В плане стояли два мероприятия от имени Горно-Алтайского отдела (позиция № 49, с. 18, и позиция № 7, с. 23). Поэтому очень своевременным было предложение бар-

[1] Проект сводного плана деятельности Географического общества СССР на 1971–1975 гг. Л., 1971. РТП ГО СССР.

наульской группы открыть новый отдел и со временем объединиться в филиале. Перемещение активности невольно требовало перемещения центра организаторской деятельности[1]. ()

Официальное собрание по созданию Барнаульского отдела Географического общества состоялось 22 апреля 1976 года, год спустя после затянувшегося согласия совета Алтайского (г. Бийск) отдела. К тому времени инициативная группа получила формальные права от центрального Географического общества (решение президиума № 5/19 от 9 марта 1976). На собрании были подведены итоги деятельности группы, говорилось о том, что члены группы многого добились, смогли объединить большой коллектив энтузиастов, патриотов края, ученых, любителей природы, краеведов. Был избран совет Барнаульского отдела, а на заседании совета в тот же день сформирован президиум и другие органы. Первое заседание ученого совета открыла и вела ученый секретарь Алтайского отдела Н. А. Цехановокая. Она предложила по согласованию с инициативной группой избрать председателем отдела Юрия Ивановича Винокурова, кандидата географических наук, тогда руководителя проекта Чарышского группового водопровода, заместителем председателя — Эдуарда Андреевича Ирисова, кандидата биологических наук, тогда старшего преподавателя Алтайского государственного университета, а секретарем отдела — А. Д. Сергеева. Затем к ним в члены президиума избираются Юрий Николаевич Акуленко и Анатолий Сергеевич Оберт. Одновременно с тем формируется редакционно-издательский комитет: Г. В. Васильченко — председатель (вскоре умерший), А. М. Малолетко (в те годы он работал в Алтайском университете) и И. В. Верещагина. Были утверждены секции отдела и их руководители: А. И. Демин — физической географии и рационального природопользования, Л. М. Мосалова — экономической географии, Э. А. Ирисов — биогеографии, А. С. Оберт — медицинский географии, Ю. Н. Акуленко — геологии и гидрогеологии, В. С. Арефьев — инженерной геологии, Г. В. Коробкова — гидрогеологии, метеорологии и фенологии, Л. В. Воронин — мелиоративной географии, Ф. Г. Добрынина — учебной (школьной) географии, А. П. Уманский — краеведения и туризма, И. М. Радыгин — почвоведения.

[1] Откровенно признаться, «негативное» отношение руководства Бийского отдела сохраняется до сих пор, это побудило А. Д. Сергеева в августе 1990 г. поставить вопрос о выходе Барнаульского отдела из Алтайского филиала. Без взаимных обид.

Обретя статус самостоятельного отдела, бывшая барнаульская группа не уменьшила активности, изменился только «фасад»: завели печать, заказали бланки, выкупили абонементный ящик в почтовом отделении, появились штампы угловые и для «бумаг». Сложнее оказалось уговорить кого-либо быть казначеем; на некоторое время им согласилась быть Светлана Алексеевна Пустовайт. Вскоре выхлопотали единицы бухгалтера, ученого секретаря, референта. Продолжительное время в благотворительных целях значился на ставке ученого секретаря старейший краевед Ф. С. Бояринцев, как и на других утвержденных единицах; работа всех других продолжалась на общественных началах. Заседательская суета не заслоняла основной работы, хотя до конца 1976 года состоялись три заседания ученого совета и пять президиума. Большое внимание было уделено формированию секций, подбору их руководителей. В Географическом обществе секции или отделения занимают большое место, они формируются применительно к различным отраслям географических знаний. Действительные члены по своим личным склонностям или научным интересам прикрепляются к одной из секций (отделений, комиссий, подсекций) по собственному выбору. Здесь, в секции, они состоят на учете, обсуждают проблемы, совокупно представляют своеобразную ячейку отдела. Как видно, состав действительных членов объединяется в нечто целое не по административному принципу, а по научным направлениям.

Скоро, надо признать, отошли от руководства Демин, Мосалова, Арефьев, Воронин, Добрынина, Уманский, Радыгин, но пришли новые товарищи, работа не останавливалась. В первый год, по предложению Ю. И. Винокурова, «пока идет формирование Барнаульского отдела», работа проходила в следующих рамках: собрание совета — 4 раза в год, заседание президиума совета — по понедельникам второй недели, работу секций наладили по мере их формирования, т. е. распределения самих действительных членов по секциям, разработали планы заседаний, темы докладов, лекции, конференции, экспедиции. Но уже через год пришлось несколько менять этот напряженный график. В протоколе № 9 заседания президиума совета от 13 мая 1977 года, например, записано: «Слушали: о работе президиума совета в летний период. А. Д. Сергеев ставит вопрос о том, что в летний период почти все члены президиума разъезжаются в отпуска, поэтому необходимо обговорить, как будем работать. В резуль-

Змеиногорск, музей истории развития горного производства.
А. Д. Сергеев, В. М. Шелудченко. 2 августа 1986 г.

тате краткого обмена мнениями пришли к заключению, что необходимо в мае—июне провести намеченные мероприятия, конференции, заседания совета и т. д., с тем чтобы в июле—августе был здесь, в городе, хотя бы один освобожденный работник (Бояринцев Ф. С.) и деятельность отдела не прекращалась»[1].

Совет Барнаульского отдела и особенно его президиум рассматривали на своих заседаниях очень разнообразные вопросы по работе отдела (текущие дела), по организации экспедиций, созыву конференций, по издательским проблемам, по проведению экспертиз проектов «малой мелиорации». Было видно, что как совет, так и Общество в целом, т. е. его действительные члены, работают активно. Остановимся на отдельных примерах. Так, были утверждены и состоялись командировки с научной целью (экспедиции) Ф. С. Бояринцева в Славгородский район и в долину Чулышмана; А. Д. Сергеева (с группой студентов) в Локтевский район, в Сузунский район Новосибирской области и в верховья реки Томь-Чумыш; Ю. Н. Аку-

[1] ТААФ, папка «31-631», 1977 — протокол заседаний президиумов, л. 7–8.

Село Солоновка. Поход со школьниками. Второй слева А. Д. Сергеев, в центре — герой Гражданской войны А. Л. Копань. 10 июля 1962 г.

ленко по Южной Кулунде; члены секции медицинской географии под руководством А. С. Оберта организовали экспедицию совместно с краевой санэпидемстанцией. В мае 1977 года А. С. Оберт докладывал о научной деятельности «основоположника медицинской географии в Алтайском крае» доцента Ю. Н. Веселова. Совет отдела, хотя скромно, но решил отметить 70-летие Ю. Н. Веселова, действительного члена Общества, наградив его почетной грамотой, преподнесли ему торжественный адрес и выделили 40 (сорок) рублей на памятный подарок. На одном из заседаний был принят приветственный адрес в связи с 85-летием со дня рождения доктора географических наук профессора Томского университета М. В. Тронова. В Томск на торжества была командирована Л. К. Акарачкина для вручения адреса. Имя этого человека упоминалось неоднократно, с ним связаны многие страницы истории исследования Алтая. И барнаульский отдел правильно поступал, что не забывал своих предшественников, бескорыстных краеведов. На заседаниях рассматривались предложения по подготовке конференции по пробле-

Справо налево: А. Д. Сергеев, В. Н. Кислицын, студент Ю. Мельников. Территория исчезнувшего поселка Быстренок, Солонешенский район. Место Быстрянской стачки 1894 г. Фото 1990 г.

мам реки Алей, по 250-летию горного производства в Алтайском крае, по подготовке и проведению научно-практической конференции «Охрана окружающей среды г. Барнаула» и ряд других серьезных научных тем и текущих дел.

18 ноября 1977 года было заслушано научное сообщение действительного члена Географического общества Ф. С. Бояринцева на тему «Повышение ресурсного потенциала сельского хозяйства от внедрения влагорегулируемой системы земледелия». Это одна из серьезных тем, поднятых барнаульским отделом, одно из предложений, над внедрением которого в практику сельского хозяйства бился отдел. Общество краеведов демонстрировало готовность передать свой научный потенциал народному хозяйству, наступило время, когда благие стремления интеллигентов становились практикой жизни. В чем смысл предложения Ф. С. Бояринцева и разработанной им системы? Он формулировал, что современные ирригационные системы не являются инженерным агротехническим звеном сельскохозяйственного производства, поскольку орошение ве-

дется по принципу повременного водораспределения, когда на оросительной системе севообороты получают воду в порядке плановой очереди, с поливными периодами от 5 до 10 суток. Чтобы перейти на промышленную технологию физиологически влагорегулируемого земледелия, требуется заменить принцип повременного водораспределения более современной системой по принципу физиологического водораспределения. Она состоит из комплекса автономных севооборотных оросительных устройств с накопительно-распределительными водоемами. Эти оросительные устройства являются агротехническим звеном влагорегулируемой системы земледелия. При такой системе на 100 га пашни можно программировать получение 250 тонн товарного зерна ценных сортов и 900 тонн кормовых единиц полноценных кормов (можно произвести 100 т говядины и 129 т свинины или 750 т молока). При внедрении физиологически влагорегулируемого земледелия сельское хозяйство получит технологию выращивания севооборотных культур с запрограммированной урожайностью товарного зерна ценных сортов, полноценных кормов и сырья для промышленности.

Докладчик предложил начать внедрение влагорегулируемой системы с районных аграрных научно-производственных объединений, в которых имеются научные агрометеорологические центры. То есть надо иметь научные базовые хозяйства, а сразу в широкую практику вводить эту систему будет ошибкой.

Заседание совета было похоже на научный дискуссионный клуб, состоялось широкое обсуждение. Ф. С. Бояринцев привлек графики, выкладки, различные схемы. После обмена мнениями решили одобрить программу влагорегулируемого земледелия как путь к управляемому сельскохозяйственному промышленному производству для устойчивого получения на 100 гектарах физиологически влагорегулируемой пашни примерно 250 т товарного зерна ценных сортов и 900 т кормовых единиц полноценных кормов. Было решено выставить доклад на всесоюзное совещание по биологическим основам орошаемого земледелия в Московском институте физиологии растений АН СССР и командировать туда Ф. С. Бояринцева. Было предложено ему же сделать доклад на годичном собрании членов отдела (возрождение старой традиции), а также на краевой конференции по биологическим ресурсам Алтайского края. Кроме того, совет отдела решил обратиться в Славгородский район и реко-

мендовать его хозяйствам на опытных площадях внедрить влагорегулируемую систему земледелия с целью удвоения продукции сельскохозяйственного производства.

Надо заметить, что много прекрасных предложений гибнет после первой их прокламации. Данный проект совет стал проводить в практику. И вот уже 27 марта 1978 года состоялось заседание группы физиологии орошаемых культур Института физиологии растений имени К. А. Тимирязева АН СССР под председательством доктора биологических наук Н. С. Петинова. Присутствовали еще три доктора биологических наук, два кандидата биологических наук, инженеры, научные сотрудники, биологи. Доклад представил инженер-гидротехник Ф. С. Бояринцев. В обсуждении приняли участие пять человек. Было принято следующее решение.

«2. Одобрить программу физиологически влагорегулируемого земледелия и считать целесообразным экспериментально применить ее в производственных условиях сельского хозяйства Кулундинской и Алейской степей Алтайского края на параллельных поливных севооборотах интенсивного зернового и кормового направления с повременным и с физиологическим принципом водораспределения в каждой паре севооборотов, с заданием получения в них на 100 га пашни по 250 т товарного зерна сильной яровой пшеницы и по 900 т кормовых единиц полноценных кормов.

3. Рекомендовать Барнаульскому отделу Географического общества СССР издать работы действительного члена ГО СССР, инженера-гидротехника Ф. С. Бояринцева по вопросам «Программы физиологически влагорегулируемого земледелия», разработанной им.

4. Поддерживать тесный деловой контакт с Барнаульским отделом Географического общества СССР по вопросам дальнейшей разработки Программы физиологически влагорегулируемого земледелия» (ТААФ, папка «Материалы...», декабрь 1979).

В те же дни Ф. С. Бояринцев представил в отделение гидротехники и мелиорации ВАСХНИЛ доклад «Товарное зерно, полноценные корма и дождевальная техника»; доклад был заслушан и одобрен. Академик-секретарь Б. Б. Шумаков направил его в министерство сельского хозяйства. И вот 5 мая 1978 года заместитель министра сельского хозяйства РСФСР А. Каштанов рекомендует Алтайскому НИИ земледелия и селекции возглавить экспериментальную проверку предложений Ф. С. Бояринцева, подготовить и утвердить

программу в колхозе им. Ленина Славгородского района, а также на базе Алтайской машинно-испытательной станции Поспелихинского района. Отмечалось, что предложение является «перспективным способом полива сельскохозяйственных культур с принципом автоматизированного водораспределения для выдачи поливной нормы в пределах 300 + 1500 кбм/га одной культуре в срок до одних суток».

Барнаульский отдел взял на себя оплату работы по составлению программы «Повышение ресурсного потенциала мелиорируемых земель (на примерах Кулундинской и Алейской степей)», с Ф. С. Бояринцевым было заключено трудовое соглашение (на 400 рублей, от 26 сентября 1979 года), программа была составлена, и проблема перешла в рабочую стадию. В тексте программы обосновывается, что разработка научно-технических основ сельского хозяйства при укрупненных севооборотах в колхозно-совхозном производстве должна сменить направление, что в районах рискованного земледелия катализатором урожайности служит вода — «не азот, не фосфор, не калий, не микроэлементы находятся в минимуме, а именно вода». Ф. С. Бояринцев доказывал, что «комплексная программа физиологически влагорегулируемого земледелия отражает уровень мышления нашего времени». Вместе с тем он выдвигал задачу «для мелиоративных технологий создать продуктивные сорта, способные с высокой эффективностью использовать солнечную энергию, пищу и воду на принципах физиологического водораспределения по сигналам самих растений».

Программа Ф. С. Бояринцева состоит из введения, четырех глав и заключения. Глава 1: «Анализ существующего положения в мелиорации (в мелиоративной технологии)», глава 2: «Теоретические основы нового подхода к мелиорации и программе физиологически влагорегулируемого земледелия», глава 3: «Новая технология крупноплощадного физиологического водораспределения», глава 4: «Примеры эксплуатационного внедрения физиологически влагорегулируемого земледелия». Данная программа есть результат обобщения работ Ф. С. Бояринцева прошлых лет, развернутый в конспект монографии. Федор Степанович Бояринцев большую часть своей жизни посвятил изучению подземных вод Алтайского края и возможностей их использования для народного хозяйства.

Большой заслугой Барнаульского отдела Географического общества является возбуждение общественного внимания к состоя-

нию бассейна реки Алей, к нарушению природно-биологического комплекса огромной территории нашего края с большим сельскохозяйственным потенциалом. Краеведы забили тревогу, они обратили внимание, что к середине 1970-х годов произошло сильное загрязнение реки Алей хозяйственно-бытовыми и производственными сточными водами городов Рубцовск и Горняк. Особенно загрязняется река в зимний период, в воде содержание кислорода в 2–4 раза меньше предельно допустимого, концентрация нефтепродуктов в 8–10 раз больше. Дважды наблюдалась массовая гибель рыбы.

В то же время известно, что производимая здесь продукция занимает большое место в экономике всего Алтайского крае. В бассейне реки Алей действует свыше 40 крупных промышленных предприятий, на его землях производится почти четвертая часть зерна, 200 тыс. т сахарной свеклы, около 12 тыс. т картофеля. В среднем за год здесь выращивают около 50 тыс. т мяса, получают 180 тыс. т молока, 2,7 тыс. т шерсти. А каковы природные ресурсы? К середине 70-х годов здесь сложилась следующая структура угодий. Общая площадь составляет свыше 2812 тыс. га, из них сельскохозяйственные земли 74,6%, леса и кустарника ок. 17%, болота и воды занимает всего 4%, пески и овраги ок. 2%, отчужденные земли (постройки, дороги) — ок. 2% (или 52,4 тыс. га). Большая половина земель вовлечена в пашню. В распашку вовлечены легкие по механическому составу почвы и склоны значительной крутизны, что вызвало усиление интенсивности эрозионных процессов. К тому времени почвы, подверженные ветровой эрозии, занимали около 107 тыс. гектар, а подверженные водной эрозии — ок. 294 тыс. га. В целом же почвы бассейна разнообразны и в сельскохозяйственном отношении оцениваются очень высоко.

Но бассейн Алея характеризуется незначительными водными ресурсами, как подземными, так и поверхностными. Годовое распределение стока реки Алей крайне неравномерное, 80% воды (примерно 1,2 млрд куб. м) стекает весной, с апреля до начала июня, и безвозвратно теряется для нужд бассейна. Наоборот, к середине лета, когда потребность в воде резко возрастает, многие реки и водотоки пересыхают. В связи с этим встает вопрос о зарегулировании стока реки Алей с целью более равномерного использования воды для нужд народного хозяйства в течение всего года. Вместе с тем высоки потенциальные возможности этой территории. Было

подсчитано, что к 2000 году промышленное производство должно вырасти здесь в 7 раз, особенно тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, а сельскохозяйственное производство должно подняться более чем в 2 раза. Было начато строительство второй очереди Алейской оросительной системы с площадью орошения в 50 тыс. га и Гилевского водохранилища.

Совет Барнаульского отдела Географического общества на общественных началах, еще во времена инициативной группы, объединил вокруг проблемы спасения бассейна реки Алей широкий научный актив. Члены Общества из лаборатории экологии и рационального природопользования Института экономики СО АН СССР, активисты опытно-мелиоративной станции, научные сотрудники из только что созданного университета и некоторых других заинтересованных учреждений разработали по предложению отдела ряд рекомендаций в защиту природного равновесия этой части Алтайского края, смогли привлечь хозяйственников, экономистов и местные Советы. О проблеме реки Алей заговорили вслух, подключили местную прессу. Отделом был сформирован комитет по р. Алей. И, наконец, на декабрь 1976 года назначили научную конференцию в городе Рубцовске под названием «О мерах по охране и рациональному использованию бассейна р. Алей». Соорганизаторами конференции выступило Общество охраны природы и Центр научно-технической информации. Собравшиеся ученые, практики, советские и хозяйственные руководители, члены Географического общества с большой тревогой говорили о современном состоянии земель в бассейне реки Алей, о пагубности возросшего антропогенного пресса для природы этого района.

Река Алей имеет длину 866 км и площадь водосбора 21 100 кв. км. В бассейне проживает примерно 460 тыс. человек, из них в городах 270 тыс. К концу века население должно возрасти до 700 тыс. человек. Вместе с тем бассейн беден грунтовыми и подземными водами, почти безлесен. Таким образом, регулирующая способность его ограничена, а дальнейшее развитие производительных сил и использование природных ландшафтов для рекреационных целей как раз ориентируется на водные ресурсы района. Где же выход? В одном из докладов было правильно подмечено: «Река Алей — это своего рода хозяйство, большое и сложное, в котором неразрывно связаны и вода, и земля, и лес, и жители Алтайского края. Река обслуживает

людей, но и реку надо обслуживать». К достоинствам данной конференции следует отнести высоконаучный уровень рассматриваемых проблем, не только относящихся непосредственно к затронутой теме Алея, рационального использования и охраны природных ресурсов. На конференции была сделана попытка разработки основ научного управлении и организации рационального природопользования на региональном уровне. И что очень важно — эти новации были «приложены» к обоснованию схемы комплексного использованию природных ресурсов и охраны окружающей среды в бассейне реки Алей (доклады И. И. Сопко, В. А. Василенко, Л. С. Коровина и др.). В конечном итоге конференция пришла к выводу, что решение всех сложных задач, поставленных перед хозяйствами региона, требует привлечения сил научных сотрудников вузов и научно-исследовательских институтов. Особенно важна их роль в разработке научно-обоснованной схемы использования природных ресурсов бассейна река Алей. Подчеркивалось, что разработка такой схемы — это не разовое мероприятие. Необходим постоянный орган, который бы контролировал выполнение и качественный уровень мероприятий по использованию природных ресурсов с учетом новейших достижений науки и техники, а также изменений среды в результате деятельности человека. На конференции единодушно было принято предложение совета Барнаульского отдела Общества о создании постоянно действующего «Комитета по Алею».

Руководители отдела Ю. И. Винокуров и А. М. Малолетко разработали положение о Комитете, подобрали его состав, вместе с другими активистами (Н. С. Попков, С. М. Попкова, К. Р. Севостьянов, И. П. Гнатченко) составили план работы. И вот 20 февраля 1977 года принято постановление бюро Алтайского крайкома КПСС «О некоторых мерах по дальнейшему улучшению комплексного использования и охраны природных ресурсов бассейна р. Алей», этим постановлением был утвержден постоянно действующий Комитет по Алею. Конечно, этот Комитет начинал работу на общественных началах, в него вошло 28 человек, председателем объявлялся секретарь крайкома партии, заместителем — зам. председателя крайисполкома (В. И. Овчинников и И. С. Процюк), а научными руководителями — А. М. Малолетко и Ю. И. Винокуров. Однако для обоснования и подготовки Генеральной схемы комплексного использования и охраны природных ресурсов (на чем категорически настоя-

ла Рубцовская конференция декабря 1976 года) была создана комплексная научная экспедиция при университете (на хоздоговорных началах с Алтайгипроводхозом). Таким образом, на первых порах была подготовлена материально-финансовая помощь. Спустя некоторое время Алтайский крайисполком принял решение «О мероприятиях по охране природы в 1978–1980 гг.» (№ 169 от 30 мая 1977), и Комитет принял формально признанный статус.

Постоянный комитет сосредоточил работу по двум основным направлениям: 1) разработка и осуществление текущих мероприятий по охране природы и рациональному природопользованию в бассейне р. Алей; 2) научное обоснование составления генеральной схемы комплексного использования и охраны природных ресурсов бассейна реки Алей. При комитете были созданы семь рабочих комиссий. За летний полевой сезон четыре отряда провели подробные исследования бассейна в геоботаническом, гидрохимическом, зоологическом направлениях, а также были выбраны ключевые участки для режимных наблюдений за природными процессами и проведения оценки природных комплексов (ландшафтный аспект проблемы). Один из отрядов провел исследования по специально разработанной программе «Гидрохимический режим бассейна реки Алей» (автор – действительный член Географического общества старший инженер А. М. Языков). Программа состояла из четырех глав. Глава 1: «Природные условия». Указано, что природные условия являются «ареной», на которой происходит формирование химического состава воды. Глава II – «Методика работ». Глава III – «Гидрохимия бассейна р. Алей». Здесь излагаются основные принципы изучения изменения химического состава самой реки и ее притоков с верхнего до нижнего течения. Глава IV – «Современное использование и санитарно-гигиеническое состояние поверхностных вод бассейна р. Алей». По результатам исследования предложены были рекомендации[1] по обследованию объектов, загрязняющих р. Алей.

Комитет не только заседал, но и работал, начинал действовать. На пленарном заседании в декабре 1977 года рассматривался вопрос о выполнении мероприятий по охране водных ресурсов бассейна, заслушаны были председатели горисполкомов Рубцовска и Горняка.

[1] ТААФ, папка «Материалы...» – декабрь 1979). Большую работу провела санитарно-гигиеническая комиссия (ответственный В. И. Носков).

Проведенные работы следует рассматривать как подготовительный этап, как базу для оценки существующей ситуации с состоянием и использованием природных ресурсов, выявления отрицательных последствий, обоснования сбалансированной эксплуатации природы с учетом сохранения естественных взаимосвязей, проектирования биологических высокопродуктивных комплексов на основе законов развития, восстановления и воспроизводства природной среды. (Во второй половине 1980-х годов была закончена Генеральная схема комплексного использования и охраны природных ресурсов бассейна р. Алей, за нее отвечал действительный член Общества В. Л. Тросс. По некоторым проблемам подготовлены проекты, ТЭО. Хотя «Комитет по Алею» формально уже не входил в структуру Общества, эта тема не сходила с повестки дня филиала.)

Работа Барнаульского отдела по формированию Комитета по Алею и его практическая деятельность еще более подняли авторитет членов Географического общества. Его представители официально, именно как члены Общества, были включены в Совет экономического и социального развития при Алтайском крайкоме КПСС (А. М. Малолетко, Ю. И. Винокуров, С. М. Попкова), и сам совет был создан по инициативе отдела: его члены приняли участие в составлении народнохозяйственного плана на XI пятилетку в разделе охраны окружающей среды. Члены Географического общества приняли участие в работе депутатских комиссий Барнаульского городского и Алтайского краевого Советов народных депутатов в качестве экспертов и советников. На заседаниях постоянной комиссии по охране природы рассматривалось выполнение мероприятий при строительстве Коксохима — директивной стройки X пятилетки. Рекомендации, подготовленные Ю. И. Винокуровым и Н. С. Попковым, были положены в основу решения комиссии «О соблюдении закона по охране природы при строительстве Алтайского коксохимического завода» (№ 2, от 20 марта 1978).

Барнаульский городской комитет КПСС пошел навстречу инициативе отдела о разработке для Барнаула концепции по охране окружающей среды города. Уже на заседании совета отдела 15 февраля 1977 года Ю. И. Винокуров доложил, что городским руководством поддерживается эта идея, и Географическому обществу было предложено возглавить подготовку научной конференции по про-

блемам охраны окружающей среды, разработать рекомендации, обсудить пути решения некоторых задач.

Дело в том, что в 1975 году Совет министров СССР принял постановление «О мерах по развитию в 1976–1980 гг. городского хозяйства г. Барнаула», поэтому конференция должна была способствовать выявлению и мобилизации сил на выполнение комплекса мероприятий по созданию санитарно-защитных зон, введению систем оборотного водоснабжения и очистных сооружений. Тогда же был сформирован оргкомитет, а ответственным за конференцию назначен В. С. Арефьев. Через три месяца В. С. Арефьев докладывал, что подготовка осложняется «сторонней» позицией секретаря горкома В. И. Ланцова, что не поступают деньги от заводов по счетам на проведение конференции, нет возможности готовить тезисы. Совет предпринял новые «переговоры», были подготовлены основные доклады, разработаны рекомендации, разослана тематика для выступающих.

Сама конференция состоялась в июле 1977 года, вышли тезисы под общим названием «Проблемы охраны окружающей среды в свете решений XXV съезда КПСС» (Барнаул, 1977. 200 с. 500 экз.). Соорганизаторами данной конференции явились также Общество охраны природы, научно-техническое общество стройиндустрии и Дом санитарного просвещения. Это говорило о том, что совет Барнаульского отдела Географического общества не замыкался в узкие рамки только своих интересов, находил поддержку широких интеллектуальных кругов. Интерес к конференции объяснялся не только тем, что в ее рамках был рассмотрен ряд практических подходов при решении отдельных градостроительных задач и проблем городского хозяйства Барнаула (в этом отношении данная конференция значительно расширила круг тем против более узкой проблематики конференции 1971 года по озеленению городов), но и более широкой постановкой научных проблем охраны природы, санитарной оценки окружающей среды, использования и охраны природных ресурсов. И это правильно: Географическое общество не может брать на себя решение практических задач, однако дать научные рекомендации по экологическим проблем урбанизации на современном этапе развития общества, разработать проблему в социально-экономическом аспекте, предложить научные обоснования отдельным проектам оно может. Поэтому в докладах и выступлениях председате-

ля горисполкома А. И. Мельникова, ученых и экспертов Ф. А. Сибиркина, И. И. Сопко, А. М. Малолетко, Ю. И. Винокурова, В. С. Арефьева, С. М. Попковой, А. П. Долнакова, Е. В. Переладовой, В. С. Осьмушкина звучала обоснованная тревога за судьбу окружающей среды города Барнаула.

В современных условиях стала обнаруживаться двухсторонняя зависимость между развитием общественного производства и состоянием окружающей среды. Сочетание богатых природных, исторических и социально-экономических предпосылок выдвинуло Барнаульский территориально-промышленный комплекс в число важнейших в стране. Это крупный промышленный центр, на его долю к середине 1970-х годов приходилось до 40% валовой продукции промышленности края. Барнаул в те годы был четвертым по численности населения городом Западной Сибири. Население быстро росло, его интенсивный рост во многом определялся значительным развитием производительных сил города, что являлось прежде всего следствием его выгодного экономико-географического положения. Географическая среда оказала особое влияние на развитие Барнаула. И обратное явление: город вызывает негативные изменения почти во всех компонентах окружающей среды: загрязняет атмосферу, изменяет состав поверхностных в подземных вод (об этом особенно ярко говорили Ю. Н. Акуленко, Н. А. Колчин, М. И. Рыжковский), ухудшает микроклимат, вызывает усиленную эрозию, отрицательно сказывается на развитии растительного и животного мира (предложения Б. В. Булгакова, Э. И. Ирисова, И. В. Верещагиной, А. И. Сизикова).

Известно, говорили участники конференции, что Барнаул расположен на берегу р. Оби, однако не имеет выхода к реке, не «раскрыт» к ней. Основным недостатком планировочной структуры и общей пространственной композиции города является то, что город оказался отрезанным от реки полосой промышленных предприятий, расположенных в береговой зоне. Река используется утилитарно, как транспортная артерия. Малые же реки — Барнаулка и Пивоварка — могли бы стать украшением города и теми элементами, что организуют городской ландшафт. Но в настоящее время они являются местом сброса производственных вод промышленных предприятий. Хуже того, даже выделенные по плану средства на защиту окружающей среды систематически не осваиваются. Из 12 запланированных к вводу водосточных и канализационных сооружений в 1976

году сдано в эксплуатацию только 5. Антисанитарное состояние рек в городе, хаотическая застройка берегов и отсутствие организации ландшафта создают дискомфортные условия городской среды.

Научно-практическая конференция выработала рекомендации, горком КПСС их одобрил. Было подчеркнуто, что для реализации основных направлений развития общественного производства города Барнаула необходимо дальнейшее планомерное проведение широкого комплекса работ по градостроительному, промышленному, гидротехническому, транспортному и другим видам проектирования. Необходимы социальные изыскания, исследования, проектные разработки, которые должны выполняться силами специализированных организаций. Указывалось, что в основу их должно быть положено соблюдение принципиальных положений, которые заключаются в том, чтобы развитие производства и размещение производительных сил происходило во взаимной связи с комплексными преобразовательными мероприятиями по охране, восстановлению и преобразованию природной среды. Но чтобы осуществить эти работы в сравнительно короткие сроки и с минимальными затратами, необходима разработка единого научно-технического проекта, четкое распределение задач и хорошо поставленная система управления. Конференция предложила создать в городе Барнауле научно-координационный совет по развитию производительных сил, реконструкции производства, охране, воспроизводству и комплексному использованию природных ресурсов Барнаульской агломерации.

Большим научным содержанием отмечено заседание № 5 совета Барнаульского отдела 26 января 1978 года. Оно было расширенным, совместным с президиумом краевого совета Общества охраны природы, лабораторией экологии и рационального природопользования, кафедрой Политехнического института и сектором науки краевого комитета народного контроля. На заседании присутствовало 30 человек: научные работники, ученые, хозяйственные руководители, партийные работники краевых учреждений. Повестка дня была сформулирована так: «Современное состояние, охрана и перспективы рационального использования сырьевых ресурсов озер Кулундинской степи»[1]. Основной доклад сделал Н. И. Пашинин, внештатный инспектор краевого комитета народного контроля,

[1] ТААФ. Д. № 31-631 «Протоколы заседаний советов отдела». Барнаул, 1977

ученый из Политехнического института. Выступали также Н. П. Данилов — начальник производственно-технического отдела Кучукского сульфатного завода, Е. Я. Менделя — старший геолог Нерудной геологической партии, В. П. Соловов — заведующий озерно-речной лабораторией, В. Л. Рымарь — заместитель председателя правления Химического общества им. Менделеева, А. М. Лебедев — сотрудник комитета народного контроля, А. И. Буров, А. М. Малолетко, С. М. Попкова, Г. В. Коробкова. Председательствовал на объединенном совете председатель Барнаульского отдела Географического общества Ю. И. Винокуров.

Отмечалось, что положение с охраной сырьевых ресурсов минеральных озер Кулундинской степи и особенно с их использованием сложилось серьезное. Крупнейшим сульфатным месторождением в стране до сих пор были озера Кучук и Кулундинское (более 500 млн т солей). Кроме того, в нашем же крае, в Бурлинско-Яровской системе озер, запасов солей достаточно на срок более чем в 50 лет — при объеме добычи, превосходящей в 3 раза действующий солепромысел. Затем, есть еще соли Михайловского месторождения, их значительно меньше, но при комплексной переработке запасов может хватить на 30 лет работы. Возможны перспективы открытий новых запасов. Но дело в том, что технологии переработки запасов несовершенны, происходят большие потери различных компонентов. В те годы Кучукский сульфатный завод производил 340–350 тыс. т сульфата натрия, 23–28 тыс. т сернистого натрия, более 2 тыс. т брома. Налаживалось производство сульфата калия объемом в 120 тыс. т, а в перспективе — до 700 тыс. т. Было прекращено производство хлористого натрия и магния; исследуется производство поваренной соли на 100 тыс. т, поскольку из сульфата калия не получается сорт «Экстра». Нецелесообразно увеличивать и производство брома, так как к концу века его запасы будут исчерпаны.

Отмечалось, что комплексного использования минерального сырья не ведется, существует ведомственная разобщенность, галургического объединения в крае нет. Хуже того, вызывает большую тревогу охрана окружающей среды. Наибольшую опасность представляет пылеунос сульфата натрия с озера Селитренного, загрязняющий атмосферу в районе жилпоселка и промплощадки Кучукского завода. Пылеунос способствует интенсивному засолению земель Благовещенского района, из оборота практически выпада-

ет более 20 тыс. га земель. Одновременно с тем периодическое накопление сточных вод в озере Кривом вызывает подъем уровня грунтовых вод. Озера Большое Яровое и Кучукское интенсивно загрязняются промышленными отходами самих же химических заводов и бытовыми сточными водами. На заводе есть очистные сооружения, но маломощные, промышленные стоки нейтрализуются слабо.

Особое внимание участники объединенного заседания обратили на перспективы озерной системы, вмешательство человека в кругооборот природы, которое грозит через 20–50 лет глобальными изменениями природной среды. В уже теперь заметном нарушении экологического равновесия виноваты эксплуатационщики, они пошли по наиболее легкому пути — извлекают сульфат натрия и бром из рапы, которую возвращают обратно в озеро, но донные отложения не используют. В результате гидрохимический режим Кучукского озера резко изменяется. Все это может погубить месторождение в обозримом будущем, так как образуется корка тенардита, покрывающая пласт мирабилита. Предлагалось сбрасывать рапу из озера Кучукского в садочные бассейны озера Кулундинского и удалять избыток поваренной соли.

Такая же картина и на озере Большом Яровом. Там после извлечения брома отработанные рассолы сбрасывают вновь в озеро, поэтому концентрация его снизилась до пределов, ниже которых дальнейшее извлечение его экономически невыгодно. Однако при комплексной переработке эксплуатация возможна в течение длительного времени. Внедрение комплексной переработки необходимо прежде всего для сохранения месторождений, ибо нельзя забывать о бальнеологическом значении минеральных озер.

На совете обсуждались экономические и технические проблемы. В результате обмена мнениями выявились три аспекта рассматриваемой проблемы: сохранение и рациональное использование сырьевых ресурсов (технолого-экономический аспект), охрана окружающей среды в зонах производственной деятельности (научно-практические задачи) и дальнейшее изучение озер и минеральных богатств степной части края (научные исследования, прогноз). Поэтому было предложено создать отдельную группу в составе Лаборатории экологии и рационального природопользования СО АН СССР для изучения минеральных озер. Работу необходимо координи-

нировать, ибо в процессе изучения этой проблемы окажется, что одни месторождения надо взять под контроль, другие оставить (так как мелкие озера эксплуатировать нерационально), третьи — законсервировать. Необходимы технико-экономические обоснования. Во всяком случае, уже теперь надо прогнозировать изменения природной среды. Комитет народного контроля принял рекомендации объединенного заседания совета Барнаульского отдела для практических решений, включив их в планы своей работы.

Обсуждаемая проблема получила большой общественный резонанс, хотя не было широкой конференции. В газете «Правда» от 21 ноября 1978 года (№ 325) была опубликована большая статья собственного корреспондента В. Сапова под названием «Из солонки — по щепотке». Всесоюзный читатель «вдруг» узнал, что на территории Кулундинской степи сосредоточены значительные запасы минеральных солей, целая соляная страна — площадью больше 500 кв. км. Ее богатства — мирабилит, поваренная соль, хлормагниевые растворы, бром и многое другое. Сложность ситуации в том, что производство и потребление извлекаемых из озер минеральных солей находится в ведении разных организаций: Союзхлор, Бурсоль, Союзсода. По существу, у огромной кулундинской «солонки» ныне нет единого хозяина. Каждый, кто захочет, берет из нее по щепотке. Потребовался, например, Славгородскому химзаводу бром — стали извлекать из озера Большого Ярового; появилась специализированная организация — свернули производство. Каков же выход? Корреспондент ставит проблему широко: специалисты (он ссылается на заседание совета отдела) считают, что необходимо создать в системе Министерства химической промышленности объединение галургических предприятий, чтобы оно занялось проблемой изучения и эффективного использования ресурсов соляных озерных месторождений. Для этого надо разработать замкнутые безотходные технологические процессы, обеспечивающие комплексное извлечение и переработку солей на основе комбинирования бассейнового и заводского способов. Озерным месторождениям Кулунды нужны более глубокие технико-экономические обоснования, но ими никто не занимается. Не так давно была здесь Славгородская соляная станция, она сыграла главную роль в рождении химпредприятий. Почему бы не организовать на Алтае научно-галургическую лабораторию или даже филиал исследовательского института?

Интересы дела требуют более пристального внимания к этим месторождениям межведомственного научного совета по комплексным проблемам охраны окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов при Госкомитете СССР по науке и технике. Но не будет преувеличением сказать, что этим заседанием и рассмотрением насущных проблем, стоящих перед движением за охрану природы, Барнаульский отдел полностью отвечал тем задачам и целям, что определились в п. 3 устава Общества, а именно: «активное участие в строительстве коммунизма в СССР путем всемерного содействия развитию советской науки, широкого привлечения ученых и практиков, работающих в области географических наук, к разрешению теоретических и практических задач, стоящих перед нашей страной». Отдел определялся как научно организованное общество.

Еще одним свидетельством возросшего значения Общества и его признания как со стороны общественности, так и со стороны государственных органов является предоставление отделу права экспертизы некоторых объектов мелиоративного строительства. На заседании совета отдела 15 февраля 1977 года Ю. И. Винокуров сообщил, что трест «Алтайводстрой» предлагает осуществить экспертизу ряда проектов на соответствие их требованиям охраны природы при строительстве и эксплуатации. Трест готов заключить договоры и оплачивать экспертизу, им нужна сторонняя, независимая оценка проектов. Председатель отдела горячо рекомендовал не отказываться от предложения, Общество должно взять на себя экспертизу, чтобы влиять на охрану природной среды. По выполнении проекта будут поощрения, например в виде творческой командировки для работы в библиотеках центра, в виде туристских путевок на экскурсию по городам «Золотого кольца» и т. п. Возможны поощрения в виде вознаграждения (заработка), но это менее желательно. Нас, видимо, могут обвинить, мы организация общественная. Обсуждение было деловым, члены совета А. С. Оберт, Ю. Н. Акуленко, Ф. С. Бояринцев выдвинули возражения: как сочетать поощрения без зарплаты с ответственной работой эксперта, с затратой его сил, знаний, в свободное от основной работы время. Надо найти законодательные обоснования. Было решено, что первый проект возьмет на себя Ф. С. Бояринцев, подберет необходимых специалистов по разделам проекта: финансистов, гидрологов, агрохими-

ков, гидрогеологов, которые выполнят проект, и этот черновой набросок затем надо будет обсудить и сделать основным положением об экспертизе Географического общества. А после того, как распоряжением Алтайского крайисполкома № 75-Р от 2 марта 1977 года и подтверждением Управления мелиорации и водного хозяйства крайисполкома (№ 1-256-9 от 31 мая 1977) Барнаульскому отделу Географического общества было официально поручено проведение экспертизы проектов и смет на водохозяйственное и мелиоративное строительство, дело встало на практические рельсы. Оговорено, что экспертиза проектов и смет должна проводиться с целью рационального и комплексного использования природных ресурсов и их охраны от истощения и загрязнения и контроля за качеством проектирования, внедрением в производство новейших научно-технических достижений. И вот уже на заседании президиума совета отдела 14 июня была утверждена «Памятка эксперта», рассмотрены предложения и утверждены денежные и другие виды поощрения — командировки, экспедиции, оплата за оформление рукописей и т. п. Решено оплату за составление заключения по отдельным пунктам проекта довести до 12–13 рублей, за составление экспертом заключения по разделу проекта — до 25 рублей, за руководство экспертизой (т. е. связь с экспертами, подготовку общего заключения, доработку и внесение изменений и т. п.) предусмотреть выплату по 37 рублей за каждый проект. Ю. И. Винокуров указал, что при расчете руководствовались «Инструкцией» Госстроя СССР и Госкомитета по науке и техники С. Н. 213-73, 1974 года. Тогда же был утвержден ответственный за проведение экспертизы проектов, им стал член президиума Ю. Н. Акуленко.

На заседании № 11 президиума совета отдела 12 сентября состоялось слушание заключения первых экспертиз проектно-сметной документации института Алтайгипроводхоза. По докладу Ю. Н. Акуленко утвердили заключения на первые шесть объектов: это Павловская опытная станция, участок № 3–1 совхоза Новоалтайский, его же участок № 3–2, объекты совхоза Свободный Родинского района, участок № 3 совхоза «Угреневский» Бийского района и объекты Павловского совхоза-техникума. Однако надо заметить, что первый опыт работы группы экспертов показал, что для повышения качества экспертиз проектов необходимо провести дополнительные организационные мероприятия. Были изучены юридиче-

ские документы, подработаны правила, памятка и положения, привлечены специалисты санэпидемстанции, рыбного хозяйства, лесного ведомства.

Был более строго очерчен круг проблем при оценке экспертами проектов. Среди них: 1) соответствие проектов годовым и перспективным планам развития народного хозяйства, схемам развития и размещениям производительных сил в крае и технико-экономическим обоснованиям проектирования и строительства объектов; 2) прогрессивность сооружений в сравнении с показателями лучших объектов; 3) обеспечение рационального использования природных ресурсов — земель, вод, лесов, других природных богатств, соблюдение правил и норм по рекультивации земель; 4) наличие и эффективность мероприятий по охране природы, исключающих загрязнение водоемов, почвы и подземных вод. Поэтому ввиду большого объема работ было решено разделить функции ответственного организатора: Ю. Н. Акуленко возглавил научно-методическое руководство экспертизой проектов, а организационную часть поручили А. Ф. Волкову. Кроме того, решено было с 1 октября 1977 года Акуленко и Волкову установить поощрение по 50 рублей в месяц (не за проект)[1]. Экспертизы проектов членами Географического общества оказали положительное влияние при решении о строительстве водохозяйственных и мелиоративных сооружений. Здесь мы уделили внимание именно началу, становлению экспертного дела при отделе, чтобы обратить внимание на то, как было нелегко утвердиться, найти в те годы законное обоснование подобной хозяйственной деятельности в рамках общественной организации. В настоящее время это делается просто, создаются научные кооперативы или ассоциации.

Организация экспертизы, как и некоторые другие дела, это примеры прямого влияния, можно сказать — врастания отдела в народно-хозяйственные проблемы краевого значения. Но отдел не превратится в подотчетную организацию государственного учреждения. И хотя его благополучие (финансовая сторона) во многом зависела от заказов на экспертизу, отдел остался общественным объединением. С экспертизой проектов мы приобрели действительно хорошую, свою, прочную финансовую поддержку. Не упускались при

[1] См. решения: ТААФ. Д. 31-631 «Протоколы заседаний президиумов по экспертизам проектов»: д. 46-060, здесь 45 дел за 1979 г.

этом другие функции Географического общества, работал лекторий, велась пропаганда географических знаний по телевидению (передача «Край родной» основана Барнаульским отделом), созывались научные конференции, организовывались экспедиции.

Одним из серьезных и интереснейших научных мероприятий Барнаульского отдела стала конференция, посвященная 250-летию горного производства в Алтайском крае. (Была реально осуществлена неудавшаяся попытка Бийского и Новокузнецкого отделов.) Конференция проходила 24–25 февраля 1977 года в лекционном зале краевой библиотеки. Тема ее была одобрена Алтайским краевым комитетом КПСС и поддержана Советским национальным объединением историков естествознания и техники АН СССР, а соорганизаторами выступили краевое отделение Общества охраны памятников истории и культуры, правление Горного НТО. Широкие связи и деловые контакты обеспечили высокую научную эффективность конференции. В Извещении сообщалось, что на обсуждение выносится три темы. 1. «История горного производства на Алтае», в содержание этого направления входили следующие проблемы: историко-археологические сведения о горных разработках народа „чудь“; освоение Алтая русскими; начало горного дела; история исследования края; социально-экономическое развитие Колывано-Воскресенского горного округа, положение трудящихся, классовая борьба, общественные движения, развитие культуры; выдающиеся новаторы горного дела; охрана памятников горного производства. 2. «Геология и горное дело Алтая», в содержание данного направления предлагались темы: История горно-геологических исследований; развитие горного дела и горного производства; разведка, поиски и оценка полезных ископаемых. И третье направление, «Современное состояние и перспективы развития производительных сил Алтайского края», содержало такие проблемы: богатства недр — на службу коммунизму; пути повышения эффективности капитальных вложений в горное дело и разведку полезных ископаемых; развитие производительных сил на современном этапе (по основным направлениям народного хозяйства); проблемы создания горно-промышленного заповедника и туристского комплекса; рациональное использование природных богатств.

Проблематика конференции охватывала очень широкий круг тем, касалась интересов исследователей и краеведов многих про-

фессий. Однако оргкомитет (Ю. Н. Акуленко — ответственный за подготовку, А. М. Малолетко — председатель редакционной коллегии, А. Д. Сергеев — ответственный за подготовку и издание тезисов) счел возможным и правильным расширить разделы в тезисах конференции и тем самым еще более разнообразить саму конференцию в рамках объявленной темы. Тезисы докладов конференции «250 лет горного производства на Алтае» (Барнаул, 1977. 140 с. 500 экз.) состояли уже из четырех разделов: «Памятники древности и методы исследования» — 6 статей; «История изучения Алтайского горного округа» — 8 статей; «Социально-экономическое развитие Алтайского округа» — 10 статей»; «Горное дело, геология, география» — 15 статей, а также был включен раздел «Рецензия». Книга тезисов напоминала сборники «Известий», которые издавал некогда Алтайский отдел.

На конференцию собралось свыше ста человек, приехали делегаты из Новосибирска, Усть-Каменогорска, Красноярска, Томска, из городов и районов края, из Горно-Алтайской автономной области. Был заслушан и обсужден 21 доклад. Среди участников конференции оказались ученые, практические работники, учителя, геологи, студенты, музейные работники, служащие учреждений культуры, краеведы. Содержание работы конференции хорошо отражают опубликованные тезисы, здесь же хотелось бы отметить одну из проблем, поставленных предыдущей конференцией по археологии и краеведению Алтайского края (1973 год): сохранение исторического наследия, памятников истории и культуры, историко-ландшафтных объектов. Эта тема звучала в выступлениях В. Б. Бородаева, Т. М. Степанской, А. Д. Сергеева, А. П. Долнакова. Была поставлена задача создания на основе сохранившихся остатков заводских поселков XVIII столетия — в Барнауле, Павловске, Змеиногорске, Колывани, а также в Сузуне — историко-культурного заповедника горной мануфактуры, а на его основе — туристского комплекса. Из сохранившихся в Барнауле зданий и сооружений эпохи классицизма должен быть признан памятником не какой-то один объект, а весь архитектурный ансамбль, который они создают. Единая композиция включает Старую площадь (ныне площадь Свободы), Петропавловскую улицу (ул. Ползунова), заводской двор (территория спичечной фабрики), площадь с обелиском (Пионерская площадь)[1] со все-

[1] С 1992 г. — Демидовская площадь *(примеч. ред.)*.

Барнаул, ул. Ползунова. Бывший инструментальный магазин и здание Канцелярии Колывано-Воскресенского завода. Фото 2008 г.

Барнаул, ул. Ползунова. Здание бывшего инструментального магазина (арх. А. И. Молчанов) и часть ограды с портиками (арх. Я. Н. Попов). Фото 2016 г.

ми зданиями по ее периметру, а также планировочную градостроительную сеть старой части города. Теперь, в условиях интенсивного развития города, задача заключается в том, чтобы в процессе реконструкции исторического ядра Барнаула была бы образована пла-

Демидовская (бывшая Пионерская) площадь. Фото 2021 г.

Здание бывшего Горного училища. Демидовская площадь, угол ул. Пушкина. Фото 2021 г.

нировочно-пространственная среда, в которой исторические сооружения и их группы стали бы неотъемлемой частью сложившейся и развивающейся застройки. Указывалось, в частности, что именно отсутствие зон особого режима реконструкций и охранных зон архитектурных памятников уже привело к градостроительным ошибкам в застройке Пионерской площади: возвели корпус издательства «Алтайская правда» и здание Запсибгипрозема. Они сразу нарушили стилевое единство и масштабность уникального градостроительного ансамбля второй четверти XIX столетия.

Площадь Свободы. Фото 2021 г.

Оказывается, как говорил в своем выступлении А. П. Долнаков, что такие уникальные сооружения, как здания 1-й и 2-й плавильных фабрик Барнаульского сереброплавильного завода, здание важни и ряд других, не состоят на учете как памятники, на них нет охранных документов. В то же время ясно, что если сохранившиеся корпуса плавильных фабрик останутся в таком же состоянии (т. е. занятыми под технологию спичечного производства[1]), то через 3–5 лет мы станем свидетелями их исчезновения. Этого допустить нельзя.

Конференция выработала ряд предложений и обратилась в соответствующие органы за помощью. Участник конференции кандидат геолого-минералогических наук, старейший краевед Алтая (делегат Красноярска) Ф. Б. Бакшт внес предложение составить ка-

[1] Спичечная фабрика в помещениях бывшего сереброплавильного завода была закрыта в 2001 г. Восстановление построек и благоустройство территории предусмотрено в рамках создания туристического кластера «Барнаул — горнозаводской город» *(примеч. ред.)*..

Барнаульский сереброплавильный завод. Важня (весовая). Фото 2017 г.

Барнаульский сереброплавильный завод. Вторая плавильная фабрика. Фото 2016 г.

дастр памятников по истории горного дела, «предпринять шаги» по выявлению первооткрывателей месторождений полезных ископаемых и увековечить их имена, а также создать целенаправленный

Барнаульский сереброплавильный завод. Кузница. Фото 2017 г.

фонд из бюджетов местных Советов (где есть памятники горного дела) «для выполнения научно-исторических, архивных и экпедиционных изысканий и для усиления пропаганды истории освоения Алтайского края»[1]. Вскоре управление культуры крайисполкома и барнаульский горисполком «предприняли шаги»: уникальные здания были взяты на республиканский учет как памятники истории, была утверждена охранная историческая зона города (от улицы Анатолия до р. Барнаулки, до подножия горы). Такую действенность можно только приветствовать.

В марте 1978 года прошла научно-методическая конференция «Оптимизация школьной географии», подготовленная секцией школьной географии. Она готовилась долго, неоднократно откладывалась, согласовывалась с органами народного образования, где почему-то прохладно относились к возможностям нашего Общества. Тем не менее конференция вызвала интерес, на ней были об-

[1] ТААФ, папка «Материалы конференции 250 лет горного производства».

суждены как общие, так и частные проблемы географии и педагогики школьного воспитания: 1) активизация познавательной деятельности учащихся; 2) использование технических средств обучения; 3) роль учебного комплекса (кабинета) в преподавании географии; 4) формы внеклассной работы по географии; 5) природоохранительное воспитание учащихся в процессе обучения; 6) краеведческий принцип в преподавании географии; 7) организация фенологических и метеорологических наблюдений в школе. Конференция прошла успешно, были приняты рекомендации, подготовлены тезисы. Отдельно были приняты рекомендации к распространению опыта учителя Ю. Лебедева по оборудованию кабинета географии техническими средствами. Его кабинет стал средоточием учебной и внеклассной работы, своеобразной творческой лабораторией. Здесь были созданы условия для оптимизации трудовой деятельности учителя и учащихся, была возможность применять различные методы обучения, обеспечивался краеведческий подход. Ю. Лебедев разработал альбом «Географический кабинет» (на его оформление отдел выделил финансовую дотацию). Тогда же был обсужден и одобрен опыт преподавания географии учительницы школы № 31 М. Г. Катушонок, позднее подготовлен и издан буклет «Формирование приемов умственной деятельности учащихся — основной путь повышения познавательной активности и самостоятельности в обучении». Данная конференция явилась последним мероприятием в рамках самостоятельно существующего Барнаульского отдела Географического общества, через несколько дней был создан филиал.

Первое и единственное годичное собрание Барнаульского отдела состоялось ровно через год после его образовании — 28 апреля 1977 года. В повестку дня вошло: 1) вручение членских билетов; 2) информация о работе отдела; 3) об итогах XXIII международного конгресса географов и перспективах научных работ Барнаульского отдела; 4) награждения. Каждый член Общества получил извещения о собрании, оно тщательно готовилось, на нем в торжественной обстановке были вручены членские билеты вновь принятым в Общество. В отчетном докладе (А. Д. Сергеев) говорилось о годичной работе совета отдела и всего Общества; был сформирован и потом осуществлялся план издательской деятельности; рассмотрены и утверждены техника лекций для массовой пропаганды геогра-

Чиновники горного правления Иван Черницын и Дмитрий Левзин.
Рисунок А. Д. Сергеева. Из фондов ГААК.

фических знаний, план проведения научных конференций. Большая работа была проведена по укреплению отдела, в частности его финансового положения. Было доложено, что на 1 января 1977 года на счете отдела в госбанке было 5360 рублей. Состоялись заседания секций, прошли конференции, через центральное Географическое общество издан сборник статей, подготовленный секцией медицинской географии — «География природноочаговых болезней Алтайского края». Было отмечено, что наш отдел встречает очень хорошее понимание со стороны руководителей партийных и советских органов, все наши начинания поддерживаются. В прениях выступили Ю. Н. Акуленко, Ф. К. Добрынина, В. С. Арефьев, И. И. Сопко, А. М. Малолетко. Представитель крайкома КПСС, действительный член Общества И. И. Сопко, например, отметил положительный характер работы отдела и предложил составить тематический план работы отдела, предусмотреть в нем индивидуальные интересы членов Общества и довести этот план до каждого члена, вклю-

Алтайское отделение Русского географического общества (фото середины 1980-х гг.). Стоят, слева направо: Юрий Иванович Винокуров, Алексей Дмитриевич Сергеев, Виктор Семенович Ревякин, Валентина Семеновна Сергеева, Анна Дмитриева; сидит второй справа В. В. Цыбульский.

чить в деятельность Общества каждого его члена. Он посоветовал президиуму более критически относиться к работе[1].

С большим докладом о современном состоянии географических наук выступил Ю. И. Винокуров (он, а также В. С. Арефьев, А. М. Малолетко, В. С. Осьмушкин были делегатами на XXIII международном географическом конгрессе). Он отметил, что особую тревогу конгресса вызвала проблема охраны природы и рационального использовании природных ресурсов, она звучала во всех докладах делегаций СССР, Японии, ФРГ, США, Англии. Географическая наука должна сыграть большую роль для практики общечеловеческой деятельности. География является интегрирующей наукой и по природе своей занимает место на стыке естественных и общественных наук. Разработка теоретических проблем, определение новых задач географической науки в эпоху интеграции различных отраслей знаний приобретает первостепенное значение. Вместе с тем

[1] См. протокол: ТААФ, д. 32-631 «Материалы годичного собрания 26 апреля 1977».

Авторы «Алтайского сборника» (выпуск XVIII), участники презентации. Алтайский государственный краеведческий музей, 1997 г. Слева направо: В. А. Скубневский, А. В. Добрикова, четвертый — А. А. Колесников, пятая — О. В. Падалкина, К. Н. Метельницкий, А. Д. Сергеев. Справа налево: В. С. Олейник, И. Н. Никулина, Т. К. Щеглова, за ней А. Б. Шамшин, рядом с ней А. А. Тишкин, за ним справа В. Н. Шайдуров. Из личного архива О. В. Падалкиной.

докладчик вынужден обратить внимание, что четкого представления о соотношении географии и экологии, о геосистемах и экосистемах пока нет, они разноречивы, в эти понятия вкладываются разные компоненты. Важнейшая же проблема современности — наблюдение, контроль и управление окружающей средой — не может ограничиваться экономическим взаимоотношением природы и «человека вообще», а распространяется на взаимоотношение общества с природой в конкретных социальных системах. Поэтому и у нас уделяется все большее внимание комплексному использованию природных ресурсов, с таким воздействием на природные комплексы, которое способствует целесообразному их преобразованию в интересах человека и общества.

Усилия географов должны быть направлены на изучение природных географических систем, причем не только для их всесторонней инвентаризации, но также ради глубокого проникновения в сущность и функционирование геосистем, в целях исследования их взаимодействия с техническими устройствами и различными ви-

дами человеческом деятельности. Необходима также всесторонняя производственная и экологическая оценка этих комплексов, оценка с точки зрения возможности и целесообразности инженерного, сельскохозяйственного, рекреационного и других видов освоения, а также мелиоративного, медико-географического и экологического состояния. Отсюда Ю. И. Винокуров очертил задачи отдела так: наиболее важной и крупной проблемой на предстоящее пятилетие Обществу определена проблема охраны окружающей среды, повышения ресурсного потенциала.

В заключение Ю. И. Винокуров ответил на многочисленные вопросы. (Хотелось бы вернуть читателя к заседанию совета 7 апреля 1918 года, когда доклад о состоянии географической науки делал приват-доцент В. Ф. Добрынин. Разительные прогрессивные перемены произошли за минувшее время. Но стоит порадоваться, что сохранились традиции не только обсуждать сиюминутные дела и проводить «заседательские советы», а быть самими «делателями» науки, решать человеческие проблемы...) На том же собрании состоялось награждение от имени центрального Географического общества юбилейной медалью Н. П. Семенова-Тян-Шанского девяти активистов отдела. Среди них О. М. Топоров, член Общества с 1953 года, главный специалист Алтайгипросельхозстроя. Он работал по проблемам безотходного производства промышленных сельскохозяйственных предприятии и водного хозяйства. Написал книгу «Орошение на Алтае». В Барнаульском отделе он часто привлекался как консультант и эксперт по различным делам.

Среди «медалистов» — Галина Васильевна Коробкова, одна из тех, кто был в составе начального актива инициативной группы по созданию Барнаульского отдела. Она проводила (и проводит) много полевых исследований, опубликовала ряд статей на этой основе, в то время подготовила кандидатскую диссертация, область ее интересов — гидрологические расчеты, проблемы охраны малых рек края.

Ирина Викторовна Верещагина, кандидат биологических наук, она работала и работает в области цветоводства в Алтайском крае, написала много статей и книг, в том числе учебник для садоводов Сибири. Ирина Викторовна — член Географического общества с 1957 года, но кажется, что и родилась с этим званием: ведь она достойный наследник своего отца Виктора Ивановича Верещагина, од-

ного из старейших руководителей Алтайского отдела Географического общества с дореволюционных времен.

Юрий Николаевич Акуленко является активным членом Барнаульского отдела, кандидат геолого-минералогических наук. За последние годы опубликовал ряд крупных статей, была напечатана книга «Подземные воды Кулунды и их использование». К тому времени им написана монография «Основы мелиоративной гидрогеологии степной части Алтайского края», которая является основой будущей докторской диссертации. Юрий Николаевич — руководитель секции гидрогеологии нашего отдела.

Эдуард Андреевич Ирисов в недавнем прошлом был секретарем и председателем Алтайского отдела Географического общества в городе Бийске, способствовал работе барнаульцев. Он кандидат биологических наук, много написал статей и выпустил сборников, много сделал полезного по укреплению Алтайского государственного заповедника, много путешествует. Большую работу ведет как лектор нашего отдела. В те годы он состоял заместителем председателя Барнаульского отдела.

Анатолий Сергеевич Оберт, кандидат медицинских наук, с самого начала примкнул к инициативной группе и теперь руководит секцией медицинской географии. Он написал и издал большое количество научных статей, является редактором и составителем ряда специальных сборников, в том числе выпущенных секцией медицинской географии в центральном Географическом обществе. Он активно участвует в работе президиума и совета отдела.

С деятельностью этих людей и других активистов мы должны связывать успешную работу Барнаульского отдела.

Свое влияние отдел распространял на весь край, с его созданием в Рубцовске стала формироваться группа членов Общества, которая считала себя неотъемлемой частью отдела. Там члены Общества под началом активного краеведа К. Р. Севостьянова занимались проблемами изучения реки Алей, помогли отделу подготовить две научных конференции. Горно-Алтайский отдел держал постоянную связь с Барнаулом, большинство активистов Бийского отдела перешли в Барнаульский. И вот уже на заседании президиума 18 ноября 1977 года (на нем присутствовало 11 человек) А. М. Малолетко познакомил присутствовавших с протоколом общего собрания членов Горно-Алтайского отдела от 30 июля с предложением о формиро-

вании единого плана работы отделов. Доктор географических наук А. М. Малолетко свел эти предложения к созданию координационного совета отделов. Речь шла о совместных научных конференциях (в первую очередь о разработке единой, не дублирующей их тематики), о расширении издательской деятельности, выработке общей концепции деятельности Географического общества в Алтайском крае. Тогда было принято решение известить об этом же Алтайский отдел в Бийске[1].

Деятельность Барнаульского отдела неизбежно привела к необходимости создания филиала. По нашей просьбе Алтайский краевой комитет КПСС обратился в президиум Географического общества СССР и в Бюро сибирских и дальневосточных отделов и филиалов Общества с предложением создать на базе Барнаульского отдела Алтайский филиал, подчинив ему Алтайский (г. Бийск), Горно-Алтайский и Барнаульский отделы. Предварительное согласие было получено. В соответствии с уставом 10 апреля 1978 года состоялось общее собрание делегатов Барнаульского, Горно-Алтайского и Алтайского отделов на правах учредительной конференции по созданию Алтайского филиала. На собрании присутствовало 83 делегата и 30 гостей (председателем президиума избран Ю. И. Винокуров, ученым секретарем филиала — А. Д. Сергеев). Решением президиума Географического общества СССР № 4/379 от 16 мая 1978 года (протокол № 47) утверждено «создание на территории Алтайского края на базе Барнаульского отдела ГО СССР Алтайского филиала, подчинив ему Алтайский (г. Бийск), Горно-Алтайский (г. Горно-Алтайск) и Барнаульский отделы»[2]. Филиал, как считал крайком КПСС, был «необходим для концентрации усилий научной общественности, для активизации работ по изучению природных условий края, с целью разработки мер по рациональному использованию и охране ресурсов».

Рассмотренный в этой главе период почти в четверть столетия начинался с не лучших времен для всего краеведения и для отдела Географического общества в Алтайском крае. Но разрозненные патриоты-краеведы нашли в себе силы объединиться и на основе Устава Общества воссоздать отдел. Официальное возрождение отдела состоялось на основе незатухающего, непрекращавшегося раз-

[1] См. ТААФ. Д. 31-631 «Протоколы заседаний президиумов», 1977.

[2] ТААФ. Д. 2-103 «Переписка с ученым советом ГО СССР», 1977.

вития общественного краеведения. В Алтайском крае общественное краеведение имело особенно глубокие и прочные корни, его организации уже сотня лет. Наш филиал вышел из его лона и к моменту своего оформления уже представлял собой нечто вроде научно-исследовательского института на общественных началах. Это случилось в конце 70-х годов XX столетия.

Послесловие

От 1978 года, с момента создания новой формы нашей организации, прошло достаточно времени, чтобы филиал смог показать, на что он способен. Стал ли он очередной ступенькой в объединении научно-краеведческих сил, в формировании концепции и разрешении болевых проблем географической науки, краеведения, охраны природы, экологии? Оправдались ли надежды нескольких поколений наших предшественников, что изучение Алтайского края станет ведущей задачей научной и краеведческой интеллигенции, армии любителей, патриотов края?

Оглядываясь на последние годы, надо ответить отрицательно: в Алтайском филиале Географического общества не появилось новых форм работы, нет признаков свежих идей, предложений, подходов по формированию новых взаимоотношений с другими общественно- научными организациями. Обстоятельства изменились, требуют новой оценки. Алтайский филиал потерял приоритет, перестал быть основной научной организацией в общественном краеведческом движении. Надо признать, что Географическому обществу стало непосильно объединительное движение краеведения. Еще в середине 50-х годов, после восстановления отдела, и еще в 70-е годы можно было говорить о Географическом обществе как о ярком, если не единственном, научном краеведческом объединении. Позже появилось несколько других сильных обществ краеведного характера — экологический союз, социологические и экономические ассоциации, археологические ассоциации, объединения историков, наконец, Алтайская краевая краеведческая ассоциация. Не говоря о «старых»: Обществе охраны памятников истории и культуры, Обществе охраны природы. Как на это отреагировал филиал? Географическое общество должно было пересмотреть свои взаимоотношения к другим общественным организациям, особенно к обществам и ассоциациям краеведного содержания. Ни в действующем уставе, ни в проекте нового устава для IX съезда Географического общества (сентябрь 1990) нет ни строчки о взаимоотношениях с общественными движениями, в том числе с другими научными обществами в системе Академии наук. Географическое общество не должно

оставаться элитарным объединением (в нашем филиале несколько сот членов, а в Барнаульском его отделе не более двухсот). Или, скажем, так: не претендовать на всеобщность, всеохватность дел, выдвигаемых жизнью, практикой и наукой. Кажется, данная проблема является стержневой для современного понимания сути, духа, да и буквы понятия «Географическое общество».

Стало заметно, даже не стороннему наблюдателю, а заинтересованному в поддержании престижа Общества человеку (для оценки это значительно труднее), что примерно с 1988 года Алтайский филиал сдал свои позиции. Тут причины только субъективные, в этом вина как отдельных членов Общества, так и особенно (в первую очередь) — руководства филиала и его отделов. Неужели столетняя история близится к заключению?

«Потери», кажется, начались с момента создания филиала. (Парадокс: выходит, надо было объединиться, чтобы увидеть просчеты, недостатки? Диалектика исторической необходимости и свободы выбора оправдывает этот философский казус.) Уже в тот год Ю. И. Винокуров, докладывая о результатах XXIII конгресса географов, привез известия, что правительство СССР решило создать единый государственный Комитет по охране природы (на правах министерства), он будет координировать научно-исследовательские и практические дела. Что это такое? Мы такой вопрос не поставили, наоборот, продолжали увлекаться делами экспертизы, а также не только разработкой, но и осуществлением крупных комплексных программ. Не заметили, как измельчались научные темы многих конференций, как они стали узкопрофессиональными; не заметили, как отказались от старой и единой когда-то темы Алтайского отдела «Природа и природные ресурсы»; стала преобладать разбросанность научных интересов. Восторжествовал самотек и в руководстве отделов, формализовались заседания ученого совета филиала: Принимались все новые и новые решения, без анализа, без ожидания результатов. Совершенно неудовлетворительно была поставлена работа по привлечению новых членов Общества; однобокость и формальность отмечалась в подготовке телепередачи «Край родной». Плохая постановка издательской деятельности; отсутствие библиотеки и особенно библиографической работы; игнорирование возрождения деятельности секции учебной (школьной) географии. Заброшенный текущий архив; потеря штатных единиц; формаль-

ная декларация при подготовке и проведении торжеств, связанных со 100-летием алтайского общественного краеведческого движения, т. е. 100-летием собственного филиала. И, как венец потерь, формальное проведение отчетно-выборной филиальской конференции (апрель 1990) и «выборы» ученого совета филиала — без делегатов от Горно-Алтайского и Бийского отделов, без их представителей. Круг замкнулся.

В августе 1990 года на совещании группы активистов автор обосновал проблему возвращения к форме Барнаульского отдела. Дело вовсе не в формуле «сам себе хозяин — никого других не знаю, не отвечаю». Мы говорим об Обществе, оно имеет определенную форму организации. Это в первую очередь влияет на осуществление его целевых установок. В организационной форме проходит вся жизнь Общества, об этом шла речь во Введении.

Внимательно посмотрим наш устав. В начальных параграфах книги, помнится, мы подвергли анализу уставы прошлых периодов, а современный не вызывал сомнений. Параграф 35 гласит, что филиалы Общества могут быть организованы в автономных республиках и отдельных крупных географических районах страны при наличии научно-общественных сил, способных руководить деятельностью нескольких краевых и областных отделов. Имелась ли возможность у нас создать филиал? Да, имелась, формально объединялись две административных единицы и три отдела. И научные силы были и есть. Но вот что интересно: по уставу не существует «областного» или «краевого» отделов. В области (крае) может быть несколько отделов, они совершенно самостоятельны и независимы друг от друга, но они не объединяются в краевое или областное отделение Географического общества. Что же такое тогда «филиал»? Основой Общества являются отделы, они создаются где угодно при наличии 25 членов и создаются самостоятельно (не на филиальской конференции!). Отделы избирают делегатов на общесоюзный съезд, см. § 19, третий абзац: «независимо от того, входит ли данный отдел в состав какого-либо филиала или нет». Филиал в Географическом обществе СССР — уникальное структурное образование, ему фактически нет места в вертикальном построении Общества. Скажем, Ленинград. Там вообще нет ни отдела, ни филиала, в ближайших областях есть отделы, но они входят, как и Ленинград, непосредственно в систему ученого совета Общества. Теперь Московский филиал: в самой Москве нет

отдела, в ближайших областях есть отделы — они входят в Московский филиал! Получается нечто вроде межобластного отдела, но это внеуставное объединение. Правда, подобного филиала больше нет, есть такие, как наш. Но за Уралом создано Бюро сибирских и дальневосточных филиалов и отделов, центр в Иркутске (в книге об этом шла речь). Что это такое? В это Бюро формально входят филиалы и отделы Сибири и Дальнего Востока. Его кто-либо избирает? Нет, это уставное объединение для РСФСР никак не обговорено. Итак, за Уралом: филиалы (создаются из областных и краевых отделов) и отделы входят в Бюро. А это Бюро на каких правах и обязанностях входит в ученый совет в Ленинграде? Устав на подобное не отвечает. Устраняет ли проект нового устава эти недоразумения? Не только не устраняет, но, наоборот, усугубляет.

По проекту Общество перестает быть единым целостным объединением, оно является союзом географических обществ союзных республик. Это совершенно новое формирование, союз обществ, а не всесоюзное Общество. Старый устав, его § 15, гласил: «Географическое общество СССР имеет в своем составе Географические общества союзных республик, филиалы и отделы», это же говорится и в § 34. Итак, структура как будто понятная: отдел — филиал — Общество (или Республиканское общество союзной республики) — Всесоюзное общество. (Здесь, правда, выпадает такая «мелочь», как отсутствие республиканского общества РСФСР.) Но, как мы знаем, по старому уставу не вписывается структурная единица «филиал», она есть только кое-где, да и то на совершенно разной и противоречивой уставной основе.

По новому проекту признаётся полная самостоятельность республиканских обществ, в целом Общество становится союзом Обществ, вернее — ассоциацией. Но все старые структуры остаются без изменения, в том числе и филиалы, в том числе и республиканские общества — они, оказывается, также входят в структуру ученого совета. Все принципы сохраняются.

Если прочитать проект Закона СССР «Об общественных объединениях», под который попадают политические партии, а не только научные общества, то там в статье 6 сказано, что в СССР создаются и действуют (по рангу): общесоюзные (1), республиканские — союзных и автономных республик (2), межреспубликанские (3) и местные (4) общественные объединения. Таким образом, в союз-

ном обществе (например, Географическом, если оно останется единым обществом, а не конгломератом) местным объединением может быть отдел, а филиалу, как видно, здесь нет места, ибо «межобластных» или «региональных» объединений не предусмотрено. Так же, как нет места и для Бюро сибирских филиалов. Было бы желательным сделать структурной единицей Географического общества и восстановить уставное понятие подотдела. Тогда такой малочисленный отдел, как Бийский, и такое крепкое внеуставное объединение, как Рубцовская группа, приобрели бы формальные уставные права и обязанности. Речь не идет о Горно-Алтайском отделе: это национально-автономное самостоятельное объединение.

Кажется, новый устав не учитывает стремления современных научных сил к свободному, самостоятельному развитию и будет тормозом потенциальным научно-объединительным усилиям. Научные силы «местного» общественного объединения, минуя прокрустово ложе вертикальных уставных форм, смогут разумно выбрать свою линию поведения среди реальных возможностей, разработать свою концепцию и принимать решения со знанием дела, исходя из обусловленности, свободной необходимости. Этот выбор поведения исторически оправдан, а самое главное — этот выбор местного объединения будет включать моральную (научную) и социальную (бытовую, поведенческую) ответственность самого отдела в данный исторический период.

Где же выход? Каков путь? Кажется, всегда был один выход из кризисного состояния, из неустойчивости, неуверенности — это обращение к непосредственным истокам.

Можно привести устоявшийся пример преемственности цельного, неразрывности связей и обстоятельств, буквы и духа. В мировой культура утвердились легендарное понятие «корабль Тесея». Аргонавты, мореплаватели и путешественники, герои, люди своего времени, отправились за призрачным счастьем. Годы и расстояния отделяли их от возвращения на родину, за это время корабль «Арго» не раз терпел крушения, а аргонавты заменяли его составные части — мачту, весла, обшивку; не вдруг, не враз, а через годы. На родину вернулось, конечно, совсем другое судно. Но — другое ли? Аргонавты вернулись на своем судне. Целостность сохранилась.

Целостность — это Общество, связи — это поколения действительных членов. Они и составляют «целостность», они и служат «свя-

зующими кирпичиками». Истоки Общества — его действительные члены, их коллективный разум, «разум Общества», как олицетворения исторической судьбы его членов, его отделов. К ним и надо обращаться. «Настоящее время», «текущее время» — собственно и есть жизнь, есть история, есть, как говорил Г. Гегель, вечность. И только оно истинно. Время дает оценку настоящему, оно растворяет представления прошлого и настоящего, границы исчезают — история возникает на лету в каждый данный момент.

«Славное географическое» на современном этапе

В течение последних двадцати лет в среде краеведов и географов Алтая обсуждалась необходимость публикации рукописи Алексея Дмитриевича Сергеева «Славное географическое». Определенные обязательства по отношению к работе Алексея Дмитриевича испытывали члены Русского географического общества, поскольку она посвящена истории формирования общественной географической организации на Алтае, в разные годы носившей различные названия, объединявшая людей, идеалы и принципы которых совпадают с целями и задачами деятельности Русского географического общества, направленными «на всестороннее изучение родной земли и людей ее обитающих».

Объединение краеведов и географов Алтайского края сыграло заметную роль в изучении и развитии региона. Начало географической науке на Алтае положено в 1891 г., когда представителями местной интеллигенции при активном участии политических ссыльных было создано «Общество любителей исследования Алтая», 24 марта 1902 г. преобразованное в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Алексей Дмитриевич подробно описал историю перехода алтайских краеведов в Географическое общество. Интересно, что присоединение алтайских краеведов к отделу в качестве подотдела происходило с сохранением устава Общества любителей исследования Алтая. С 1917 г. Общество стало называться «Алтайское государственное географическое общество», а позже в него вошли Горно-Алтайский и Бийский отделы.

С первых лет своего существования Отдел развернул обширную экспедиционную, издательскую и просветительскую деятельность. Исследования, проводимые его членами, внесли большой вклад в изучение Алтая и других сибирских регионов. Об этом свидетельствуют многие исторические объекты, факты, публикации и документы, хранимые в Государственном архиве Алтайского края, а сама тематика исторической деятельности Отдела (впоследствии — Отделения) — предмет отдельного исследования.

Алексей Дмитриевич, работая над книгой, стремился осветить столетие в жизни Алтайской организации Русского географическо-

го общества. Автор успел довести повествование только до 1978 г. Последующие годы были отмечены целой чередой перемен в жизни страны, которые отразились на деятельности Общества.

В конце 2009 г. свое покровительство Русскому географическому обществу предоставил президент РФ В. В. Путин, возглавивший попечительский совет; президентом избран С. К. Шойгу, началась эпоха «ренессанса» организации. Русское географическое общество стало флагманом научно-общественной жизни страны. В 2010 г. региональным отделениям РГО предписано вести свою деятельность в соответствии с уставом Общества, дополненным новой редакцией в 2015 г., утвержденным на XIV и XV съездах Общества. В 2012–2015 гг. были воссозданы региональные отделения во всех субъектах Российской Федерации (сейчас имеется 85 региональных и 158 местных отделений). Руководство Общества уделяло много внимания системе региональных отделений и поиску новых форм взаимодействия между ними, что способствовало активизации работы и позволило выйти на траекторию устойчивого роста.

Не осталось в стороне от общих тенденций Алтайское краевое отделение Общества. В октябре 2013 г. оформлен юридический статус Алтайского отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Указом губернатора Алтайского края А. Б. Карлина создан попечительский совет Алтайского отделения РГО, утверждены его состав и положение. Помимо организационной, значительно изменилась издательская деятельность. Труды членов РГО периодически выпускались на протяжении 60 лет в г. Бийске. С 2013 года благодаря энтузиазму членов Бийского отделения, сотрудников Института водных и экологических проблем СО РАН и заинтересованных коллег выпущен обновленный сборник статей «Известий Алтайского отделения Русского географического общества». Совет Отделения принял решение о создании научно-редакционного совета и регистрации периодического издания «Известия АО РГО», в связи с этим существенно расширились направления издательской деятельности. Ежегодно проводятся научно-краеведческие конференции и публикуются их материалы, посвященные памяти членов РГО, внесших существенный вклад в развитие географических исследований на Алтае.

Важным направлением работы стали различные образовательные и просветительские проекты («Уроки чистой воды», «Моя точ-

ка на карте», «ГеографиЯ», «Откроем край заново. Вместе!», «Я — географ», «Чистые родники Алтая» и др.). Помимо общепринятых подходов — проведения конкурсов, аудиторных и полевых занятий, краеведческих экспедиций, профильных выездных школ — активно применяются современные информационные технологии. Алтайское краевое отделение Русского географического общества с целью структуризации и систематизации накопленных материалов инициировало создание информационного портала, интерактивных образовательных ресурсов («Алтайский край — 360», «Топ уникальных объектов Алтайского края», «Интерактивная география», «Интерактивный атлас Алтайского края»).

Отделение принимает активное участие во всероссийских и международных просветительских проектах. Более 8 тыс. жителей края стали участниками образовательной акции «Географический диктант». Благодаря выставкам, организованным членами Отделения в городах Бийске и Барнауле, около 4 тыс. человек познакомились с работами фотоконкурса РГО «Самая красивая страна». При грантовой и попечительской поддержке в Отделении возобновлены краеведческие экспедиции. Особое внимание уделяется участию в них молодежи и школьников.

В 2017–2019 гг. в рамках природоохранного проекта «Чистые скалы — достояние Алтая», имеющего целью реабилитацию туристически привлекательных природных объектов Алтайского края, более 3 тыс. м^2 скальных образований на территории Алтайского, Змеиногорского, Смоленского, Советского, Солонешенского, Красногорского, Курьинского, Краснощековского, Чарышского районов были очищены от надписей.

Несмотря на многочисленные успехи и достижения Алтайского краевого отделения Русского географического общества, многие вопросы, связанные с деятельностью РГО, остаются дискуссионными. Требуют глубокого осмысления события, происходившие в Алтайском краевом отделении РГО в первые десятилетия нового века. Однако это уже материал для второго тома книги «Славное географическое». Кто станет ее автором? Ответа на этот вопрос пока нет… Время дает оценку личностям и событиям.

Ирина Владимировна Архипова

Именной указатель

А

Абрамов 37
Абрамович Д. И. 310, 321
Адаменко О. М. 316
Адрианов А. В. 21, 32, 36
Азадовский М. К. 192, 196
Айдаров В. Л. 175
Акарачкина Л. К. 346
Акезин Н. Н. 328
Аксенов 61
Акуленко Ю. Н. 336, 339, 343, 345, 357, 362–365, 373, 377
Алентова А. В. 209
Анненков П. В. 158
Анохин А. В. 241, 265
Анучин Д. Н. 243
Арефьев В. С. 324, 343, 344, 356, 357, 373, 374
Артамохина В. В. 330
Астахов А. Ф. 238
Афанасьев Л. Л. 263

Б

Багаев К. Е. 239
Баева-Семенова Е. К. 232
Баитов Г. Б. 202
Бакшт Ф. Б. 316, 334, 341, 369
Балахнин Н. М. 212
Баранский Н. Н. 77–80, 144, 160
Барсов М. К. 37
Барсуков А. Ф. 75, 224
Башлаков Я. К. 311, 316
Башмакова А. Я. 263
Башмаков В. И. 263
Беднякова О. Н. 209, 210, 215, 220
Бедрин С. П. 61
Безшанкин С. 120
Белышев Б. Ф. 310, 312
Берг Л. С. 253, 293
Березовский А. Ф. 221
Березовский Е. П. 243, 274
Беэр Л. Г. 282
Билль 189
Биль Н. И. 87
Бирюков Я. 153, 202
Биснек Р. Р. 222
Блюдухо Н. Ф. 232, 242
Блюхер В. К. 217
Бобков И. Ф. 33
Бобятинский А. А. 54, 59, 90, 93, 94, 159
Богатырев Н. Н. 204
Богданов Д. П. 156
Богословский В. Н. 66
Болдырев В. К. 54, 56, 63, 65, 82, 95, 103, 124, 174, 186, 193
Бондарев А. Я. 335, 336, 338
Бондаренко П. М. 316
Борзов А. П. 209, 215
Бородавко В. Г. 330
Бородаев В. Б. 366
Бородкин П. 302, 304
Бородкин П. А. 301
Бочарова Г. И. 324
Бояринцев Ф. С. 20, 304, 324, 344–350, 362
Бояршинов С. П. 220, 221
Брежитский А. А. 212
Брострем К. И. 121
Булавас А. С. 154
Булгаков Б. В. 357
Булыгина Л. П. 331
Буров А. И. 359
Бутенко Н. П. 93
Буторин В. Е. 209, 213, 266
Буштедт В. А. 209, 213, 215, 217, 272
Бушуев И. И. 66, 272
Быков Б. М. 23, 76, 77, 121, 144, 190, 191, 235, 252, 260, 265, 272–274, 320
Бялецкий Ю. 197

В

Вагин Г. 241
Вараксина Т. И. 18
Василенко В. А. 353

Васильченко Г. В. 324, 336, 340, 343
Введенский Н. Д. 66
Вейнберг 240
Велижанин А. П. 220, 228, 229, 231, 232, 235, 237, 238, 239, 241–243, 250, 252, 260, 274, 279, 280, 282, 283
Велижанин Г. А. 238, 274, 279
Великолюд С. М. 54, 59, 82
Вербицкий В. И. 55
Верещагин В. И. 20, 22, 49, 110, 111, 116–118, 130, 144, 176, 177, 199, 200, 201, 205, 209, 211, 215, 217, 220–224, 228, 241, 244, 249, 250, 252, 262, 265, 266, 274, 286–288, 302, 303, 325, 326, 333, 376
Верещагина В. 220
Верещагина И. В. 18, 288, 304, 323–325, 327, 328, 339, 357, 376
Веронский А. Ф. 224
Вершинин В. М. 284
Веселов Ю. Н. 346
Вильбург А. И. 51
Винокуров Ю. И. 17, 325, 329, 330, 335, 339, 340, 343, 344, 353, 355, 357, 359, 362, 363, 374, 376, 378, 381
Витте С. Е. 102
Витте С. Ю. 149
Вифлеемский Я. Д. 66
Вознесенский А. В. 162
Войков И. К. 41
Волков А. Ф. 364
Волков Е. Н. 180, 181
Вольский В. А. 224
Воронин Л. В. 330, 343, 344
Вторых Н. М. 238, 253, 254, 256, 265
Выдрина К. И. 288
Выдрин И. П. 47, 76, 121–127, 161, 163, 179, 180, 190, 238, 288
Вышивкин Д. Д. 336

Г

Галанин В. Н. 170, 172, 182
Геблер Н. 281
Геблер Ф. В. 15, 30, 31, 141, 154, 281
Гельмерсен Г. П. 15, 30, 31
Георги И. 179
Герасимов Б. 235
Гмелин И. 179
Гнатченко И. П. 336, 353
Голанин В. С. 111
Головачев А. М. 52, 86, 87, 96, 106, 157, 272
Головачев Д. М. 64, 65
Голубев П. А. 202, 261
Голубинский Е. Е. 26
Голышев П. 83
Горбунов Д. Г. 324
Горетовский И. 129
Гребенщиков Г. Д. 47, 162, 165–168, 201
Гришаев В. Ф. 147, 282
Грязнов Г. В. 95
Грязнов М. П. 116, 266
Гуляев Н. С. 20, 47, 59, 63, 76, 82, 89, 96, 144, 162, 198, 203, 281, 300
Гуляев С. И. 15, 20–22, 35, 39–41, 44, 59, 87, 96, 115, 132, 145, 146, 159
Гумбольдт А. 169
Гущин И. 286

Д

Давидович-Нащинский Н. И. 108, 146
Давидович С. Н. 271
Данилов Н. П. 359
Данильченко Е. Н. 295
Двоскин Б. Я. 335
Демин А. И. 343, 344
Добрынина Ф. Г. 343
Добрынина Ф. К. 344, 373
Добрынин Б. Ф. 213, 214
Добрынин В. Д. 376
Добычин В. Е. 238
Докучаев В. В. 124
Долгоруков В. А. 155
Долнаков А. П. 357, 366, 369
Дорошенко А. Т. 63, 64, 66, 157
Достоевский Ф. М. 108
Дрозжилов П. А. 236, 242
Дудоладов А. Е. 39, 62
Душинская Г. В. 324

Е

Евсеев Е. С. 238
Егоров Н. Н. 312
Ендрихинский А. С. 335, 338
Ерошкевич Н. 301, 304
Ершов А. И. 210, 225
Ешин Л. П. 189, 281

Ж

Жемчужников Н. А. 90
Журавлев 210
Журина Н. И. 48
Журин Н. И. 44–51, 96, 154, 156, 180, 193

З

Завьялов 37
Залесский А. П. 170
Залесский И. М. 238, 270
Залесский П. М. 238, 252, 266, 267
Залесский С. М. 238
Зарубин В. М. 224
Засс Г. В. 111
Засс Ф. Е. 44, 47, 50, 58, 63, 96, 127, 129, 168, 171
Зверев Д. И. 22, 37, 75, 77, 82, 111, 168, 170, 179, 180, 186–188, 194, 201, 204, 209, 211, 214, 215
Зверев М. 273
Зимин В. Т. 84
Зобачев И. Г. 209, 210, 215, 217, 219–221, 225
Зобнин Н. М. 57, 190

И

Иванова З. Я. 328
Иванов К. А. 209, 215, 219
Иванов С. И. 203
Ивановский Л. Н. 323
Ивановский С. 19
Ивачев П. 83
Игнатов И. И. 64, 91
Игнатов П. Г. 20, 21, 88, 90–92, 103, 116–119, 199
Иностранцев А. А. 94, 96
Иоганзен Б. Г. 310, 336
Иоганзен Г. Э. 200
Ирисов Э. А. 341, 343, 377
Ирисов Э. И. 357
Исаков Л. Г. 301
Исаков С. 284
Исаков С. И. 209
Истомин 189

К

Кадиков Б. Х. 311, 316
Казаков М. К. 142
Казаков П. Е. 316
Казанский П. А. 20, 210, 226, 249, 262, 265, 266, 268, 274, 276, 281, 283–287, 302
Казанцев А. П. 82
Казаринов И. И. 54, 59
Казнаков Н. Г. 33
Калашников Е. М. 209
Калинина И. П. 327
Камбалов Н. А. 301, 302
Караваева А. 282
Карпинский А. М. 31
Карпинский В. А. 44
Катанаев Г. В. 32
Каташ С. С. 322
Катушонок М. Г. 372
Каугдан А. 202
Кауфман А. А. 52, 57, 58, 61, 65
Качеев И. М. 300
Качка М. 282
Качка С. 282
Каштанов А. 349
Кащенко Н. Ф. 174
Кеннан Д. 38, 39
Клевакин Е. П. 20, 54, 55, 148–153, 157
Клеменц Д. А. 21, 22, 32, 33, 36–38, 40, 51, 52, 57
Кобылин А. В. 156
Ковалевский Е. П. 15
Козлов А. И. 40, 41
Козлов В. Г. 327
Козлов В. Н. 232, 238
Козлов П. К. 20, 229–234, 237, 239, 249, 298

Колубанский Г. М. 170
Колчин Н. А. 357
Комаров В. 23, 273
Конзычаков Л. А. С. 238
Коптев А. Б. 31
Коробкова Г. В. 325, 329, 335, 336, 339, 343, 359, 376
Коробов В. И. 324
Коровай Л. Л. 224, 228, 233, 235
Коровин Л. С. 353
Короленко В. Г. 194
Костенко Ю. М. 324
Котельников В. 299
Красноусов А. М. 241, 255, 256, 260
Кривоносов Б. М. 341
Кривчиков А. В. 341
Крылов П. Н. 159, 176, 249, 286
Крюков А. С. 304, 310, 312, 316, 317
Кублицкий-Пиоттух А. Ф. 91, 92, 96, 103, 104, 107, 110–113, 116, 129, 171, 173, 176, 186, 272
Кукие С. 304
Куклин М. А. 165, 198, 210, 220
Кулибин А. 322
Куминова А. В. 312, 316, 335
Кунаева Н. Д. 324, 325
Купфер А. Я. 169
Купферштейн Л. И. 232, 235
Куракин А. Ф. 312, 320
Курин 186
Курский М. О. 164, 209
Кучин А. П. 310, 312, 319

Л

Лавров А. И. 200
Ланцов В. И. 356
Лариков Г. Р. 296, 297
Ларин М. М. 238
Латышев 37
Лаук Н. И. 324
Лебедев А. М. 359
Лебедев Ю. 372
Ледебур К. 169
Леубе И. 182
Литке 50
Ложкина Л. Н. 320
Ломоносов М. В. 182
Лубяных И. И. 170
Лузгин Б. В. 340, 341
Лузгин Б. Н. 338
Лукин А. Г. 90
Луначарский А. В. 230, 235, 242, 253
Любарский А. Д. 238
Ляпустин А. А. 232

М

Майза Н. П. 91
Макушин П. И. 95
Малеев В. А. 223
Малешевский П. С. 117, 160, 170
Малов О. Н. 324
Малолетко А. М. 316, 319, 323–326, 331, 343, 353, 355, 357, 359, 366, 373, 374, 377, 378
Мальков Р. А. 311, 312
Малюков Н. 219
Мамонтов В. Н. 201
Марков Н. М. 126
Мартини Л. Л. 47, 57
Маслов Л. Л. 203
Меллер-Закомельский В. В. 176
Мельник И. С. 202
Мельников А. И. 327, 357
Менделя Е. Я. 359
Мерзликин А. В. 300
Мерзликин Ф. И. 209
Мещеряков А. П. 66
Милюков Н. 214
Миролюбов Н. Ф. 59, 82, 106, 145
Миротворцев К. Н. 145, 272
Михайлов В. П. 137, 162, 181, 186, 198
Мозжухин М. Г. 264
Монюшко В. П. 198, 209
Монюшко Д. 213
Морякина В. Г. 328
Мосалова 344
Мосалова Л. М. 343
Москвин А. В. 95
Моцартов 210
Мутуева Е. Г. 326

Мякишев К. Г. 120

Н

Наумов Н. М. 131, 135
Небольсин П. И. 15
Недзвецкий А. Н. 44, 54, 59, 82, 159
Неустроев С. С. 20
Нечаев 210
Низовой П. Г. 225
Никифоров В. Ю. 334
Никифоров С. Я. 91
Никонов В. Н. 285
Новиков 164
Новиков-Прибой А. С. 225
Новогонский А. А. 156
Носков В. И. 354
Носович И. Ф. 181
Няшин Г. Д. 19, 261, 266, 273, 274, 281–283, 286, 288
Няшин Л. 282

О

Оберт А. С. 282, 324, 336, 343, 346, 362, 377
Обручев В. 55, 161
Оводов Н. Д. 331
Овсянкин И. Е. 55, 63, 64, 66, 84, 157, 187, 190, 194, 202, 272
Овчинников А. И. 264
Овчинников В. И. 353
Овчинников Н. Л. 144
Овчинников Н. Я. 37, 76, 77, 81, 125, 144, 164, 165, 175, 199, 272
Окладников А. П. 331
Орнатский П. В. 189
Осипов А. И. 222
Осколков А. И. 324
Островзоров 210
Остроумов В. М. 306, 311, 312, 315, 317, 319
Осьмушкин В. С. 357, 374

П

Палкин М. И. 210
Палкин М. Н. 226, 236
Палкин М. П. 215, 217, 220, 228
Паллас П. С. 55
Панаев Г. И. 319
Парамонов А. Г. 241, 256
Паромонов М. Г. 238
Парфенов П. С. 217, 269
Пашинин Н. И. 358
Певцов М. В. 32
Переладова Е. П. 357
Перетолчев К. П. 266
Петинов Н. С. 349
Петренко П. 286
Петров А. 273
Петункин Н. И. 335
Пилипенко П. П. 177, 201
Питтер Т. М. 320, 321
Платонова Е. М. 48, 95
Платонов И. К. 58, 65, 95
Плотников В. А. 238
Покровский Е. И. 252
Полетаев В. 273
Ползунов И. И. 146, 183, 266
Поникаровский Д. А. 44, 47, 131, 133
Попкова С. М. 353, 355, 357, 359
Попков Н. С. 353, 355
Попов Г. С. 299
Пораделов А. Н. 331
Пораделов А. С. 20
Порошин А. И. 182
Поспелов 240
Потанин Г. Н. 21, 135, 138, 167, 197
Потапов Л. П. 318
Пранг А. 147
Пранг Ю. А. 48, 59
Процюк И. 335
Процюк И. С. 353
Пузикова Н. М. 299
Пустовайт С. А. 344
Пуховец Н. Т. 328
Пушкарев В. М. 23, 184, 266
Пушкарев Г. М. 210, 224, 273
Пушкарев Т. 51

Р

Радлов В. В. 15, 31, 180

Радыгин И. М. 343, 344
Раппопорт Г. 301, 302
Ревердатто Ю. В. 224
Ревякин В. С. 335
Реновanц И. М. 182
Речкунов К. В. 66
Рогов Г. М. 337
Родд В. Е. 232
Родд Е. Г. 117, 129, 130, 175, 176, 182, 209, 213, 214, 220, 220–222, 228, 247, 249, 252
Родд Е. И. 177
Розанов П. 224
Розен М. Ф. 20, 304–306, 311–315
Розоноер И. М. 90
Розоноер С. М. 90
Ростовский А. О. 76, 137
Ростовский З. И. 55, 122–126
Руденко С. И. 266
Рыбаков 210
Рыжковский М. И. 330, 357
Рылова Е. П. 95
Рымарь В. Л. 359
Рясик А. 301, 302

С

Сабинин Л. Х. 106
Сабуров С. 120
Савельев Н. Я. 20, 301, 302, 302–304
Самаров В. М. 335
Самойлов С. В. 108
Сапов В. 361
Сапожников В. В. 20, 162, 240, 249, 250
Свисткова А. М. 311
Севастьянов В. В. 324
Севостьянов К. Р. 353, 377
Сегедей А. 143
Селедцов Н. Г. 272, 316, 319
Семенов Б. С. 220, 221, 223, 233, 233–235, 238, 239, 240, 241, 253, 271, 274
Семенов П. П. 91, 92, 102, 103, 104, 107, 107–109, 113, 185, 291
Семенов-Тян-Шанский П. П. 15, 20, 109, 110, 376
Семенов Ф. И. 232, 234, 241
Семовский В. И. 52
Семьянов П. Е. 20, 144, 179, 224
Сергеев А. Д. 18, 275, 300, 323–325, 327, 331, 340, 343–347, 366, 372, 378
Серышева В. Н. 224, 227
Серышев И. Н. 209–213, 215, 217, 218, 220–222, 225–228, 240
Сибиркин Ф. А. 223, 357
Сидоренко М. Н. 317
Сидоркин Н. Г. 300
Сизиков А. И. 357
Словцов П. А. 31, 32, 33
Смолин В. А. 324
Собанский Г. Г. 335, 336
Соболев П. М. 191
Соболев П. Н. 47, 51, 56
Соколов Н. Н. 111, 159, 177, 209, 213, 217, 220
Солдатов В. В. 159
Соловов В. П. 359
Сопко И. И. 353, 357, 373
Спасский Г. И. 15, 31
Степанская Т. М. 366
Стерлигов Н. В. 172
Столяровский К. А. 66
Стрельцов 62
Судейкин Г. С. 232
Сулим Д. Г. 215, 219
Сулин А. Я. 190
Суриков В. В. 224, 227, 240
Сурин М. А. 252
Сухова Н. Г. 50
Сухов П. Ф. 300
Сухотин 105
Сушкин П. П. 198

Т

Таскин Н. И. 252
Топоров А. М. 19, 121, 189, 227, 284–286, 285, 286, 303, 376
Торопынина Л. В. 174
Трегубов Н. Н. 80
Тренихин П. Д. 91
Тринитатский П. Ф. 187
Тронов Б. В. 237

Тронов В. 58, 59, 141
Тронов М. В. 162, 310, 346
Тросс В. Л. 355
Трусов М. И. 238
Туболь В. 296
Тупицин Л. Г. 40
Тупотилова А. Н. 316
Тыжнов И. И. 134–140, 179, 199, 200, 204, 272
Тюменцев Г. К. 201

У

Уманский А. П. 300, 302, 303, 322, 324, 325, 331, 343, 344
Усачев Ю. К. 320

Ф

Федотов В. С. 316
Филев Е. К. 156
Филиппов К. Г. 242
Филов В. 302, 304
Френкель К. Л. 223, 227
Фролов А. А. 264
Фролов П. К. 183
Функ Д. Е. 66

Х

Харкеевич Ф. Н. 252
Хацкель С. М. 297
Христофоров С. Х. 175

Ц

Цехановская Н. А. 319, 336, 340, 341, 343
Цикунова В. И. 327
Циммерман А. М. 181

Ч

Чайгин П. П. 47
Черкасов Л. А. 271
Четошникова А. В. 336
Чихачев П. А. 15, 30, 31, 179
Чудинов Д. 246
Чудновский С. Л. 21, 38, 39
Чупин П. О. 154, 156, 180
Чупров А. А. 186

Ш

Шадчиков А. А. 163
Шалаев 210
Шапошников А. И. 181, 260
Швецов М. В. 48, 191
Швецов С. П. 19, 21, 38, 47–51, 54, 55, 59, 61, 82, 83, 96, 143, 160, 186–188, 191–196, 203, 272, 273, 331
Шебко 46
Шерр Н. Б. 95, 160, 187, 188, 189, 194
Шерстобитов В. Г. 187
Шерстобоев Е. Т. 126
Шестаков В. 58
Шестаков М. А. 33, 189
Шмурло Е. Ф. 21
Шокальский Ю. М. 23, 273, 293
Шпурре Э. Ф. 315, 319
Штильке В. К. 44, 59, 82, 147–149
Шубин А. 19
Шукшин В. М. 120
Шумаков Б. Б. 349
Шумин А. И. 209

Щ

Щуровский Г. 31, 180

Э

Экшибаров В. И. 209
Эльснер 58

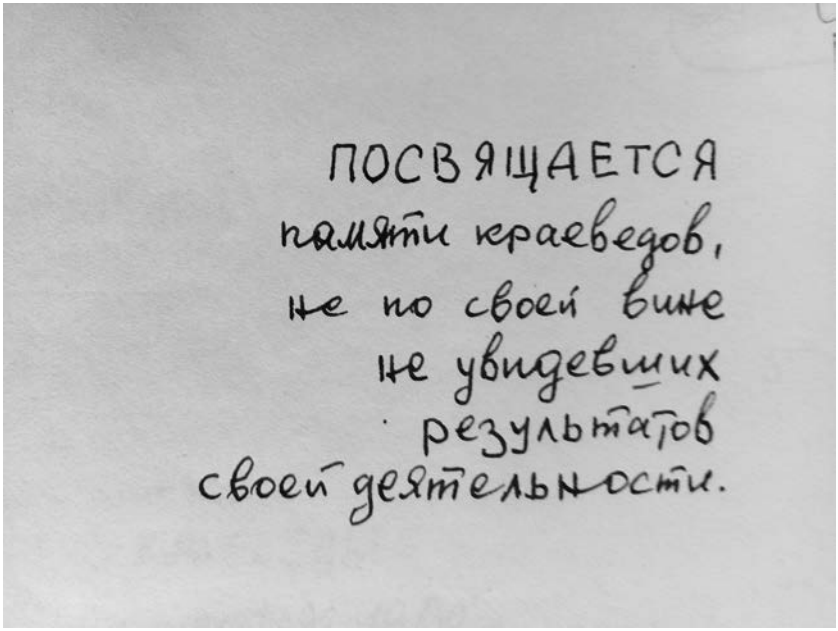
Ю

Юдалевич М. 301
Юферов А. И. 238
Юхнев П. М. 19, 47, 55, 136, 137, 143, 144, 188, 203, 236, 260, 272, 273, 283, 320

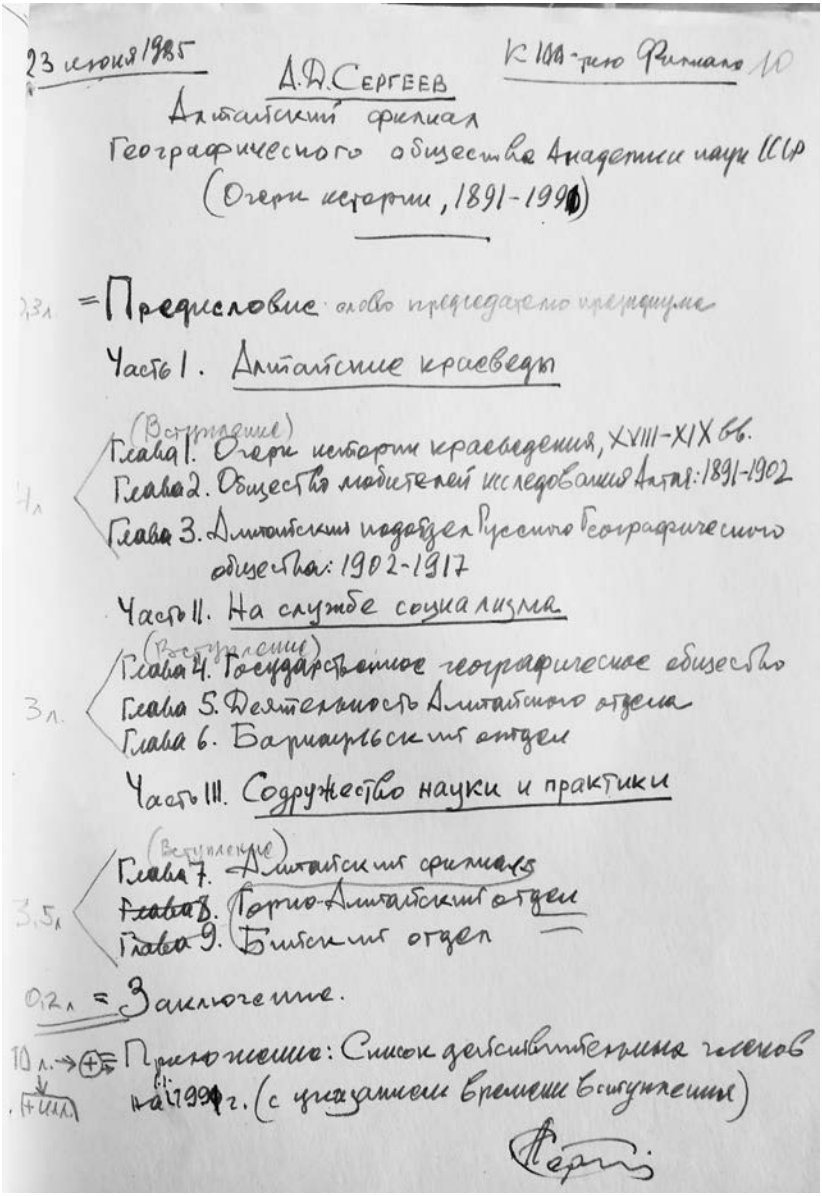
Я

Ядринцев Н. М. 21, 32, 35, 42, 98, 131–133, 138, 142, 186, 194
Языков А. М. 354
Яковлев Е. Г. 154
Ялбаков Н. В. 297

Приложения



Эпиграф к книге. Из рукописи. Рукопись. ГААК. Ф. Р. 1781. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.



23 июня 1985 А.Д. Сергеев К 100-лет Филиала 10

Алтайский филиал
Географического общества Академии наук СССР
(Очерк истории, 1891-1991)

2,3 л. = Предисловие слово председателю президиума

Часть I. Алтайские краеведы

(Вступление)
4 л. Глава 1. Очерк истории краеведения, XVIII-XIX вв.
Глава 2. Общество любителей исследования Алтая: 1891-1902
Глава 3. Алтайский подотдел Русского Географического общества: 1902-1917

Часть II. На службе социализма

(Вступление)
3 л. Глава 4. Государственное географическое общество
Глава 5. Деятельность Алтайского отдела
Глава 6. Барнаульский отдел

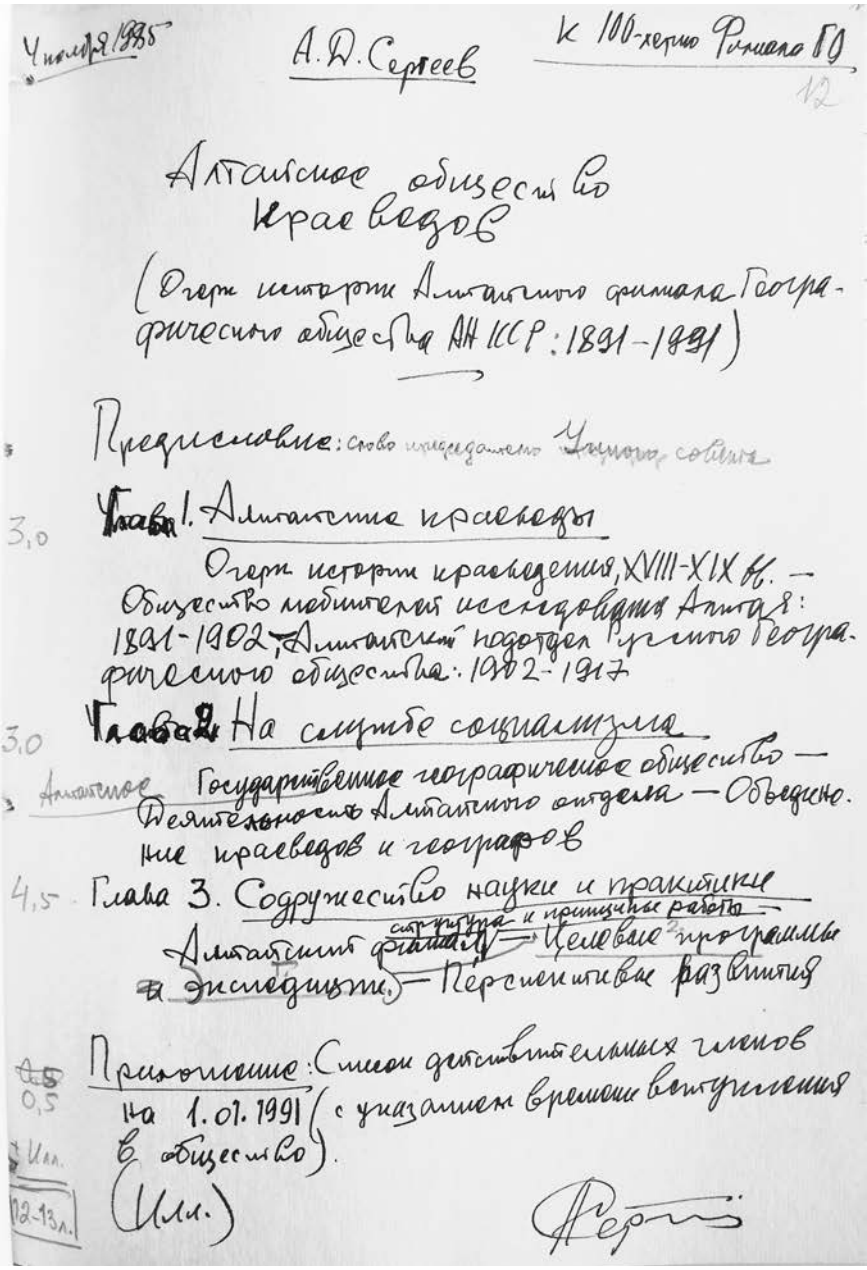
Часть III. Содружество науки и практики

(Вступление)
3,5 л. Глава 7. Алтайский филиал
~~Глава 8.~~ Горно-Алтайский отдел
Глава 9. Бийский отдел

0,2 л. = Заключение.

10 л. → ⊕ = Приложение: Список действительных членов
+ илл. на 1991 г. (с указанием времени вступления)

Содержание и название предполагаемой книги
(«АФ ГО АН СССР. Очерк истории. 1891–1991») от 23 июня 1985 года.
Рукопись. ГААК. Ф. Р. 1781. Оп. 1. Д. 15.


4 июля 1985

А. Д. Сергеев

К 100-летию Алтайского ГО

12

Алтайское общество краеведов

(Очерк истории Алтайского филиала Географического общества АН СССР: 1891–1991)

Предисловие: слово председателю Ученого совета

3,0 Глава 1. Алтайские краеведы

Очерк истории краеведения, XVIII–XIX вв. — Общество любителей исследования Алтая: 1891–1902, Алтайский подотдел Русского географического общества: 1902–1917

3,0 Глава 2. На службе социализма

Алтайское Государственное географическое общество — Деятельность Алтайского отдела — Объединение краеведов и географов

4,5 Глава 3. Содружество науки и практики

Алтайский филиал — структура и принципы работы — Целевые программы — экспедиции — Перспективы развития

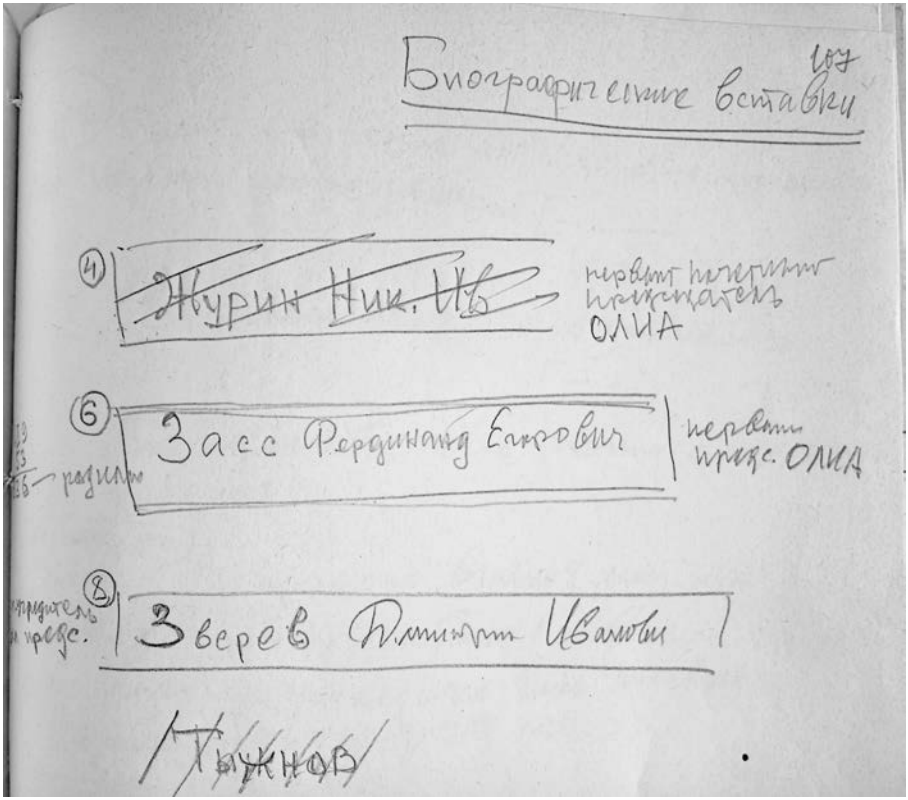
Приложение: Список действительных членов на 1.07.1991 (с указанием времени вступления в общество).

0,5 Илл.

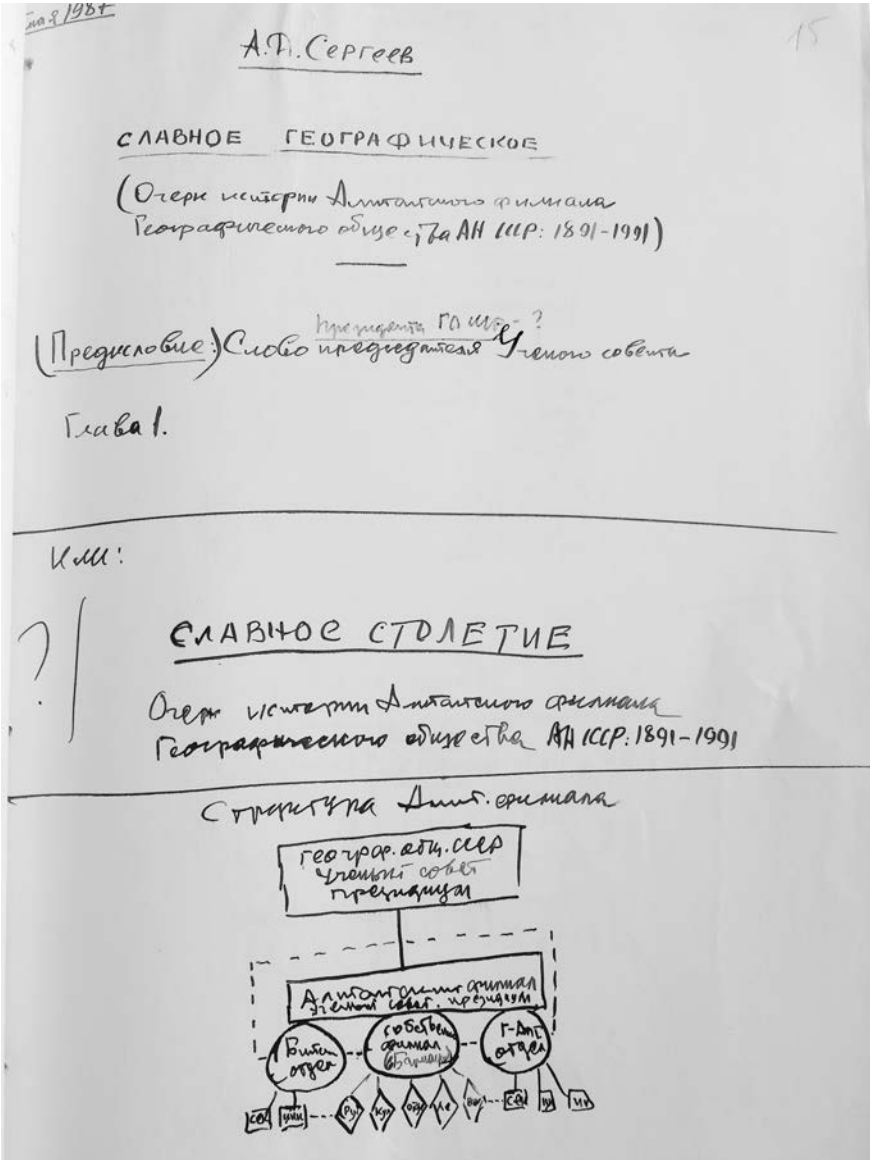
(Илл.)

12–13 л.

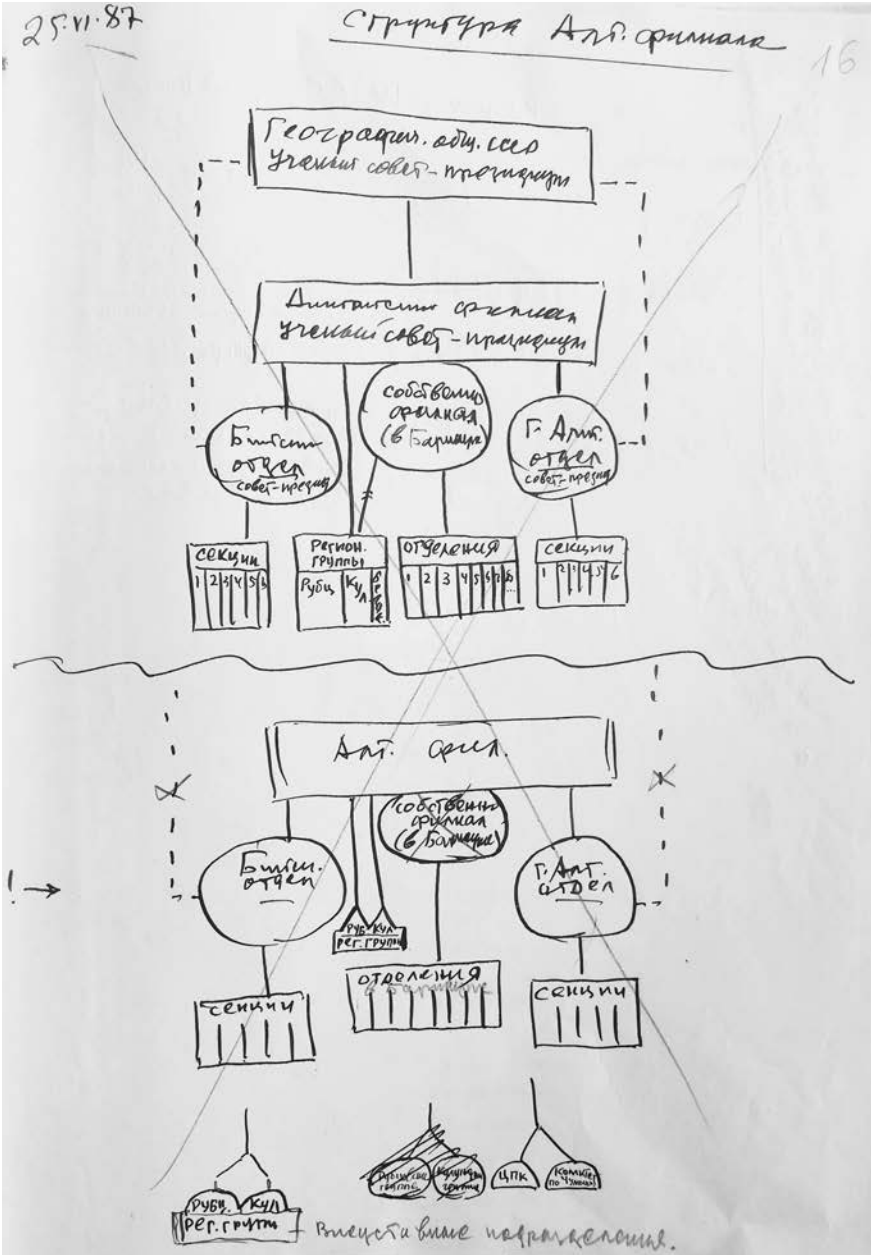
Содержание и название предполагаемой книги («Алтайское общество краеведов») от 4 июля 1985 года. Рукопись. ГААК. Ф. Р. 1781. Оп. 1. Д. 15.



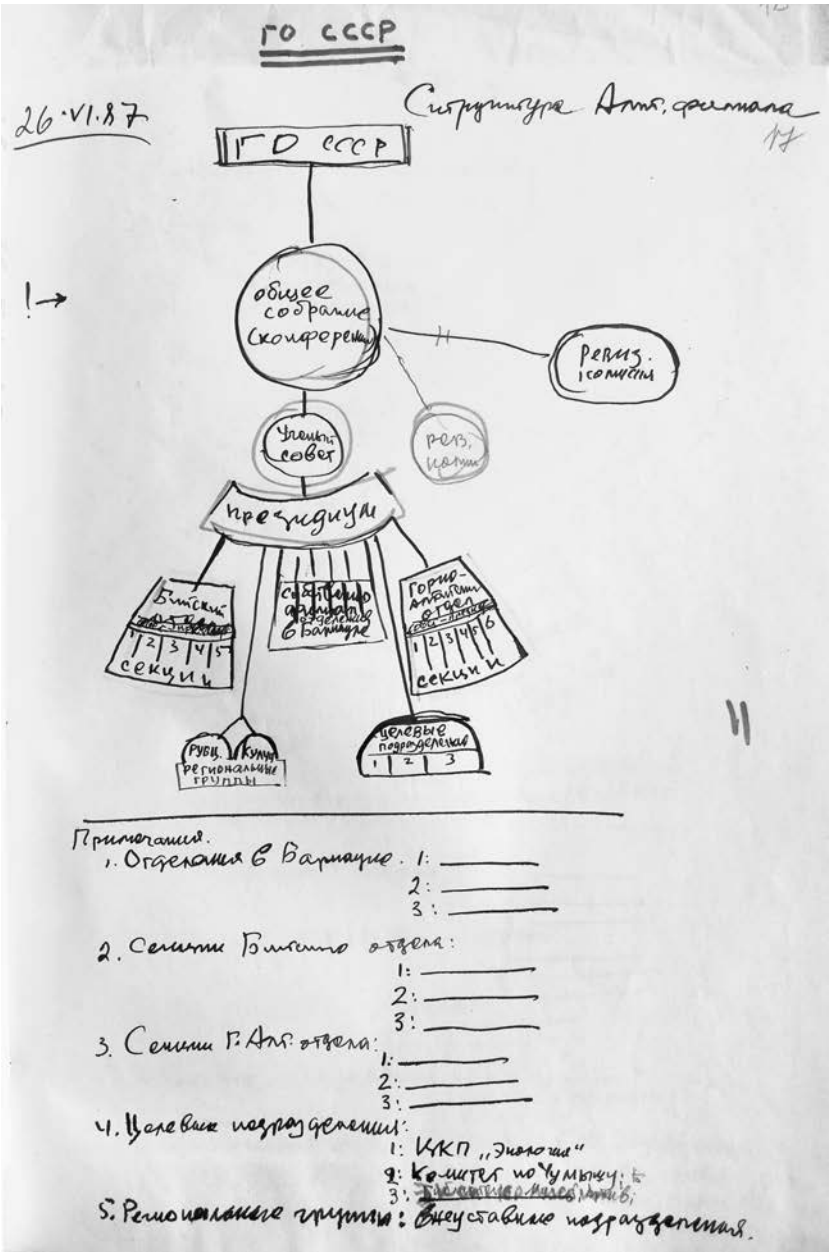
Биографические вставки [в текст монографии].
Рукопись. ГААК. Ф. Р. 1781. Оп. 1. Д. 15. Л. 107.



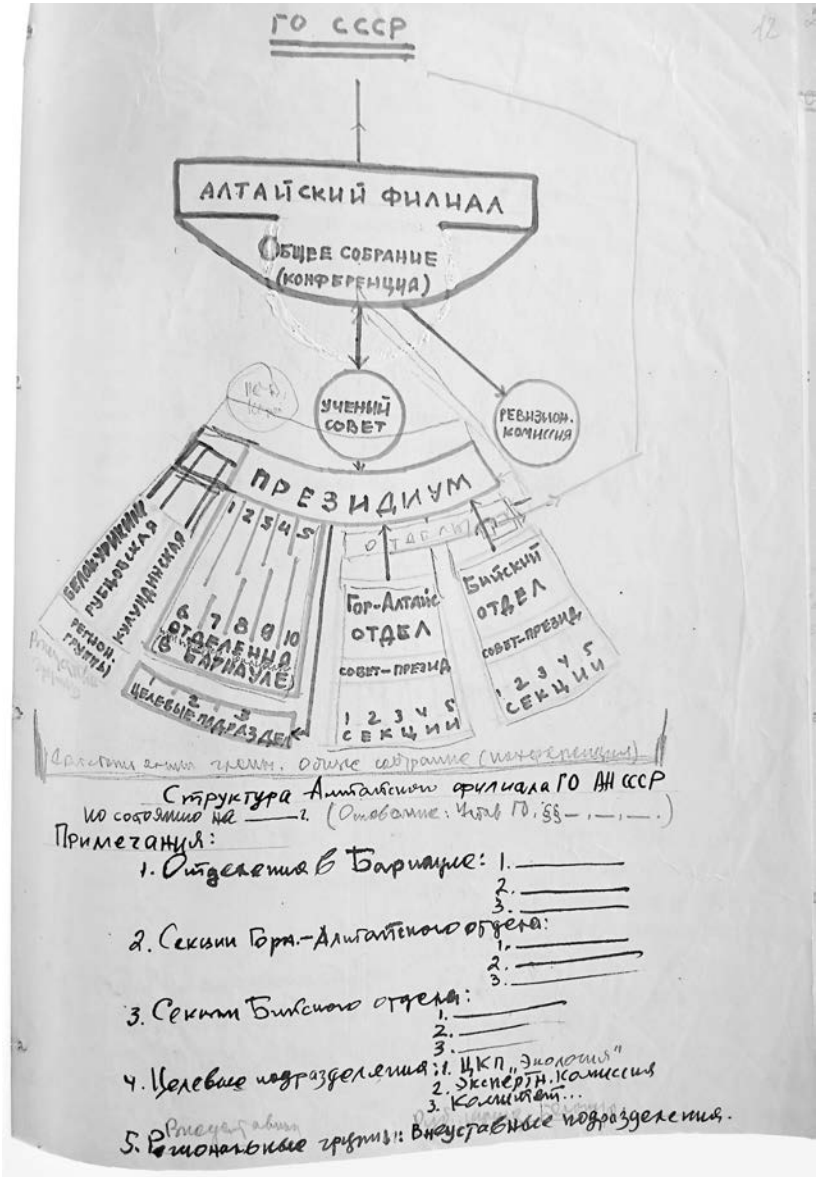
План работы с предполагаемым названием «Славное географическое. (Очерк истории Алтайского филиала Географического общества АН СССР: 1891–1991») и «Славное столетие (Очерк истории Алтайского филиала Географического общества АН СССР: 1891–1991)» от мая 1987 года. Рукопись. ГААК. Ф. Р-1781. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.



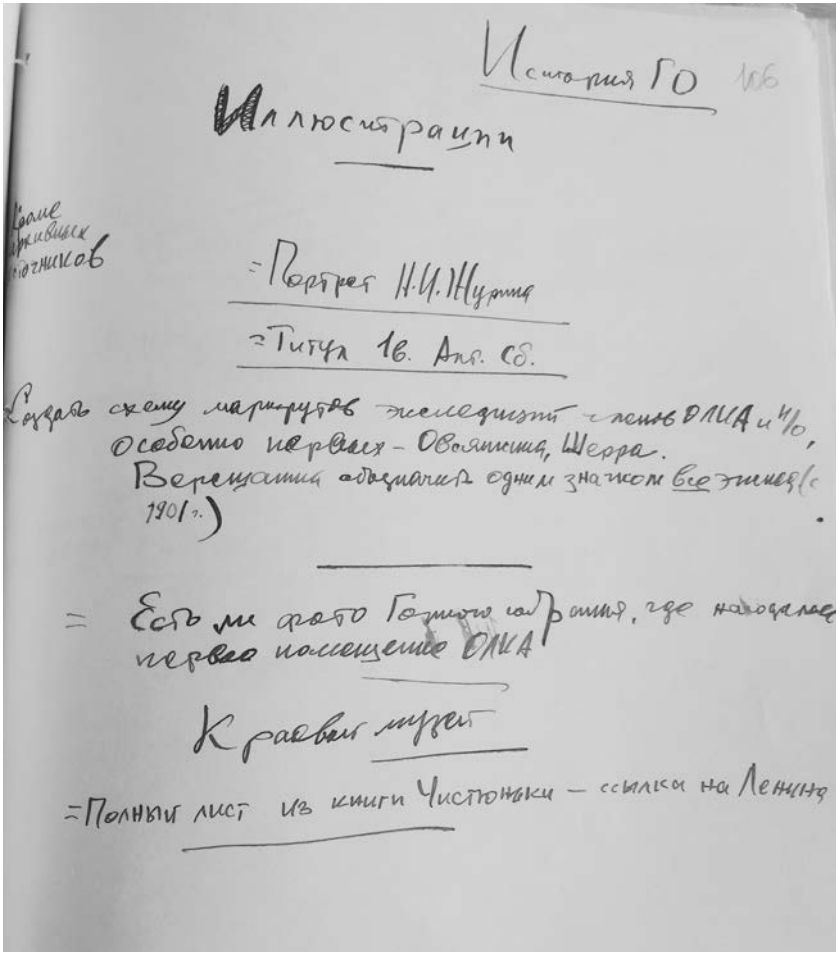
Структура Алтайского филиала ГО АН СССР (чертеж) от 25 июня 1987 года. Рукопись. ГААК Ф. Р-1781. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.



Структура Алтайского филиала с секциями в составе ГО АН СССР (чертеж) от 26 июня 1987 года. ГААК Ф. Р -1781. Оп.1. Д. 15. Л. 17.



Структура Алтайского филиала ГО СССР с отделами и отделениями (схема). Рукопись. ГААК. Ф. Р. 1781. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.



Иллюстрации. История ГО. Рукопись. ГААК. Ф. Р. 1781. Оп. 1. Д. 15. Л. 106.

Оглавление

А. Д. Сергеев и Русское географическое общество в истории науки и общественного движения Алтайского края на протяжении XIX–XX столетий: время и люди *(Т. К. Щеглова)*. 3

Введение 15

Часть первая
Алтайские краеведы 29

Глава 1
Предшественники. 1891–1902 30

Глава 2
Просветители. 1902–1917 99

Часть вторая
Общественно-научное объединение алтайских краеведов 207

Глава 3
Продолжатели. 1918–1954 208

Глава 4
Преемники. 1955–1978 291

Послесловие 380

«Славное географическое» на современном этапе *(И. В. Архипова)* . . . 386

Именной указатель 389

Приложения 397

Научное издание

Сергеев А. Д.

Славное Географическое
(материалы к 100-летию Алтайского филиала
Географического общества СССР)

Текст публикуется в авторской редакции.
В подготовке рукописи к печати, подборе иллюстраций
и научно-справочного материала участвовали
В. Г. Иванченко, И. В. Архипова, Т. К. Щеглова

Вступительная статья — *Т. К. Щеглова*

Заключительная статья — *И. В. Архипова*

Верстка *Н. Л. Васильевой*

Подписано в печать 00.00.2021. Формат 60×90/16.
Усл.-печ. л. 25,5. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ 291.

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»
Барнаул, ул. Мерзликина, 10
E-mail: azbuka@mail.ru. Тел. 62-77-25